

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 3 (69). № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2017

**Печатается по решению Научно-технического совета
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
протокол № 2 от 07 июня 2018 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Ротань Владимир Гаврилович, д. ю. н., проф. (главный редактор)
Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (выпускающий редактор)
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Таран Павел Евгеньевич, к. ю. н., к. ф. н., доц.
Донская Людмила Дмитриевна, к. ю. н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.

Подписано в печать 07.06.2018. Формат 70x100/16.

20 усл. п. л. Тираж 50 экз. Заказ № НП/175.

Дата выхода в свет 19.06.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
КФУ имени В. И. Вернадского
295051, Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://sn-law.cfuv.ru>

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ
УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ
ПРАВО**

УДК 342.76

**К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И
ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ВОЕННОГО
РЕЖИМОВ**

Адельсеитова А. Б., Аблаева Д. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Рассмотрены общие вопросы ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного и военного режимов. Проанализированы понятия и законодательное регулирование военного и чрезвычайного режимов в Российской Федерации. Определены существующие проблемные вопросы. Проанализированы точки зрения ученых-юристов по отношению к данному вопросу, выделены наиболее оптимальные и приближенные к действующему законодательству мнения. Проведено сравнение законодательства Российской Федерации и зарубежных государств по вопросу ограничения прав, выделены общие и отличительные черты. Проанализированы международные акты и мнения об особенностях ограничения: правомерность или противоправность. Определены права и свободы, ограничение которых допускается, а также те права и свободы, ограничение которых недопустимо. Выделена проблема: пробел в законодательстве в виде отсутствия принципов ограничения прав и свобод и предложены пути решения посредством введения изменений в существующие ФКЗ «О чрезвычайном положении» и «О военном положении».

Ключевые слова: военное положение, чрезвычайное положение, права и свободы граждан, ограничение, принципы введения ограничений, введение изменений, основные права и свободы.

Существующая проблема законности ограничения прав и свобод человека в условиях особых правовых режимов в связи с нестабильной международной обстановкой в современном мире является одной из наиболее актуальных проблем. Проблема возникает в связи с вопросами, насколько правомерно ограничивать человека в его правах и свободах? Не является ли конфликтом то, что для защиты прав и свобод человека эти права и свободы необходимо ограничить? Каковы пределы такого ограничения, как не допустить произвол в данной сфере и как регулируют данный вопрос нормы международного права, а также законодательство других стран? Данные проблемы неоднократно поднимались в трудах ученых-юристов: Домрина А. Н., Ализаде И. Ф., Мелехина А. В. и других. Несмотря на неоднократное обращение к данной проблеме, следует отметить, что вопросы совершенствования законодательства имеют перманентный характер и требуют особого внимания и анализа в современных глобализационных условиях.

Анализ национального законодательства позволяет констатировать, что в настоящее время условия особого режима как военного, так и чрезвычайного в Российской Федерации регулируются Конституцией РФ, а именно в пункте 3 статьи 55

определяется возможность ограничения прав и свобод в той мере, в которой это будет необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, интересов граждан и обеспечения обороны и безопасности страны. Статья 56 Конституции уточняет возможность ограничения прав и свобод граждан в условиях чрезвычайного режима, а также определяет, какие права не могут быть ограничены. Следующими нормативно-правовыми актами, регулирующими условия данных режимов, являются Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении», в соответствии с которыми *чрезвычайное положение* представляет собой особый режим деятельности органов власти, органов местного самоуправления, различных организаций, который вводится на всей территории РФ или отдельных ее территориях и влечет за собой установленные законом ограничения прав и свобод человека и гражданина, а также возложения на них дополнительных обязанностей [1, с. 15]. Такой режим вводится в связи с различными попытками насильственного изменения конституционного строя, массовыми беспорядками, мятежами, различными межрегиональными, религиозными, национальными конфликтами, ситуациями техногенного, природного характера, угрожающими безопасности граждан и нормальному функционированию органов власти [2, с. 4]. *А военное положение* – это особый режим, который вводится на всей территории РФ или в отдельных местностях в связи с агрессией или угрозой агрессии против РФ. Основаниями являются различного рода вторжения, блокада, военное нападение и прочее [3, с. 5].

Таким образом, указанные выше законы подробно регламентируют порядок введения данных режимов, причины, порядок деятельности органов государственной власти и самое важное – какие права и свободы человека и гражданина подлежат ограничению и на какой срок. Эти законы должны содержать исчерпывающий перечень ограничений. Оба закона прямо указывают на ограничение следующих прав: свобода передвижения, въезда и выезда, проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и иных массовых мероприятий, забастовок, запрещение или ограничение выбора места пребывания, места жительства, ограничение свободы печати и других средств массовой информации путем введения предварительной цензуры, приостановление деятельности политических партий и прочие ограничения. Таким образом, анализ вышеназванных ФКЗ позволяет сделать вывод, что затрагиваются и конституционные права человека, именно поэтому возникает множество споров по поводу того, насколько такие ограничения являются правомерными и необходимыми [7, с. 145]. Так, по мнению Т. Н. Нешатаевой, принцип верховенства основных прав человека является одним из важнейших общеевропейских принципов естественного права. То есть, по ее мнению, такое ограничение является нарушением [14, с. 75]. По мнению Т. Я. Хабриевой и В. Е. Чиркина, не существует абсолютных прав и свобод, все они могут быть ограничены, а «в условиях чрезвычайных ситуаций осуществление субъективных конституционных прав может быть приостановлено» [15, с. 87]. Именно такая позиция, согласующаяся по своему содержанию с положениями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, является доминирующей в современной юридической литературе [10, с. 118].

Данные ограничения во многом законны, но иногда экономические, политические интересы преобладают над защитой прав и свобод человека и гражданина. По

этим причинам возникает вопрос о защищенности человека от возможного злоупотребления со стороны государства. Отметим, что главным критерием такого ограничения являются положения Конституции РФ: права человека могут быть ограничены только в той степени, в какой это дозволяется положениями Конституции [6, с. 82].

Часто на практике люди сталкиваются с дискриминацией по различным социальным признакам, что является недопустимым. Об этом сказано в статье 28 ФКЗ «О чрезвычайном положении»: меры ограничения должны соответствовать международным договорам и обязательствам РФ в области прав человека и не должны повлечь за собой какой-либо дискриминации отдельных лиц или групп населения [2, с. 10].

Вопросы ограничения прав и свобод в рамках международного права регулируются Международным Пактом о гражданских и политических правах 1966 г., в котором, в соответствии со ст. 4, допускается ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения, с соблюдением условия, что жизнь нации находится под угрозой. Для введения ограничений необходимо официально объявить о введении чрезвычайного режима. Причем ограничения не должны носить дискриминационный характер и все меры должны быть временными [5, с. 5]. Вторым международным актом, регулирующим данный вопрос, является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свободах 1950 г., ст. 15, в которой имеются аналогичные положения об ограничении прав и свобод лишь при условии соблюдения вышеназванных требований [4, с. 12]. Отметим, что данный вопрос в научной литературе рассматривается с двух позиций: с формально-юридической точки зрения такое отступление необходимо бы рассматривать как правонарушение, однако, с другой стороны, установлено, что в определенных ситуациях нарушение международных договоров не является противоправным и главным объяснением именно такого отступления является состояние необходимости, вызванное наличием определенных негативных ситуаций [12, с. 219]. Таким образом, такое отступление в виде ограничения определенных прав, при этом с соблюдением установленных требований, является допустимым, так как осуществляется для обеспечения безопасности. Но для того, чтобы такие ограничения были необходимыми, нужно соблюдать следующие требования: 1) недопустимость ограничения основных прав человека: права на жизнь, права на неприкосновенность частной жизни, права на свободу вероисповедания, права на судебную защиту, права на свободу совести; 2) принцип ограниченной продолжительности таких режимов; 3) официальное объявление чрезвычайного положения; 4) уведомление (например, Генерального секретаря ООН или Генерального секретаря Совета Европы): парламентский контроль [8, с. 76].

При анализе аналогичных положений в законодательстве других государств отмечены подобные положения.

1) В Конституции Индии 1950 г. закреплено, что во время чрезвычайного и военного положения органы власти наделяются правом издавать приказы и принимать такие законы, которые находятся в противоречии с некоторыми основными правами и свободами: свободой слова и выражения мнений, собраний, создания объединений и союзов, передвижения, свободой выбора профессии [10, с. 123].

2) В Конституции Королевства Нидерландов 1983 г. в ч. II ст. 103 говорится о том, что «объявление чрезвычайного и военного положения может повлечь приостановление основных прав личности»: права на свободное исповедание своей религии; права на свободное распространение своих взглядов; права на проведение собраний и демонстраций; права на неприкосновенность жилища; тайну переписки, телефонных и телеграфных сообщений [11, с. 154].

3) В Основном законе ФРГ, в п. 2 ст. 17-а, говорится, что законами, которые предназначаются для реализации целей обороны государства и соответственно защиты населения, может устанавливаться определенное ограничение прав: права на свободу передвижения, въезда, выезда и права на неприкосновенность жилища [9, с. 213].

Таким образом, следует отметить, что права и свободы человека и гражданина, безусловно, являются наивысшей ценностью и любая деятельность государства должна быть во благо человека [7, с. 123]. Безопасность общества должна гарантироваться и обеспечиваться и применение таких мер, как ограничение прав и свобод, в первую очередь конституционных, должно быть разумным, соответствовать установленным требованиям и принципам как национального, так и международного законодательства. На наш взгляд, путем разрешения названных проблем недопущения злоупотребления правом могут послужить законодательно закрепленные принципы введения ограничений, которые будут являться некими критериями ограничения [13, с. 82]. Эти принципы могут послужить всевозможной гарантией недопущения злоупотреблением со стороны государства в введении таких режимов и соответственно в ограничении прав и свобод человека для реализации экономических и политических интересов. Учитывая тот факт, что в названных выше законах отсутствуют данные принципы, считаем целесообразным внести изменения в раздел «Общие положения» ФКЗ «О чрезвычайном положении» и «О военном положении», где изложить принципы в следующей редакции:

1) *запрет превентивного ограничения прав и свобод* – введение ограничения прав и свобод возможно лишь при наличии реальной угрозы безопасности общества, государства и необходимости защиты;

2) *четкость установленных ограничений* – установленные ограничения должны быть четко сформулированы; не допускается произвольное толкование ограничений;

3) *соразмерность вводимых ограничений* – соответствие степени ограничения прав той общественно значимой цели, для которой вводятся такие ограничения;

4) *недопустимость дискриминации* – все равны перед законом и судом и недопустимо ограничение в правах в большей или меньшей мере по мотивам расовой, религиозной, национальной и иной принадлежности;

5) *обоснованность ограничения* – наличие прав и интересов, требующих защиты, реальная или потенциальная возможность нанесения вреда государственным и общественным интересам и невозможность защиты указанных интересов иными способами;

6) *гласность* – объявление введения чрезвычайного и военного положения, оповещение через СМИ о существующей обстановке в государстве, о предпринимаемых мерах;

7) *общий характер ограничений* – ограничения не должны носить персонифицированной направленности, их действие распространяется на каждого в рамках действующего законодательства РФ.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993), Справочно-правовая система «Консультант Плюс 2014».
2. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52163/ (дата обращения 23.11.2017 г.).
3. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) «О военном положении» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108751/ (дата обращения 23.11.2017 г.).
4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // РГ. 1995. 5 апр.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – 291 с.
6. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. В. В. Лазарев. - СПС «Гарант». – 2003 г.
7. Ализде И. Ф. Ограничения прав и свобод человека в экстраординарных условиях: теория и практика зарубежных стран // Молодой ученый. М., 2009. – 314 с.
8. Брыкин Д. М. Ограничения конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации в условиях особых правовых режимов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. – 320 с.
9. Галенпольский Ф. С. Вопросы правового регулирования ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения (на примере ФРГ) // Московский журнал международного права. М., 1998. – 340 с.
10. Домрин А. Н. Институт чрезвычайного положения в зарубежных странах // Международная жизнь, 1993. – 456 с.
11. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 3. Особенная часть. Страны Европы // Отв. ред. Б. А. Страшун. М., 1998. – 213 с.
12. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: учебник / под ред. О. И. Тиунова. М., 2005. – 608 с.
13. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. М., 1998. – 514 с.
14. Лозбинева В. В. Институт чрезвычайного положения в Российской Федерации (теория, законодательство, практика). М., 2001. – 514 с.
15. Пчелинцев С. В. Пределы ограничений прав и свобод человека в условиях особых правовых режимов : современные подходы // Журнал российского права. М., 2001. – 234 с.

Adelseitova A. B., Ablava D. S. About features of limitation of human rights and freedoms of a citizen in conditions of emergency and military regimes // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – Р. 3–8.

General questions of restriction of human rights and freedoms in the conditions of emergency and military regimes are considered. Concepts and legislative regulation of military and emergency regimes in the Russian Federation are analyzed. The existing problems are identified. The views of legal scholars in relation to this issue have been analyzed, the most optimal and close to the current legislation opinions have been singled out. Comparison of the legislation of the Russian Federation and foreign countries on the issue of restriction of rights has been made, and common and distinctive features have been singled out. The international acts and opinions on the peculiarities of the restriction are analyzed: legitimacy or wrongfulness. Rights and freedoms are determined, the restriction of which is allowed, as well as those rights and freedoms, the restriction of which is unacceptable. A problem is singled out: a gap in the legislation in the form of the absence

of principles for the restriction of rights and freedoms, and solutions are proposed through the introduction of changes to the existing FKZ "On state of emergency" and "On martial law".

Keywords: Martial law, state of emergency, citizens' rights and freedoms, restriction, principles of imposing restrictions, introduction of changes, fundamental rights and freedoms.

Spisok literaturyi:

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnyim golosovaniem 12.12.1993), Spravochno-pravovaya sistema «Konsultant Plyus 2014».
2. Federalnyiy konstitutsionnyiy zakon ot 30.05.2001 N 3-FKZ (red. ot 03.07.2016) «O chrezvyichaynom polozhenii» [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52163/ (data obrascheniya 23.11.2017 g.).
3. Federalnyiy konstitutsionnyiy zakon ot 30.01.2002 N 1-FKZ (red. ot 01.07.2017) «O voennom polozhenii» [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108751/ (data obrascheniya 23.11.2017 g.).
4. Evropeyskaya konventsiya o zaschite prav cheloveka i osnovnyih svobod 1950 g. // RG. 1995. 5 apr.
5. Mezhdunarodnyiy pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah (Nyu-York, 19 dekabrya 1966 g.) // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. – 1976. – 291 s.
6. Nauchno-prakticheskii kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii / Otv. red. V.V.Lazarev. - SPS "Garant". - 2003 g.
7. Alizade I. F. Ogranicheniya prav i svobod cheloveka v ekstraordinarnyih usloviyah: teoriya i praktika zarubezhnyih stran // Molodoy ucheniy. M., 2009. — 314 s.
8. Bryikin D. M. Ogranicheniya konstitutsionnyih prav i svobod grazhdan Rossiyskoy Federatsii v usloviyah osobyih pravovyih rezhimov: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2010. – 320 s.
9. Galenpolskiy F. S. Voprosyi pravovogo regulirovaniya ogranicheniya prav i svobod v usloviyah chrezvyichaynogo polozheniya (na primere FRG) // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. M., 1998. – 340 s.
10. Domrin A. N. Institut chrezvyichaynogo polozheniya v zarubezhnyih stranah // Mezhdunarodnaya zhizn, 1993. – 456 s.
11. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyih stran. T.3. Osobennaya chast. Stranyi Evropyi // Otv.red. B. A. Strashun. M., 1998. – 213 s.
12. Konstitutsionnyie prava i svobodyi cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii: uchebnik / pod red. O. I. Tiunova. M., 2005. – 608 s.
13. Printsipyi, predelyi, osnovaniya ogranicheniya prav i svobod cheloveka po rossiyskomu zakonodatelstvu i mezhdunarodnomu pravu // Gosudarstvo i pravo. M., 1998. – 514 s.
14. Lozbinev V. V. Institut chrezvyichaynogo polozheniya v Rossiyskoy Federatsii (teoriya, zakonodatelstvo, praktika). M., 2001. – 514 s.
15. Pchelintsev S. V. Predelyi ogranicheniy prav i svobod cheloveka v usloviyah osobyih pravovyih rezhimov : sovremennyye podhody // Zhurnal rossiyskogo prava. M., 2001. – 234 s.

УДК 347.7 : 652.612

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ

В/О «СОВФРАХТ» В 1933–1937 ГГ.

Благодатная Е. Ю.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследован процесс реорганизации деятельности всесоюзного объединения Совфрахт и, соответственно, его внутренней структуры, произошедший в 1933–1937 гг. В 1932 – первой половине 1933 Совфрахт состоял из организационно различных фирм и контор в иностранных государствах, а также нескольких фрахтовых контор в самом СССР и отдельных представителей «Совфрахт» (в Новороссийске, Архангельске и Петрозаводске). Реформы структуры этой организации начались в сентябре 1933 г., а продолжены в марте 1934 г. В ходе концентрации основной работы объединения в 1935 г. перенесли в Ленинград центр оперативной работы по фрахтованию иностранного тоннажа для Балтийского моря, также фрахтование тоннажа для других северных бассейнов на прикрепленных к Ленинградской конторе Совфрахта рынках.

В связи с дальнейшим переносом фрахтований из-за границы в СССР, в отмену приказа от 14 марта 1934 г. № 144 «О реорганизации Совфрахта», 27 мая 1937 г. вышел приказ наркомата внешней торговли СССР № 378. «О структуре В/О “Совфрахт”». Им была утверждена структура центрального аппарата В/О «Совфрахт».

Ключевые слова: структура, реорганизация деятельности, фрахт, всесоюзное объединение «Совфрахт».

Как известно, в период 1920-х гг., несмотря на предпринимаемые государством определенные усилия, фрахтование иностранного тоннажа в СССР в основном происходило бессистемно. Это приводило к тому, что советские фрахтователи зачастую конфликтовали на фрахтовом рынке, что приводило к повышению фрахтов и, в конечном счете, к убыткам [1, с. 3–13; 2, с. 3–14].

Необходимость создания единого органа по фрахтованию иностранных судов к началу 1930-х гг. стала очевидна. 28 июля 1932 г. приказом по НКВТ № 449 был утвержден устав В/О «Внешторгтранс» [3, л. 49–50].

Этим же приказом (п. 2) был утвержден устав В/О по фрахтованию «Совфрахт» [4, л. 1]. Другим приказом по комиссариату внешней торговли СССР № 451 от 28/29 июня 1932 г., с грифом «Не подлежит оглашению», было распространено короткое пояснение о данной организации [5, с. 3–14].

Важнейшим шагом на этом этапе стало принятие коллегии НКВТ постановления № 100 «Об организационных формах работы Внешторга и Совфрахта за границей», утвержденного 15 марта 1932 г. [4, л. 5–7].

В целом сеть органов и представителей, подконтрольных Совфрахту, в основном была установлена в 1932 г. и состояла из организационно различных фирм и контор в иностранных государствах, а также нескольких фрахтовых контор в самом СССР и отдельных представителей «Совфрахт» (в Новороссийске, Архангельске и Петрозаводске). Эта структура, безусловно, в последующем видоизменялась в зави-

симости от задач и форм работы Сорвфрахта, а также с учетом накопленного практического опыта. От этих факторов зависела и его внутренняя структура, которая каждый раз приспособлялась под новые условия.

Так, согласно приказу № 104 по Всесоюзному объединению «Совфрахт» 1 сентября 1933 г., его аппарат реорганизовывался в следующем виде: во-первых, ликвидировалось оперативное управление, создав вместо него три самостоятельных Директората:

а) Балтийско-Беломорский директорат, которому передавалось фрахтование по всем грузам из Балтийских и Северных портов и закреплялись три фрахтовщика. Главой этого директората был назначен Фельдбаум С. С.;

б) Хлеборудный директорат, которому передавалось фрахтование из южных портов по хлебу и руде, с закреплением за ним двух фрахтовщиков. Во главе его был назначен Коппель Д. И.;

в) директорат промышленного экспорта, которому передавались все фрахтования из Южных портов по углю и нефти; кроме того, этому директорату поручалось фрахтование судов под цемент, соль и другие генеральные грузы из Южных портов (за исключением Дальнего Востока). За ним закреплялось три фрахтовщика. Во главе этого директората был назначен Эйдерман Ю. М.

Во-вторых, ликвидировались как самостоятельные директораты: Морской, претензионно-правовой и Дальневосточный. Вместо них создавалось Морское управление, которому передавались все функции указанных выше директоратов. Кроме того, все фрахтования из Дальнего Востока и из Южных портов на Дальний Восток, а также руководство непосредственными фрахтованиями проводимыми Дальневосточной и Черноморско-Азовской конторами. Во главе этого управления был назначен Шефер М. Г. с общим составом управления 9 человек.

В-третьих, ликвидировались как самостоятельные сектора – сектор кадров, сектор проверки исполнения, административно-хозяйственный сектор и секретная часть. Вместо этих секторов создавалось административно-организационное управление, которому были переданы все функции перечисленных выше секторов, с закреплением за этим управлением 27 человек. Во главе этого управления был назначен Андреев М. С.

Главная бухгалтерия была сохранена в прежнем виде со штатом в 12 человек.

Сохранялся в прежнем виде и планово-экономический директорат со штатом в 8 человек. Однако Вайнеру, Киппену и Коппелю поручался вопрос о привлечении общественности к уточнению функций этого директората «с целью обеспечения полной увязки работы планово-экономического директората с оперативным и морским управлением», а также «вопрос о целесообразности передачи статистики оперативным директоратам».

Руководство морским управлением и хлеборудным директоратом возлагалось на Полякова И. А., а руководство Балтийско-Беломорским, промышленного экспорта, планово-экономическим директоратами и главной бухгалтерией возлагалось на Закса М. Л. При этом устанавливалось, что общее количество сотрудников центрального аппарата не должно превышать 70 человек [4, л. 11–12].

Однако в таком виде центральный аппарат Совфрахта проработал недолго. Так, уже 4 марта 1934 г. был издан приказ по комиссариату внешней торговли СССР

№ 144 «О реорганизации Совфрахта». Данным документом структуру центрального аппарата Совфрахта утвердили в следующем виде.

Основные оперативные директораты:

- Беломорско-Балтийский (лес и др. товары с Балтийского и Белого морей);
- хлебно-рудный (хлеб и руда);
- промышленного экспорта и регулярных линий (уголь, нефть, лес с Черного моря);
- по операциям с Дальним Востоком (п. 2).

Из ведения планово-экономического директората были изъяты и переданы оперативным такие направления работы:

- 1) учет стоимости фрахтов (фрахтовые ставки);
- 2) изучение работы конкурентов и сравнение нашей работы с их работой;
- 3) изучение фрахтовой конъюнктуры;
- 4) учет резервуаров тоннажа;
- 5) статистика фрахтовых операций (во всех разрезах);
- 6) составление отчетов о деятельности (п. 3).

Кроме того, было решено изъять из функций главной бухгалтерии и передать оперативным секторам:

- 1) таксировку заключенных фрахтовых сделок;
- 2) составление счетов комитентам согласно хозяйственным договорам;
- 3) посылку счетов на инкассацию;
- 4) ведение прокламаций по хозяйственным договорам с объединениями и филиалами Совфрахта (п. 4).

И, наконец, предписывалось изъять из административно-организационного управления вопросы кадров и проверки исполнения, передав эти функции председателю Совфрахта и начальникам директоратов [4, л. 13].

Следующим шагом в направлении совершенствования работы подчиненных внешнеторгу ведомств вообще и Совфрахта в частности стал приказ № 143 от 14 марта 1934 г. «О ликвидации правлений в объединениях». Им, в частности, предписывалось ликвидировать во всех подведомственных НКВТ объединениях правления.

Соответственно руководство и управление работой объединений возлагалось единолично на представителей этих объединений, с назначением в помощь им одного или двух заместителей.

С 29 марта ликвидировались правления в объединениях Союзнефтеэкспорт, Совфрахт, Внешторгтранс, Союзпушнина и Союзпромэкспорт [4, л. 14].

К середине 1930-х гг. в мировой экономике произошли значительные изменения. В связи с тем, что мировой экономической кризис пошел на спад, оживилась мировая торговля, а вместе с ней и фрахтовый рынок. К этому времени Совфрахт, с одной стороны, приобрел значительный опыт работы на внешних рынках, наработал необходимые связи и механизмы. С другой же стороны, развернувшееся строительство отечественных судов позволило реже обращаться к иностранным арматорам и рынкам фрахтования. Содержание многих зарубежных фрахтовых контор стало ненужным. На повестку дня стал вопрос о постепенном переносе основной работы по организации фрахтования иностранных судов в СССР.

Первым шагом на этом пути стало решение в январе 1935 г. перенести в Ленинград центр оперативной работы по фрахтованию иностранного тоннажа для Балтийского моря, также фрахтованию тоннажа для других северных бассейнов на прикрепленных к Ленинградской конторе Совфрахта рынках.

В связи с этим: а) увеличили штат Совфрахта на 10 чел.; б) увеличили ассигнования в 1935 г. на содержание аппарата, телеграфные, телефонные и командировочные расходы на 188 тыс. руб.; в) ассигновали на ориентировочные расходы 100 тыс. руб.; г) для приобретения имущества увеличили основной капитал Совфрахта на 50 тыс. руб. [4, л. 15].

В связи с дальнейшим переносом фрахтований из-за границы в СССР, в отмену приказа от 14 марта 1934 г. № 144 «О реорганизации Совфрахта», 27 мая 1937 г. вышел приказ наркомата внешней торговли СССР № 378. «О структуре В/О «Совфрахт»». Им была утверждена структура центрального аппарата В/О «Совфрахт» в следующем виде:

- а) Беломорско-Балтийский директорат;
- б) Черноморско-Азовский директорат;
- в) таймчартерный директорат;
- г) директорат Советского торгового флота;
- д) сводно-экономическое бюро;
- е) главная бухгалтерия;
- ж) претензионно-правовое бюро;
- з) управление делами (п. 1).

При этом на Беломорско-Балтийский директорат возлагалось фрахтование иностранного тоннажа для перевозки леса и других товаров из портов Балтийского и Белого морей, включая фрахтование судов в таймчартер и судов для Карской экспедиции.

Черноморско-Азовский директорат должен был заниматься фрахтованием иностранного тоннажа для перевозки грузов из портов Черного и Азовского морей.

Эксплуатацией тоннажа, взятого в таймчартер, ведал таймчартерный директор.

Директорат Советского торгового флота занимался участием в распределении советского тоннажа под перевозку экспортных массовых грузов и отфрахтованием советских судов под перевозку иностранных грузов между иностранными портами (п. 2)

Для вышеуказанных оперативных директоратов Совфрахта утверждались такие общие функции:

- а) выполнение фрахтовых операций, переписка (телеграфная, почтовая) и телеграфные переговоры с судовладельцами, брокерами, АСПК в Лондоне, торгпредствами и комитентами по вопросам, связанным с фрахтованием иностранных судов;
- б) учет полученных и покрытых ордеров;
- в) непосредственное подписание чартеров, а также их проверка;
- г) учет стоимости фрахтов (фрахтовые ставки);
- д) изучение работы конкурентов;
- е) изучение и систематическое наблюдение за фрахтовой конъюнктурой;
- ж) учет резервуаров тоннажа;
- з) составление планов фрахтования;
- и) таксировка заключенных сделок и составление счетов комитентам за фрахт;

- к) разрешение рекламаций по хоздоговорам и объединениям;
- л) статистика фрахтовых операций (во всех разрезах);
- м) подготовка, подбор и изучение кадров;
- н) составление отчетов о деятельности;
- о) учет хозрасчетных результатов по фрахтовым операциям;
- п) связь с НКВТ и другими ведомствами и урегулирование взаимоотношений с объединениями по оперативным вопросам (п. 3).

Кроме того, на сводно-экономическое бюро возлагалась сводная работа по планированию фрахтований, учет выполнения планов и лимитов фрахтовых ставок; составление информации и сводных отчетов о деятельности объединения.

Главная бухгалтерия должна была заниматься валютным и финансовым планированием и отчетностью по нему; ведением расчетов с иностранными фирмами и объединениями по фрахтовым операциям, расчетами с сотрудниками и учетом административно-хозяйственных расходов.

На претензионно-правовое бюро возлагалось урегулирование фрахтовых претензий, руководство судебно-арбитражными делами за границей и правовое обслуживание объединения.

Административно-хозяйственное обслуживание объединения возлагалось на управление делами [4, л. 24–26].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. С организацией В/О «Совфрахт» на него было возложено непосредственное регулирование на основе планов и директив НКВТ операций по фрахтованию иностранного тоннажа и связанных с ними мер по обслуживанию иностранных судов в портах СССР. Важнейшим шагом на этапе становления Совфрахта стало принятие 15 марта 1932 г. постановления «Об организационных формах работы Внешторга и Совфрахта за границей», на основании которого создавались органы Совфрахта за рубежом, в основном в виде одноименных фирм и акционерных обществ.

В 1932 г. также были приняты положения о агентах и конторах В/О «Совфрахт», действовавших на территории СССР. Правовой основой последующих изменений в устройстве Совфрахта в исследуемый период стали: приказ № 104 по Всесоюзному объединению «Совфрахт» 1 сентября 1933 г.; приказ по комиссариату внешней торговли СССР № 144 от 4 марта 1934 г. «О реорганизации Совфрахта»; приказ наркомата внешней торговли СССР № 378 от 27 мая 1937 г. «О структуре В/О «Совфрахт»».

В таком виде всесоюзное объединение «Совфрахт» действовало до второй половины 1940-х гг, когда в новых политических условиях, сложившихся в Центральной и Восточной Европе, был принят его новый устав и, соответственно, новая структура данной организации.

Список литературы:

1. Благодатная Е. Ю. Становление договора фрахта судов в советском праве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – С. 3–13.
2. Благодатная Е. Ю. Упорядочение фрахтовой деятельности в СССР в 1925 – начале 1926 г. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – С. 3–14.
3. РГАЭ, ф. 407, оп. 1, д. 18. 354.
4. РГАЭ, ф. 407, оп. 1, д. 19. 355.
5. Благодатная Е. Ю. Правовые основы организации всесоюзного объединения «Совфрахт» В 1930-Х гг. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 2. – С. 3–14.

Reorganization of the activities and internal structure Of V/o Sovfracht 1933 – 1937 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 9–14.

The work investigated the process of reorganization of the activities of the all-Union Sovfrakht, and consequently its internal structure, which occurred in 1933 – 1937 In 1932 first half 1933 Sovfrakht was of the various firms and offices in foreign countries, as well as several freight branches in the Soviet Union and hotel representatives "Sovfrakht" (Novorossiysk, Arkhangelsk and Petrozavodsk). Reforming the structure of this organization began in September, 1933, and continued in March, 1934 In the course of the concentration of the main work of the Association in 1935 moved to Leningrad, the center for operational work on the chartering of foreign tonnage to the Baltic sea, also the chartering of tonnage to other Northern basins were attached to the Leningrad branch of Sovfracht markets.

In connection with the further postponement of traktowany from abroad in the USSR, the cancellation order dated March 14, 1934 n 144 "On the reorganization of the Sovfrakht", 27 may 1937 came an order of the people's Commissariat of foreign trade of the USSR №378. "On the structure Of the "Sovfracht". They were approved by the Central office structure V/O Sovfracht.

Key words: structure, restructuring activities, freight, Union Association Sovfrakht.

Spisok literaturyi:

1. Blagodatnaya E. Yu. Stanovlenie dogovora frahta sudov v sovetskom prave // Uchenyie zapiski Kryimskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – S. 3–13.
2. Blagodatnaya E. Yu. Uporyadochenie frahtovoy deyatelnosti v SSSR v 1925 – nachale 1926 g. // Uchenyie zapiski Kryimskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2015. – Т. 1 (67). # 4. – S. 3–14.
3. RGAE, f. 407, op. 1, d. 18. 354.
4. RGAE, f. 407, op. 1, d. 19. 355.
5. Blagodatnaya E. Yu. Pravovyye osnovy organizatsii vsesoyuznogo ob'edineniya «Sovfraht» V 1930-H gg. Uchenyie zapiski Kryimskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2017. – Т. 3 (69). № 2. – S. 3–14.

УДК 340.5

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Гарчева Л. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Сравнительное правоведение, являясь полноценной юридической наукой, выполняет значительные функции в области государственно-правовых научных исследований, академические, образовательные, воспитательные функции, при этом имеет не только научно-теоретическое, но и практико-прикладное значение, являясь важным инструментом в решении национальных и общемировых проблем. Раскрыта практическая роль сравнительного правоведения, отмечено, что оно полезно для изучения национального права, для взаимопонимания народов и создания лучших правовых форм отношений, складывающихся в международном общении.

Ключевые слова: сравнительное право, сравнительное правоведение, сравнительно-правовые исследования, компаративистика.

Сравнительное правоведение, являясь сравнительно молодой наукой, заняло достойное место в современной юриспруденции и современном мировом сообществе.

Сравнительное правоведение – исключительное явление в правовой жизни. Уже более полутора столетий среди ученых не прекращаются споры о его сущности и предмете, значении и тенденциях развития, месте и роли в системе юридических наук и юридического образования, его методах, возможной сфере применения сравнительного изучения права, целей такого изучения. История развития науки сравнительного правоведения отмечена постоянными дискуссиями о том, следует ли рассматривать сравнительное право как самостоятельную отрасль науки права или как метод; в какой отрасли права сравнение особенно эффективно; какие системы права возможно сравнивать между собой; какие сложности могут встречаться в ходе изучения сравнительного права. Но, как отмечает ученый-компаративист А. Саидов, «хотя споры и дискуссии о статусе этого научного направления в системе юридических наук, о круге относящихся к его ведению проблем продолжают и по сей день, ныне общепризнано, что сравнительные исследования права весьма важны для дальнейшего развития юридической науки» [11, с. 30].

В данной статье поставлена задача показать, что сравнительное правоведение, являясь полноценной юридической наукой, выполняет значительные функции в области государственно-правовых научных исследований, академические, образовательные, воспитательные функции, при этом имеет не только научно-теоретическое, но и практико-прикладное значение, являясь важным инструментом в решении национальных и общемировых проблем.

С разной степенью успешности над проблемными вопросами сравнительного правоведения работали и работают зарубежные и российские исследователи. Всемирно известны имена выдающихся французских компаративистов Раймона

Салейля и Эдуарда Ламбера, Марка Анселя и Рене Давида, германских – Конрада Цвайгерта и Хайна Кетца, итальянца Рудольфа Сакко. Одни из них видели в компаративистике скорее «общий метод изучения права», чем отдельную отрасль права, другие рассматривали его как полноценную отрасль права и внесли огромный вклад в разработку сравнительного правоведения.

Значительный вклад в применение сравнительно-правового метода в изучение иностранного законодательства внесли еще дореволюционные российские ученые П. Виноградов, Н. М. Коркунов, Ф. Ф. Кокошкин, Ф. Н. Кистяковский, Г. Ф. Шершеневич и многие другие.

Проблемам сравнительно-правовых исследований, теоретическому осмыслению роли сравнительного правоведения посвящали свои работы советские ученые-юристы. Однако следует отметить, что при проведении специализированных исследований проблем теории и практики сравнительного правоведения советские «ученые-юристы зачастую ставили перед собой однозначно критическую цель разоблачать буржуазное право» как контрастирующее по отношению к социалистическому праву. Как отмечал А. Саидов, «характерными чертами советского сравнительного правоведения были марксистско-ленинская методологическая основа проводимых сравнительно-правовых исследований; острая политическая и идеологическая направленность работ советских ученых-юристов; повышенный интерес к общеметодологическим вопросам; появление крупных обобщающих работ» [11, с. 90].

В 60–70-х гг. советские юристы стали посвящать свои труды развитию сравнительного права в рамках мировой социалистической системы, сравнительного анализа законодательства союзных республик. Примечательными в этом отношении являются работы А. А. Тилле «Социалистическое сравнительное правоведение» [15], «Сравнительное правоведение» под редакцией В. А. Туманова [13], в которых не только демонстрировались возможности применения приемов сравнительного анализа в юридических исследованиях, в практической деятельности, но и многие общие вопросы анализировались авторами уже в контексте сравнения права двух общественных формаций – капиталистической и социалистической.

Демократизация общественной жизни, государственного строя в 80–90-х годах XX столетия дали мощный толчок развитию науки сравнительного правоведения в России. На современном этапе не только в зарубежной, но и в российской юридической науке большое внимание уделяется сравнительному правоведению. Исследованиями в области сравнительного правоведения как науки занимаются современные российские ученые М. Н. Марченко [8], Ю. А. Тихомиров [16; 17], В. А. Туманов [18], А. Х. Саидов [11] и др.

Сравнительное правоведение оказывает огромное позитивное влияние не только на общетеоретические или исторические исследования, но и на научные разработки в области отраслевых юридических наук, способствуя совершенствованию национального права, всех его отраслей. Не случайно в последнее время все больше появляется отраслевых научных исследований, призванных показать обширные возможности инструментального, прикладного подхода к праву. Это исследования по конституционному праву [4; 9; 12], трудовому праву [5; 6], уголовному праву [7], гражданскому праву зарубежных стран [10], гражданскому процессу [1] и др.

Значимость сравнительно-правовых исследований подтверждается и фактом создания при Правительстве РФ Института законодательства и сравнительного правоведения. В 2001 г. начал издаваться Российский журнал сравнительного права. С 2005 г. Институтом законодательства и сравнительного правоведения выпускается Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения.

Особую актуальность сравнительное правоведение приобретает в условиях глобализации. Сегодня важно знать, как государства различных правовых систем реагируют на процессы глобализации? Что происходит в новых исторических условиях с правовой системой? Теоретическое осмысление взаимосвязей между глобализацией и правом диктуется необходимостью решения таких глобальных проблем современности, как демографическая проблема, борьба с эпидемиями, недопустимость угрозы войны, экологические проблемы, улучшение окружающей среды, устранение расовой розни, усиление социальной справедливости. Все эти вопросы могут быть успешно решены лишь при всестороннем сотрудничестве народов и государств, в том числе и в правовой сфере. Для этого нужно четко представлять, как эти вопросы урегулированы отдельными странами на уровне отдельных регионов, континентов, на всемирном уровне. Исходя из этого, повсеместное развитие сравнительного правоведения приобретает особое значение и особую ценность, являясь важным инструментом в решении и общемировых проблем.

В последние десятилетия юридическая компаративистика в мире развивается особо быстрыми темпами: растет число и ширится тематика сравнительно-правовых исследований, рождаются новые специализированные институты, расширяется круг юридических знаний по сравнительному праву. Сравнительное правоведение весьма плодотворно как в области усовершенствования национального законодательства, так и в деле разработки, принятия и унификации международно-правовых актов, а также в преподавании юридических дисциплин, так как оно накопило опыт обобщения эмпирического материала, техники и методики сравнительно-правовых исследований. Оно полезно для изучения национального права, для взаимопонимания народов и создания лучших правовых форм отношений, складывающихся в международном общении.

Сравнительное правоведение выполняет значительные функции в области государственно-правовых научных исследований. Овладение методологией и методами сравнительно-правового анализа позволяет правильно ориентироваться в огромном количестве нормативно-правовых актов, сопоставлять разные варианты правовых решений и выбирать наилучший вариант с учетом зарубежного опыта.

Сравнительные исследования помогают также выработать общую понятийную и терминологическую систему, общую или хотя бы сходную для всех государств правовую идеологию, поскольку некоторые сложившиеся понятия юридической науки нуждаются в уточнениях с учетом зарубежного юридического опыта и мировой правовой мысли. По мнению М. Н. Марченко, «общая понятийная и терминологическая система, так же, как и правовая идеология, имеют весьма важное для унификации права не только теоретическое, но и практическое значение. Они важны, прежде всего, для правоприменительной и в особенности для судебной и арбитражной деятельности различных стран» [8, с. 197].

Этот момент достаточно ярко проиллюстрирован в статье Ф. Готье и К. Генс «Сравнительное правоведение и международное публичное право: феномен междисциплинарности». Авторы правомерно указывают на то, что когда на данный момент в мире насчитывается более 300 международных организаций, естественно возникает вопрос о будущем сравнительного правоведения как дисциплины на службе международного публичного права, поскольку сравнительное правоведение, безусловно, является основополагающим инструментом в деятельности международных организаций. «Организация, ввиду ее “международного” характера, должна объединить своих членов вокруг норм и правил, понятных для всех. Когда субъект права становится членом международной организации, он принимает ее устав, т. е. ее принципы и цели, правила работы, способы, которые будут использоваться для достижения ее целей и т. п. Таким образом, члены организации должны понимать право, действующее в ее рамках. В этой связи сравнительное правоведение позволит создать понятные всем нормы, а также объяснить, как культура того или иного государства влияет на толкование таких норм» [2, с. 183]. Деятельность международных и региональных организаций, которые занимаются разработкой мировых правовых стандартов, побуждают изучать и сравнивать иностранное право, эффективно его использовать, принимать правильные правовые решения. Сравнительное право призвано сыграть огромную роль в обновлении правовой науки и в выработке нового международного права, отвечающего условиям современного мира.

Государства не могут эффективно развиваться без связи друг с другом. Сравнительно-правовые исследования помогают установить, как решается одна и та же правовая проблема в разных странах, позволяют учитывать как позитивный, так и негативный зарубежный юридический опыт, благодаря чему их выводы носят универсальный и обобщающий характер. В современных условиях все больше усиливается стремление к изучению и познанию достижений в области права иных государств, обмену опытом, извлечению пользы при проведении реформ национального законодательства, совместному решению общих проблем. Как отмечал Ю. А. Тихомиров, сравнительное правоведение играет здесь роль «легального моста» между «государственными берегами» [17].

О значении такого сотрудничества в области права говорил и выдающийся французский ученый-компаративист Рене Давид: «Сравнительное право полезно для взаимопонимания между народами и создания наилучшего режима отношений в международной жизни. Этот – третий – аспект сравнительного права стал, может быть, главным в нашу эпоху» [3, с. 12].

Сравнительное правоведение имеет не только научно-теоретическое, но и практико-прикладное значение. Русский ученый Ф. В. Тарановский еще в начале XX века имел все основания писать о том, что «сравнительное правоведение является важнейшим наследием, которое XIX век оставил юридической науке. Двоякого рода причины возвели зарождение и воздействовали на развитие в XIX столетии этого нового направления юридической мысли – теоретические и практические» [20, с. 1].

И действительно, наряду с академическими, образовательными целями сравнительное правоведение решает также сугубо прагматические, прикладные задачи. «Сравнительное право не менее необходимо, если мы хотим более тесного

сотрудничества между разными странами в рамках регионального сообщества, политических или экономических образований, которые создаются в Европе и на других континентах», – писал Р. Давид [3, с. 12].

Анализируя современное состояние сравнительного правоведения, компаративисты многих стран указывают на то, что с конца XX столетия сравнительное правоведение как самостоятельная отрасль знаний укрепились не только в академическом плане, но и в практическом.

В некоторых отечественных изданиях прикладные задачи сравнительного правоведения сводятся к возможности заимствования отдельных норм, актов, принципов, положений и институтов из правовых систем других западных стран. Как отмечает М. Н. Марченко, «заимствование норм, принципов, положений и институтов из государственно-правовых систем других стран, несомненно, представляет собой весьма важный аспект содержания прикладной функции сравнительного правоведения» [8, с. 168], но этим практическое, прикладное значение сравнительного правоведения не ограничивается.

Практическая роль сравнительного правоведения проявляется во влиянии на правотворческий процесс (как результат сравнительно-правового исследования уже действующего нормативного материала и изучения самого правотворческого процесса в других странах); в воздействии на правоприменительный, в особенности судебный, процесс (все чаще сравнительно-правовой материал стал использоваться как источник не только законодательных, но и судебных решений). В связи с усилившимися за последний период экономическими, финансовыми, торговыми и иными взаимосвязями между различными странами резко возросла потребность в сравнительном анализе судебной и административной практики этих стран.

Наконец, сравнительное правоведение играет весьма важную роль в процессе международной унификации и гармонизации права. Швейцарский юрист К.-Х. Эберт отмечает, что главной целью сравнительного правоведения является унификация права на международном уровне, т. е. унификация международного законодательства. По его мнению, дальнейшее существование человечества требует дополнить политическую и экономическую интеграцию мирового сообщества правовой интеграцией. А М. Н. Марченко считает, что «с помощью сравнительно-правовых исследований, путем выявления общего и особенного в сравниваемых правовых системах создается реальная база для унификации содержащихся в них правовых норм, принципов, идей, подходов к разрешению спорных вопросов, отдельных правовых институтов» [8, с. 187].

Практическая значимость и потребность в унификации права на международном, национальном и региональном уровнях сохраняет свой приоритет перед всеми иными факторами и на современном этапе развития общества и государства. Сравнительно-правовые исследования позволяют найти наиболее оптимальные формы проведения унификации права, наиболее эффективные методы и средства ее осуществления. В отечественной литературе «унификация» и «гармонизация» рассматриваются как основные направления и формы проведения «согласованного правового развития государств». «Создавая необходимые условия и предпосылки для унификации права и активно воздействуя на сам процесс, сравнительное правоведение тем самым способствует расширению товарооборота между различными странами, усилению экономических, политических и иных

связей между ними. В этом проявляется одна из практически значимых функций сравнительного правоведения» [8, с. 198].

Сравнительное правоведение, изучая особенности субъектов международного права, помогает найти ответ на вопрос, как построить жизнеспособную международную организацию из государств различных правовых систем. В связи с этим французские исследователи Ф. Готье и К. Генс задаются вопросом: не станет ли сравнительное правоведение миротворческим инструментом на международной арене? И отвечают: «Учитывая, что мира можно достичь только через понимание, терпимость к другим и здоровое критическое отношение к себе, можно представить, какой вклад может внести солидная база знаний сравнительного правоведения в дело построения мира во всем мире» [2, с. 184].

Таким образом, роль сравнительного правоведения в научном, образовательном и прикладном, практическом плане непрерываема и определяется тем, что изучение сравнительного права способствует углублению понимания национального и международного правопорядка, помогает выработке критического подхода к праву и различным явлениям правовой жизни, накоплению высоких духовных ценностей и усвоению подлинных человеческих идеалов. Все это способствует не только возрастанию роли сравнительного правоведения в юридической науке, но и расширению сферы его практического применения.

Как отмечал Рене Давид, «сравнительное право должно сыграть первостепенную роль в правовой науке. Оно стремится, прежде всего, разъяснить юристам роль и значение права, используя для этого опыт всех народов. С другой стороны, в практическом плане оно стремится способствовать развитию международных отношений. В-третьих, сравнительное право позволяет юристам разных стран улучшать свое национальное право» [3, с. 17].

Список литературы:

1. Васильев С. В. Сравнительный гражданский процесс. / С. В. Васильев. – М.: Юрли-тинформ, 2015. – 352 с.
2. Готье Ф., Генс К. Сравнительное правоведение и международное публичное право: феномен междисциплинарности // Ф. Готье, К. Генс. // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Выпуск «Сравнительное право». – 2015 – № 5. – С. 175–184.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: / Пер. с фр. В. А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 400 с.
4. Енгибарян Р. В. Сравнительное конституционное право / Р. В. Енгибарян. – М.: Юристъ, 2005. – 429 с.
5. Киселев И. Я. Сравнительное и международное трудовое право. Учебник для вузов./ И. Я. Киселев. – Москва: Дело, 1999. – 728 с.
6. Лушников А. М., Лушникова М. В. Международное и сравнительное трудовое право и право социального обеспечения. Введение в курс: учебное пособие / М. В. Лушникова, А. М. Лушников. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 304 с.
7. Малиновский А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. / А. А. Малиновский. Монография. – Москва: Издательство: Международные отношения, 2002. – 376 с.
8. Марченко М. Н. Сравнительное правоведение: общая часть. / М. Н. Марченко. Учебник для юридических вузов / МГУ им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. – М.: Зерцало, 2001. – 560 с
9. Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. Курс лекций / А. Н. Медушевский. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2002. – 512 с.
10. Основные институты гражданского права зарубежных стран: Сравнительно-правовое исследование / Авт. коллектив: В. В. Залесский, Г. Е. Авилов, М. М. Вильданова и др.; Ред. колл.: В. В. Залесский (гл. ред.) и др.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М.: Норма, 1999. – 648 с.

11. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В. А. Туманова. – М.: Юристъ, 2003. – 448 с.
12. Сравнительное конституционное право. / Отв. ред. В. Е. Чиркин. – М.: Издательская фирма «Манускрипт», 1996. – 739 с.
13. Сравнительное правоведение: Сборник работ ученых социалистических стран / Под ред. В. А. Туманова. – М.: Прогресс, 1978. – 246 с.
14. Сравнительное трудовое право: Учебник / Под ред. М. Д. Бойко. – М., 2010. – 379 с.
15. Тилле А. А. Социалистическое сравнительное правоведение. / А. А. Тилле. – М.: Издательство: Юрид. лит., 1975. – 207 с.
16. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. / Ю. А. Тихомиров – М.: Издательство НОРМА, 1996. – 432 с.
17. Тихомиров Ю. А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики / Ю. А. Тихомиров. // Журнал российского права. - 2006. – № 6. – С. 3–15.
18. Туманов В. А. О развитии сравнительного правоведения / В. А. Туманов. // Советское государство и право. – 1982.–№ 11.–С. 41–49.
19. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2-х тт. – Том I. Основы: Пер. с нем. – М.: Междунар. Отношения, 2000. – 480 с.
20. Тарановский Ф. В. Сравнительное правоведение в конце XIX века. – Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1902. – с.1 <file:///C:/Users/Samsung/Downloads/preview_.pdf> (последнее посещение – 29 января 2018 г.).

Garcheva L. Comparative jurisprudence: from theory to practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 15–22.

Comparative jurisprudence is a full-fledged legal science and performs significant functions in the field of state and legal scientific research: academic, educational functions at the same time it not only has scientific and theoretical, but also practical importance. It is an important tool in solving national and global problems. The practical role of comparative jurisprudence is revealed, it is noted that it is useful for studying national law, for understanding nations and creating better legal forms of relations that develop in international communication.

Keywords: comparative right, comparative jurisprudence, comparatively-legal researches.

Spisok literatury:

1. Vasil'ev S. V. Sravnitel'nyj grazhdanskij protsess. / S. V. Vasil'ev. - М.: YUrli-tinform, 2015. – 352 s.
2. Got'e F., Gens K. Sravnitel'noe pravovedenie i mezhdunarodnoe publichnoe pravo: fenomen mezhdistsiplinarnosti // F. Got'e, K. Gens. // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). Vypusk «Sravnitel'noe pravo». – 2015. – № 5. – С. 175–184.
3. David R., ZHoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti: /Per. s fr. V. A. Tumanova. – М.: Mezhdunar. otnosheniya, 1996. – 400 s.
4. Engibaryan R. V. Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo / R. V. Engibaryan. – М.: YUrist", 2005. – 429 s.
5. Kiselev I.YA. Sravnitel'noe i mezhdunarodnoe trudovoe pravo. Uchebnik dlya vuzov./ I. YA. Kiselev. – Moskva: Delo, 1999. – 728 s.
6. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Mezhdunarodnoe i sravnitel'noe trudovoe pravo i pravo sotsial'nogo obespecheniya. Vvedenie v kurs: uchebnoe posobie / M. V. Lushnikova, A. M. Lushnikov. – М.: YUrlitinform, 2011. – 304 s.
7. Malinovskij A.A. Sravnitel'noe pravovedenie v sfere ugolovnogogo prava. / A. A. Malinovskij. Monografiya. – Moskva: Izdatel'stvo: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. – 376 s.
8. Marchenko M. N. Sravnitel'noe pravovedenie: obshhaya chast'. / M. N. Marchenko. Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov / MGU im. M. V. Lomonosova. YUrid. fak. – М.: Zertsalo, 2001. — 560 s
9. Medushevskij A.N. Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo i politicheskie instituty. Kurs lektij / A. N. Medushevskij. – М.: Izd-vo GU VSHEH, 2002. – 512 с.
10. Osnovnye instituty grazhdanskogo prava zarubezhnykh stran: Sravnitel'no-pravovoe issledovanie / Avt. kollektiv: V. V. Zalesskij, G. E. Avilov, M. M. Vil'danova i dr.; Red. koll.: V. V. Zalesskij (gl. red.) i dr.; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF. - М.: Norma, 1999. - 648 s.
11. Saidov A.KH. Sravnitel'noe pravovedenie (osnovnye pravovye sistemy sovremennosti): Uchebnik / Pod red. V.A. Tumanova. – М.: YUrist", 2003. - 448 s.

12. Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo. /Otv.red. V. E. CHirkin. – M.: Izdatel'skaya firma «Manuskript», 1996. – 739 s.
13. Sravnitel'noe pravovedenie: Sbornik rabot uchenykh sotsialisticheskikh stran / Pod red. V. A. Tumanova. – M.: Progress, 1978. – 246 s.
14. Sravnitel'noe trudovoe pravo: Uchebnik / Pod red. M. D. Bojko. – M., 2010. – 379 s.
15. Tille A. A. Sotsialisticheskoe sravnitel'noe pravovedenie. / A. A. Tille. – M.: Izdatel'stvo: YUrid. lit., 1975. – 207 s.
16. Tikhomirov YU. A. Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya. / YU. A. Tikhomirov – M.: Izdatel'stvo NORMA, 1996. – 432 s.
17. Tikhomirov YU.A. Sravnitel'noe pravovedenie: razvitie kontseptsij i obshhestvennoj praktiki / YU. A. Tikhomirov. // ZHurnal rossijskogo prava. – 2006. – № 6. – S. 3–15.
18. Tumanov V. A. O razvitii sravnitel'nogo pravovedeniya / V. A. Tumanov. // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1982. – № 11. – S. 41–49
19. TSvajgert K., Kyotts X. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava Tom 1. V 2-kh tt. – Tom I. Osnovy: Per. s nem. – M.: Mezhdunar. Otnosheniya, 2000. – 480 s.
20. Taranovskij F.V. Sravnitel'noe pravovedenie v kontse KHIKH veka. – Varshava: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1902. – c.1 <file:///C:/Users/Samsung/Downloads/preview_.pdf> (poslednee poseshhenie – 29 yanvarya 2018 g.).

УДК 347.7 : 652.612

СООТНОШЕНИЕ ТАРИФОВ И ФРАХТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ТОРГОВОГО ФЛОТА

Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются особенности применения фрахтовых договоров и тарифов в морских перевозках в СССР в 1920–1930-х гг. Указано на практику организации линейных перевозок; деятельность Русского общества пароходства и торговли; деятельность всесоюзного объединения «Совфрахт»; правовые основы деятельности Тарифного комитета, находящегося в ведении Народного комиссариата путей сообщения (1922–1936 гг.). Изучены случаи применения тарифов и фрахтов в практике морских торговых перевозок торгового флота СССР.

Ключевые слова: фрахт, тариф, перевозки, организация, регулирование, тарифный комитет.

В Российской империи, ввиду оживленной внешней и внутренней торговли в последние десятилетия ее существования, проблеме изучения и использования фрахта уделяли весьма существенное внимание. Примером тому могут служить различные публикации этой эпохи [1–3].

Наиболее развернуто и теоретически обосновано правовые основы фрахта в дореволюционный период были изложены в проекте уложения о торговом мореплавании [4, с. 56–70].

Как известно, в советской теории и науке морского права под термином фрахты понимали «форму цены перевозки, представляющую собой неустойчивую цену перевозки, изменяющуюся повседневно в зависимости от соотношения спроса на тоннаж и его наличия и устанавливаемую в каждом отдельном случае специальным соглашением – договором морской перевозки (чартером)» [5, с. 4].

Первоначально важнейшей формой договора перевозки грузов морем был договор фрахта. Так продолжалось вплоть до XIX в., когда появились первые регулярные рейсы. Именно с этим событием в сфере морских перевозок появляются тарифы.

В СССР тарифы стали основной формой цены перевозки как в линейном, так и нерегулярном рейсовом судоходстве, за исключением внешней торговли. Происходил этот процесс поэтапно и, естественно, зависел от таких факторов, как наличие развитого собственного морского торгового флота, устоявшихся экономических отношений, степени заинтересованности государства в деятельности регулярных торговых линий и множества других факторов. В дореволюционный период регулярных линий, связывающих порты Российской империи и порты иных государств, обслуживаемых отечественными пароходствами, было относительно немного. Наиболее известное из таких обществ – Русское общество пароходства и торговли, основанное с участием государственного капитала в 1856 г. [6].

В советский период применение фрахтов и тарифов на различных этапах происходило неравномерно. В начале 1920-х гг. при спонтанных внешнеэкономических, а

иногда внутриэкономических отношениях, установление линейных перевозок, а вместе с ними и тарифов было практически невозможно. Исходя из этого, даже во внутреннем сообщении делались попытки применения договора фрахтования, но без использования известных и общеупотребительных чартеров [7]. Оба этих подхода себя не оправдали. Неиспользование известных чартеров не только отбрасывало морское право и теорию на десятилетия назад, но и зачастую приносило экономические убытки обеим сторонам договора.

Лишь в начале 1930-х гг., с образованием В/О «Совфрахт», удалось наладить, с одной стороны, нормальное, экономически обоснованное фрахтование иностранных судов, а с другой, сосредоточившись на оптимизации внутренних перевозок, сделать их регулярными, т. е. линейными, что создало все необходимые условия для отхода от практики применения различных по своей природе договоров и обращению к тарификации перевозок.

С усилением советского торгового флота в конце 1930-х гг. и в послевоенный период сфера применения фрахтов была ограничена морскими внешнеторговыми перевозками, впрочем как и в большинстве развитых стран мира. СССР вынужден был прибегать к фрахтам в тех случаях, когда ему приходилось сталкиваться с иностранными фрахтователями при экспортно-импортных и чаще всего при перевозках между иностранными портами. В то же время, если фрахтователями судов советских пароходств были организации СССР, то фрахты не применялись, а использовались специально разработанные тарифы.

Фрахты же применялись чаще всего в тех случаях, когда суда СТФ занимались перевозками грузов иностранных фрахтователей между иностранными же портами. Такие перевозки имели место в тех случаях, когда отечественный флот оказывался недогружен и, безусловно, во избежание балластных пробегов судов. Не последним фактором здесь выступало и повышение финансовой эффективности в работе СТФ [5, с. 19].

В то же время фрахты сохранили свое значение при обеспечении внешнеторговых сделок. В этом случае все они заключались через уже упоминавшийся Совфрахт.

Предпринимались в СССР и попытки самостоятельного прогнозирования и расчета фрахтов. Над этой задачей работали Центральный научно-исследовательский институт экономики и эксплуатации водного транспорта, а также Научно-исследовательский конъюнктурный институт Минвнешторга СССР.

Следует также упомянуть и о том, что первые морские тарифы были установлены после гражданской войны в 1920 г. наркоматом путей сообщения (далее – НКПС) [5, с. 28]. С 1922 по 1936 г. для разработки, внедрения и контроля за тарифами был создан и действовал Тарифный комитет.

Так, 11 августа 1922 г. было принято постановление Совета труда и обороны (далее – СТО) РСФСР «О транспортных тарифах и об учреждениях по тарифным делам». В нем под термином «тарифы» подразумевались взимаемые за пользование услугами путей сообщения провозные платы, дополнительные и другие сборы, а также условия и правила применения и исчисления упомянутых плат и сборов (п. 5).

Постановлением предписывалось сосредоточить в НКПС рассмотрение и разрешение для всей территории РСФСР всех дел, касающихся установления тарифов

железнодорожного и водного транспорта, а также изменения, дополнения и отмены их, а равно общее руководство тарифным делом на транспорте и решение всех вопросов, с ними связанных (п. 1).

Общие вопросы направления тарифной политики, а также протесты против решений Тарифного комитета возлагались на разрешение СТО после предварительного обсуждения их в Тарифном комитете и в государственной обще-плановой комиссии (п. 2).

Органами НКПС, ведающими тарифным делом, устанавливались: а) Тарифный комитет; б) съезды представителей железных дорог и судоходных предприятий; в) тарифно-экономическое управление НКПС (п. 3).

Действие норм данного Положения распространялось на тарифы железнодорожного и водного транспорта на путях общего пользования. Никакие новые тарифы, изменения, дополнения или отмена существующих тарифов не могли быть введены в действие иначе, как при точном соблюдении требования Положения (п. 4).

Вопросы об установлении новых тарифов и об изменении, дополнении или отмене существующих могли возбуждаться центральными и местными правительственными учреждениями (в том числе округами путей сообщения, водными управлениями), а также кооперативами, товариществами, предприятиями и частными лицами, которые имели право обращаться с соответственными тарифными предположениями и ходатайствами в Тарифный комитет (п. 6).

Все тарифы водного транспорта, выработанные и утвержденные в установленном Положением порядке, следовало до введения их в действие объявлять во всеобщее сведение в «Сборнике Тарифов», издаваемом НКПС, причем в этом объявлении полагалось обязательно указать точные сроки, с которых тарифы вступали в действие, с тем, чтобы меры, влекущие понижение тарифов, вступали в действие не ранее, как по истечении семи дней со дня их объявления, а меры, влекущие повышение тарифов, – не ранее как по истечении месяца со дня их объявления (п. 7).

При этом предусматривалось, что в случаях, не терпящих отлагательства, тарифы могли вводиться в действие по телеграфу по-особому каждый раз о том постановлению Тарифного комитета в сокращенный срок с последующим опубликованием их в «Сборнике Тарифов» (прим. 1).

Местные же тарифы признавались законно действующими и подлежащими применению по опубликовании их в местных официальных органах печати в порядке и сроки, согласно особому Положению о местных тарифах, утверждаемому Тарифным комитетом (прим. 2).

Что же касается собственно тарифного комитета, то устанавливалось, что в его состав входили следующие члены: 3 от НКПС, 1 от комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции, 2 от Наркомфина, 1 от Комиссариата внешней торговли, 1 от Комиссии по внутренней торговле при СТО, 2 от Высшего совета народного хозяйства (далее – ВСНХ) (включая главное управление по топливу), 1 от Комиссариата продовольствия, 1 от трудовой группы (Наркомтруда или Всероссийского центрального совета профсоюзов, или Комиссариата соцобеспечения – по их соглашению), 1 от Всероссийского центрального союза потребительских обществ.

При этом представитель Центрального статистического управления обязан был присутствовать на заседаниях Тарифного комитета с правом совещательного голоса. Все члены Комитета утверждались СТО по представлению соответственных ве-

домств (п. 8). Также предусматривалось, что каждому члену Комитета назначался постоянный заместитель.

Председатель Тарифного комитета и его заместитель назначались СНК по представлению НКПС из числа представителей последнего в Тарифный комитет (п. 10).

По постановлению Комитета и по распоряжению его председателя на заседания Комитета могли быть приглашены с правом совещательного голоса лица, от которых по свойству обсуждаемых дел можно ожидать полезных сведений (п. 11).

Все подлежащие ведению Тарифного комитета вопросы разрешались в его заседаниях, но последнему, в целях разгрузки себя от второстепенных вопросов, предоставлялось право установить (в пределах по своему усмотрению) для отдельных мелких частных вопросов и групп их разрешение вне заседаний в особом распорядительном порядке с тем, что Тарифному комитету предлагалось установить порядок разрешения и утверждения вопросов распорядительного заседания (п. 12).

Заседания Тарифного комитета признавались состоявшимися при наличии половины общего числа членов комитета, считая в том числе председателя (п. 13). Все заседания Тарифного комитета решались простым большинством голосов (п. 14).

Постановления Тарифного комитета полагалось представлять НКПС на окончательное утверждение. При несогласии НКПС с решением Комитета дело с указанием мотивов несогласия возвращалось в семидневный срок в Комитет для нового рассмотрения. Если Комитет оставался при прежнем решении, а также в случае протеста кого-либо из членов Комитета (см. § 15 и 16), дело переносилось НКПС в СТО через государственную обще-плановую комиссию (п. 15).

Протест члена комитета полагалось заявлять в самом заседании комитета, о чем в протоколе делалась соответствующая отметка, причем этот протест следовало затем подтверждать тому ведомству, представителем которого данный член выступал в Тарифном комитете.

На изготовление и представление (подтвержденного ведомством) в письменной мотивированной форме протеста ответственному члену комитета предоставлялся 7-дневный срок, считая за начало течения этого срока день, следующий за тем, в который было вынесено опротестовываемое постановление Тарифного комитета (п. 16).

Указанные выше протесты адресовались в СТО и направлялись через председателя Тарифного комитета комиссару путей сообщения, которым и представлялись в СТО через государственную обще-плановую комиссию. На Тарифный комитет возлагалась забота по привлечению представителей заинтересованного ведомства на заседание государственной обще-плановой комиссии при обсуждении поданного ведомством протеста (п. 17).

Заявление протеста, как и первичное и вторичное несогласие НКПС с решением Тарифного комитета, останавливало приведение в действие соответственного постановления Тарифного комитета (п. 18).

Если против постановления Тарифного комитета протеста не последовало, такому постановлению по утверждению комиссаром путей сообщения давалось дальнейшее движение (п. 19).

Кроме прочего, тарифному комитету предоставляется право делегировать местным органам НКПС установление местных тарифов в порядке и объеме, тарифным комитетом утверждаемых (п. 20).

Отдельно в Постановлении оговаривались особенности созыва НКПС и деятельности съездов представителей железных дорог и судоходных предприятий (п. 21–24). В составе этих съездов должны были также участвовать представители промышленности, торговли и сельского хозяйства.

Также предусматривалось, что при округах и окружных комитетах по перевозкам могут быть созываемы совещания по тарифным вопросам из представителей местных правлений и управлений железных дорог и водных путей сообщения, а также местных правительственных учреждений промышленности и торговли, сельского хозяйства (п. 23) [8].

В завершение следует, очевидно, упомянуть и о том, что в 1936 г. Тарифный комитет был ликвидирован, а его функции переданы правительству. В 1940 г. Наркомморфлот ввел новую тарифную систему, действовавшую несколько последующих десятилетий [5, с. 29].

Список литературы:

1. Таблица вычисления зерновых продуктов, фрахтов и натурального веса. Разные превращения и т. п. Составил С. Нудель. – Одесса, коммерческая типография В. Сапожникова, Ришельевская 27, 1904. – 77 с.
2. Фрахты на хлебные грузы по внутренним водным путям в навигацию 1891 г. – С.-Петербург, Типография Министерства Путей Сообщения, 1892. – 14 с.
3. Материалы к совещанию по вопросу о пересмотре тарифов на перевозку различных грузов, установленных по навигационным условиям. Выпуск 1. Тарифы и фрахты на перевозку массовых грузов. Февраль 1909 г. – С.-Петербург, Типография Ц. Крайзе, 1909. – 25 с.
4. Уложение о торговом мореплавании (проект). – С.-Петербург, Типография В. Ф. Киришбаума, 1909. – 222 с.
5. Савин. Н. И. Морские тарифы и фрахты / Н. И. Савин. – Владивосток, 1961. – 75 с.
6. Степанов Д. А. Учреждение Русского общества пароходства и торговли (1856–1857) / Д. А. Степанов. URL: <http://ros-vos.net/history/ropit/1/2/>
7. Типовые чартера. – М.: Внешторгиздат, 1936. – 274 с.
8. Постановление Совет Труда и Оборона Р.С.Ф.С.Р. от 11 августа 1922 года «О транспортных тарифах и об учреждениях по тарифным делам». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1375.htm

Zmerzly B. Correlation of tariffs and freight is in activity of soviet mercantile fleet // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – Р. 23–28.

In the article the features of application of the chartered agreements and tariffs are examined in marine transportations to the USSR in 1920-1930th organizations of linear перевозок are indicated on practice; activity of the All-union association of Совфрахт; legal frameworks of activity of the Tariff committee being in a conduct the folk commissariat of ways of report (1922-1936). The cases of application of tariffs and фрахтов are studied in practice of marine trade transportations of mercantile fleet of the USSR.

Keywords: freight, tariff, transportations, organization, adjusting, tariff committee.

Spisok literaturyi:

1. Tablitsa vyichisleniya zernovyih produktov, frahtov i naturalnogo vesa. Raznyie prevrascheniya i t. p. Sostavil S. Nudel. – Odessa, kommercheskaya tipografiya V. Sapozhnikova, Rischelevskaya 27, 1904. – 77 s.
2. Frahtyi na hlebnyie gruzyi po vnutrennim vodnyim putyam v navigatsiyu 1891 g. – S.-Peterburg, Tipografiya Ministerstva Putey Soobscheniya, 1892. – 14 s.
3. Materialyi k soveschaniyu po voprosu o peresmotre tarifov na perevozku razlichnyih gruzov, ustanovlennyih po navigatsionnyim usloviyam. Vyipusk 1. Tarifyi i frahtyi na perevozku massovyih gruzov. Fevral 1909 g. – S.-Peterburg, Tipogrfiya Ts. Krayze, 1909. – 25 s.
4. Ulozhenie o torgovom moreplavanii (proekt). – S.- Peterburg, Tipografiya V. F. Kirshbauma, 1909. – 222 s.
5. N. I. Savin. Morskie tarifyi i frahtyi. – Vladivostok, 1961. – 75 s.
6. D. A. Stepanov. Uchrezhdenie Russkogo obschestva parohodstva i torgovli (1856–1857). URL: <http://rosvos.net/history/ropit/1/2/>
7. Tipovyye chartera. – M.: Vneshtorgizdat, 1936. – 274 s.
8. Postanovlenie Sovet Truda i Oboronyi R.S.F.S.R. ot 11 avgusta 1922 goda «O transportnyih tarifah i ob uchrezhdeniyah po tarifnyim delam». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1375.htm

УДК 94

**СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ
АРЕНДЫ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТЕРРИТОРИЙ МОРСКИХ ПОРТОВ В СССР
В 1920-Х ГГ.**

Любинецкий А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье указано, что с окончанием основных этапов гражданской войны и началом НЭП возникла насущная потребность в урегулировании гражданских правоотношений. На этом этапе важнейшим нормативно-правовым актом стал декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» от 22 мая 1922 г. На основе данного декрета в морских портах страны стали активно развиваться гражданские правоотношения, выразившиеся в первую очередь в заключении различных договоров аренды на имущество портов. Как видно из представленного в статье материала, гражданско-правовые отношения на территории морских торговых портов в первой половине 1920-х гг. развивались довольно активно, однако их нормальное развитие тормозило отсутствие четко нормированной правовой основы.

Ключевые слова: морской порт, аренда, складские помещения, территория, СССР, хозяйствующие организации.

С окончанием основных этапов гражданской войны и началом НЭП возникла насущная потребность в урегулировании гражданских правоотношений. На этом этапе важнейшим нормативно-правовым актом стал декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» от 22 мая 1922 г.

Данный документ предоставил всем гражданам, неограниченным в установленном законом порядке в своей правоспособности, право на территории РСФСР и союзных и договорных с нею советских республик организовывать промышленные и торговые предприятия и заниматься дозволенными профессиями и промыслами, с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда.

Также граждане получили право заключения всякого рода не запрещенных законом договоров, в том числе договоров имущественного найма, купли–продажи, мены, займа, ссуды, подряда, поручительства, страхования товарищества (простого, полного, на вере, акционерного), векселя, всякого рода банковских кредитных сделок, которые получают законную силу и пользуются судебной защитой с соблюдением следующих общих положений. «Всякого рода не запрещенные законом договоры, заключенные: 1) правительственными органами и лицами в пределах предоставленного им законом права; 2) дееспособными гражданами и 3) признаваемыми законом юридическими лицами в пределах, указанных их уставами – считаются обязательными для заключивших договор сторон и дают им право на судебную защиту вытекающих из договора требований» [1, с. 173–176].

Следующим важным шагом стало постановление «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР, принятое на IV сессии 31 октября 1922 года». Статья 22 ГК гласила, что «национализированные и муниципализированные предприятия, их оборудование, железные дороги и их подвижной состав, национализированные суда, а равно национализированные и муниципализированные строения являются изъятными из частного оборота и не могут быть отчуждаемы и закладываемы теми органами, в ведении коих они состоят, а также обращаемы на удовлетворение кредиторов. Национализированные и муниципализированные предприятия, строения и суда могут сдаваться в аренду в установленном законом порядке» [2].

Таким образом, в условиях развертывания НЭП основной формой эксплуатации портовой территории в начале 1920-х гг. становилась ее аренда различными предприятиями, частными лицами, фирмами. Исходя из этого, необходимо рассмотреть найденные нами соответствующие договоры с целью выявления особенностей данного процесса.

Здесь, очевидно, следует указать, что этот процесс, согласно документам, начался еще в 1920 г. Так, к примеру, подписанный начальником и комиссаром Николаевского морского порта Баглаем и начальником эксплуатационной части управления порта Миттольтом 8 февраля 1921 г. акт был составлен на основании отношения Эксплуатационного отдела управления морского транспорта Черного моря от 12.11.1920 за № 160/2/3170 о передаче Управлением Николаевского морского порта во временное пользование «Раусводу» одного складочного помещения.

Условия передачи в аренду были такими. Во-первых, бетонное здание (б. Авраамовой) площадью 85 кв. сажен, крытое цементной черепицей, с каменным полом, находящееся на моле каботажной гавани, предоставлялось «Раусводу» для хранения горючих материалов для нужд Водного Транспорта.

Во-вторых, применение склада для иных целей нежели те, которые указаны выше, как и передача «Раусводом» помещения другим советским учреждениям без ведома и письменного разрешения Управления порта не допускалась.

В-третьих, плата за пользование складом устанавливалась в 4 рубля за кв. саж. пола в сутки, считая с 4 января 1921 г., согласно приказу начальника управления морского порта от 1 января за № 12 пар. 1.

Платеж следуемых денег следовало производить за каждый истекший месяц в кассу Управления Порта на предмет сдачи в местный Расчетно-Кассовый подотдел для зачисления за счет Главвода в Одесском Губфинотделе.

При этом «Раусвод» обязывался освободить склад по первому требованию управления порта и не позже 2-х недель со дня получения уведомления от управления порта о необходимости данного склада для нужд самого порта и сдать его обратно в том же исправном состоянии в каком находилось помещение в момент занятия его «Русводом» [3, л. 1].

Как видим, особых условий данный договор не содержал, за исключением вопросов изменения назначения, субаренды и сроков прекращения договора.

Очевидно, испытывая нужду и в последующих подобных договорах, 1 июля 1922 г. руководство Николаевского порта произвело осмотр территории порта на предмет сдачи в аренду (150, л. 9). В результате этого была составлена «Ведомость площадей складов, пакгаузов и участков для открытого хранения на территории Николаевского Торгового порта». В нее вошли: каботажный отдел (соляная мель-

ница «И. Иоффе»); склад быв. «Вишневого»; склад «Бронтана»; склад «Когана»; склад бывшего «СМТНС», а в 1922 г. Линучастка; пакгауз Сиродкомгуба, пакгауз Линучастка; склад «Гутмтейна» сан. Линучасток; склад «Когана», пакгауз «Губтопа». Всего – 10. Было еще помещение «Федорова», но его снесли.

На западной стороне заграничного отдела находились склады руды бывшего международного о-ва (780 кв. саж.); склады железа Внешторга (1020 кв. саж.); склады Укрystalла (4030 кв. саж.) [3, л. 11].

В результате проведенной инвентаризации стала возможной дальнейшая работа в указанном направлении. Так, 27 июля 1922 г. Николаевский морской торговый порт в лице начальника порта Баглая с одной стороны и Николаевское губернское представительство Екатеринославского агенства центрального правления каменноугольной промышленности Донецкого бассейна (далее – ЦКПК) в лице представителя такового Самсона Александровича Зингмана заключили арендный договор (№ 878). Основную его часть, по нашему мнению, следует привести, так как она стоит несравненно выше по технике исполнения, нежели предыдущие акты подобного характера.

Им, в частности, предусматривалось, что Морпорт сдает ЦКПК в арендное пользование открытое складочное место в г. Николаеве на каботажной гавани, ограниченное деревянным забором, всего общей площадью... кв. саж. со всеми находящимися постройками и службами, за исключением сарая, помеченного на плане Л. В., согласно прилагаемому плану, составляющему неотъемлимую принадлежность договора. Помимо того, ЦКПК предоставлялось право пользования в течение всего срока сего договора возовыми весами Морпорта, а равно и десятичными, в то время когда весы эти не заняты были обслуживанием нужд Морпорта (п. 1).

Передачу складочного места арендатору в полном объеме п. 1 договора следовало произвести не позже 2-х дней по его подписании, причем следовало составить подробный акт о количестве и состоянии передаваемого имущества (п. 2).

Срок аренды определяется на срок в один год со дня передачи склада арендатору, причем передача арендатором склада другому лицу или учреждению не могла быть осуществлена без ведома и согласия Морпорта (п. 3).

Устанавливалось, что договор мог быть прекращен досрочно: а) по взаимному соглашению сторон; б) при ликвидации одного из договаривающихся учреждений; в) по постановлению суда (п. 4).

В течение всего срока аренды ЦКПК обязывался содержать склад и все взятые в аренду постройки в полной исправности и производить за свой счет необходимый текущий ремонт (п. 5).

Безусловно, что за пользование складочным местом ЦКПК обязывался уплачивать порту арендную плату по ставкам, установленным для открытых складочных помещений местным совещанием по портовым делам, указанным в законе порядком; уплачивать за аренду здания, конторки и других построек по ценам, установленным для закрытых складочных помещений (п. 6).

В счет причитающихся за аренду платежей, согласно предыдущему пункту, ЦКПК при подписании договора вносил в кассу Морпорта, в виде аванса, 50.000 руб. в денежных знаках выпуска 1922 г. Причем эта сумма, по требованию Морпорта, должна была быть немедленно пополнена арендатором в случае, если причитающиеся за аренду платежи превысили этот аванс. Расчет за аренду следовало про-

изводить ежемесячно, по истечении календарного месяца, путем списания причитающейся за истекший месяц суммы со сказанного выше аванса. В случае, если аванс не был израсходован полностью на покрытие арендной платы ко времени истечения срока договора, то остаток его выдавался ЦПКП по совершении окончательного расчета (п. 7).

Морпорт оставил за собой право надзора за состоянием сдаваемого в аренду имущества, а потому арендатор обязывался допускать представителей Морпорта в арендуемые помещения для их осмотра (п. 8).

В случае неисполнения одной из сторон условий данного договора потерпевшая сторона получила право: 1) требовать возмещения убытков, причиненных действиями контрагента; 2) требовать расторжения договора в судебном порядке (п. 9).

Ко дню прекращения договора арендатор обязывался сдать Морпорту арендуемое имущество в полной исправности, во всем согласно акту передачи этого имущества от Порты ЦПКП при начале аренды; а в случае обнаружения приемной комиссией каких-либо повреждений или недостатков против указанного акта арендатор обязывался возместить все происшедшие от этого для Морпорта убытки (п. 10).

Особо оговаривалось, что все споры по этому договору должны рассматриваться в судебных учреждениях г. Николаева (п. 11). Сам договор составлялся в двух экземплярах и должен был быть отправлен на утверждение в «Центр» [3, л. 12–12 об.].

Однако учитывая фактическое отсутствие общегосударственной базы нормативного урегулирования вопросов, связанных с арендной деятельностью на территории морских портов, в их работе достаточно часто возникали различные инциденты.

Так, еще в 1921 г. морской порт Николаева передал в аренду Опродкомгубу склад бывшего Международного общества для хранения керосина и цилиндрического масла, причем охрана указанных грузов и ответственность за них была полностью отнесена к обязанностям Опродкомгуба. Однако арендатор, несмотря на неоднократные напоминания порта об уплате за пользование складом наличными деньгами или натурой, все же причитающиеся с него платежи не внес. Исходя из этого, по распоряжению порта было задержано в складе 250 бидонов керосина, при чем были отобраны ключи от склада, что, конечно, нисколько не снимало с Опродкомгуба обязанностей по охране груза, тем более что на дверях склада по-прежнему оставались пломбы Опродкомгуба [3, л. 14–16].

Многие текущие вопросы жизнедеятельности портов в этот период решались непосредственно на местах. Так, к примеру, на совещании по портовым делам в заседании 26 и 27 августа 1922 г. были утверждены и вошли в законную силу следующие ставки сборов местного значения:

I. а) за аренду жилых помещений; б) за аренду участков портовой территории под установку на них переносных, для торговли, деревянных будок; в) за пользование рыбаками береговой полосы на портовой территории для ремонта судов и также для складки, очистки, промывки и сушки рыбных снастей; г) за очистку судов от мусора, угольной гари, сажи и отбросов; д) за пользование паровым краном совместно с другими погрузочными приспособлениями; за пользование стрелой Темпереля; е) за пользование перегрузочными зерновыми ямами; ж) за пользование Дековилевским перегрузателем; з) за козлы, за ящики; и) за пользование только погрузочным инвентарем, указанным в литерях В, Г, Д, Е и Ж (без кранов и стрел) насчитывается только за их ремонт; к) за доставку погрузочных приспособлений

(например кранов) оплачивалось дополнительно по соглашению; л) за пользование различными приспособлениями (вышеперечисленными, особенно ленточными механизмами) устанавливалась дифференцированная плата в зависимости от груза, отдельно за зерно, соль, хлеб, руду.

II. За пользование причальными приспособлениями: сходнями большими, средними, малыми (дифференцированно).

III. За пользование плавучими средствами: при буксировке пароходом «Есенин» одна цена, пароходом «Стрела» – другая. За перестановку в пределах порта (вне зависимости от расстояния и продолжительности работы) суда, находящиеся под парами, когда не требуется работы буксира; и иная цена, когда нужна работа буксира.

IV. Для пользования складочными помещениями – отдельно цена для государственных и отдельно для других предприятий. За пользование открытыми площадями также раздельно цена; за пользование огражденными участками; «кроме того, в случае значительного спроса, на такие участки должна допускаться сдача их с торгов».

V. За снабжение электрической энергией.

VI. За снабжение порта водой [3, л. 7–8].

Однако в хаосе начала 1920-х гг. установление нормальных взаимоотношений между различными хозяйствующими организациями было скорее исключением. Так, тому же управлению Николаевского Морского торгового порта предлагало «Химсоли» «в срочном порядке уведомить его с какого времени и на каком основании Вами занят под слемольню и склад соли, принадлежащий порту деревянный амбар на моле каботажной гавани, площадью 55 кв. саж.».

Одновременно с этим управление морского порта предлагало данной организации, в случае если у нее была надобность в этом амбаре и в дальнейшем, прислать своего полномочного представителя в управление порта «не позже 24 июля для заключения договора на аренду указанного складочного помещения, в противном случае Вам предлагается немедленно очистить это помещение» [3, л. 63].

Следует указать, что большинство складских помещений и пакгаузов порта занимали такие организации: Госпароходство, Химсоль, Внешторг, Машинотрест, Портовое управление, ЦККП, «Экспорт руда» (г. Харьков) [3, л. 77].

С последней указанной организацией у управления морского порта Николаева также возникало много разногласий в вопросах аренды портовой территории. Так, в частности, общество не соглашалось со способом определения площадей, занимаемых рудой, без присутствия своего представителя.

Более того, «Экспорт руда» указывала, что если плата за пользование площадями устанавливалась помесечно, то обмер должен был бы происходить в присутствии их представителя на каждое первое число. Данная организация вынуждена была возражать по поводу включения в площадь где хранился их груз, площади в 1020 кв. саж., занимаемой железом, к которому она не имела никакого отношения.

Также она отказывалась от распространения приказа за № 1395 от 18.09 1922 на предыдущее время: «Мы считаем указанные в означенном приказе ставки в 80 коп. золотом с квадратной сажени в месяц чрезмерно большими, слишком отягчающими экспорт руды, груза по существу малоценного и невыдерживающего больших накладных расходов». По этому поводу организация готовилась представить отзыв в портовое присутствие для обсуждения и дальнейшего предоставления в центр.

Не желая задерживать уплату арендной платы за занимаемые под руду площади портовой территории, «Экспорт руда», тем не менее, соглашалась внести плату с 1-го июля по действительно занятой ей на каждое первое число по обмеру, исходя из установленной портовым присутствием годовой платы в 3 руб. с кв. саж. т. е. по 3/12 руб. в месяц за квадратную сажень по курсу дня на каждое первое число данного месяца [3, л. 78].

Очевидно, что в попытке нормализовать вопросы аренды портовой территории в торговом порту Николаева был составлен типовой договор на основании приказа НКПС от 18 сентября за № 1398. В нем управление Николаевского морского торгового порта выступало арендодателем, а иная сторона, соответственно, контрагентом, а подписывался договор со стороны порта его начальником.

Согласно документу контрагенту предоставлялся в арендное пользование сроком «с ... по ... за №.. участок... портовой территории, принадлежащей Николаевскому Морскому Торговому Порту в количестве ... кв. саж. находящихся ... в ... отделе порта... для... за плату по ... руб. ... коп. золотом в месяц за каждую квадратную сажень, каковая плата вносится в кассу управления за ... месяц... вперед» (п. 1).

При этом взятый в аренду участок портовой территории мог служить только для конкретного, оговоренного в договоре применения. Использование его для какой-либо другой цели могло быть допущено лишь с разрешения управления порта (п. 2).

В обеспечение исполнения принятых на себя обязательств, контрагент должен был внести при подписании договора залог «в размере ... арендной платы за участок..., т. е. руб... коп.». Залог следовало внести в кассу счетной части порта (п. 3).

Арендную плату полагалось вносить вперед, в установленный договором срок. В случае же просрочки какого-либо платежа из залога контрагента перечислялись в доход управления порта как плата, так и штраф в предусмотренном размере. В этом случае залог следовало немедленно пополнить контрагентом в соответствующей сумме. Если в назначенный портовым управлением срок залога не был пополнен, то договор считался нарушенным со стороны контрагента со всеми последствиями (п. 4).

Субаренда фактически была запрещена, так как договором предусматривалось, что контрагент не имеет права передавать настоящий договор ни в целом, ни в части его другому лицу без особого на то разрешения в установленном порядке (п. 5).

По нашему мнению, права арендатора ущемлялись тем, что п. 6 договора предусматривал, что управление порта может до истечения срока аренды отобрать арендуемый контрагентом участок портовой территории для нужд порта в интересах развития порта, а также в случае необходимости общего переустройства железнодорожных путей. Контрагент обязывался в таких случаях освободить или уменьшить участок в указанный портовым управлением срок. При этом не устанавливалось какого-либо временного периода для того, чтобы контрагент мог предварительно подготовиться к грядущему освобождению арендуемой территории или ее части.

Более того, договор также требовал, чтобы контрагент приступил к эксплуатации отведенных ему мест портовой территории немедленно по подписании портовым управлением акта об отводе. При неисполнении этого, а также в случаях приостановки операций отведенный участок по договору мог считаться управлением

порта свободным и потому быть сдан другим предпринимателям (п. 7). В данном случае, как и в предыдущем пункте, управление порта явно старалось усилить свои права в ущерб арендатору. Ведь таковой обязан был оплачивать аренду и в том случае, если участок пустовал.

Естественным выглядит положение договора, которым все время пользования участком контрагент обязан был подчиняться действующим в порту правилам об отдаче в аренду участков портовой территории, обязательным по порту постановлениям как изданным, так и тем, которые могли быть изданы, и прилегающую к нему портовую территорию в должной чистоте (п. 8).

Однако в то же время все расходы по заключению такого договора, равно как и уплата всех причитающихся гербовых и иных пошлин, а также всех налогов по сооружениям, находящимся на сданном в аренду участке, относились к обязанности контрагента (п. 9).

Ну и, наконец, предусматривалось, что плата за арендуемый участок могла подлежать изменению «по распоряжениям Центра и контрагент обязан подчиняться всем таковым распоряжениям» (п. 10). Письменный вариант договора предлагалось к хранению при делах управления Николаевского морского торгового порта, а контрагенту предлагалось лишь выдача засвидетельствованной с него копии (п. 11) [3, л. 102–102 об.].

Как видно из представленного выше материала, разработанный в Николаевском морском торговом порту типовой договор на аренду частей его территории и складов ориентировался на интересы управления порта в ущерб интересам арендатора. Последующие события лишь подтверждают, что данная проформа договора не была использована далее как типовая. К тому же за арендой необходимых площадей обращались самые различные ведомства и организации, интересы которых для государства были более важны, нежели интересы порта.

Так, специальным письмом 9 марта 1923 г. центральная хлебоэкспортная база Укрвнешторга обратилась в Междуведомственную комиссию при николаевском УЭКосо по распределению складочных помещений. Данная организация просила о предоставлении ей в арендное пользование, для надобностей государственного хлебного экспорта, нижеследующих складочных помещений в районе Николаевского торгового порта:

Амбар № 2 (б. Фришина), фактически уже и так занятый и ремонтируемый базой Укрвнешторга; корпус амбара без №№ (б. Петроградского международного банка), занимаемый в то время «АРА»; амбары за №№ 119, 121, 123 и 125 по Заводской улице, занимаемые организацией Нансена и 15-й Сивашской Дивизией, амбары за №№ 107, 108, 109 близ порта, числящиеся за Одесторгом, и амбар № 49 по Мельничной улице, числящийся за «Селотехникой».

Принимая во внимание, что все перечисленные выше организации и учреждения использовали занимаемые ими складочные помещения не для целей экспорта, Укрвнешторг, на основании постановлений Украинского Экономсовета от 26 и 30 января 1923 г., а также согласно постановлениям местного Экономсовета, просил принять меры к срочному освобождению указанных помещений и передаче их в распоряжение базы Укрвнешторга, которая немедленно по передаче ей складов готова была приступить к производству на них необходимого ремонта и начать за-

грузку их прибывающими хлебными грузами, контингент поступления которых на апрель этого года был установлен в количестве свыше 2000000 пудов.

Учитывая значительное развитие хлебо-экспортных операций в последующие месяцы, Укрвнешгосторг оставлял за собой право дальнейших заявок на складочные помещения, а потому находил целесообразным оставление определенного их количества в качестве свободного резерва до выяснения потребностей экспорта в мае [4, л. 9].

В данном случае порт сопротивляться не мог. По результатам письма была создана специальная комиссия по обследованию и распределению складочных помещений города и порта 30 марта 1923 г. (об всех вышеупомянутых складах), а уже 5 апреля 1923 г. состоялась выписка из протокола № 2 заседания комиссии с таким результатом: «Передать все просимые склады, не занимающиеся под экспортные грузы, за исключением № 49, числящегося за “Селотехникой”, который передается пока лишь принципиально» [4, л. 10].

Руководство порта, не имея достаточной реальной власти, в том числе и в отношении своего имущества, не могло сопротивляться подобному нажиму, а потому вынужденно шло на уступки в ущерб собственным интересам. Так, 25 мая 1923 г. был подписан договор между николаевским уездным отделом коммунального хозяйства и центральной хлебоэкспортной базой Укрвнешгосторга, в результате которого откомхоз сдал по договору в арендное содержание центральной хлебоэкспортной базе Укрвнешгосторга принадлежащие ему хлебные магазины общей площадью 985 кв. саж. с платою по 10 руб. за кв. саж. в год под складочные помещения сроком на 3 года, т. е. с 25 мая 1923 г. по 25 мая 1926 г. (п. 1).

В договоре также были прописаны условия взноса арендной платы (п. 2), запрет на передачу арендуемых помещений другому лицу без письменного разрешения откомхоза (п. 3); обязательство содержать здания в исправности, производя внутренний и внешний ремонт (п. 4); перепланировка, переустройство и оборудование арендуемых помещений разрешалась только с согласия откомхоза (п. 5); арендатор обязывался подчиняться всем изданным и издаваемым постановлениям относительно торговли, санитарных и противопожарных мер, распоряжением о базарных площадях (п. 6); также арендатор обязывался произвести страхование этого имущества в Госстрахе или другом страховом учреждении за свой счет, в случае чего страховые – арендодателю (этот термин, как и арендатор, в тексте договора не используется) (п. 7).

При этом договором предусматривалось, что в случае нарушения какого-либо из пунктов договора арендатором откомхозу предоставлялось право его расторжения с взысканием подлежащих убытков (п. 8). Расходы же по совершению договора традиционно были отнесены на счет арендатора (п. 9) [4, л. 13].

В такой ситуации, когда портовые власти не были полноправными хозяевами на своей территории, неудивительно, что общая организация работы порта находилась на низком уровне. Так, в протоколе № 23 заседания бюро фракции Николаевского порткомвода 19 июня 1923 г. было указано на бесхозяйственность в приобретении автомобилей, а также на то, что отсутствовал какой-либо план в работе и в приобретении материалов. Заключенные договоры являлись ущербом для государства, особенно договор, заключенный с Сельхозом и Помголом. Подбор сотрудников оказал-

ся слабый, а капитан порта как администратор слаб, то же самое было сказано и о финансовой части [5, л. 18].

Близкая ситуация была и в иных морских торговых портах, поэтому приказ ЦУМОР НКПС № 80 от 19 сентября 1923 г. «О недопущении вмешательства каких бы то ни было организаций или ведомств в дела управления портов» был своевременным, но изменить ситуацию в корне без нормирования вопросов управления порта и эксплуатации его имущества существенно улучшить ситуацию не мог [5, л. 64].

В 1924 г. ситуация в порту г. Николаева не улучшилась. Договорные отношения между портом и арендаторами со стороны арендаторов в полной мере не исполнялись, многие арендаторы задолжали порту значительные суммы.

К концу 1924 г. для погашения задолжности порту был предъявлен иск в судебном порядке Доброфлоту, Заготконторе, Укрвнешгосторгу. Готовилась подача иска и Транскому. Вопрос о задолжности Госчапа (за аренду портовой территории, помещений и складов) оставался по разъяснению ЦУМОР открытым [6, л. 15]. Кроме того, порт был завален углем, который оказался непригоден для котлов, особенно для котлов ледоколов.

Подсобные предприятия управления порта («Красные кошары» сельскохозяйственного направления и мельница) были ликвидированы, а вот автомашины Николаевского порта почему-то работали в порту Одессы [6, л. 16].

Новый этап в деятельности морских торговых портов начался с образованием и началом деятельности государственного монополиста по экспорту хлеба. С 15 августа 1923 г. открыло свои действия АО для продажи хлебопродуктов за границу Экспортхлеб. Это общество действовало на основании устава, утвержденного СНК 30 апреля этого же года. Учредителями общества стали НКВТ, Госбанк, Центросоюз, Хлебопродукт, Сельсосоюз и Всекобанк. Правление общества размещалось в Москве на ул. Тверской и площ. Революции, д. 1/21.

Согласно уставу, Экспортхлеб вывозил за границу для продажи различные хлебофуражные и масленичные (растительные) продукты в сыром и обработанном виде как за свой собственный счет, так и по поручению советских экспортеров, причем совершало все действия по хранению, транспортированию и страхованию хлебопродуктов в пределах СССР и за границей, а равно по продаже и выдаче их иностранным покупателям с производством по таким продажам расчетов с владельцами продуктов.

На момент организации общество уже имело отделения в СССР: в Петрограде, Новороссийске, Феодосии, Мариуполе, Николаеве и Одессе, и за границей – в Копенгагене, Гамбурге, Риге и Ревеле; бюро в Берлине и представительства в Англии (Аркос), Италии, Турции, Швеции, Норвегии, Финляндии [7, л. 19].

В первые же годы своей деятельности Экспортхлеб стал важным участником на рынке аренды портовых помещений и складов. Так, 18 июля 1925 г. Окрисполкому в Николаев от председателя совнаркома УССР Чубаря пришла следующая телеграмма: «В виду наступления хлебоэкспортной кампании и необходимости усилить пропускную способность портов предлагаю оказать полное содействие Экспортхлебу при передаче ему в аренду складских помещений от месткомов в портах, избегая перенесения разногласий в Центр для решения в принудительном порядке». Далее в документе предписывалось добиваться получения необходимых складов сроком на 2 года по цене 55 коп. сажень в месяц [8, л. 59].

Однако не следует думать, что договоры на аренду портовой территории и имущества в этот период заключали лишь коммерческие и государственные организации. Частные лица в период НЭПа также активно выступали на этом рынке, правда, в значительно меньших объемах. В качестве примера можно привести договор, заключенный 1 апреля 1925 г. между начальником порта Керчи и гражданами Чернышевым и Костромицким, о сдаче в аренду 4 сажень портовой территории под будку для продажи съестных припасов и прохладительных напитков. При оплате ежемесячно, считая каждую сажень по 1 р. 80 коп. как инвалидам, им следовало вносить каждый месяц 7 р. 20 коп. [9, л. 13].

Этой же датой заключен такой же договор с Ламброниди на будку по 10 руб. в месяц (60, л. 16), а 1 мая 1925 г. начальник порта Керчи заключил договор с Караманиди на расположение будки также по 10 руб. в месяц [9, л. 27].

Кроме того, следует упомянуть договор Керченского порта с кооперативным союзом рыболовных товариществ на аренду амбара на 2 месяца для обработки рыбы по 100 руб. в месяц. Размеры амбара были таковы: длина 19 м, ширина 7 м. [9 л. 63].

Как видно из представленного выше материала, гражданско-правовые отношения на территории морских торговых портов в первой половине 1920-х гг. развивались довольно активно, однако их нормальное развитие тормозило отсутствие четко нормированной правовой основы.

Список литературы:

1. Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР: Постановление III сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва : [Декрет ВЦИК от 22 мая 1922 г.] : [Приложение к статье «Основные частные имущественные права, признаваемые РСФСР»].// Правовые условия торгово-промышленной деятельности в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике. – Москва; Петроград : Госиздат, 1922. – С. 173–176.
2. О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР, принятое на IV сессии 31 октября 1922 года. – Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. – М., 1950 г.
3. Государственный архив Николаевской области, ф. Р-129, оп. 1, д. 116. Дело об аренде портовой территории для складов и пакгаузов. 8.02.1921–30.12.1922. 102 л.
4. Там же, Р-945, оп. 1, д. 36. Переписка с начальниками Екатеринбургской и Николаевской железных дорог и портом о предоставлении вагонов, ремонте подъездных путей, создании условий по разгрузке вагонов и загрузке пароходов. 26.06.-31.12.1923. 223 л.
5. Там же, Р-129, оп. 2, д. 3. Стенограмма директивного доклада т. Дзержинского на фракции пленкома Правлений. Постановления и циркуляры НКПС и ЦК РКП о заработной плате. Приказы по центральному Управлению Морского Транспорта о порядке осведомления печати о положении дел порта и др. Список уволенных сотрудников управления порта. 1923 г.
6. Там же, Р-129, оп. 1, д. 119. Протоколы заседаний технической комиссии. Акты передачи, осмотра и проведенного ремонта судов и шлюпок. 28.03-5.10.1922 г. 189 л.
7. Там же, Р-945, оп. 1, д. 30. Постановления СТО, циркуляры правления Экспортхлеба, список отделений Экспортхлеба за границей, переписка с московским отделением Экспортхлеб об отправке хлебных грузов, заключение договоров, работе Николаевского элеватора. 28.06–29.12.1923. 262 л.
8. Там же, Р-945, оп. 1, д. 56. Постановления СНК УССР, циркуляры и распоряжения «Экспортхлеб». 1.11.1924–13.11.1925. 206 л.
9. Государственный архив республики Крым, ф. р-1584, оп. 2, д. 163. Об аренде портовой территории. 20.01.1925–22.12.1925. 70 л.

Lyubinetskiy A. N. Becoming of legal settlement of questions of lease and exploitation of territories of marine ports in the USSR in 1920th // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – Р. –39.

It is indicated in the article, that with completion of the basic stages of civil war and beginning new economic POLICY there was a vital requirement in the settlement of civil legal relationships. On this stage major normatively a legal act a decree became "About the basic private property rights, acknowledged by RSFSR, guarded by her laws and protected by courts RSFSR" from Mays, 22 1922 On the basis of this decree the civil legal relationships expressed first of all in entering into the different contracts of tenancy on property of ports began in marine ports of country actively to develop. As be obvious from the material presented in the article,

civil legal relations on territory of marine trade ports in the first half 1920th developed actively enough, however their normal development braked absence of the clearly rationed legal framework.

Keywords: marine port, lease, storage facilities, territory, USSR, managing organizations.

Spisok literaturyi:

1. Ob osnovnykh chastnykh imuschestvennykh pravakh, priznavaemykh RSFSR, ohranyaemykh ee zakonami i zaschischaemykh sudami RSFSR: Postanovlenie III sessii Vserossiyskogo Tsentralnogo Ispolnitelnogo Komiteta IX sozyiva : [Dekret VTsIK ot 22 maya 1922 g.] : [Prilozhenie k state "Osnovnyie chastnyie imuschestvennyie prava, priznavaemyie RSFSR"]. // Pravovyye usloviya torgovo-promyshlennoy deyatelnosti v Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respublike. – Moskva; Petrograd : Gosizdat, 1922. – S. 173–176.
2. O vvedenii v deystvie Grazhdanskogo kodeksa RSFSR, prinyatoe na IV sessii 31 oktyabrya 1922 goda. – Sobranie uzakoneni i rasporyazheniy pravitelstva za 1922 g. – M., 1950 g.
3. Gosudarstvennyiy arhiv Nikolaevskoy oblasti, f. R-129, op. 1, d. 116. Delo ob arende portovoy territorii dlya skladov i pakgauzov. 8.02.1921–30.12.1922. 102 l.
4. Tam zhe, R-945, op. 1, d. 36. Perepiska s nachalnikami Ekaterininskoy i Nikolaevskoy zheleznnykh dorog i portom o predostavlenii vagonov, remonte pod'ezdnykh putey, sozdaniyu usloviy po razgruzke vagonov i zagruzke parohodov. 26.06.-31.12.1923. 223 l.
5. Tam zhe, R-129, op. 2, d. 3. Stenogramma direktivnogo doklada t.Dzerzhinskogo na fraktsii plenma Pravleniy. Postanovleniya i tsirkulyari NKPS i TsK RKP o zarabotnoy plate. Prikazy po tsentralnomu Upravleniyu Morskogo Transporta o poryadke osvedomleniya pečhati o polozenii del porta i dr. Spisok uvolennykh sotrudnikov upravleniya porta. 1923 g.
6. Tam zhe, R-129, op. 1, d. 119. Protokolyi zasedaniy tehnikeskoy komissii. Aktyi peredachi, osmotra i provedennogo remonta suden i shlyupok. 28.03-5.10.1922 g. 189 l.
7. Tam zhe, R-945, op. 1, d. 30. Postanovleniya STO, tsirkulyari pravleniya Eksporthleba, spisok otdeleniy Eksporthleba zagranitsey, perepiska s moskovskim otdeleniem Eksporthleb ob otpravke hlebnnykh gruzov, zaklyuchenie dogovorov, rabote Nikolaevskogo elevatora. 28.06–29.12.1923. 262 l.
8. Tam zhe, R-945, op. 1, d.56. Postanovleniya SNK USSR, tsirkulyari i rasporyazheniya «Eksporthleb». 1.11.1924–13.11.1925. 206 l.
9. Gosudarstvennyiy arhiv respubliki Krym, f. r-1584, op. 2, d. 163. Ob arende portovoy territorii. 20.01.1925–22.12.1925. 70 l.

УДК 347.644/462

ПРИВЕДЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СССР В СООТВЕТСТВИЕ С ЙОРК-АНТВЕРПЕНСКИМИ ПРАВИЛАМИ 1924 Г.

Сорокин Г. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье указано, что СССР изначально стремился инкорпорировать в свое законодательство нормы международного морского права. Отмечается, что с принятием Йорк-Антверпенских правил 1924 г. советское законодательство, в основном начиная с 1926 г., стало постепенно заменяться новыми нормативными актами, однозначно базировавшимися на этих правилах. В этот период были приняты такие нормативные акты: 27 июля 1926 г. – «Об общей и частной аварии, о возмещении убытков от столкновения судов и о морских протестах» с изменениями и дополнениями в постановлении СНК от 21 декабря 1926 г.; 7 апреля 1927 г. – «Об общей и частной аварии». Сюда же можем отнести разработанный и внедренный с 1923 г. Аварийный акт и Консульский устав СССР.

Ключевые слова: Йорк-Антверпенские правила, законодательство, морское право, общая и частная аварии; возмещение убытков; морской протест.

Принятие Йорк-Антверпенских правил 1924 г. [1, с. 372–373] безусловно потребовало приспособления к ним советского морского торгового права. Все ранее изданные нормативные акты по данному вопросу резко оказались устаревшими и подлежали отмене. Однако удалось это сделать лишь к середине 1926 г., когда 27 июля СНК СССР принял постановление «Об общей и частной аварии и о морских протестах» [2]. Но уже постановлением СНК от 21 декабря 1926 г. были внесены в него изменения и дополнения [3].

Так, по Йорк-Антверпенским правилам устанавливалось, что общей аварией следует признавать намеренно и разумно, с целью спасения судна, фрахта и перевозимого на судне груза от общей для них опасности, произведенные чрезвычайные расходы или сделанные чрезвычайные пожертвования. Дополнением к этому, в связи с особенностями деятельности советского торгового флота в рассматриваемый период, предписывалось признавать аварию общей и тогда, когда при указанных выше обстоятельствах на судне не находилось груза (п. 1).

Устанавливалось, что пожертвования и расходы, признаваемые общей аварией, ложатся на судно, груз и фрахт соразмерно их стоимости согласно диспашу (п. 2).

Распределение расходов и убытков от пожертвований, признаваемых общей аварией, следовало производить, если иное не было предусмотрено соглашением сторон на основании Правил в редакции 1924 г. (п. 3).

В то же время расходы и убытки по судну, фрахту и грузу, не подпадающие под понятие общей аварии или под понятие убытков от столкновения судов, признавались частной аварией. Эти убытки и расходы распределению между судном, грузом и фрахтом не подлежали (п. 5).

Далее Постановлениями были внесены изменения в отношении института диспашеров, исходящие из изменившейся с начала 1920-х гг. социально-экономической обстановки. Определение рода аварии, исчисление размеров общей

аварии и составления диспаша как и ранее возлагалось на диспашеров, однако теперь они объявлялись состоящими при товарных биржах (п. 6).

Диспашеры стали служащими бирж и должны были назначаться их биржевыми комитетами из лиц, выдержавших испытание в особой испытательной комиссии в знании законов, правил и постановлений по торговому мореплаванию СССР, иных государств, а также международных обычаев (п. 7).

Издание правил, определяющих порядок и размеры вознаграждения диспашеров за составление диспаша, возлагалось на наркомторг СССР по соглашению с НКПС (п. 9). Важным было установление того правила, по которому при определении рода аварии, исчислении размеров общей аварии и составлении диспаша диспашер, при неполноте постановлений законов СССР, должен был руководствоваться международными обычаями торгового мореплавания (п. 10).

Устанавливалось, что диспашер приступал к производству дела об аварии по заявлению заинтересованных лиц, причем обязан был прежде всего составить особое постановление, определяющее род аварии. Заинтересованные лица имели право оспорить это постановление предъявлением иска в подлежащем суде. При предъявлении иска производство диспаша продолжалось только тогда, когда об этом было особое определение суда (ст. 11).

В случае признания аварии общей диспашер приступал к составлению диспаша, о чем оповещал в «Известиях ЦИК Союза ССР и ВЦИК» и в официальном органе печати по месту составления диспаша. Подобное же объявление диспашер должен был вывесить в зале товарной биржи (п. 12).

В этих публикациях и объявлениях диспашер должен был указать, какие именно документы и сведения должны ему представить заинтересованные лица для составления диспаша. Эти лица с целью защиты своих интересов также могли представлять диспашеру, кроме требуемых им документов и сведений, и другие документы и сведения, какие ими считались необходимыми (п. 13).

Как и ранее, устанавливалось, что все документы, на основании которых составляется диспаша, должны быть открыты для обозрения заинтересованных лиц. По требованию последних диспашер обязан был выдавать им засвидетельствованные копии с этих документов (п. 14).

Об окончании своей работы диспашер оповещал в «Известиях» и официальном органе печати по месту составления диспаша (п. 16). Диспаша подписывается диспашером с приложением печати, с этого момента диспаша считалась законченной, имела силу доказательства и подлежала исполнению по истечении указанных в ст. 18 сроков на предъявление иска, если таковой не был предъявлен. Предъявление же иска приостанавливало исполнение диспаша (п. 17).

Еще одной распространенной в морском праве иных государств и воспринятой в СССР нормой стало положение, по которому при несомненном наличии общей аварии, в нетерпящих отлагательства случаях начальнику порта СССР предоставлялось право по просьбе одних из заинтересованных в распределении общей аварии лиц задержать в порту аварийное судно или аварийный груз до представления другими из заинтересованных в данном деле лиц соответствующего обеспечения. Такое распоряжение начальника порта действовало лишь в течение 48 ч., после чего оно теряло силу, если не было подтверждено соответствующим постановлением суда.

При согласии стороны, заявившей просьбу о задержании судна, представление обеспечения могло быть заменено представлением обязательства отвечать по общей аварии в пределах стоимости судна, фрахта или груза (аварийного реверса) (п. 20).

Однако и здесь советский законодатель поспешил оградить свои интересы, предусмотрев особо, что постановления ст. ст. 19 и 20 не распространяются на торговые суда, принадлежащие СССР или союзным республикам, и на суда мореходных предприятий СССР, в уставах которых указывалось, что их суда не могут быть обращаемы на удовлетворение претензий кредиторов (п. 20). Такой подход, безусловно, ставил иностранных судовладельцев в менее выгодное положение.

Вторая часть рассматриваемых постановлений была посвящена важнейшему вопросу, ранее никогда должным образом не прописанному в отечественном праве – морским протестам.

Устанавливалось, что заявление о наличии общей или частной аварии или о предполагаемой частной аварии капитан судна должен произвести одному из местных нотариусов не позднее 24 ч. с момента захода в порт СССР; если же авария имела место во время нахождения в порте СССР, то не позднее 24 ч. с момента аварии. Это заявление капитан должен был делать, не открывая люков, однако ему позволялось приступить к выгрузке груза до представления означенного выше заявления «лишь в случае крайней необходимости» (п. 22). К сожалению, в законе не устанавливались такие случаи конкретно, что, по нашему мнению, ошибочно и заранее создавало возможные конфликтные ситуации.

В течение 7-дневного срока с момента захода в порт или с момента аварии, в зависимости от того, где имела место авария, капитан в дополнение к указанному в предыдущей статье заявлению должен был представить нотариусу судовой журнал или заверенную им выписку из судового журнала. В случае же гибели судового журнала капитан должен был подробно излагать в поданном нотариусу заявлении все обстоятельства, связанные с аварией (п. 23).

В свою очередь, нотариус на основании заявления капитана и данных судового журнала, а также опроса самого капитана и, по возможности, не менее двух лиц командного состава и двух лиц судовой команды составлял акт о морском протесте (п. 24). О заявлении капитана об аварии нотариус должен был немедленно уведомить управление порта и местную товарную биржу, при ее наличии. В свою очередь, управление порта и товарная биржа вывешивали сообщение нотариуса на видном месте (п. 25).

В местностях, где не было нотариусов, их обязанности по принятию заявлений и совершению морских протестов возлагались на органы, на которые законодательством союзных республик согласно ст. 15 постановления ЦИК и СНК СССР от 14 мая 1926 г. об основных принципах организации государственного нотариата [4] было возложено исполнение нотариальных функций (п. 26).

В то же время устанавливалось, что принятие заявлений об аварии от капитанов иностранных судов и составление актов о морском протесте могло производиться консульскими представителями соответствующих иностранных государств на территории СССР при условии взаимности (п. 27). Кроме того, предусматривалось, что порядок совершения морских протестов, предусмотренный ст. ст. 22–27

Постановления, применялся и в случае подачи капитаном судна заявления о происшедшем столкновении судов (п. 28) [3].

Следует указать, очевидно, что с 1923 г. применялся советский Акт об аварии (форма аварийная) во всех морских торговых портах. Основная часть акта состояла из 27 основных пунктов: указывался род аварии, вид, точная дата и место происшествия, рейс, данные судна, количество спасательных средств и систем безопасности, условия (погодные) аварии, описание события и его исход (точные последствия), была ли затребована и в каком виде получена помощь. Кроме того, заключение начальника порта, экспертов или аварийной комиссии (были ли выполнены все условия безопасности судовождения, правила технической эксплуатации, устав внутренней службы, распоряжения инструкции и т. д.; когда были произведены последние (водные, пожарные и шлюпочные) тревоги по расписаниями, с каким результатом; утверждение о полной гибели судна; есть ли возможность спасти судно или его поднять; какими знаками ограждено место аварии, если судно затонуло; какого ремонта требует судно и приблизительный срок ремонта и т. п.) (п. 22). И, наконец, причины аварии (п. 23) и «на кого падает ответственность (должность, ФИО.) (п. 24) [5, л. 1–2 об.]».

Стоит упомянуть и о том, что постановлением ЦИК и СНК СССР от 8 января 1926 г. был принят Консульский устав СССР. В нем раздел VI был посвящен правам и обязанности консулов и консульских агентов в отношении судов торгового флота СССР. Содержащаяся в этом разделе глава III регламентировала права и обязанности консула и консульских агентов при кораблекрушениях и авариях (ст. 112–116) [6].

Следует указать и на то, что правила исчисления вознаграждения диспашеров за производство расчета по общей аварии (диспаши), выработанные на основании ст. 9 постановления СНК СССР о диспашерах от 27 июля 1926 г., были утверждены НКПС и Наркомторгом СССР и объявлены приказом НКПС от 25 января 1927 г. код. № 9207 и приказом Наркомторга от 23 декабря 1926 г. № 283. Ими, в частности, предусматривались нормы исчисления вознаграждения диспашерам за производство расчета по общей аварии (п. 1) [7, с. 339].

Кроме того, во исполнение и развитие рассмотренного постановления СНК СССР от 27 июля 1926 г. «Об общей и частной аварии, о возмещении убытков от столкновения судов и о морских протестах» 16 ноября 1926 г. вышло постановление Наркомюста УССР «Про порядок переведення морських протестів» (36–137), которым он возложил на государственные нотариальные конторы всех портовых и приморских городов также совершение морских протестов (п. 1). При совершении морских протестов нотариальным конторам руководствоваться правилами о морских протестах в ст. 22–28 упомянутого выше союзного постановления (п. 2) [7, с. 640].

Акт о морском протесте нотариальной конторе полагалось составлять в 2 экземплярах, из которых 1, как основной, следовало оставлять в делах конторы в отдельном наряде с приложением документов, которые послужили основанием к составлению акта, а другой выдавать капитану корабля или лицу, его заменяющему. В акте протеста следовало указать все главные моменты обстоятельств дела. Оба экземпляра акта подписывались капитаном корабля и другими опрошенными лицами и скреплялись подписью нотариуса и печатью конторы (п. 3).

В тех приморских местностях, где не было нотариальных контор, совершение морских протестов возлагалось на суды и райисполкомы, согласно примечанию 1 к ст. 142 «Положения о Судостроительстве УССР», с точным соблюдением изложенных выше правил (п. 5) [7, с. 641].

С установлением согласно Йорк-Антверпенских правил 1924 г. понятия общей и частной аварии, особенностях подчинения и действий диспашеров, а также порядка принесения морских протестов советский законодатель тут же сделал следующий шаг – 21 декабря 1926 г. СНК СССР принял постановление от «О возмещении убытков от столкновения судов».

В его п. 1 устанавливалось, что возмещение убытков от столкновения морских судов между собой или с судами внутреннего плавания в зависимости от флага столкнувшихся судов следовало производить:

а) либо на основании Брюссельской конвенции от 23.09.1910 г. ст. 11 данного Постановления;

б) либо на основании ст. ст. 3–12 этого Постановления.

Конвенцию от 23 сентября 1910 г. следовало применять в случаях, предусмотренных ст. 12 этой Конвенции.

Статьи же 3–12 этого Постановления применялись тогда, когда участниками столкновения были:

а) исключительно суда под флагом СССР;

б) исключительно суда под флагами двух или более государств, не являющихся участниками Конвенции 1910 г.;

в) суда под флагом СССР или флагами других государств - участников Конвенции 1910 г., с одной стороны, и суда под флагами государств, не являющихся участниками этой Конвенции, с другой стороны (ст. 1).

В то же время устанавливалось, что это постановление не распространялось на военные суда и служебные суда государственных учреждений (ст. 2). Под последними, очевидно, следовало понимать и суда различных типов, находящиеся в ведении морских торговых портов и лоцманские суда.

Постановлением устанавливалось, что когда столкновение произошло случайно или вследствие непреодолимой силы, убытки, причиненные судну или находящимся на нем лицам, грузу и другому имуществу, нес тот, кто их потерпел. Это правило применялось и тогда, когда по выяснении обстоятельств столкновения оставалось сомнение относительно его причин (ст. 3).

Если же столкновение было вызвано неправильными действиями или упущениями одного из судов, возмещение убытков возлагалось на тех, кто допустил неправильное действие или упущение (ст. 4).

В том случае, когда неправильные действия или упущения были допущены двумя или более судами, ответственность каждого из судов следовало определять соразмерно значению его неправильного действия или упущения. Если, однако, по обстоятельствам дела эта соразмерность не могла быть установлена или если неправильные действия или упущения представлялись равнозначными, то возмещение убытков падало в равных долях на суда, между которыми произошло столкновение (ст. 5).

За убытки, понесенные третьими лицами вследствие смерти или повреждения здоровья по ст. 5, суда отвечали перед потерпевшими солидарно, причем судно,

уплатившее долю большую, чем с него следует, имело право обратного требования к другим судам. Все остальные убытки, причиненные в указанных в предыдущей статье случаях, ложились на причинившие их суда по соразмерности, предусмотренной вышеупомянутой статьей, но без солидарной ответственности (ст. 6).

Особо указывалось, что нахождение на судне лоцмана, хотя бы пользование его услугами было обязательно, не освобождало судно от устанавливаемой предшествующими статьями ответственности за столкновение (ст. 7).

Немедленно после столкновения капитан каждого из столкнувшихся судов, насколько это возможно без опасности для своего судна, экипажа и пассажиров, обязан был оказать помощь другому судну, его экипажу и пассажирам. Равным образом капитаны обязывались, по возможности, сообщить друг другу названия своих судов и порты их приписки, а также место отправления и место назначения.

За неисполнение этого постановления капитан нес ответственность по законам СССР. Однако судовладелец за неисполнение капитаном указанных обязанностей не отвечал (ст. 8).

Оговаривалось и то, что иск о возмещении убытков, происшедших от столкновения, мог быть предъявлен без предварительного совершения морского протеста или каких-либо других формальностей (ст. 9). Впрочем это положение больше относилось к советским судам.

Исходя из международной практики, устанавливалось, что иск о возмещении убытков, происшедших от столкновения, погашался двухлетней давностью, исчисляемой со дня столкновения. В то же время иски по обратным требованиям, предусмотренным ст. 6, погашались годичной давностью, которая исчислялась со дня платежа (ст. 10).

Предусмотренные предыдущей статьей сроки удлинялись до трех лет, если судно, на которое падает ответственность за столкновение, не могло быть застигнуто в водах СССР, и если притом истец имел в СССР свое местожительство или предприятие (ст. 11).

И, наконец, устанавливалось, что это постановление следовало применять также в случаях: а) когда столкнувшиеся суда или одно из них в момент столкновения находилось на якоре; б) когда убытки причинены одним судном другому или находящимся на судне лицам, грузу и другому имуществу вследствие выполнения или невыполнения маневров либо вследствие несоблюдения правил, хотя бы при этом не произошло столкновения (п. 12) [10].

Как видим, советская теория морского права в этот период еще строго придерживалась принципа двойственности в определении термина «авария», с разделением его на общую и частую, и термина «столкновение судов».

Исходя из этого, последним до принятия Кодекса Торгового мореплавания СССР 1929 г. Шагом по законодательному оформлению и приведению в соответствие с международным правом вопросов, связанных с морскими авариями, стало принятие постановления СНК СССР от 7 апреля 1927 г. «Об общей и частной аварии». Этим документом общей аварией признавались «убытки, понесенные вследствие чрезвычайных расходов или чрезвычайных пожертвований или иных чрезвычайных мер, произведенных намеренно и разумно с целью спасения судна, фрахта,

подлежащего морскому риску, и перевозимого на судне груза от общей для них опасности» (ст. 1).

Если фрахтовщик не был одновременно владельцем этого судна, то авария признавалась общей и тогда, когда при вышеуказанных обстоятельствах на судне не было груза.

К общей аварии также приравнивались убытки, понесенные вследствие расходов, произведенных вместо других расходов, которые являлись бы общей аварией, но лишь в пределах той суммы, которая подлежала бы отнесению на общую аварию и израсходование которой было предотвращено (ст. 2).

Предусматривалось, что общая авария распределяется между судном, фрахтом и грузом соразмерно их стоимости. Такому же распределению подлежали и убытки, указанные в ст. 2 (ст. 3).

Соответственно частной аварией признавались все непредусмотренные в ст. ст. 1 и 2 убытки по судну, грузу или фрахту. Эти убытки не подлежали распределению между судном, грузом и фрахтом. Их нес тот, кто их потерпел, или тот, на кого пала ответственность за их причинение (ст. 4).

Общую аварию полагалось распределять в порядке, указанном в ст. 3, и в том случае, когда опасность, вызвавшая чрезвычайные расходы, пожертвования или иные меры (см. ст. 1), возникла от действий или упущений третьего лица или одного из участников договора морской перевозки. В то же время такое распределение не ограничивало права участников общей аварии на взыскание с лица, действиями или упущениями которого опасность была вызвана, всех понесенных ими убытков (ст. 5).

Устанавливалось, что распределение общей аварии может иметь место только тогда, когда судно и груз либо только судно или только груз были спасены в целом или в части, хотя спасение их не было следствием чрезвычайных расходов, пожертвований или иных мер, указанных в ст. 1 (ст. 6).

Однако право на распределение общей аварии утрачивалось полностью или в части, если предмет, убыток от повреждения которого был общей аварией, в дальнейшем подвергся гибели или новому повреждению, признаваемым частной аварией, и при том имелось достаточное основание предполагать, что этот предмет погиб бы или был бы поврежден независимо от чрезвычайных пожертвований или иных мероприятий, указанных в ст. 1.

Но если ранее гибели или вторичного повреждения были произведены расходы по исправлению поврежденного предмета, то право на распределение этих расходов сохранялось.

Признаваемая частной аварией гибель спасенного предмета, который своей стоимостью должен был участвовать во взносах по общей аварии (ст. 16), происшедшая во время того же рейса, освобождала владельца этого предмета от участия в означенных взносах (ст. 7).

Для распределения общей аварии следовало принимать стоимость судна, груза и фрахта по состоянию их во время и в месте окончания рейса (ст. 8).

Вообще к общей аварии законодатель отнес:

а) убытки, вызванные выбрасыванием за борт груза и принадлежностей судна для облегчения последнего в целях общего спасения, а также убытки от повреждения, причиненных судну или грузу при принятии мер общего спасения, в частности

вследствие проникновения воды в трюм через люки, открытые для выбрасывания груза, или через другие сделанные для этого отверстия;

б) убытки, вызванные тушением возникшего на судне пожара, в частности убытки от намеренного для этой цели затопления судна;

в) убытки, причиненные судну или грузу намеренной посадкой судна на мель для общего спасения;

г) убытки от повреждения машин и котлов судна, находившегося на мели в опасном положении, причиненные в стараниях, в целях общего спасения, снять судно с мели с риском причинения подобных повреждений;

д) убытки от повреждения или гибели парусов и рангоута вместе или отдельно причиненные в стараниях для общего спасения снять судно с мели или еще выше посадить его на мель;

е) чрезвычайные расходы по перегрузке груза или топлива или предметов снабжения из судна в лихтера, по найму лихтеров и по обратной погрузке на судно, произведенные для общего спасения при посадке судна на мель;

ж) убытки от повреждения или гибели груза, топлива или предметов снабжения, причиненные перемещением их на судне, выгрузкой из судна, хранением, обратной погрузкой и укладкой, в тех случаях, когда самые расходы по совершению этих действий являются общей аварией;

з) расходы, вызванные вынужденным заходом судна в порт или место убежища, или возвращением его в порт или место загрузки для общего спасения вследствие несчастного случая или какого-либо другого чрезвычайного обстоятельства, а также вследствие произведенного в целях общего спасения пожертвования;

и) расходы, связанные с выходом судна с грузом или частью его из порта или места убежища, либо порта или места загрузки, в случае вынужденного в него возвращения, когда эти расходы были следствием указанных захода или возвращения;

к) расходы, произведенные в порте или месте убежища, либо порте или месте загрузки, при вынужденном в него возвращении, по перемещению на судне или выгрузке из судна груза, топлива и предметов снабжения, когда перемещение на судне или выгрузка были необходимы для общего спасения, или же для исправления повреждений судна, вызванных несчастным случаем или пожертвованием, если это исправление было необходимо для продолжения рейса в безопасности;

л) расходы по обратной погрузке и укладке груза, топлива и предметов снабжения, выгруженных при обстоятельствах, указанных в п. «к», вместе со всеми расходами по хранению, включая страхование от огня, если таковое было;

м) расходы по уплате содержания судовому экипажу, как и стоимость его довольствования за излишнее время задержки судна в порте или месте убежища, либо порте или месте загрузки, в случае вынужденного в него возвращения, при обстоятельствах, указанных выше в п. п. «з» и «к»;

н) стоимость судового инвентаря или предметов снабжения, сожженных по необходимости вместо топлива, с целью общего спасения, однако при том лишь условии, что на судно был взят полный запас топлива; сметное количество топлива, которое было бы сожжено, должно быть кредитовано общей аварии по рыночной цене топлива в последнем порте отправления судна в день отплытия;

о) расходы, произведенные в целях получения помощи для спасения судна и груза, а также убытки, причиненные судну или грузу судами, которые оказывали помощь;

п) сумма фрахта, потерянного вследствие утраты груза, когда самые убытки вследствие подобной утраты признаются общей аварией; при этом из общей суммы потерянного брутто-фрахта должны быть произведены вычеты тех расходов, которые были бы в целях получения этого фрахта произведены фрахтовщиком, но которые им вследствие утраты груза произведены не были;

р) комиссия в размере 2 % с общей суммы указанных в ст. ст. 1 и 2 расходов тогда, когда средства для производства этих расходов не могли быть получены от участников общей аварии, издержки по получению путем бодмерейного займа или другим способом необходимых средств, убытки при продаже груза для этой цели;

с) стоимость страхования денежных сумм, авансированных для покрытия указанных в п. «р» расходов;

т) проценты на суммы убытков, указанных в ст. ст. 1 и 2, а также проценты на суммы, предварительно внесенные участниками общей аварии в размере 5 % годовых, за время до окончания расчета по общей аварии (даты диспаша);

у) стоимость временных исправлений судна, произведенных в порте или месте убежища, либо в порте или месте погрузки, в случае вынужденного в него возвращения, вследствие повреждения причиненного судну при обстоятельствах, указанных в ст. 1, с исключением из нее стоимости временных исправлений случайных повреждений судна, произведенных исключительно в целях возможности нормально совершить или закончить данный рейс; в этих случаях стоимость временных исправлений распределялась лишь в сумме тех предотвращенных расходов, которые были бы признаны общей аварией, если бы эти исправления не были произведены (ст. 9).

Однако закон также предусмотрел, что и тогда, когда признавалось негодным к плаванию или отказалось от продолжения первоначального рейса, из расходов по хранению груза, по уплате содержания судовому экипажу и по его довольствованию (п. п. «л» и «м») подлежали отнесению на общую аварию лишь расходы, произведенные до дня признания судна негодным к плаванию или до отказа его от продолжения рейса. В том случае, когда признание судна негодным к плаванию или отказ от продолжения рейса произошли до окончания выгрузки груза, на общую аварию подлежали отнесению все расходы, произведенные до дня окончания выгрузки (прим. к ст. 9).

Традиционно устанавливалось, что признаваемые общей аварией убытки от повреждения или гибели предметов, погруженных на судно без ведома судовладельца или его агентов, а также от повреждения или гибели грузов, которые при сдаче к перевозке намеренно были объявлены неправильно, не распределялись в порядке, указанном ст. 3. Однако владельцы этих предметов, если эти предметы были спасены, обязаны были участвовать на общем основании во взносах по общей аварии.

Такие же убытки от повреждения или гибели предметов, стоимость которых при сдаче к перевозке была объявлена ниже действительной их стоимости, следовало распределять в порядке, указанном ст. 3, с тем, однако, что владельцы этих предметов, если эти предметы были спасены, участвовали во взносах по общей аварии в соответствии с действительной стоимостью этих предметов, но получали возмеще-

ние убытков в соответствии с объявленной стоимостью этих предметов (ст. 10). Впрочем, это установление вполне соответствовало Правилу XIX, установленному в Йорк-Антверпе 1924 г.

Особо оговаривалось, что не относятся, в частности, к общей аварии:

а) стоимость выброшенного за борт груза, перевозившегося на судне не в соответствии с признанными торговыми обычаями;

б) стоимость выброшенного за борт самовозгоревшегося груза, а также убытки, причиненные тушением пожара тем частям судна и груза, которые сами находились в огне;

в) убытки, понесенные вследствие обрушения обломков частей судна или остатков рангоута и других предметов, уже ранее снесенных бурей;

г) убытки от повреждения машин и котлов, а также от повреждения или гибели парусов и рангоута судна, находившегося на плаву, хотя бы эти убытки были вызваны усилиями, направленными на общее спасение судна и груза;

д) всякие убытки или потери, понесенные судном или грузом вследствие увеличения продолжительности рейса, как, например, простой судна или рыночные потери;

е) убытки, причиненные намеренной посадкой судна на мель (п. «в» ст. 9), когда она произошла при обстоятельствах, которые должны были бы вызвать посадку на мель и независимо от принятых мер (ст. 11).

Отдельно советский законодатель посчитал необходимым установить норму, согласно которой сумма, возмещаемая по общей аварии за повреждение судна, должна была соответствовать действительной, но не свыше нормальной стоимости исправления повреждения или замены частей, за вычетами, указанными в ст. 13, если старые материалы были заменены новыми.

Когда же исправление не было произведено, в расчет следовало принимать соответствующее уменьшение стоимости судна, не превышающее, однако, нормальной стоимости исправлений, согласно сметы.

При действительной или конструктивной полной гибели судна признаваемые общей аварией убытки по судну полагалось исчислять исходя из сметной стоимости судна в неповрежденном состоянии, за вычетом из нее нормальной (согласно сметы) стоимости исправления повреждений, являющихся частной аварией, и сумм вырученных от продажи судна, если такая была произведена (ст. 12).

Ст. 13 Положения была посвящена особенностям производства скидок при составлении расчета по общей аварии из стоимости исправления повреждений судна «за новое вместо старого». Однако в данном случае нет смысла их рассматривать, так как они фактически повторили содержание Правила XIII Йорк-Антверпеских положений 1924 г.

Признаваемый общей аварией убыток от повреждения или гибели груза следовало определять в соответствии со стоимостью его по рыночной цене в день прибытия судна в порт назначения или в день окончания рейса, если место окончания рейса было иное, нежели место первоначального назначения. При отсутствии рыночной цены стоимость груза полагалось определять через сведущих лиц.

При продаже поврежденного груза не в день прибытия судна убыток следовало выводить из стоимости груза в неповрежденном состоянии в день прибытия судна путем применения отношения между фактическим убытком при продаже поврежденного груза и стоимостью его в неповрежденном состоянии в день продажи, по-

нимая под фактическим убытком разницу между стоимостью в неповрежденном состоянии груза в день продажи и вырученной за него суммой (ст. 15).

Правило XVII фактически полностью было воспроизведено в ст. 16, в которой устанавливалась, что общая стоимость имущества, участвующего во взносах по общей аварии (контрибуционный капитал), определяется по действительной чистой стоимости имущества при окончании рейса с прибавлением к ней стоимости пожертвованного имущества, если только таковая уже не включена. При этом из суммы фрахта исключались расходы и жалование экипажу по данному рейсу, которые не были признаны подлежащими возмещению по общей аварии и которые фрахтовщику не пришлось бы уплатить, если бы судно и груз погибли в то время, когда имел место акт общей аварии. Кроме того, исключались из стоимости имущества все те расходы, которые были произведены в отношении этого имущества после акта общей аварии, за исключением таких расходов, которые были признаны подлежащими распределению в порядке, установленном ст. 3.

Стоимость перевозимых без коносаментов пассажирского багажа и ручной клади пассажиров также не включались в контрибуционный капитал.

Кроме того, закон устанавливал, что именно на стороне, требующей распределения убытков по судну, фрахту или грузу, лежит обязанность доказать, что означенные убытки действительно относятся к числу предусмотренных ст. ст. 1 и 2 (ст. 18).

Также оговаривалось, что правила ст. ст. 1–18 данного постановления применялись лишь тогда, когда между сторонами не состоялось иного специального в письменной форме соглашения или иное не было обусловлено в цертепартии либо коносаменте (ст. 19).

Как и в более ранних советских нормативных актах по этому вопросу устанавливалось, что при несомненном наличии общей аварии в нетерпящих отлагательства случаях начальнику порта СССР по просьбе одних из заинтересованных в распределении общей аварии лиц мог своей властью задержать в порте аварийное судно или аварийный груз до представления другими из заинтересованных в данном деле лиц соответствующего обеспечения (ст. 20). При этом закон также предусмотрел, что при согласии стороны, заявившей просьбу о задержании судна или груза, представление обеспечения могло быть заменено представлением обязательства отвечать по общей аварии в пределах стоимости судна, фрахта или груза (аварийный реверс) (ст. 21) [8 с. 319–27; 9].

Таким образом, можно сделать следующий общий вывод. С принятием Йорк-Антверпенских правил 1924 г. советское законодательство, в основном начиная с 1926 г., стало постепенно заменяться новыми нормативными актами, однозначно базировавшимися на этих правилах. В этот период, в частности, были приняты таковые нормативные акты, как 27 июля 1926 г. «Об общей и частной аварии, о возмещении убытков от столкновения судов и о морских протестах» с изменениями и дополнениями в постановлении СНК от 21 декабря 1926 г.; 7 апреля 1927 г. «Об общей и частной аварии».

Список литературы:

1. Сборник законов и распоряжений по морскому транспорту (по июнь 1924 г.). Составлен Организационно-Кодификационной Частью Административного Управления НКПС. – М.: Транспечать, 1924. – 431 с.
2. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 27 июля 1926 года об утверждении Постановления об общей и частной аварии, о возмещении убытков от столкновения судов и о морских протестах. Собр. Зак. Союза ССР, 1926, № 57, ст. 415.
3. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 21 декабря 1926 года об утверждении Постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР о возмещении убытков от столкновения судов (Собр. Зак. Союза ССР, 1927, № 6, ст. 62).

4. Постановление ЦИК и СНК СССР от 14 мая 1926 г. об основных принципах организации государственного нотариата. – Собр. Зак. СССР, 1926, № 35, ст. 252.
5. Государственный архив республики Крым, ф. 1584, оп. 2, д. 164. Акты об аварии. 15.03.1925 – 26.08.1926 г. 30 л.
6. Консульский устав СССР. Собр. Зак. СССР, 1926, № 30, ст. 196.
7. Постановва Наркомюста УССР «Про порядок переведення морських протестів». – Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1926 рік. 20 грудня. Ч. 36. Відділ другий. 695
8. Сборник законов и распоряжений по торговому мореплаванию и портам. НКПС. Центральное управление морским транспортом. – М.: Транспечать, НКПС, 1928. – 380 с.
9. Постановление СНК СССР от 7 апреля 1927 г. «Об общей и частной аварии». С.З. СССР 1927 г. №22, ст. 243.
10. Постановва Наркомюста УССР «Про порядок переведення морських протестів». – Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1926 рік. 20 грудня. Ч. 36. Відділ другий.

Sorokin G. Bringing the legislation of the USSR in accordance with the York-Antwerp rules, 1924.// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – Р. 40–52.

The article stated that the Soviet Union initially sought to incorporate into its law the rules of international law of the sea. In particular it is indicated that with the adoption of the York-Antwerp rules 1924 Soviet legislation, largely Dating from 1926, was gradually changed by new regulations, by far the based on these rules. During this period, in particular, have been adopted such as regulations on July 27, 1926 "On the General and private of the accident, for damages from a collision of ships and of marine protests" with amendments and additions thereto the decision of the CPC on 21 December, 1926; April 7, 1927 "About the General and private accidents." This also can include developed and implemented since 1923 emergency act and the consular Charter of the USSR.

Keywords: the York-Antwerp rules, legislation, Maritime law, public and private accident; indemnity; marine protest.

Spisok literatury:

1. Sbornik zakonov i rasporyazheniy po morskomu transportu (po iyun 1924 g.). Sostavlenn Organizatsionno-Kodifikatsionnoy Chastyu Administrativnogo Upravleniya NKPS. – М.: Transpechat, 1924. – 431 s.
2. Postanovlenie Soveta Narodnyh Komissarov Soyuz SSR ot 27 iyulya 1926 goda ob utverzhdenii Postanovleniya ob obschey i chastnoy avarii, o vozmeschenii ubytkov ot stolknoveniya sudov i o morskikh protestah. Sobr. Zak. Soyuz SSR, 1926, N 57, st. 415.
3. Postanovlenie Soveta Narodnyh Komissarov Soyuz SSR ot 21 dekabrya 1926 goda ob utverzhdenii Postanovleniya Soveta Narodnyh Komissarov Soyuz SSR o vozmeschenii ubytkov ot stolknoveniya sudov (Sobr. Zak. Soyuz SSR, 1927, N 6, st. 62).
4. Postanovlenie TsIK i SNK SSSR ot 14 maya 1926 g. ob osnovnyh printsipah organizatsii gosudarstvennogo notariata. – Sobr. Zak. SSSR, 1926, № 35, st. 252.
5. GAARK, f. 1584, op. 2, d. 164. Aktyi ob avarii. 15.03.1925 – 26.08.1926 g. 30 l.
6. Konsulskiy ustav SSSR. Sobr. Zak. SSSR, 1926, № 30, st. 196.
7. Postanova Narkomyusta USSR «Pro poryadok perevedennya morskikh protestiv». – Zblrnik uzakonen ta rozporyadzen robItnicho-selyanskogo uryadu UkraYini za 1926 rik. 20 grudnya. Ch. 36. VIddil drugi. 695
8. Sbornik zakonov i rasporyazheniy po trgovomu moreplavaniyu i portam. NKPS. Tsentralnoe upravlenie morskim transportom. – М.: Transpechat, NKPS, 1928. – 380 s.
9. Pstanovlenie SNK SSSR ot 7 aprelya 1927 g. «Ob obschey i chastnoy avarii». S.Z. SSSR 1927 g. №22, st. 243.

УДК 347.79

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЛОЦМАНСКОЙ СЛУЖБЫ В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ
XX ВЕКА В СССР**

Шармоянц А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Работа посвящена изучению правового регулирования деятельности лоцманской службы в двадцатые годы XX века в СССР, которая была призвана повысить безопасность торгового мореплавания. В работе рассматривается «Лоцманский устав морских лоцманов РСФСР» от 3 июня 1922 года как основной правовой акт, регулировавший деятельность лоцманской службы. Также работа основывается на «Положении о морских лоцманах» 1890 года и «Уставе Общества С.-Петербургских лоцманов» 1896 года. Установлена преемственность в правовом регулировании лоцманской службы в советское время и в дореволюционной Царской России, что во многом обусловлено спецификой деятельности лоцманов. Независимо от государственного строя и правового режима, задачи и специфика лоцманской деятельности остались теми же и изменения в правовом регулировании с течением времени были обусловлены в большей мере развитием технического прогресса и изменением норм международного морского права, ответственными участниками которого всегда были как Царская Россия и Советский Союз, так и современная Россия.

Ключевые слова: правовое регулирование, торговое судоходство, безопасность торгового мореплавания, морское судно, лоцман, нормативно-правовой акт, международное право.

Большое значение в экономическом развитии Российской империи, позже – Советского Союза и РФ сейчас отводилось развитию торгового мореплавания, что было естественным, учитывая географическое расположение, размеры и количество судоходных каналов, пронизывающих государство и связывающих его с другими странами. Важное место в развитии торгового мореплавания как тогда, так и сейчас отводится вопросам обеспечения безопасности торгового мореплавания. Решение данного вопроса требует пристального внимания и всестороннего изучения, что невозможно без учета богатого и по большей части положительного исторического опыта Советского Союза в двадцатые годы XX века.

Известно, что функционирование торгового мореплавания в двадцатые годы XX века в Советском Союзе и обеспечение его безопасности было возможно благодаря целому ряду служб и мер правового регулирования. Одной из важнейших служб являлась лоцманская служба, в основные задачи которой входили проводка судов, ограждение фарватеров, слежение за исполнением предписаний правил судоходства в вверенных районах, оказание по возможности посильной помощи терпящим бедствие суднам, а в некоторых случаях по поручению соответствующих ведомств и учреждений – мастерские и гидрографические работы.

Цель работы заключается в том, чтобы изучить особенности правового регулирования лоцманской службы в двадцатые годы XX века в Советском Союзе как важного элемента системы по обеспечению безопасности торгового мореплавания;

выявить преемственность правового регулирования лоцманской службы в двадцатые годы в Советском Союзе и в дореволюционной России. При этом автор учитывает исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: В. Г. Воронин, В. Н. Гуцуляк, С. А. Гурьев, И. В. Зенкин, Б. В. Змерзлый и др. [1; 4; 5; 6; 7]. В работах отечественных и зарубежных авторов исследование данного вопроса в обозначенном нами аспекте и временных рамках не проводилось или же проводилось поверхностно в рамках изучения другой проблемы.

Основным правовым актом, регулирующим деятельность лоцманской службы в СССР в двадцатые годы XX века, был «Лоцманский устав морских лоцманов РСФСР» от 3 июня 1922 года [2]. Известно, что СССР был образован позже, 30 декабря 1922 года, однако данный устав, после вхождения РСФСР в состав СССР, своей силы не утратил. Устав состоял из шести глав. Первая глава содержала общие положения относительно структуры управления и подчинения лоцманской службы, в частности обозначалось, что вопросы по обеспечению безопасности кораблевождения и связанные с ним маячно-лоцмейстерские службы на каждом из морей республик сосредотачивались в соответствующих управлениях по обеспечению безопасности кораблевождения (УБЕКО), а техническим центром для УБЕКО назначалось Главное гидрографическое управление. Лоц-станции же находились в непосредственном подчинении соответствующих УБЕКО. Перечислялся личный состав лоц-станции, вопросы материального обеспечения, статуса личного состава (считались служащими государственной военно-морской службы), ответственности лоцманов в случае аварии судна, установления сборов и другие общие вопросы.

Вторая глава содержала права и обязанности начальника лоцстанции в отношении лоцманской службы. Начальник лоцстанции из числа опытных морских специалистов-гидрографов или лоцманов-судоводителей назначался и избирался соответствующим УБЕКО. Следует отметить, что начальник лоцстанции по неподсудным проступкам лоцманов вверенной ему лоцстанции устанавливал дисциплинарные взыскания и по дисциплинарным правам приравнивался к командиру судна 1-го ранга.

Третья глава регламентировала права и обязанности лоцманских старост и их помощников. Указывалось, что лоцманские старосты и их помощники избирались из своей среды на трехлетний срок по представлению начальника лоцстанции и утверждались начальником соответствующего УБЕКО. В проводке судов старосты не участвовали, а их помощники могли участвовать только в тех случаях, когда лоцманов на лоц-вахте не хватало.

Четвертая глава была достаточно объемная и содержала права и обязанности лоцманов. В частности, среди прочего в обязанности лоцмана входило наблюдение за исполнением предписаний правил судоходства в обслуживаемом ими лоцманском районе, запрещалось сообщать посторонним лицам о секретных знаках, приметах и особенностях фарватера. Жалобы на нарушения лоцманами своих обязанностей приносились начальнику лоцстанции.

Пятая глава содержала права и обязанности лоцманских кандидатов. В главе прописывались требования к лоцманским кандидатам, вопросы материального обеспечения, условия допуска к сдаче экзамена на получение звания лоцмана и другие права и обязанности кандидатов.

Последняя, шестая, глава достаточно детально прописывала взаимные отношения лоцманов и капитанов, была самой объемной. В ней прописывались процедуры по призыву лоцмана на судно и другие вопросы организационного характера. На капитана возлагалась ответственность по сообщению точных данных об углублении судна и его вместимости. В случае сообщения неточных данных с судна взыскивалась двойная плата в пользу Республики. Также в главе предусматривались дополнительные штрафы и выплаты со стороны капитана за нарушения правил или задержание лоцмана сверх установленного времени.

Таким образом, «Лоцманский устав морских лоцманов РСФСР» содержал в основном общие положения и правила, регулирующие деятельность лоцманской службы. В развитие и дополнение к данному уставу для регулирования лоцманской службы, в зависимости от местных особенностей и нужд, предусматривалось принятие отдельными лоцдистанциями дополнительных положений. В силу они вступали после утверждения Высшим морским командованием.

Фактически «Лоцманский устав морских лоцманов РСФСР» не столько вводил что-то новое в правовое регулирование деятельности лоцманской службы в РСФСР и в вопросы обеспечения безопасности торгового мореплавания, сколько закреплял во многом уже существовавшие со времен Царской России правила с соответствующими изменениями, которые были обусловлены революцией и приходом советской власти. О преемственности в вопросах правового регулирования деятельности лоцманов свидетельствует принятое с учетом отечественного и зарубежного опыта в 1890 году общеимперское «Положение о морских лоцманах». Однако данное положение не являлось единым нормативно-правовым актом в этой сфере, так как само предполагало выработку дополнительных правил на местах с учетом местной специфики [1, с. 264]. К одному из таких дополнительных правовых актов относится «Устав Общества С.-Петербургских лоцманов» от 1896 года [3]. Устав регулировал с учетом местной специфики деятельность отдельной лоцдистанции, состоял из 9 глав (1. Права и обязанности общества как учреждения, цель учреждения общества. 2. Права и обязанности лоц-командира. 3. О правах и обязанностях старосты общества С.-Петербургских лоцманов. 4. О правах и обязанностях лоцманов. 5. О лоцманских учениках. 6. О взаимных отношениях шкиперов и лоцманов. 7. Лоцманское селение на Подзорном острове. 8. Управа, ее права и обязанности. 9. Дежные средства и хозяйственное управление обществом).

Во многом так же, как и в уставе 1922 года, но более конкретизировано первая глава содержала конкретные положения относительно структуры управления и подчинения Общества лоцманов, в частности перечислялся личный состав общества, вопросы материального обеспечения, обозначалось исключительное право проводить суда на конкретных вверенных территориях, обязанность лоц-командиров и членов общества наблюдать за исполнением предписаний правил судоходства в обслуживаемом районе и сообщать начальству о нарушениях, устанавливались ставки сборов и другие хозяйственные вопросы. За обществом так же, как и в уставе 1922 года закреплялось, в случае необходимости, выполнение некоторых функций лоцмейстерской части по обустройству фарватера.

Вторая глава так же, как и в уставе 1922 года была посвящена правам и обязанностям лоц-командира (начальника лоцдистанции). Лоц-командир избирался из числа опытных флотских или штурманских офицеров, гидрографических работни-

ков и непосредственно подчинялся командиру С.-Петербургского порта. Обязанности лоцманов в целом не отличались от тех, что были обозначены в уставе 1922 года, но были более детализированы.

Третья, четвертая и пятая главы регламентировала права и обязанности старосты общества, лоцманов и лоцманских учеников; по своему содержанию они также во многом были аналогичны тем, что были в уставе 1922 года. Для лоцманов аналогично был установлен возрастной ценз в 21 год, а для учеников – 16 лет, требования относительно состояния здоровья, грамотности, знания фарватера и т. д. При вхождении лоцмана в общество предусматривался обеспечительный платеж в размере 150 рублей для компенсации ущерба в случае возникновения аварии. Лоцманам запрещалось сообщать посторонним лицам о секретных знаках, приметах и особенностях фарватера. Также в уставе предусматривалось право лоцмана на пенсионное обеспечение и компенсации семьям лоцманов в случае его смерти.

Шестая глава детально прописывала взаимные отношения лоцманов и капитанов. В ней прописывались процедуры по призыву лоцмана на судно и другие вопросы организационного характера. Так же, как и в уставе 1922 года при входе на судно лоцман предъявлял печатный бланк, на оборотной стороне которого обозначалась плата за услуги лоцмана, а шкипер обязан был точно обозначить необходимые данные о судне и время прибытия лоцмана на судно.

Также в главе предусматривались дополнительные штрафы и выплаты со стороны капитана за нарушения правил или задержание лоцмана сверх установленного времени. В случае сообщения неточных данных со шкипера судна взыскивалась двойная плата, однако не в пользу государства, а в пользу лоцмана. Остальные меры ответственности и дополнительные штрафы и выплаты со стороны шкипера за нарушения правил или задержания лоцмана сверх установленного времени в уставе 1896 года и 1922 были аналогичны.

Седьмая («Лоцманское селение на Подзорном острове»), восьмая («Управа, ее права и обязанности») и девятая («Денежные средства и хозяйственное управление обществом») главы Устава Общества С.-Петербургских лоцманов регулировали хозяйственные вопросы общества и в рамки рассматриваемого нами вопроса не входят.

Таким образом, в правовом регулировании лоцманской службы в двадцатые годы XX века в Советском Союзе прослеживается четкая преемственность с регулированием в дореволюционной Царской России, что во многом обусловлено спецификой деятельности лоцманов. Независимо от государственного строя и правового режима, задачи и специфика лоцманской деятельности остались теми же и изменения в правовом регулировании с течением времени были обусловлены в большей мере развитием технического прогресса и изменением норм международного морского права, ответственными участниками которого всегда были как Царская Россия и Советский Союз, так и в настоящее время современная Россия.

Список литературы:

1. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX вв. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь, 2014. – 660 с.
2. «Лоцманский устав морских лоцманов РСФСР» от 3 июня 1922 года / Сборник законов и распоряжений по морскому транспорту. – М.: Транспечать, 1924. – С. 315–335.
3. Устав Общества С.-Петербургских лоцманов. – Санкт-Петербург, 1896. – 45 с.
4. Воронин В. Г. Административно-правовое регулирование организации и управления морской безопасностью в Российской Федерации : дис. на соискание учен. степени к. ю. н. : спец. 12.00.14 / В. Г. Воронин. – Ростов н/Д., 2006. – 171 с.
5. Морское право. Учебное пособие / В. Н. Гуцуляк. – М.: РосКонсульт, 2000. – 325 с.
6. Гуреев С. А. Международное морское право : Учебное пособие / С. А. Гуреев, И. В. Зенкин, Г. Г. Иванов ; отв. ред. С. А. Гуреев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М: Инфра-М, Норма, 2011. – 432 с.
7. Зенкин И. В. Международно-правовое регулирование обеспечения безопасности на море : автореферат дис. на соискание учен. степени д. ю. н. 12.00.10 / И. В. Зенкин. – М., 1993. – 48 с.

Sharmoyants A. Features of legal regulation sea pilotage service in the twenties XX century in the USSR // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 52–56.

In the work one researches the legal regulation of the pilotage service in the twenties of the twentieth century in the USSR, which was designed to improve the safety of merchant shipping. The legal act «Pilot Charter of the Sea Pilots of the RSFSR» dated June 3, 1922, is considered as the main legal act regulating the activity of the pilotage service. Also, the work is based on two legal acts, the «Regulations on Marine Pilots» of 1890 and the «Charter of the Society of St. Petersburg Pilots» of 1896. The continuity in the legal regulation of the sea pilotage service in the Soviet period and in the pre-revolutionary Monarch Russia was established, which is largely due to the specifics of the sea pilots' activities. Regardless of the state system and the legal regime, the tasks and specifics of sea pilotage activity remained the same and changes in legal regulation over time were due to a greater extent to the development of technological progress and the changes in the norms of international sea law, the responsible participants of which have always been both Monarch Russia and the Soviet Union, as well as modern Russia.

Keywords: legal regulation, merchant shipping, safety of merchant shipping, sea craft, legal act, sea pilot, normative legal act, international law.

Spisok literaturyi:

1. Zmerzlyi B. V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudokhodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII – nachale XX vv. / B.V. Zmerzlyi. – Simferopol', 2014. – 660 s.
2. Locmanskiy ustav morskikh locmanov RSFSR ot 3 iyunya 1922 goda, Sbornik zakonov i rasporya-zhenij po morskому транспорту, М : Transpechat', 1924., P. 315-335.
3. Ustav Obshchestva S.-Peterburgskikh locmanov., Sankt-Peterburg, 1896, 45 s.
4. Voronin V. G. Administrativno-pravovoe regulirovanie organizacii i upravlenija morskoy bez-opasnost'ju v Rossijskoj Federacii : dis. na soiskanie uchen. stepeni k. ju. n. : spec. 12.00.14 / V. G. Voronin., Rostov n/D., 2006.,171 s.
5. Morskoe pravo. Uchebnoe posobie / Guculjak V.N., M.: RosKonsul't, 2000., 325 s.
6. Gureev S.A. Mezhdunarodnoe morskoe pravo : Uchebnoe posobie / S.A. Gureev, I.V. Zenkin, G.G. Ivanov ; otv. red. S.A. Gureev., 2-e izd., pererab. i dop., M: Infra-M, Norma, 2011., 432 s.
7. Zenkin I. V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie obespechenija bezopasnosti na more : avtorefe-rat dis. na soiskanie uchen. stepeni d. ju. n. 12.00.10 / I. V. Zenkin., Moskva., 1993., 48 s.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 343.9

**ПРЕСТУПНОСТЬ ЛИЦ БЕЗ ПОСТОЯННОГО ИСТОЧНИКА ДОХОДА:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

Ботвин И. В.

Барнаульский юридический институт МВД России

В представленной статье проводится подробный анализ преступности лиц, не имеющих постоянного источника дохода. На основе изучения материалов ГУ МВД России Алтайского края, социально-экономической ситуации в стране рассматриваются региональные особенности представленного вида преступности, в частности, проблемы ее детерминации и предупреждения. Автор приходит к выводу, что в принимаемых комплексных программах фактически лишь декларируется необходимость осуществления борьбы с преступностью лиц, не имеющих постоянного источника дохода, однако реальная картина показывает критичность возникшей проблемы и необходимость скорейшего вмешательства со стороны государства.

Ключевые слова: региональная преступность, безработица, лица без постоянного источника доходов, причины и условия преступности, предупреждение преступлений, региональные особенности.

Эффективное предупреждение любого вида преступности немыслимо без подробного криминологического анализа его состояния, структуры, динамики и форм проявления. Это суждение относится и к преступности лиц, не имеющих постоянного источника дохода.

Для отражения региональной специфики предлагается рассмотреть в качестве примера регион, который, по мнению автора, обладает общероссийскими показателями и может быть рассмотрен в качестве знаменателя в исследовании указанного вида преступности – Алтайский край. Еще одним аргументом в пользу обозначенного субъекта выступает то, что в нем универсально и достаточно усредненно представлены практически все показатели, характеризующие преступность страны. Так, край является транзитным, пограничным, в нем развиты практически все отрасли промышленности и сельского хозяйства, расположена игорная зона, исправительные учреждения и т. д.

Итак, из 224 744 преступлений, совершенных на территории Алтайского края в 2011–2015 гг., 76 039 приходятся на лиц, не имеющих постоянного источника дохода, что составляет треть всей краевой преступности (33,8 %). При этом за данным показателем стоит 81 217 безработных лиц. Анализ криминальной ситуации показал, что зачастую такие лица совершают преступления повторно.

Для целей настоящего исследования представляется необходимым рассмотреть наиболее характерные преступления, совершаемые безработными лицами. Подавляющее большинство преступлений такие лица совершают, как правило, из корыст-

ных побуждений, однако в структуре преступности имеют место также как особо опасные преступления (убийства, причинения тяжкого вреда здоровью и др.), так и чисто бытовые. При совершении преступлений на бытовой почве преобладает насильственно-эгоистичная мотивация, которая может сочетаться с корыстной.

Итак, рассмотрим характеристику наиболее типичных преступлений, совершаемых лицами, не имеющими постоянного источника дохода.

Таблица № 1. Сведения о некоторых преступлениях, совершаемых лицами, не имеющими постоянного источника доходов, в Алтайском крае за 2011–2015 годы

Год Статья	2011	2012	2013	2014	2015	Динамика 2011–2015 гг.
158 УК РФ	6721	7042	7189	7160	7259	538 (8,0 %)
228 УК РФ	1599	2480	2089	1923	1893	294 (18,4 %)
119 УК РФ	1360	1526	1767	2027	2049	689 (50,7 %)
112 УК РФ	791	893	879	930	950	159 (20,1 %)
161 УК РФ	757	694	686	571	570	-187 (-24,7 %)
111 УК РФ	470	459	522	453	388	-82 (-17,4 %)
166 УК РФ	334	400	414	419	355	21 (6,3 %)
159 УК РФ	264	350	453	481	465	201 (76,1 %)
116 УК РФ	163	341	432	526	797	634 (388,9 %)
160 УК РФ	179	216	308	307	292	113 (63,1 %)
105 УК РФ	173	154	149	118	151	-22 (-12,7 %)
162 УК РФ	138	159	127	106	116	-22(-15,9 %)
167 УК РФ	99	122	117	140	117	18 (18,1 %)
131 УК РФ	41	49	43	52	54	13 (31,7 %)
163 УК РФ	18	32	45	42	67	49 (272,2 %)
132 УК РФ	18	28	48	33	48	30 (166,7 %)
Всего совершено лицами, не имеющими постоянного источника дохода	13413	15204	15506	15573	16343	2930 (21,8 %)
Всего зарегистрировано преступлений в крае	44940	42102	45024	44096	48582	3642 (8,1%)

Как видно из табличных данных, в Алтайском крае в период 2011–2015 гг. преобладают кражи, их удельный вес составляет 46,5 % от всех преступлений, совершаемых безработными. При этом наблюдается стабильный рост краж в исследуемом периоде, что составило 8 %. По общероссийским данным также лидируют кражи. За них в 2015 году осудили 210 тыс. человек, это на 11 тыс. человек больше, чем в 2014 году. Превалирующее количество краж объясняется спецификой рассматриваемой категории преступников, поскольку основной их целью выступают деньги и прочие ценности.

По понятным причинам некоторые граждане, лишенные средств на существование, вынуждены искать иные источники дохода, включая и преступные [1, с. 148]. Это объясняет то, что табличный список самых распространенных преступлений, совершаемых изучаемой группой лиц, содержит половину посягательств против собственности. За 2011–2015 гг. в Алтайском крае лицами, не имеющими постоянного источника дохода, совершено 45 331 преступление, предусмотренное главой

21 УК РФ, что составляет 59,6 % от общего числа преступлений, совершенных указанными субъектами.

Таким образом, наибольший удельный вес в преступности безработных занимают имущественные преступления. Это объясняется прежде всего желанием улучшить свое финансовое состояние в короткий срок, а также уравнивать свои позиции с теми, кто имеет высокий уровень дохода. Как показал проведенный анализ, многие для достижения этих целей избирают преступный путь, что влечет увеличение преступности безработных лиц с одной стороны и резкое снижение за последние пять лет доли лиц, ранее судимых за совершение преступных деяний.

При всем этом по всем имущественным преступлениям в исследуемом периоде, за исключением грабежей и разбоев (ст. ст. 161, 162 УК РФ), наблюдается тенденция к резкому активному росту. Так, рост следующих преступлений составил: уголов – на 6,3 %; мошенничеств – на 76,1 %; присвоений и растрат – на 63,1 %; умышленных уничтожений и повреждений имущества – на 18,1 %.

Отдельно следует отметить экстремальный рост вымогательств, совершенных лицами, не имеющими постоянного источника дохода, который составил – 272,2 %. Подобный рост преступлений, предусмотренных ст. 163 УК РФ, наблюдался в 90-е годы, когда «крышевание» и рэкет были чуть ли не обыденным делом. Хочется верить, что ситуация с 90-ми не повторится и останется простым сравнением. Ведь власти все время говорят о том, что дно кризиса достигнуто и дальше российскую экономику ожидает рост. О том, как это сказалось на жизни населения, безработице и преступности, Росстат сможет рассказать в 2017 году, но сами граждане почувствуют это гораздо раньше.

Вторым по популярности преступлением среди лиц, не имеющих постоянного источника дохода, является незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также растений, их содержащих. Доля преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ, составляет 13,1 %. В стране за 2015 год в места лишения свободы и под условные сроки за указанные преступления попали 115 000 человек, что на 1 тыс. человек больше, чем в 2014 году.

Это свидетельствует о том, что потеря источника дохода сопровождается психологическим кризисом, выход из которого многие находят в алкоголе и наркотиках. И, наоборот, употребление наркотических средств или психотропных веществ непременно приводит к потере рабочего места, поскольку работодателя обычно отталкивают подобные пагубные наклонности работников. Следует отметить, что безработица оказывает негативное влияние на психику не только мужской части населения, но и женской. Криминогенная роль такого побуждения очевидна: около 40 % преступлений, совершенных неработающими женщинами, составляют действия, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Однако, несмотря на существенную долю зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьей 228 УК РФ, они уступают еще одной группе преступных посягательств, совершаемых лицами, не имеющими постоянного источника дохода. Речь идет о насильственной преступности, на долю которой в 2011–2015 гг. приходится свыше 19 000 преступлений, что в относительном показателе составляет более 25 % и наблюдается тенденция к увеличению их числа. В представленной выше

таблице указаны лишь самые распространенные насильственные преступления, занимающие наибольший удельный вес в структуре преступности безработных лиц.

Как показал подробный анализ преступности в Алтайском крае, чаще всего рассматриваемая категория лиц совершает тяжкие преступления против жизни и здоровья. Поводом служат неприязненные личные отношения, пьяные ссоры по самым порой незначительным основаниям, а также корыстные мотивы. За исследуемый период также наблюдается рост данного вида преступности, за исключением причинения тяжкого вреда здоровью (-17,4 %) и убийств (-12,7 %).

Так, в 2015 году существенно выросло число зарегистрированных: а) угроз убийством и причинения тяжкого вреда здоровью – (2049), что на 50,7 % превышает показатель 2011 года; б) причинений вреда здоровью средней тяжести на – 20,1 % больше, чем в 2011; в) побоев – (797), что по сравнению с 2011 годом в относительном показателе составляет 388,9 %. Такой пугающий рост побоев произошел не только в Алтайском крае, но и на всей территории страны. Он связан с криминализацией побоев в отношении близких родственников. В феврале 2017 года законодатель обратил на это внимание и исправил ситуацию обратным процессом, переведя указанное деяние в разряд административных правонарушений.

Изучая личность такого преступника, следует отметить, что данную категорию представляют лица трудоспособного возраста, по каким-либо причинам оставшиеся без средств на существование. Мужчины составляют около 69 %, а женщины – около 31 %. В зарегистрированном браке состоят 58 %, в гражданском браке около 20 %, около 70 % имеют детей. Высока доля женатых и замужних осужденных безработных за кражи, мошенничества, угрозы убийством и причинением тяжкого вреда здоровью, убийства [2, с. 25].

Отдельно следует выделить преступность среди мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев, которыми совершаются такие преступления, как кражи, разбои, грабежи, убийства, причинения вреда здоровью различной степени тяжести, мошенничества, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, перевозка контрабандного товара и другие [3, с. 16].

Еще одну группу представляют преступники-маргиналы, в которую входят бродяги, нищие, лица без определенного места жительства. Они живут на различные нетрудовые доходы, которые являются основным источником их существования. В большинстве своем это лица мужского пола (61,2 %) в возрасте от 31 до 60 лет, женщины (11,0 %) в возрасте от 31 до 55 лет. Такие лица в силу своего образа жизни не могут или не хотят работать, предпочитая добывать средства к существованию противоправным путем. Значительная часть из них ранее судимые, морально опустившиеся, утратившие человеческий облик и социальные связи в обществе.

В рассматриваемом виде преступности преобладают лица, имеющие общее образование. Это связано с ужесточенной системой приема в высшие учебные заведения, малой долей бесплатных мест и большой конкуренцией абитуриентов. Следовательно, шанс получить высшее образование дается далеко не всем, а устроиться на работу, имея в арсенале лишь школьное образование, по факту практически невозможно. Для таких лиц получение дохода преступным путем становится единственной возможностью для существования. Нельзя не отметить и тот факт, что значительную часть данного вида преступности представляют лица со средним и высшим профессиональным образованием. Если сопоставить этот показатель с воз-

растом, можно предположить, что существенная часть выпускников учебных заведений остаются без работы.

На основе статистических данных и проведенного анализа можно сделать вывод о том, что лица, не имеющие постоянного источника дохода, образуют основной криминогенный потенциал общества. Преступность среди безработных, обладая достаточно высоким удельным весом в структуре преступности в целом, является серьезной криминологической проблемой, требующей к себе особого и незамедлительного внимания со стороны государства.

Современные ученые-криминологи уделяют вопросу о трудовой занятости населения особое внимание, что характеризует преступность среди безработных как детерминанту глобального масштаба. Качественное отличие безработицы в нашей стране заключается в наличии среди лиц, не имеющих постоянного источника дохода, значительной части людей с высшим и средним профессиональным образованием и высокой квалификацией. Существенную часть безработных составляют выпускники учебных заведений, что для развитых стран не характерно. Кроме того, работа не по профессии молодых специалистов представляется одним из скрытых проявлений безработицы.

Становится очевидной связь преступности и социальных процессов, происходящих в современном обществе. Так, безработица не может не влиять на рост преступности, в частности корыстной, как в Алтайском крае, так и стране. Существующие преступные группы в большинстве своем состоят из трудоспособных молодых людей, не имеющих официального источника дохода и существующих на средства, добытые преступным путем. Реалии рынка труда Алтайского края рано или поздно наталкивают молодых людей на отказ от поиска работы и выбор более эффективного с их точки зрения источника дохода, находящегося под охраной уголовного закона.

Кроме того, результаты исследований профессора М. Х. Бреннера позволяют сделать вывод, что однопроцентное увеличение уровня безработицы вызывает рост смертности населения на 2,0 %, самоубийств – на 4,0 %, обращений в психиатрические клиники – на 3,4 %. В этой связи многие ученые-криминологи относят безработицу к сложному негативному духовно-социально-экономическому феномену, справедливо полагая, что вслед за попыткой изменения различных сфер деятельности граждан и государства, в том числе в силу экономического кризиса, неизбежно следует бурный рост преступности [2, с. 19].

В своем исследовании Росстат привел данные, согласно которым общее число безработных в 2015 году составило 4 264 000 человек, что на 375 000 человек больше, чем в 2014 году. Безработных женщин в 2015 году стало на 202 000 человек больше по сравнению с 2014 годом, а безработных мужчин, соответственно, больше на 173 000 человек. Средний возраст безработных граждан в стране – 35 лет.

К сожалению, показатели по количеству безработных и совершенным преступлениям в Российской Федерации стали пугающе рекордными с 2012 года. Специалисты объясняют такой стремительный рост безработицы уходом с российского рынка иностранных компаний-работодателей, а также сокращением объемов производства и продаж у российских компаний. В кризис люди стараются снижать уровень своих потребностей, отказываются от дорогих вещей и развлечений, экономят на продуктах путем снижения стоимости привычной продовольственной корзины.

Чаще всего теряют работу, почему-то, граждане, которые не имеют семьи. Среди холостяков без работы сидят 35 %, а семейные граждане не имеют работы в 16 % случаев [4].

Причин и условий совершения рассматриваемого вида преступности огромное множество. Однако мы постараемся свести их к основным, выделяя при этом детерминанты на мировом, государственном, региональном и личностном уровнях. Итак, проведенный анализ позволяет выделить следующие основные детерминанты преступности лиц, не имеющих постоянного источника дохода.

1. Внешнеполитическая нестабильность и место Российской Федерации на мировой арене прямо или косвенно приводит к массовой безработице, обнищанию населения. Безработные граждане втягиваются в незаконную деятельность, незаконную миграцию, которая может принести хоть какой-то доход. Молодые безработные девушки вовлекаются в занятие проституцией, оказание секс-услуг за границей.

Сложившаяся нестабильная экономическая ситуация привела к отказу большинства зарубежных компаний продолжать деятельность на территории России, что также привело к потере рабочих мест значительной части российских граждан. Резкое сокращение значительной доли импортного товара привело к банкротству ряда компаний, в особенности малого бизнеса.

Многие индивидуальные предприниматели, доля которых в трудовой сфере сильно увеличилась в последние годы, вынуждены были изменить род своей деятельности, заняться поиском новых поставщиков товаров, рынков сбыта, бороться с конкуренцией. При этом многие из них были обременены долговыми обязательствами перед государством, банками, клиентами. В результате граждане данного сектора экономики остались без источников дохода, потеряли имущество и активы, потому как были не в силах рассчитаться с долгами.

2. На государственном уровне не оказывается должная поддержка лиц, находящихся в тяжелом материальном положении и вовсе не имеющих источника дохода. На сегодняшний день нет действенных мер по устранению массовой безработицы. Государство допускает реорганизацию и полную ликвидацию промышленных заводов мирового и федерального масштаба. Помимо утраты рабочих мест, это приводит к тому, что выпускники учебных заведений просто не могут найти себе работу по специальности и вынуждены работать в других несвойственных им сферах.

На законодательном уровне не принимаются новые программы по решению сложившейся ситуации, а существующие на сегодняшний день программы попросту не работают, в частности, из-за недостатка финансирования, которое, в свою очередь, снова упирается в экономический кризис в стране. Создаются условия для стремительного обогащения ограниченной социальной группы и для вымирания большинства беднейших слоев населения [5, с. 130–145].

Присоединение Крымского полуострова также сказалось на ситуации с безработицей. Значительная часть предприятий Крыма при переходе на правовую платформу Российской Федерации также не способны были функционировать в привычном режиме. Прокатилась волна сокращений, значительная часть населения осталась без средств на существование.

3. Детерминанты регионального уровня представлены тем, что в регионах стремительными темпами нарастает как скрытая, так и официальная безработица,

становится очевидным существенное расслоение общества по материальной составляющей. Как следствие, усиливается социальная напряженность в обществе, поддерживается криминально-опасная ситуация.

Все это способствует стремлению безработных лиц заработать денежные средства любым, в том числе и преступным путем. Такие люди вовлекаются в теневой бизнес, объединяются в преступные группы, преступные группы – в преступные сообщества. Идет планомерный процесс развития преступности.

Проведенное исследование преступности лиц, не имеющих постоянного дохода, в Алтайском крае позволяет говорить о стойкой тенденции к росту преступности. Если в 2011 году на территории края было зарегистрировано 13 413 преступлений, то в 2015 уже 16 343 преступления. Изменить сложившуюся ситуацию позволит только качественное плановое финансирование региона, строительство и возобновление промышленного производства, сельского хозяйства, что позволит постепенно увеличить число рабочих мест, фонд заработной платы и уровень жизни населения.

4. На личностном уровне причинами исследуемого вида преступности выступают нежелание граждан устраиваться на низкооплачиваемую работу и заниматься обслуживающими видами труда. Реальная средняя заработная плата, например, в Алтайском крае составляет около 15 000 рублей, что не позволяет многим гражданам удовлетворять свои насущные потребности. В поисках высокооплачиваемой работы люди годами не имеют постоянного источника дохода, что рано или поздно подталкивает их на обогащение преступным путем.

Большинство работодателей предпочитают принимать на работу только высококвалифицированные кадры с большим опытом работы, проводя жесткий отбор на должность. Выпускники учебных заведений, не обладающие указанными характеристиками, вынуждены работать в сферах торговли, занимая места за кассами торговых магазинов, грузчиков, экспедиторов и водителей.

Таким образом, можно убедиться, что детерминантов рассматриваемого вида преступности насчитывается немало, но все они, в конечном итоге, сводятся к отсутствию рабочих мест и прогрессирующей безработице. Решением данной проблемы и способом снижения преступности должен выступать комплекс мероприятий, инициируемый государством.

На основе исследования причинного комплекса указанного вида преступности можно полагать, что предупреждение преступлений среди лиц, не имеющих постоянного источника дохода, должно сводиться к системе государственных и общественных мер, направленных на выявление, устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступлений, а также на удержание от перехода или возврата на преступный путь людей, условия жизни и поведение которых указывают на такую возможность. Следует также учитывать, что наибольшего предупредительного эффекта в отношении преступности безработных можно добиться путем исключения возможности их возврата к привычному образу жизни [6, с. 41–45].

Снижение уровня безработицы будет происходить при реализации следующих условий со стороны государства: а) улучшение общей экономической ситуации в стране и повышение духовно-нравственного уровня населения; б) разработка и введение конкретных социальных программ по защите населения и помощи гражданам, особенно нуждающимся в поддержке государства; а также материальное, кадровое и методическое обеспечение реализации всех программ.

Борьба с безработицей на территории региона требует также решения ряда вопросов правового, экономического, социального и организационного плана, а именно:

1. повышения общественного статуса проблем занятости и трудоустройства населения с привлечением к ним внимания государства, в том числе сохранения в государственных службах занятости бесплатной помощи по трудоустройству;

2. введение государственного контроля за частными службами занятости, предоставляющими свои услуги в трудоустройстве для безработных граждан, в плане предупреждения нелегального рынка рабочей силы и криминального перемещения людей;

3. детального изучения и соотнесения демографического и трудового потенциала населения с его потребностями и производственными возможностями для построения стратегии по решению назревшей проблемы;

4. совершенствования системы переподготовки, переобучения безработных, их материальной и социальной поддержки, законодательного урегулирования миграционных процессов, в первую очередь иностранных и нелегальных работников.

Существенным фактором влияния на рынок труда являются и принципы миграционной политики. В связи с этим на основе международно-правовых актов, федеральных и региональных законов необходимо проводить работу по приему и обустройству таких лиц. Обеспечение занятости мигрантов может идти по двум направлениям: а) содействием им в трудоустройстве на имеющиеся вакансии по их специальностям либо оказанием помощи в соответствующей переподготовке; б) созданием новых рабочих мест и самозанятости беженцев и вынужденных переселенцев.

Кроме того, следует отметить, что для предупреждения исследуемого вида преступности деятельность общественных объединений, служб занятости, профилактики со стороны правоохранительных органов будет недостаточно, поскольку на человека, имеющего на иждивении семью и оставшегося без средств на существование, никакие предупредительные меры особым образом не повлияют. Люди, доведенные до края бедности, чаще остальных склонны к совершению корыстных преступлений против собственности [7, с. 113], что подтверждают данные, приведенные в настоящем исследовании.

Для эффективного устранения причин и условий, рассмотренных в настоящем исследовании, ведущую роль должно занять государство. Только комплексная государственная политика позволит избежать глобального роста преступности среди лиц, не имеющих постоянного источника дохода. В том случае, если государственные предприятия, заводы и корпорации не в силах предоставить гражданам рабочие места в необходимом количестве и достойную заработную плату, необходимо решать этот вопрос через воздействие на существующие сферы бизнеса, предприятия, общественные объединения и организации в целях оптимизации их деятельности по обеспечению граждан занятостью.

В свою очередь, на региональном уровне такая работа должна дублироваться, вовлекая безработных в трудовую занятость. Существуют сферы деятельности, которые завоевывают популярность и интерес в развитых странах, например, деятельность в сети Интернет, обслуживание сайтов компаний, продвижение товаров и услуг через мобильные приложения, различные платформы по торговле товарами и

предоставлению услуг и другие. К сожалению, у большинства безработных граждан в регионах отсутствует должная компьютерная грамотность и опыт работы с информационными технологиями. Поэтому на базе учреждений по подготовке и переподготовке кадров представляется необходимым создание курсов по работе в сфере информационно-коммуникационных технологий, на которых будут обучать граждан способам и методам такой работы. Данная мера позволит вовлечь в малоизученную рабочую среду лиц, которые в настоящее время не нашли себя на классическом рынке труда и остаются без средств на существование.

Следующим шагом в этом направлении призвана стать разработка российских платформ занятости с использованием информационно-коммуникационных технологий. На сегодняшний день все рабочие платформы данной сферы принадлежат иностранным компаниям, что, с одной стороны, дает возможность извлекать доход хоть какой-то части российских граждан, а с другой – происходит отток капитала, который мог бы пополнять бюджет страны. Однако данное направление, являясь одним из самых развивающихся и перспективных, не получает должного внимания со стороны государства.

Таким образом, руководствуясь изложенным, необходимо разработать конкретные мероприятия по предупреждению преступлений среди лиц, не имеющих постоянного источника дохода. Эти мероприятия должны сводиться к созданию единого общегосударственного учета безработных, совершивших преступления; проведению специализированных комплексных мероприятий по предупреждению преступлений со стороны отдельных категорий лиц, не имеющих постоянного источника дохода, а также по предупреждению вовлечения безработных граждан в организованные преступные группы. В принимаемых комплексных программах сегодня фактически только декларируется необходимость осуществления борьбы с рассматриваемой преступностью, однако реальная картина показывает критичность возникшей проблемы и необходимость скорейшего вмешательства со стороны государства.

Список литературы:

1. Ботвин И. В. Предупреждение преступности лиц, не имеющих постоянного источника дохода (на примере Алтайского края) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – Барнаул, 2017. – № 2. – С. 167–169.
2. Неупокоева И. А. Преступность среди безработных: учебное пособие / И. А. Неупокоева. – Омск: Омская академия МВД России, 2010. – 72 с.
3. Криминологическая обстановка в Российской Федерации в 2006 году и прогноз ее развития / под ред. С. И. Гирько. – М., 2007. – 92 с.
4. Росстат объединил безработных и преступников [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ppt.ru/news/136269>.
5. Иншаков С. М. Управление социальными процессами и преступность // Преступность: стратегия борьбы. – М., 1997. – С. 130–145.
6. Бытко С. Ю. Безработица – локомотив преступности в России // Вестник Казанского юридического института МВД России, № 2. – 2016. – С. 41–45.
7. Ботвин И. В. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: монография / И. В. Ботвин. – М.: ЮРЛИТИНФОРМ, 2017. – 168 с.

Botvin I. V. Crime persons without a permanent source of income: regional features // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 57–66.

The article presents a detailed analysis of the crime of persons who do not have a permanent source of income. On the basis of studying of materials of GU MVD of Russia of Altai Region, social and economic situa-

tion in the country, regional features of the presented type of crime, in particular, problems of its determination and the prevention are considered. The author comes to the conclusion that the adopted comprehensive programs in fact only declare the need to combat crime of persons who do not have a permanent source of income, but the real picture shows the criticality of the problem and the need for early intervention by the state.

Keywords: regional crime, unemployment, persons without a permanent source of income, causes and conditions of crime, crime prevention, regional features.

Spisok literaturyi:

1. Botvin I. V. Preduprezhdenie prestupnosti lits, ne imeyuschih postoyannogo istochnika dohoda (na primere Altayskogo kraya) // Vestnik Barnaulskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. Barnaul, 2017. № 2. S. 167–169.
2. Neupokoeva I. A. Prestupnost sredi bezrabortnyih: uchebnoe posobie. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2010. 72 s.
3. Kriminologicheskaya obstanovka v Rossiyskoy Federatsii v 2006 godu i prognoz ee razvitiya / pod red. S. I. Girko. M., 2007. 92 s.
4. Rosstat ob'edinil bezrabortnyih i prestupnikov. Elektronnyiy resurs. Rezhim dostupa: <http://ppt.ru/news/136269>.
5. Inshakov S. M. Upravlenie sotsialnymi protsessami i prestupnost // Prestupnost: strategiya borbyi. M., 1997. S. 130–145.
6. Byitko S. Yu. Bezrabortitsa – lokomotiv prestupnosti v Rossii / Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, № 2, 2016. S. 41–45.
7. Botvin I. V. Ugolovnaya otvetstvennost za prichinenie imuschestvennogo uscherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem: monografiya. M.: YuRLITINFORM, 2017. 168 s.

УДК 343.914

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Волошин И. А., Феттаева С. Ф.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В данной статье автором поднимается проблематика правильной квалификации убийства матерью новорожденного ребенка. Проанализированы основные точки зрения ведущих теоретиков уголовного права относительно проблем, возникающих при квалификации деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ. Автором рассмотрен вопрос отграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 105 и ст. 106 УК РФ; подвергнута анализу субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, и подробно рассмотрены вопросы психологического состояния женщины, совершившей убийство новорожденного ребенка. Особое внимание уделено вопросу времени возникновения умысла, а также рассмотрен вопрос правильной квалификации совместных действий лиц, участвующих в убийстве новорожденного ребенка.

Ключевые слова: привилегированный состав преступления, новорожденный, убийство, квалификация, соучастие, субъект преступления, психотравмирующая ситуация, вменяемость.

Убийство матерью новорожденного ребенка по действующему Уголовному кодексу Российской Федерации является привилегированным составом. В предыдущем уголовном кодексе 1960 г. данный состав преступления отсутствовал, поэтому совершенное преступление в отношении новорожденного квалифицировали как простое умышленное убийство. Сегодня в силу либерализации уголовного законодательства законодатель пошел по иному пути, выделив данный состав в качестве самостоятельного. Вместе с тем, возник ряд проблем квалификации деяний, предусмотренных ст. 106 УК РФ, и, прежде всего, отграничение состава преступлений, предусмотренных ст. 105 и ст. 106 соответственно, поэтому полагаем актуально провести анализ данного состава и предложить пути решения существующих проблем.

Одной из причин выделения данного состава преступления стало распространение такого рода общественно опасного поведения, когда женщина, находясь в состоянии выраженной физической и эмоциональной напряженности, совершает действия, выходящие за пределы ее здравого смысла. Значительные физиологические и психологические нагрузки снижают возможность адекватно оценивать реальность и свои действия, а также прогнозировать их возможные последствия. Исходя из этого, законодатель в УК 1996 г. выделил данный состав.

Так, интересным оказывается следующий момент: субъектом преступления по ст. 106 может быть женщина, достигшая общего возраста уголовной ответственности, то есть 16 лет. Тогда как субъектом преступления по ст. 105 может быть лицо, достигшее ко времени совершения преступления 14 лет. В таком случае, возникает вопрос, а как квалифицировать случаи, когда четырнадцатилетняя роженица убивает новорожденного ребенка. На первый взгляд кажется, что данное деяние необхо-

димо будет квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии). Однако это ошибочно, так как по действующему уголовному закону лицо, совершившее деяние, предусмотренное ст. 106 УК РФ, не достигшее при этом 16-летнего возраста, вообще не подлежит уголовной ответственности в силу отсутствия субъекта преступления.

Проблема квалификации по данному составу заключается в уголовно-правовой оценке случаев, когда женщина, находящаяся в состоянии беременности, уже имела намерение лишить жизни новорожденного и затем реализовала свой замысел. Так, ряд теоретиков склонен к мнению, что если убийство произошло во время или сразу после родов, содеянное полностью совпадает с предусмотренными законом рамками и квалифицируется по ст. 106 УК РФ [3, с. 38–40]. В случае, если мать убила ребенка позже обозначенного периода, при отсутствии условий психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости, то содеянное необходимо квалифицировать по ст. 105. Однако при таком подходе получается, что женщина, имеющая прямой умысел убийства своего будущего ребенка и четко реализовавшая свой преступный замысел в момент родов или сразу же после них, должна будет отвечать по ст. 106 УК РФ. Напротив, женщина, которая не уверена была в намерении лишить своего будущего ребенка жизни и после его рождения до конца колебалась, но, тем не менее, совершила убийство спустя неделю или две после его рождения, по логике законодателя должна будет отвечать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ [4]. Полагаем, это несправедливо. И проблема вся состоит в том, что в диспозиции ст. 106 УК РФ время возникновения умысла не конкретизируется. Исходя из этого, можно отметить целесообразность внесения поправок в указанную статью посредством указания в диспозиции ст. 106 УК РФ «внезапно возникшего умысла».

В целом, исходя из анализа ст. 106, можно выделить два условия совершения такого преступления. Первое – убийство новорожденного ребенка во время или сразу же после родов – необязательно связывается с психическим расстройством матери. В данном случае, квалифицируя действия матери, которая лишает жизни своего новорожденного ребенка, важно установить момент возникновения умысла. Важно, что он должен возникнуть во время родов или сразу же после родов. Так как, если умысел на убийство новорожденного ребенка возник у женщины до начала родов, то полагаем, что ее действия следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а не по ст. 106 УК РФ [4, с. 122]. По этому поводу высказывался А. И. Рарог, подчеркивая, что «несправедливо квалифицировать действия матери по ст. 106 УК, если она заранее спланировала убийство и хладнокровно его осуществила во время родов или сразу же после них» [5, с. 85]. Полагаем, что законодатель руководствовался при создании данной статьи именно наличием особого эмоционального возбуждения, вызванного родовым процессом и явившимся побуждением к совершению данного преступления.

Однако, исходя из анализа судебной практики, можно отметить, что некоторые суды квалифицируют действия матери-убийцы по ст. 106 «убийство матерью новорожденного ребенка сразу же после родов», даже если умысел на убийство новорожденного ребенка возник у нее сразу же после того, как она узнала о своей бере-

менности. Полагаем, такая квалификация нарушает реализацию принципа справедливости.

Вторым условие – убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключаящего вменяемости, – напротив, не связывает ответственность со столь узким промежутком времени. Исходя из комментария к анализируемой статье, психотравмирующая ситуация может возникнуть как до родов, так и во время родов или спустя некоторое время. Данная ситуация может быть вызвана самыми различными факторами. Например, отец новорожденного ребенка отказался от него, родители матери или другие лица унижают и оскорбляют ее за рождение ребенка вне брака, у матери нет средств на уход за ребенком и т. д. Даже сам по себе процесс родов и последующая необходимость заботиться о новорожденном, а также ряд иных обстоятельств в совокупности может оказаться непосильной нагрузкой для психики матери. Кроме этого, еще одним условием является наличие у матери-убийцы состояния психического расстройства, не исключаящего вменяемости, когда у матери новорожденного ребенка налицо расстройство психики, т. е. она не может в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 1 ст. 22 УК). При этом данное обстоятельство устанавливается посредством проведения экспертизы [4, с.122].

Таким образом, наличие хотя бы одного из перечисленных условий является основанием для квалификации действий матери, убившей своего новорожденного ребенка, по ст. 106 УК РФ.

Рассматривая вопрос, кто может быть субъектом данного преступления, казалось бы, ответ очевиден. Однако, в связи с последними успехами современной медицины и науки, понятие субъекта преступления, предусмотренного ст. 106 УК, следует определить немного иначе в связи с тем, как отмечает А. Н. Красиков, что женщина может вынашивать в своем организме не своего биологического ребенка. Такая женщина, получается, не может выступать в качестве субъекта, поэтому он предлагает в диспозиции закона использовать термины «роженица» и «родильница», а не мать, поскольку в медицине с момента начала процесса родов женщину называют роженицей, а после рождения плода, изгнания последа – родильницей [6, с. 46–47]. А. Н. Попов утверждает на этот счет, что субъектом необходимо признавать именно фактическую мать, то есть ту женщину, которая родила и вынашивала ребенка. Ведь в основу выделения привилегированного состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, положено время совершения преступления, связанного с состоянием беременности и родами женщины, а не мотив совершения преступления и не юридическое состояние материнства. С этим аргументом нельзя не согласиться [7, с. 46–52].

Важно также отметить такой факт, что исполнителем преступления, предусмотренного ст. 106 УК, может быть только мать новорожденного ребенка. Однако в качестве подстрекателя или пособника может выступать и другое лицо (отец ребенка, акушерка). Напротив, убийство новорожденного, совершенное другим лицом даже с согласия или по просьбе матери, квалифицируется не по комментируемой статье, а по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК. Что касается матери, то ее действия квалифицируются по ст. 106 с соответствующей ссылкой на ч. 3 ст. 33. Однако и в этом случае, полагаем, необходимо установить время возникновения умысла. Так, если умысел

возник до родов и мать новорожденного организует убийство своего ребенка посредством склонения иного лица к выполнению объективной стороны, то ее действия, на наш взгляд, неправильно квалифицировать по ст. 106 УК РФ. Некоторые ученые не разделяют такую точку зрения. Так, например, В. В. Сташис указывает, что момент возникновения умысла убить новорожденного ребенка на квалификацию убийства не влияет [9, с. 63]. С. В. Бородин отмечает, что в ст. 106 УК РФ без каких-либо ограничений говорится об убийстве матерью новорожденного ребенка «во время или сразу же после родов» [2, с. 176–177]. Поэтому, по его мнению, предварительная подготовка беременной женщины к убийству младенца не является основанием для неприменения к ней ст. 106 УК РФ.

Таким образом, рассмотренные выше проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка очень сложные прежде всего с теоретической точки зрения, так как нет единого мнения относительно квалификации данного деяния. Поэтому имеется большая необходимость внесения изменений в диспозицию данной статьи, а также принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы:

1. Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву: учебник по уголовному праву / С. В. Бородин. – М.: Юрист, 1994. – 216 с.
2. Бородин С. В. Преступления против жизни: учебник по уголовному праву / С. В. Бородин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 467 с.
3. Кривошеин П. Убийство матерью новорожденного ребенка / П. Кривошеин // М.: АНО «Юридические программы». – 2005. – 52 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. М. Лебедев. – 3-е изд., доп. и испр. – М.: Юрайт-Издат, 2004. – 360 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – 2-е изд., перераб. и доп./отв. ред. А.И. Рарог. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. – 2004. – 282 с.
6. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России / Красиков А.Н. – Саратов: Полиграфист, 1996. – 211 с.
7. Попов А. Н. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). СПб., 2001. – 68с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/>. Дата обращения: 05.11.2017.
9. Уголовно-правовая охрана личности. Научно-практический комментарий действующего уголовного законодательства УССР / Бажанов М.И., Сташис В.В. – Харьков: Высш.шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1976. – 220 с.

Voloshin I.A., Fettaeva S.F. Features of the qualification of killing by mother of a newborn child // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 67–71.

In this article, the author raises the problem of the correct qualification of killing the mother of a newborn child. The main points of view of the leading theorists of criminal law concerning the problems arising in the qualification of the act provided for in Art. 106 of the Criminal Code. The author considered the issue of delineation of the offenses provided for in Art. 105 and art.106 of the Criminal Code; subjective analysis of the subjective side of the crime under Art.106 of the Criminal Code of the Russian Federation and details of the psychological state of the woman who committed the murder of a newborn child. Particular attention is paid to the issue of the time of intent, and the issue of correct qualification of joint actions of persons participating in the killing of a newborn child is also considered.

Key words: privileged crime, newborn, murder, qualification, complicity, subject of crime, psycho-traumatic situation, sanity.

Spisok literatury:

1. Borodin S. V. *Otvetstvennost za ubiystvo: kvalifikatsiya i nakazanie porossiyskomu pravu: uchebnik po ugolovnomu pravu* / S. V. Borodin. – M: Yurist, 1994. – 216 s.
2. Borodin S. V. *Prestupleniya protiv zhizni: uchebnik po ugolovnomu pravu* / S. V. Borodin. — SPb.: Yurid. tsentr Press, 2003. – 467 s.
3. Krivoshein P. *Ubiystvo materyu novorozhdenного rebenka* / P. Krivoshein // M: ANO «Yuridicheskie programmy». – 2005. – 52 s.
4. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* / Otv. red. V. M. Lebedev. – 3-e izd., dop. i ispr. – M.: Yurayt-Izdat, 2004. – 360 s.
5. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii*. – 2-e izd., pererab. i dop./otv. red. A.I. Rarog. – M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt. – 2004. – 282 s.
6. *Ugolovno-pravovaya ohrana prav i svobod cheloveka v Rossii* / Krasikov A.N. – Saratov: Poligrafist, 1996. – 211 s.
7. Popov A. N. *Ubiystvo materyu novorozhdenного rebenka (st. 106 UK RF)*. SPb., 2001. – 68s.
8. *Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF «O sudebnoy praktike po delam ob ubiystve»* // [Elektronnyy resurs] — Rezhim dostupa. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/>. Data obrascheniya: 05.11.2017.
9. *Ugolovno-pravovaya ohrana lichnosti. Nauchno-prakticheskiy kommentariy deystvuyuschego ugolovnogo zakonodatelstva USSR* / Bazhanov M.I., Stashis V.V. – Harkov: Vyssh.shk. Izd-vo pri Hark. un-te, 1976. – 220 s.

УДК 342.951:343.611

**«ЗАЦЕПИНГ», «СПАЙСЫ» И «СИНИЙ КИТ» – ГЛОБАЛЬНЫЕ
УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ
УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ
ОСНОВ БОРЬБЫ С НИМИ**

Евсикова Е. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье раскрываются наиболее распространенные среди молодежи правонарушения, такие как «зацепинг» («трайсерфинг»), употребление и оборот «новых потенциально опасных и психоактивных веществ» («спайсов»), игра в «Синий кит» («Киты плывут вверх», «Разбуди меня в 4:20», «f57 или f58», «Тихий дом», «Рина», «Няпока», «Море китов», «50 дней до моего...»), а также такие противоправные и преступные деяния, как вовлечение несовершеннолетних в употребление «новых потенциально опасных и психоактивных веществ» и группы смерти. Автор раскрывает и исследует составы указанных правонарушений и преступлений, а также административно-правовые и уголовно-правовые основы борьбы с ними. На основе проведенного анализа автор вносит свои предложения по усовершенствованию действующего Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации в части ужесточения ответственности за данные противоправные и преступные деяния.

Ключевые слова: «зацепинг», «трайсерфинг», «руфрайдинг», «новые потенциально опасные и психоактивные вещества», «спайсы», «Синий кит», «Киты плывут вверх», «Разбуди меня в 4:20», «f57 или f58», «Тихий дом», «Рина», «Няпока», «Море китов», «50 дней до моего...».

Актуальность темы. Перспективы развития государства непосредственно зависят от физического здоровья, нравственного воспитания и образования подрастающего поколения. В Российской Федерации, как и в любом государстве, несовершеннолетний выступает как субъект, имеющий свой правовой статус, а отношения, в которых он участвует, регулируются нормами различных отраслей права, в том числе административного.

Обеспечение безопасности детей, защита их благосостояния является одной из центральных, приоритетных задач любого демократического государства, которое должно обеспечивать максимально высокий уровень жизни и здорового развития ребенка. В этой связи не может не вызывать серьезную озабоченность моральное состояние нашего общества: утрата нравственных ценностей, стремление к быстрому обогащению, культ грубой силы и жестокости, распространение различных форм дискриминации. Все это, на наш взгляд, активно способствует быстрому росту количества правонарушений, обострению криминогенной и административно-деликтной ситуации в стране, в том числе и среди молодежи.

По нашему мнению, на сегодняшний день одними из основных, глобальных, угроз жизни и здоровью нашей молодежи выступают такие антиправовые и антисо-

циальные явления, как «зацепинг», «спайсы» и «синий кит», которые с каждым днем пользуются все большей и большей популярностью среди молодежи.

Основной текст. 1. «Зацепинг» («трайнсерфинг») – способ передвижения, заключающийся в проезде на поездах и иных рельсовых транспортных средствах с их внешней стороны. Включает в себя проезд на крышах, открытых переходных и тормозных площадках, в открытых кузовах (у вагонов открытого типа) либо с боковых или торцевых сторон вагонов, в подвагонном пространстве на элементах наружной арматуры подвижного состава [1, с. 99].

Следует отметить, что «в «трейнсерфинге», кроме разных видов езды, существует градация по степени сложности поездки, зависящая от типа и модификации железнодорожного состава:

- «бэккрайдинг» – езда «зацепом» с задней стороны хвостового вагона;
- «фронтрайдинг» – проезд спереди на передней кабине электровоза;
- «сайдрайдинг» (или боковой «зацепинг») – езда «зацепом», держась за боковые поручни, зеркала, окна и другие находящиеся сбоку выступающие части вагона;
- «битвинвагонрайдинг» (межвагон зацепинг) – езда между вагонами поезда;
- «оупэнвагонрайдинг» – способ проезда на грузовых поездах – езда на кузове открытых вагонов железнодорожного состава, таких как полувагоны и платформы, либо на тормозных площадках крытых вагонов или рамах цистерн;
- «руфрайдинг» – езда на крыше поезда;
- «андервагонрайдинг» (андервагон зацепинг) – езда «зацепом» под поездом, основанная на конструктивных особенностях тележек прицепных вагонов;
- «зацепрейлслайдинг» – скольжение по рельсам на скользкой обуви, сноуборде или другой похожей доске;
- «зацеп сходи́нг/джампинг» – его особенность в том, чтобы на ходу запрыгнуть на подножку или прицепиться к идущему на небольшой скорости поезду либо, наоборот, спрыгнуть с него» [2, с. 88].

Несмотря на введение в 2007 году в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3] нормы, предусматривающей административную ответственность за посадку или высадку граждан на ходу поезда либо проезд на подножках, крышах вагонов или в других непригодных для проезда пассажиров местах, а равно самовольную без надобности остановку поезда либо самовольный проезд в грузовом поезде, в виде административного штрафа в размере до одного минимального размера оплаты труда, а с 22 июня 2007 г. – ста рублей [4], такое явление, как «зацепинг» в молодежной среде набирает обороты с каждым годом, как растет и количество пострадавших и погибших на железнодорожном транспорте из года в год, поскольку «зацепинг» как явление приобрел массовый характер и воспринимается подростками и молодыми людьми как модное экстремальное увлечение.

В свою очередь, статистические данные также свидетельствуют о росте популярности «зацепинга» в подростковой среде (если в 2012 году сотрудниками транспортной полиции задержано 345 несовершеннолетних «зацеперов», то в 2013 году – уже 424. А за 2015 г. на Московской железной дороге произошло 17 несчастных случаев с «зацеперами» в возрасте от 10 до 18 лет, 9 из которых погибли от удара током, в 2016 г. погиб 21 человек, в 2017 г. – 9) [5]. В 2016 году на участках оперативного обслуживания Управление на транспорте МВД России по Центральному

федеральному округу (далее – УТ МВД России по ЦФО) травмировано 103 подростка, со смертельным исходом – 49. Из общего числа травмированных в результате занятия «зацепингом» травмирован 21 несовершеннолетний, из них 4 – смертельно [6], чему, по нашему мнению, способствуют и существующие сегодня санкции в виде штрафа в размере 100 руб., которые не останавливают несовершеннолетних от совершения данного общественно опасного деяния, поскольку своими действиями они причиняют колоссальный вред не только своим жизни и здоровью, а также создают существенную угрозу безопасности других пассажиров и нормальному функционированию и проезду транспорта, так как из-за падения тел на рельсы, тем более – на проблемных участках, в том числе мостах, создается опасность катастрофы для поездов.

Так, данная категория молодежи наиболее подвержена риску стать жертвой транспортного происшествия. Каждый пятый травмированный на железной дороге несовершеннолетний получает травмы различной степени тяжести в результате падения с подвижного состава. Например, в апреле 2014 года на станции Текстильщицки (Московская железная дорога) при падении с крыши хвостового вагона электропоезда несовершеннолетний «зацепер» получил закрытую черепно-мозговую травму и переломы ног. В то же время КоАП РФ в качестве предупреждения и борьбы с «зацепингом» предусмотрено наказание не только «зацеперам», но их родителям или законным представителям по ст. 5.35 КоАП РФ (неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних), которая предусматривает административную ответственность в виде административного штрафа в размере от ста до пятисот рублей.

Среди элементов системы борьбы с правонарушениями их предупреждение занимает свое особое место. При этом оно считается исторически сложившимся явлением, то есть в тех или иных формах присуще любому государству на всех этапах его развития, прежде всего следует исходить из того, что «борьба с правонарушениями» является понятием более широким, поскольку им охватывается вся работа органов исполнительной власти и общественности, направленная на охрану интересов общества и граждан от преступных посягательств: начиная от разработки законодательства и его применения и кончая закреплением результатов исправления и перевоспитания лиц, совершивших правонарушения, в том числе и выявление, и устранение причин и условий правонарушений, а термин «предупреждение правонарушений» представляется более узким понятием, которое входит в понятие «борьба с правонарушениями» и подчиняется его задачам, т. е. предупреждение правонарушений входит в систему предупреждения как один из видов предупредительной деятельности, т. е. целое (общее) – это предупреждение, а часть (особенное) – предупреждение правонарушений [9, с. 151–152].

Следует отметить, что в качестве одного из инструментов борьбы с «зацепингом» и его предупреждения следует выделить не столько нормы КоАП РФ, предусматривающие, как уже было сказано, минимальный размер административного штрафа, а совокупность профилактических мероприятий, проводимых сотрудниками ОВД на транспорте в соответствии с Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [6], поскольку одним из основных направлений деятельности по обеспечению общественной безопасности в Российской Федерации в области противодействия

преступным и иным противоправным посягательствам является совершенствование системы профилактики правонарушений. Соответствующий комплекс мер включает в себя выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также принятие мер по их устранению; реализацию федеральных, региональных, муниципальных и отраслевых программ по предупреждению правонарушений; совершенствование механизмов социальной адаптации и реабилитации лиц, склонных к совершению преступлений (в том числе страдающих наркотической и алкогольной зависимостью, лиц без определенного места жительства); предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий, совершаемых несовершеннолетними; усовершенствование системы мониторинга принимаемых в субъектах Российской Федерации мер в сфере профилактики правонарушений, включая реализацию соответствующих государственных программ и их финансовое обеспечение [7, с. 254].

Так, в 2016 году сотрудниками УТ МВД России по ЦФО, совместно с администрациями транспортных предприятий, проведен 1731 профилактический рейд, в результате чего за нарушение правил поведения на объектах транспорта выявлен 341 подросток – «зацепер». В этих целях сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних УТ МВД России по ЦФО в 2016 году в образовательных учреждениях, прилегающих к железной дороге, организовано проведение 8651 профилактической беседы, из числа которых 341 – на родительских собраниях. Учащимся разъясняется ответственность, предусмотренная законодательством, за совершение транспортных правонарушений, в том числе за катание на подножках и крышах вагонов, раздаются буклеты о правилах поведения на железнодорожном транспорте [8].

Кроме того, ряд авторов предлагает в целях повышения эффективности борьбы с таким антиправовым и антисоциальным явлением, как «зацепинг», применять такие профилактические меры:

1. освещение «зацепинга» как опасного и преступного увлечения;
2. правовое просвещение учащихся: проведение разъяснительной работы о безопасном поведении детей и подростков на объектах транспорта, ответственности за действия, угрожающие безопасной работе железнодорожного транспорта; изучение КоАП РФ и Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в части, предусматривающей ответственность несовершеннолетних; организация встреч с работниками подразделений ОВД по делам несовершеннолетних; проведение месячника правовых знаний; демонстрация на безвозмездной основе фильмов, посвященных транспортной безопасности; проведение диспутов, конференций [2, с. 90].

Вместе с тем следует отметить, что в апреле 2017 года Государственная Дума РФ путем внесения изменений в ст. 213 УК РФ предусмотрела уголовную ответственность за хулиганство на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования в виде штрафа в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, либо обязательных работ на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительных работ на срок от одного года до двух лет, либо принудительных работ на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок [10].

Кроме того, Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [11], глава 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», добавлена ст. 267.1, предусматривающая уголовную ответственность за совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, в виде штрафа в размере от ста пятидесяти тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо ограничения свободы на срок до двух лет, либо лишения свободы на тот же срок.

Однако привлечение к уголовной ответственности по пп. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ «хулиганство» за «зацепинг» или по ст. 267.1 УК РФ является весьма проблематичным, поскольку квалифицирующим признаком объективной стороны данных преступлений будет являться совершение преступления из хулиганских побуждений, т. е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, что при проезде на крышах, подножках железнодорожного транспорта не всегда возможно доказать, особенно, в чем конкретно состоит в данном случае явное неуважение к обществу.

Кроме того, наказание в виде штрафа в размере от ста пятидесяти тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, а также в размере от трехсот до пятисот тысяч рублей для несовершеннолетнего представляется просто нереальным, поскольку данный штраф, скорее всего не сможет оплатить ни несовершеннолетний, не имеющий самостоятельного заработка, ни его родители, а ряд других наказаний, предусмотренных пп. «в» ч. 1 ст. 213 и ст. 267.1 УК РФ, к несовершеннолетнему просто неприменим. В силу чего можно сделать вывод о неэффективности и нецелесообразности введения уголовной ответственности за «зацепинг» для несовершеннолетних, которые в силу возраста либо неблагоприятной социальной ситуации в семье не всегда объективно оценивают свои действия и отдают себе отчет в опасности такого увлечения, как «зацепинг», прежде всего, для их жизни и здоровья, а также для других членов социума, которые пользуются данными транспортными средствами.

Вместе с тем, несмотря на то, что в 2017 г. удалось снизить популярность такого явления, как «зацепинг» только благодаря блокировке в социальных сетях тематических сообществ соответствующей направленности, на сегодняшний день проблема травматизма и гибели от «зацепинга» подростков и молодых людей на всей территории РФ остается открытой, в силу чего требует кардинальных систематических мер, направленных на предупреждение и профилактику данного явления среди молодежи.

Таким образом, наиболее эффективной мерой, по нашему мнению, будет не введение уголовной ответственности за «зацепинг», а кардинальный пересмотр системы административных наказаний за данное правонарушение с учетом принципов соразмерности и индивидуализации наказания, что в комплексе позволит достичь основной цели административного наказания – не только общей, но и частной превенции, а, значит, позволит предупредить совершение данного вида правонарушений как самим несовершеннолетним правонарушителем, так и иными членами общества.

«Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что законодатель при осуществлении нормотворческой деятельности, устанавливая размер административного наказания за конкретное правонарушение, должен оценивать его с точки зрения соотносимости его с характером и степенью общественной опасности данного административного правонарушения, наделять его разумным сдерживающим эффектом, необходимым для соблюдения находящихся под защитой административно-деликтного законодательства запретов, а суд или орган административной юрисдикции должен назначать административное наказание с учетом обстоятельств конкретного административного правонарушения, характеристики лица, привлекаемого к административной ответственности, иных имеющих значение для дела существенных обстоятельств, учитывая, что данное наказание должно быть достаточным для достижения целей и задач, установленных ст. 1.2 ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ» [12, с. 79].

По нашему мнению, целесообразно внести изменения и дополнения в ч. 1 ст. 11.17 КоАП РФ, в соответствии с которыми посадка или высадка граждан на ходу поезда либо проезд на подножках, крышах вагонов или в других непригодных для проезда пассажиров местах, а равно самовольная без надобности остановка поезда либо самовольный проезд в грузовом поезде влечет наложение административного штрафа в размере от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей либо обязательных работ (в том числе для несовершеннолетнего на срок от двадцати до двухсот часов, но не более двух часов в день). Кроме того, требует изменений и ст. 5.35 КоАП РФ, а именно: «Неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних – влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей...».

2. «Спайс» (от англ. «spice» – специя, пряность) – разновидность травяной смеси, в состав которой входят синтетические вещества и обыкновенные травы. Синтетические вещества (или синтетический каннабис) в 5–6 раз вреднее натурального тетрагидроканнабинола, входящего в состав марихуаны [13].

Следует отметить, что опасность от употребления «спайсов» заключается в том, что:

- 1) от употребления подобных курительных смесей страдает человеческая психика. Воздействие на нее оказывается так же, как и при применении сильнодействующих наркотических веществ;
- 2) психоневрологические нарушения возникают в головном мозге, периферической нервной системе. Синтетические психотропные соединения вызывают тяжелые отравления, разрушают печень, отравляют репродуктивную, выделительную систему;
- 3) в результате употребления «спайсов» у лица возникает психическая зависимость, которая характеризуется: непреодолимым желанием покурить, сделать хотя бы одну затяжку; утратой способности контролировать тягу к наркотику; ломкой при отсутствии очередной дозы; возникновением толерантности, стремлением увеличивать дозу, курить все чаще; утратой способности осознавать болезнь. При этом психоактивные эффекты продолжаются длительный период времени, в результате

чего у лица отмечаются галлюцинации, бредовые, депрессивные состояния вне эпизодов употребления наркотика;

4) вследствие употребления «спайса» у лица развивается психоорганический синдром, возникающий при массовой гибели нейронов, т. е. изменяется личность, начинается тяжелая депрессия, ухудшается память, снижается интеллект. При этом опасность представляет не только систематическое, но даже редкое употребление курительной смеси, поскольку гибелью закончиться может не только передозировка «спайсом» при частом употреблении, но и однократный и даже первый прием наркотика. Однако с увеличением дозы для курения возрастает вероятность появления развернутого психоза по типу шизофрении с галлюцинациями зрительными и слуховыми, бредом;

5) общее отрицательное влияние на организм человека после употребления «спайса» проявляется в том, что они разрушают иммунитет, нарушают гормональное равновесие, отрицательно влияют на органы кроветворения, сердце, дыхательную систему;

6) возникают гормональные нарушения, которые проявляются в том, что у курильщиков «спайса» страдает половая функция, так, например, у девушек нарушается цикличность менструаций, ухудшается жизнеспособность яйцеклеток, возникает бесплодие. Кроме того, после употребления «спайса» изменяется гормональный фон, увеличивается риск возникновения диабета, в большинстве случаев полностью нарушается репродуктивная функция, особенно эта опасность касается молодого неокрепшего или ослабленного организма, подверженного влиянию внешних факторов;

7) наблюдаются локальные осложнения, которые характеризуются ожогом слизистых оболочек верхних дыхательных путей (слизистой полости носа, гортани, бронхов), их раздражением, в результате которого лицо вынуждено часто пить, а также раздражением слизистой глаз;

8) синтетический каннабиноид вызывает спазм кровеносных сосудов мозга, лишая его клетки доступа к кислороду, что вызывает гибель нейронов и развитие токсической энцефалопатии или временного слабоумия. Таким образом, в результате употребления «спайса» страдает эмоциональная сфера, теряется способность оценивать правильность своих действий критически, нарушается координация движений, появляется чувство легкости, стремление летать (токсическая энцефалопатия);

9) в результате даже незначительного превышения дозы возникает интоксикационный психоз, который, при отсутствии соответствующего лечения, может продолжаться до 30 дней. Продолжение употребления «спайса» приводит к рецидивам интоксикационного психоза и, возможно, инициирует развитие параноидальной шизофрении, острой почечной недостаточности, внезапной смерти из-за остановки сердца [13].

Таким образом, в результате употребления «спайса» молодые люди приобретают: расстройство мышления, снижение интеллекта; ухудшение краткосрочной памяти; утрату элементарных навыков чтения; психозы, сходные с шизофренией; параноидальные состояния с манией преследования; тяжелую депрессию; суицидальные мысли и действия; бесплодие; разрушение иммунитета; нарушение работы системы кроветворения; бессонницу, плохо поддающуюся

лечению; инфаркт, инсульт, раннюю смерть от передозировки. Особую опасность представляют «спайсы» еще и потому, что их основными потребителями являются лица от 14 до 20 лет, что приводит к ухудшению здоровья общества и грозит вымиранию и вырождению нации.

В Российской Федерации относительно недавно введен запрет на употребление «спайсов», которые достаточно долгое время были легкодоступны в супермаркетах, лотках, на интернет-сайтах, начиная с 2007 г. С начала 2010 года в России разрабатывался законопроект о запрете «спайсов», а также был составлен дополнительный список, включающий в себя 23 новых вещества, которыми пропитывались «спайсовые миксы».

Однако сложность в привлечении к ответственности за распространение и употребление «спайсов» и спайсовых миксов заключалась в том, что химический состав данных веществ постоянно менялся – химики постоянно синтезировали новую формулу, в силу чего постоянно возникали вещества, за которые невозможно было привлечь к ответственности. В то же время количество лиц, пострадавших от «спайсов», и в первую очередь несовершеннолетних, постоянно растет, что потребовало активных действий со стороны законодателя для решения данной проблемы.

Предупредить совершение данной категории правонарушений стало возможным только после принятия Федерального закона Российской Федерации от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 7-ФЗ) [14]. Так, с 15.02.2015 в Федеральный закон от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – ФЗ № 3-ФЗ) вводится новое понятие: «Новые потенциально опасные психоактивные вещества – вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен» [15].

Также согласно ч. 3 ст. 2.2 ФЗ № 3-ФЗ использование новых потенциально опасных психоактивных веществ разрешается в целях осуществления научной, учебной и экспертной деятельности Следственным комитетом Российской Федерации, федеральным органом исполнительной власти по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, федеральным органом исполнительной власти в области внутренних дел, федеральным органом исполнительной власти по таможенным делам, федеральной службой безопасности, федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, судебно-экспертными организациями федерального органа исполнительной власти в области юстиции, судебно-медицинскими экспертными организациями федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, а также при проведении оперативно-розыскных мероприятий органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [15, ч. 3 ст. 2.2].

Также в связи с принятием ФЗ № 7-ФЗ в УК РФ добавлена ст. 234.1, предусматривающая уголовную ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ («спайсов») в виде штрафа в размере до тридцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух месяцев либо ограничения свободы на срок до двух лет, а также вне-

сены изменения и дополнения в КоАП РФ, предусматривающие административную ответственность за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ в виде административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей или административного ареста на срок до пятнадцати суток (ст. 6.9); за вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ – в виде административного штрафа в размере от одной тысячи пятисот до трех тысяч рублей (ст. 6.10); за потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах – в виде административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей или административного ареста на срок до пятнадцати суток (ст. 20.20); за нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ – в виде административного штрафа для родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей (ст. 20.22).

Таким образом, несовершеннолетний может быть привлечен к административной ответственности за употребление «новых потенциально опасных психоактивных веществ» в виде административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей, поскольку наказание в виде административного ареста к несовершеннолетнему применено быть не может. В то же время за вовлечение несовершеннолетних в употребление «спайсов» лицо может быть привлечено к административной ответственности в виде административного штрафа в размере от одной тысячи пятисот до трех тысяч рублей, а за нахождение несовершеннолетнего в состоянии опьянения или потребление им «спайсов» родители или иные законные представители несовершеннолетнего могут быть привлечены к административной ответственности в виде административного штрафа в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей.

Кроме того, при назначении административного наказания за совершение административных правонарушений в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах лицу, признанному больным наркоманией либо потребляющему наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, суд может возложить на такое лицо обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ. Контроль за исполнением такой обязанности осуществляется уполномоченными федеральными органами исполнительной власти в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Как видим, размер и вид административного наказания за совершенное правонарушение не соответствуют принципу соразмерности наказания, поскольку при его

установлении законодателю следовало бы учитывать уровень общественной опасности данного вида правонарушений, их вредных последствий для молодежи и общества в целом, деструктивный, вредоносный и разрушающий характер указанных деяний на здоровье, психику и жизнь подрастающего и молодого поколения, а также любого другого члена социума, что, в конечном итоге, приводит не к сокращению количества данной категории правонарушений, а к тому, что реклама «спайсов» и соответствующие «закладки» распространители делают и помещают в любой точке города, на стенах домов, подъездов, во дворах, на детских площадках, в городских парках и скверах, где играют дети и гуляет молодежь (как правило, указывается адрес сайта в интернете, например, zanut.com, и делается соответствующая надпись «СОЛИ», дальше, зайдя по соответствующей ссылке, лицо получает дальнейшие инструкции, как перечислить определенную сумму денег и где будет сделана соответствующая «закладка» с веществом, указания, как и где ее обнаружить).

Таким образом, в качестве предупреждения употребления и распространения «спайсов» среди молодежи просто необходимым является ужесточение мер административной ответственности за соответствующие правонарушения путем установления штрафа в размере от двадцати до тридцати тысяч рублей за: потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ (ст. 6.9); за вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (ст. 6.10); за потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах (ст. 20.20); за нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (ст. 20.22).

Кроме того, в качестве альтернативы, в случае отсутствия у несовершеннолетнего самостоятельного заработка, предлагается предусмотреть возможность привлечения несовершеннолетних к обязательным работам (не более 2-х часов в день) по уборке общественных мест, благоустройству территории или административного ареста до 15 суток в качестве крайней меры наказания, что уже неоднократно высказывалось в юридической литературе [1, с. 105–106]. Так, привлечение несовершеннолетнего к такому виду наказания, как обязательные работы на срок не более 2-х часов в день будет способствовать его дальнейшей социализации как личности, приобщению к общественно полезному труду, отвлечению и предупреждению возможности противоправного времяпровождения, что в конечном итоге будет способствовать достижению такой цели наказания, как перевоспитание правонарушителя, а также предупреждение совершения правонарушений данным лицом и другими членами общества.

3. Согласно официальной статистике МВД, общее количество подростковых суицидов постоянно увеличивается. В 2015 году было зарегистрировано 685 таких случаев, а в 2016 уже 720. При этом в Следственном комитете отметили, что статистика детских самоубийств под воздействием «групп смерти» увеличилась в 2016

году сразу в 40 регионах России. Только в Москве и Подмосковье в 2016 году около 150 детей совершили суицид [16].

«Синий кит» (Blue Whale), или игра в самоубийство – страшное приключение, которое, как утверждают СМИ, увлекает впечатлительных подростков, с каждым днем втягивая в игру все больше и больше несовершеннолетних. Кит стал символом этой смертоносной игры, потому что это млекопитающее часто выбрасывается на сушу [17].

Следует отметить, что первые сообщения о подобных играх появились в 2015 году – «ВКонтакте» открылись группы суицидальной направленности, в которые мог вступить любой подросток, разочарованный в жизни и втайне мечтающий уйти в мир иной. Так, с декабря 2013 года по май 2016 года в соцсети «ВКонтакте» было создано восемь закрытых сообществ, где пропагандировался суицид, в результате 15 подростков из этих сообществ в различных регионах России совершили самоубийства, еще пятеро детей попытались покончить с собой. Однако скандал вокруг «Синего кита» разгорелся в России в 2016 году – российские СМИ писали о смертельных виртуальных играх, жертвами которых, как сообщалось, стали 130 подростков, погибших при разных обстоятельствах с ноября 2015 года по апрель 2016 года. В то же время количество самоубийств в Российской Федерации продолжает расти, а сообщества о «китах» процветают, правда, уже не во «ВКонтакте», а в «Instagram» и «Twitter» под названием «Синий кит», «Киты плывут вверх», «Разбуди меня в 4:20», «f57 или f58», «Тихий дом», «Рина», «Няпока», «Море китов», «50 дней до моего...». Однако, чтобы попасть в такую игру, любопытные подростки должны выполнить определенные требования. Так, прежде всего, молодые люди (в игре их называют «китами») «постят» определенный набор «хештегов» и ждут инструкций (ссылка, как правило, сопровождается типичными стишками соответствующей направленности), затем с пользователем связывается «куратор» игры, обычно с «аккаунта», который нельзя идентифицировать, и объясняет правила: никому не говорить об этой игре; всегда выполнять задания, каким бы оно не было; за невыполнение любого задания ты исключаяешься из игры навсегда и тебя ждут плохие последствия. Следует отметить, что с самого начала подросткам предлагают порезать руку лезвием, вырезать тематическую надпись, например, «море китов», «F57», «F58» или нарисовать кита, затем нужно больше себя резать или причинять еще какое-то насилие (синяки, ссадины), рисовать и писать, что попросят, смотреть видео про суицид и так далее. Всего в игре 50 заданий. Финальный этап игры для всех одинаков – суицид участника. Кураторы могут меняться на протяжении всей игры. Некоторых блокируют, но они возвращаются под другими «никами». Если социальная сеть временно блокирует страницу самого «кита», решившего уйти из жизни, то после восстановления «аккаунта» кураторы все равно находят его и продолжают высылать задания. Постепенно участник игры, согласно условиям, должен отказаться от общения со всеми, кроме своего куратора. Если ребенок хочет выйти из игры, его начинают запугивать смертью родных. Кураторы утверждают, что могут найти их по IP-адресу, поскольку подростку, который начал играть в «Синий кит», присылают ссылку, перейдя по которой он автоматически сообщает свой IP-адрес.

В целях борьбы с этим антисоциальным и антиправовым явлением, федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых комму-

никаций с начала февраля 2017 года организовала мониторинг записей в социальных сетях Instagram, Facebook и Twitter, согласно которому с начала февраля выявлена в общем счете 1151 запись с признаками суицидального контента. Из общего количества выявленных ссылок в результате дополнительного анализа в Единый реестр внесено 958 ссылок. Оперативно были удалены 62 % от общего количества ссылок. Так, в результате проведенных мероприятий, выявлено, что среднее количество подписчиков в выявляемых суицидальных группах составляет от 10 до 300. В то время как в начале работы по данному направлению фиксировались группы с количеством участников от 100 до 3000 человек. Таким образом, указанные группы не успевают набрать аудиторию, а большинство выявляемых сообществ являются «молодыми» [17].

«Вместе с тем текущая ситуация требует наращивания усилий, – заявил Глава МВД России. – Особое беспокойство вызывают так называемые “группы смерти”. Только в этом году их включено в Реестр более шестнадцати тысяч». Он подчеркнул особую важность обеспечения эффективного взаимодействия полиции и Роскомнадзора, в том числе по сбору необходимой доказательственной базы. Кроме того, по словам Владимира Колокольцева, в ближайшее время предстоит выработать консолидированную позицию и определить орган, уполномоченный на принятие решений по фактам распространения информации о несовершеннолетних, которые пострадали в результате противоправных действий [18].

Кроме того, Президент РФ Владимир Путин подписал Федеральный закон от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [19], вступивший в силу 18.06.2017, в соответствии с которым предусматривается уголовная ответственность за такие деяния, как доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ); склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110-1 УК РФ); организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110-2 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ).

Однако, как показывает практика, ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» применяется достаточно редко, а сложность ее применения заключается в том, что не всегда можно собрать соответствующую доказательную базу и доказать виновность лица, что именно из-за травли жертва совершила самоубийство. Так, по данным Судебного департамента при Верховном суде России, за год по ней было осуждено 16 человек [20].

Причем доведение несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, до самоубийства с помощью информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) является квалифицирующим признаком преступления, за которое пп. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ предусмотрено более суровое наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового и с ограничением свободы на

срок до двух лет или без такового; аналогично и за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного с помощью информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) более строгое наказание предусмотрено и пп. «д» ч. 3 ст. 110-1 УК РФ в виде принудительных работ на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового либо лишения свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового, в то же время, если указанные деяния повлекли самоубийство или покушение на самоубийство, то ч. 5 ст. 110 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового; а также за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства с помощью информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) ч. 2 ст. 110-2 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового, что, по нашему мнению, является очень мягким наказанием за смерть несовершеннолетнего или причинение серьезного вреда его физическому и психическому здоровью вследствие таких действий. При этом лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее соответствующую преступную деятельность и активно способствовавшее раскрытию и (или) пресечению преступлений, предусмотренных ст.ст. 110, 110.1 УК РФ или настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления, что, по нашему мнению, вообще является недопустимым и будет только способствовать дальнейшему совершению указанных преступных действий в отношении несовершеннолетних, являющихся объектом данного научного исследования.

В силу чего предлагается пересмотреть и существенно ужесточить систему уголовных наказаний за совершение противоправных действий в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного с помощью информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), предусмотренное ст.ст. 110, 110-1, 110-2, 151-2 УК РФ, в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет.

Только такой серьезный подход, по нашему мнению, позволит предупредить совершение данной категории преступлений и правонарушений в отношении нашей молодежи и сохранить жизнь подросткам из так называемой «группы риска», а также просто любопытным пользователям информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), которые в силу молодого возраста и отсутствия жизненного опыта, устойчивой жизненной позиции, ориентированной на здоровый образ жизни и традиционные ценности нашего общества, не могут пройти мимо

указанных сомнительных развлечений типа «зацепинг», «спайсы» или «синий кит», которые на сегодняшний день по-прежнему представляют глобальную угрозу жизни и здоровью нашей молодежи.

Список литературы:

1. Евсикова Е. В. Максимова Е. И. Актуальные проблемы усовершенствования законодательства Российской Федерации в сфере предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68). № 1. – С. 94 – 109.
2. Диденко К. В., Катаева О. Н. Предупреждение правонарушений, совершаемых несовершеннолетними на объектах железнодорожного транспорта // Проблемы правоохранительной деятельности. – № 2, 2014. – С. 88–91.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-Ф (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000.
4. Федеральный закон от 22 июня 2007 г. N 116-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части изменения способа выражения денежного взыскания, налагаемого за административное правонарушение» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://base.garant.ru/12154195/#block_11891.
5. В первом квартале сотрудниками транспортной полиции выявлено 107 несовершеннолетних «зацеперов». [Дата размещения ресурса: 05 Мая 2014; Время размещения ресурса: 09:05]. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://мвд.пф/news/item/2184375>.
6. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://base.garant.ru/71428030/1/#block_100.
7. Евсикова Е. В. Профилактика правонарушений как одно из основных направлений деятельности полиции по обеспечению общественной безопасности в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 9 (100). – С. 253–255.
8. «Зацепинг». Какова статистика в этом вопросе? Какие существуют средства борьбы с этим явлением?. Управление на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу. [Дата размещения ресурса: 14 марта]. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://цфоут.мвд.пф/Pravo_str_VO/item/9698514.
9. Евсикова Е. В., Геращенко А. В. Предупреждение административных правонарушений в Республике Крым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2015. – Т. 1. № 4 (67). – С. 149–163.
10. В России ввели уголовную ответственность для дебоширов на транспорте. Текст: Татьяна Замахина. Российская газета. [Дата размещения ресурса: 17.03.2017; Время размещения ресурса: 13:34]. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://rg.ru/2017/03/17/gosduma-vvela-ugolovnuiu-otvetstvennost-dlia-deboshirov-na-transporte.html>.
11. Федеральный закон от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://base.garant.ru/71645424/#block_12.
12. Руденко А. В. Соблюдение принципов соразмерности наказания и индивидуализации наказания при привлечении к административной ответственности / А. В. Руденко // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2016. – № 4 (25). – С. 77–81.
13. Последствия употребления, хранения и продажи курительных смесей «СПАЙС». Ответственность за такие действия. Управление МВД по Смоленской области. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://67.мвд.пф/document/8972236>
14. Федеральный закон Российской Федерации от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://base.garant.ru/70858526/#block_22.
15. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://base.garant.ru/12107402/>.
16. МВД: Около процента детских суицидов совершаются по вине «групп смерти». Российская газета. [Дата размещения: 30.03.2017.] [Время размещения: 16:55]. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://rg.ru/2017/03/30/mvd-okolo-procenta-detskih-suicidov-sovershaiutsia-po-vine-grupp-smerti.html>.

17. Игра Синий кит 2017: последние новости. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20170419/235658446/Igra-Sinij-kit-2017-poslednie-novosti.html>.
18. Владимир Колокольцев провел заседание Правительственной комиссии по профилактике правонарушений. [Дата размещения ресурса: 26 Июня 2017]. [Время размещения ресурса: 12:45]. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://мвд.рф/news/item/10564991>.
19. Федеральный закон от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению». [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1115793/>.
20. За травлю посадят. Для организаторов «групп смерти» введена уголовная ответственность. Российская газета. [Дата размещения ресурса: 08.06.2017]. [Время размещения ресурса: 19:52]. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://rg.ru/2017/06/08/dlia-organizatorov-grupp-smerti-vvedena-ugolovnaia-otvetstvennost.html>.

Evsikova E. V. "Trainsurfing", "spice" and "blue whale" – the global threat of today's youth in the context of improvement administrative legal and criminal legal framework dealing with them //

Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 72–87.

The article describes the most common youth offences, such as "soaping (trainsurfing)", the use of "new and potentially harmful psychoactive substances" ("spice"), playing "the Blue whale" ("Whales swim up" "Wake me up at 4:20", "f57 or f58", "Quiet house", "Rina", "Bye-bye", "Sea whale", "50 days before my..."), and such illegal and criminal acts, as the involvement of minors in the use of "new and potentially harmful psychoactive substances" and the group of death. The author reveals and explores the composition of these offenses and crimes, as well as administrative legal and criminal legal framework dealing with them. On the basis of the conducted analysis the author suggests to improve the current code of the Russian Federation about administrative offences and the Criminal code of the Russian Federation in the part of tightening responsibility for these illegal and criminal acts.

Keywords: «soaping»; «trainsurfing»; «rumaging»; «potentially dangerous and new psychoactive substances»; «spice»; «Blue whale», «Whales swim up» «Wake me up at 4:20», «f57 or f58», «Quiet house», «Rina», «Bye-bye», «Sea whale», «50 days before my...».

Spisok literaturi:

1. Evsikova E. V., Maksimova E. I. Aktualnye problemy usovershenstvovaniya zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii v sfere preduprezhdeniya administrativnykh pravonarusheniy nesovershennoletnih // Uchenye zapiski Kryimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2016. – Т. 2 (68). № 1. – S. 94 – 109.
2. Didenko K. V., Kataeva O. N. Preduprezhdenie pravonarusheniy, sovershaemykh nesovershennoletnimi na ob'ektakh zheleznodorozhnogo transporta / Didenko K. V., Kataeva O. N. – Problemy pravoohranitelnoy deyatel'nosti. – № 2, 2014. – S. 88–91.
3. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyaх ot 30 dekabrya 2001 g. N 195-F (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000.
4. Federalnyy zakon ot 22 iyunya 2007 g. N 116-FZ "O vnesenii izmeneniy v Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyaх v chasti izmeneniya sposoba vyrazheniya denezhnogo vzyiskaniya, nalagaemogo za administrativnoe pravonarushenie" (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://base.garant.ru/12154195/#block_11891.
5. V pervom kvartale sotrudnikami transportnoy politsii vyyavleno 107 nesovershennoletnih «zatseperov». [Data razmescheniya resursa: 05 Maya 2014; Vremya razmescheniya resursa: 09:05]. [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://mvd.rf/news/item/2184375>.
6. Federalnyy zakon ot 23 iyunya 2016 g. N 182-FZ "Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii". [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://base.garant.ru/71428030/1/#block_100.
7. Evsikova E.V. Profilaktika pravonarusheniy kak odno iz osnovnykh napravleniy deyatel'nosti politsii po obespecheniyu obshchestvennoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii / E.V. Evsikova // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. - 2016. - № 9 (100). - S. 253-255.

8. «Zatseping». Kakova statistika v etom voprose? Kokie suschestvuyut sredstva borby s etim yavleniem?. Upravlenie na transporte MVD Rossii po Tsentralnomu federalnomu okrugu. [Data razmescheniya resursa: 14 marta]. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : https://tsfout.mvd.rf/Pravo_str_VO/item/9698514.
 9. Evsikova E. V., Geraschenko A. V. Preduprezhdeni e administrativnykh pravoynarusheniy v Respublike Krym // -Uchenyie zapiski Kryimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2015. – T. 1. № 4 (67). – S. 149–163.
 10. V Rossii vveli ugovnuyu otvetstvennost dlya deboshirov na transporte. Tekst: Tatyana Zamahina. Rossiyskaya gazeta. [Data razmescheniya resursa: 17.03.2017; Vremya razmescheniya resursa: 13:34]. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://rg.ru/2017/03/17/gosduma-vvela-ugolovnuu-otvetstvennost-dlia-deboshirov-na-transporte.html>.
 11. Federalnyiy zakon ot 3 aprelya 2017 g. № 60-FZ "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii i statyu 151 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii". [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://base.garant.ru/71645424/#block_12.
 12. Rudenko A. V. Soblyudenie printsipov sorazmernosti nakazaniya i individualizatsii nakazaniya pri privlechenii k administrativnoy otvetstvennosti / A.V. Rudenko // Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii. - 2016. - № 4 (25). - S. 77-81.
 13. Posledstviya upotrebleniya, hraneniya i prodazhi kuritelnykh smesey «SPAYS». Otvetstvennost za takie deystviya. Upravlenie MVD po Smolenskoj oblasti. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://67.mvd.rf/document/8972236>
 14. Federalnyiy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 3 fevralya 2015 g. № 7-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdelnyie zakonodatelnyie aktyi Rossiyskoy Federatsii» (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://base.garant.ru/70858526/#block_22.
 15. Federalnyiy zakon ot 8 yanvarya 1998 g. № 3-FZ "O narkoticheskikh sredstvakh i psihotropnykh veschestvakh" (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://base.garant.ru/12107402/>.
 16. MVD: Okolo protsenta detskih suitsidov sovershayutsya po vine "grupp smerti". Rossiyskaya gazeta. [Data razmescheniya: 30.03.2017.] [Vremya razmescheniya: 16:55]. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://rg.ru/2017/03/30/mvd-okolo-procenta-detskih-suicidov-sovershaiutsia-po-vine-grupp-smerti.html>.
 17. Igra Siniy kit 2017: poslednie novosti. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20170419/235658446/Igra-Siniy-kit-2017-poslednie-novosti.html>.
 18. Vladimir Kolokoltsev provel zasedanie Pravitelstvennoy komissii po profilaktike pravonarusheniy. [Data razmescheniya resursa: 26 Iyunya 2017]. [Vremya razmescheniya resursa: 12:45]. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://mvd.rf/news/item/10564991>.
 19. Federalnyiy zakon ot 7 iyunya 2017 goda № 120-FZ «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii i statyu 151 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v chasti ustanovleniya dopolnitelnykh mekhanizmov protivodeystviya deyatelnosti, napravlennoy na pobuzhdeniye detey k suitsidalnomu povedeniyu». [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1115793/>.
- Za travlyu posadyat. Dlya organizatorov "grupp smerti" vvedena ugovnaya otvetstvennost. Rossiyskaya gazeta. [Data razmescheniya resursa: 08.06.2017]. [Vremya razmescheniya resursa: 19:52]. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://rg.ru/2017/06/08/dlia-organizatorov-grupp-smerti-vvedena-ugolovnaia-otvetstvennost.html>.

УДК 343

**ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ПО РОЗЫСКУ ЛИЦ, БЕЗ ВЕСТИ
ПРОПАВШИХ**

Карякин А. М.

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел

В представленной статье рассматриваются особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий при решении задач по розыску лиц, без вести пропавших. В правоприменительной практике все чаще поднимаются вопросы о возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих права при розыске без вести пропавших лиц. С учетом уровня современной телефонизации населения первоначальные оперативно-розыскные мероприятия по розыску немыслимы без получения сведений от операторов связи, что, в свою очередь, требует судебного решения. В настоящее время остается нерешенным вопрос, проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан в рамках розыскного дела по розыску без вести пропавших лиц до возбуждения уголовного дела. Существующие проблемы представлены и рассмотрены автором с учетом его практической деятельности в органах внутренних дел, в том числе и по данной линии работы.

Ключевые слова: без вести пропавшее лицо, оперативно-розыскная деятельность, ограничение конституционных прав, закон, организация.

В юридической практике понятие «пропавший без вести» называет лицо, внезапно исчезнувшее с постоянного места нахождения без видимых причин, местонахождение и судьба которого остаются неизвестными и для обнаружения которого необходима специальная розыскная деятельность органов внутренних дел.

По сведениям ГУУР МВД России, в 2016 году устанавливалось местонахождение 88 751 лиц пропавших безвести, по 14 519 фактам безвестного исчезновения граждан возбуждены уголовные дела. Розыскано 46 710 лиц без вести пропавших, из которых 451 стали жертвами преступлений. В 2016 году разыскивалось 8 399 несовершеннолетних лиц, по 858 фактам безвестного исчезновения возбуждены уголовные дела. Розыск прекращен в отношении 7 292 несовершеннолетних, 14 из которых стали жертвами преступлений. Не установлено местонахождение 1 107 несовершеннолетних лиц, из которых по 790 фактам возбуждены уголовные дела.

Тенденция увеличения массива юридических норм, регламентирующих оперативно-розыскные мероприятия, с одной стороны, свидетельствует о возрастании их роли в системе правовых средств борьбы с преступностью, а с другой – порождает немалое количество коллизий и пробелов, требующих совершенствования действующего законодательства на основе системного подхода [5, с. 215].

Оперативно-розыскная деятельность по своему характеру, целям и способам их достижения не может не ограничивать права и свободы человека и гражданина. Так, возможность указанных ограничений предусмотрена ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в соответствии с которой «права и свободы граждан могут быть ограничены феде-

ральным законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты законных интересов других лиц» [1].

В правоприменительной практике все чаще поднимаются вопросы о возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих права при розыске без вести пропавших лиц. Общественно-политические и экономические преобразования, переоценка общественных и личностных ценностей в определенной степени повлекли причинно-следственные условия, в силу которых происходит безвестное исчезновение граждан. Проблемы безвестного исчезновения граждан, знакомы нам в основном как часть проблемы борьбы с насильственными видами преступлений.

В деятельности ОВД имеется целый ряд проблем, связанных с правовым, оперативно-розыскным и криминалистическим обеспечением деятельности по установлению местонахождения без вести пропавших граждан.

С учетом уровня современной телефонизации населения первоначальные ОРМ по розыску немислимы без получения сведений от операторов связи, что, в свою очередь, требует судебного решения. В настоящее время остается нерешенным до настоящего времени вопрос проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан в рамках розыскного дела при проведении оперативно-розыскных мероприятий по розыску без вести пропавших лиц до возбуждения уголовного дела. Сотрудники полиции при поступлении заявления не могут осуществлять в отношении разыскиваемого, его связей, а также иных лиц, которые могут быть причастны к исчезновению и обладать информацией о местонахождении разыскиваемого: контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, неприкосновенности жилища. Проведение указанных мероприятий позволяет узнать не только точное время исчезновения, но и значительно уменьшить территорию поиска (в городских условиях от нескольких кварталов до нескольких жилых домов, квартир), установить местонахождение его близких в день исчезновения, анализ сведений почтового ящика, страницы в социальных сетях дает информацию о связях пропавшего, в том числе о которых могут не знать его близкие, его увлечениях, круге интересов, зачастую и планов (суицид, путешествие, азартные игры, участие в религиозных организациях и др).

Все вышеуказанные мероприятия согласно ст.7 ФЗ «Об ОРД» (далее – Закон) могут проводиться при наличии возбужденного уголовного дела. Кроме того, п. 10 ч. 1 ст. 6 и ч. 4 ст. 8 Закона предусмотрено, что прослушивание телефонных и иных переговоров проводится только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях.

Таким образом, в рамках розыскного дела в отношении без вести пропавшего лица законодательно не предусмотрено проведение данных мероприятий, несмотря на то, что реализация задачи оперативно-розыскной деятельности по розыску без вести пропавших лиц предусмотрена ст. 2 Законом, а часть первая статьи 7 предусматривает наличие сведений о лицах, без вести пропавших, в качестве основания для проведения ОРМ.

Однако по смыслу ст. 8 Закона проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также право на неприкосновенность жилища, недопустимо при наличии информации или сведений о безвестии пропавшем.

Таким образом, отсутствие в ст. 8 Закона регламентирующих предписаний по указанному вопросу ограничивает субъектов ОРД в проведении всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий при решении задач розыска указанной категории лиц. Объявление розыска, не связанного с решением задач ОРД, не является основанием для проведения ОРМ.

ОРМ по розыску лиц, без вести пропавших, как правило, проводятся по заявлениям родственников, знакомых или должностных лиц. Именно информация, содержащаяся в таких заявлениях, является достаточным основанием, позволяющим судить о самом факте исчезновения человека. При этом заявление о безвестном исчезновении не является основанием для проведения мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, несмотря на то, что по каждому поступившему заявлению мероприятия организуются и проводятся, исходя из предположения, что человек мог стать жертвой преступления. Подразделения полиции, обладая информацией о наличии у пропавшего мобильного телефона с активным абонентским номером, не могут провести необходимые мероприятия, ограничивающие конституционные права гражданина, с целью установления мобильного терминала и лица, его использующего. Указанные мероприятия проводятся по прошествии времени только после возбуждения уголовного дела, когда мобильный терминал не активен. Не редки случаи, когда человек, пропавший без вести, пропал при очевидных обстоятельствах (поход в горы или лес, прогулки на действующих или законсервированных стройплощадках) и не может о себе сообщить в связи с несчастным случаем. В такой ситуации установление местонахождения мобильного телефона с помощью аппаратуры операторов мобильной связи остается единственной действенной мерой по скорейшему спасению человека, несмотря на то, что в отношении него преступление совершено не было. В результате у органов полиции остается единственная возможность розыска лица – инициирование скорейшего возбуждения уголовного дела и проведения необходимых оперативно-розыскных мероприятий, что и происходит повсеместно.

Ярким примером может служить ряд фактов о безвестном исчезновении зарегистрированных на территории г. Севастополя в разные годы.

В марте 2014 года в ДЧ ОМВД России по Гагаринскому району г. Севастополя поступило заявление от родителей о том, что не выходит на телефонную связь 14-летняя дочь «В». Было установлено, что в день исчезновения «В» распивала спиртные напитки с друзьями, после возникшего словесного конфликта ушла в неизвестном направлении, позже позвонила на телефон своей подруги и сообщила, что едет на такси к обрыву на берег моря, где хочет покончить жизнь самоубийством.

Мероприятия по установлению местонахождения мобильного терминала пропавшей без вести проводились после возбуждения уголовного дела только через 4 дня, когда по всем параметрам заряд аккумуляторной батареи мобильного телефона был исчерпан. Отработка связей с задействованием технических возможностей стала возможна также после возбуждения уголовного дела, несмотря на то, что по де-

лам данной категории очень важен этап первоначального сбора и анализа сведений. Местонахождение «В» по настоящее время не установлено.

14 июня 2014 года в ДЧ ОМВД России по Балаклавскому району г. Севастополя поступило сообщение о том, что 13 июня 2014 года ночью утрачена связь с 25-летней «С», которая в составе группы заблудилась в горной местности в период нахождения на одной из туристических троп. Остальные участники группы, находящиеся вместе с ней, самостоятельно вернулись и сообщили, что «С» заблудилась, они ночью поддерживали с ней телефонную связь, договорились, что с наступлением светлого времени суток будут двигаться в ее направлении, но утром она перестала выходить на связь.

Мероприятия по установлению местонахождения мобильного телефона были начаты после возбуждения уголовного дела, как и проведение полноценного комплекса оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан в отношении связей разыскиваемой (установление имей-телефонов, обыски по месту жительства и др.), в том числе с которыми она находилась в день исчезновения в рамках сбора первоначального материала.

Аналогичная ситуация повторилась спустя два месяца при проведении мероприятий по розыску 20-летнего «Т»: 6 августа 2015 года в ОМВД России по Балаклавскому району г. Севастополя поступило сообщение о том, что днем с ним утрачена связь, когда он заблудился в горной местности в период самостоятельного нахождения на одной из туристических троп. До возбуждения уголовного дела мероприятия по розыску сводились к прочесыванию местности и гласному опросу граждан, ориентированию. Полноценный комплекс оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, предусмотренные ФЗ «Об ОРД», в том числе технические мероприятия по установленным мобильным телефонам разыскиваемого и его связям, были начаты после возбуждения уголовного дела. Как и в предыдущем случае, была упущена возможность установить местонахождение при проведении первоначальных мероприятий.

Трудности по розыску без вести пропавших лиц выражаются так же и в том, что розыск осуществляет органы полиции, а уголовные дела возбуждают по факту безвестного исчезновения следственные органы Следственного Комитета, то есть мероприятия проводят два разных ведомства. В ряде случаев сотрудники полиции усматривают криминальную составляющую безвестного исчезновения лица, а следственные органы СК считают это преждевременным. К примеру, на Украине уголовные дела по фактам безвестного исчезновения граждан возбуждают следственные органы МВД, тем самым у органов полиции имеются рычаги воздействия в случаях, когда совершение преступления в отношении пропавшего очевидно и промедление в возбуждении уголовного дела может способствовать сокрытию следов и доказательств преступления.

Пример раскрытия убийства может стать дело 28-летнего «Р». 4 июня 2016 года в ОМВД России по Балаклавскому району г. Севастополя поступило сообщение о том, что он ушел к знакомым и до настоящего времени домой не вернулся. Розыск осуществлялся в рамках розыскного дела. Спустя месяц по результатам мероприятий, ограничивающих конституционные права, в том числе на тайну телефонных переговоров, неприкосновенность жилища связей пропавшего, после возбуждения уголовного дела в отношении связей разыскиваемого был изобличен «Н» в совер-

шении убийства «Р», что можно было сделать в рамках сбора первоначального мероприятия, когда оперативные сотрудники по объективным причинам подозревали данного фигуранта в совершении убийства.

Особенно остро стоит вопрос о проведении ПТП и СИТКС по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних лиц, так как каждый уход несовершеннолетнего вызывает общественный резонанс, освещается во всех СМИ, в том числе социальных сетях. В г. Севастополе в большинстве случаев несовершеннолетние уходят неоднократно, иногда с интервалом 1–3 дня, являясь воспитанниками детских домов, приютов для несовершеннолетних, родители которых лишены родительских прав и не принимают участие в воспитании детей. Особенностью розыска такой категории разыскиваемых является то, что дети ведут бродяжнический образ жизни, ночуют на теплотрассах, в подъездах, общим пристрастием у них, как правило, является посещение компьютерных игровых клубов. В таких случаях Следственный комитет уголовные дела не возбуждает, не видя оснований, так как подростка периодически видят сверстники в общественных местах, а оперативным сотрудникам не представляется возможным установить местонахождение разыскиваемого по единственно возможному пути, установление местонахождение мобильного телефона, расположение IP-адресов выхода в социальные сети. Как правило, мобильные телефоны и СИМ-карты на подростков не зарегистрированы, они их приобретают на рынках, передают друг другу, тем самым получить согласие собственника СИМ-карты на проведение ПТП и СИТКС не представляется возможным. Местонахождение вышеуказанной категории несовершеннолетних пропавших без вести в итоге устанавливается проведением многодневной широкомасштабной операции по патрулированию города с задействованием сотрудников полиции всего гарнизона Севастополя, с отвлечением сотрудников от другим немаловажных направлений. С помощью же одного мероприятия СИТКС поиск несовершеннолетнего может занять несколько часов без отвлечения больших человеческих ресурсов. Так, 21 марта 2015 года в ДЧ ОМВД России по Нахимовскому району г. Севастополя поступило сообщение о том, что из дома после ссоры ушла 15-летняя «О». Она отправила смс-сообщение подруге о намерении выехать к своему другу по переписке через Интернет. Было инициировано возбуждение уголовного дела, после чего, проведя мероприятия по установлению местонахождения мобильного телефона, «О» была установлена в течении суток в одном из автомобилей, выезжавших за пределы субъекта.

14 февраля 2016 года в ДЧ ОМВД России по Нахимовскому району г. Севастополя поступило заявление от родителей о том, что после ссоры с девушкой не вернулся домой из лица 17-летний «К». В Интернете он высказывал намерения покончить жизнь самоубийством. После незамедлительного возбуждения уголовного дела были установлены координаты последнего нахождения в сети – скалистый берег моря. В результате прочесывания местности тело «К» было найдено в воде в районе поиска.

Общая характеристика розыска без вести пропавших лиц в Российской Федерации в настоящее время характеризуется тем, что органы полиции не только не работают на опережение при поступлении заявления о пропаже лица, но и в большинстве случаев вынуждены ждать возбуждения уголовного дела, чтобы задействовать все ресурсы, теряя время, на гласные методы розыска, когда очевиден криминаль-

ный характер безвестного исчезновения, в особенности несовершеннолетних и малолетних.

Указанные проблемы могут быть устранены посредством совершенствования национального законодательства об ограничении конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также посредством дальнейшего гарантирования их неукоснительной защиты. В российском законодательстве должно быть точно указано, в каких целях, при каких условиях, в каких пределах, в каком порядке и в какой форме допускается ограничение конституционных прав и свобод по розыску без вести пропавших лиц; должны быть предусмотрены четкие и справедливые механизмы их восстановления.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что целесообразно законодательно разрешить организацию и проведение всего комплекса ОРМ по ФЗ «Об ОРД» при розыске лиц, пропавших без вести, в том числе ограничивающих конституционные права и свободы граждан.

Внести следующие дополнения в ФЗ «Об ОРД»: в ст. 8 условия проведения оперативно-розыскных мероприятий:

Проведение оперативно-розыскных мероприятий (включая получение компьютерной информации), которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно, а также без вести пропавших лицах.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации // РГ от 25.12.1993, № 237.
2. Всеобщая Декларация прав человека. (Принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН) // Российская газета от 05.04.1995.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (вместе с Протоколом № 1 (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ от 08.01.2001, № 2, ст. 163.
4. Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.
5. Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий СПб 2016 С. 232.

Karyakin A. M. Features of carrying out operative-searching measures during accomplishing tasks of searching missed without of trace individuals // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 89–94.

Presented article deals with features of carrying out operative-searching measures during accomplishing tasks of searching for missed without trace individuals. In enforcement practices more often raise questions about possibilities of carrying out operative-searching measures that restrict rights during searching for missed individuals. Taking into account modern level of population teledensity, initial operative-searching measures of searching for missing individuals are impossible without acquiring data from service providers, what in turn requires court order. Currently, issues of carrying out range of operative-searching measures that restrict constitutional rights of citizens within framework of missing-person case before initiation of criminal proceeding

remain unsettled. Existing problems are presented and examined by author, who takes in account his practical activities in department of internal affairs, including in mentioned line of work.

Key words: missed without trace individual, operative-searching activity, limitation of constitutional rights, law, organization.

Spisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii // RG ot 25.12.1993, № 237.
2. Vseobshchaya Deklaratsiya prav cheloveka. (Prinyata 10.12.1948 Generalnoy Assambleey OON) // Rossiyskaya gazeta ot 05.04.1995.
3. Konventsiya o zaschite prav cheloveka i osnovnyih svobod (Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) (vmeste s Protokolom № 1 (Podpisan v g. Parizhe 20.03.1952), Protokolom № 4 ob obespechenii nekotoryih prav i svobod pomimo teh, kotoryie uzhe vklyuchenyi v Konventsiyu i pervyyi protokol k ney (Podpisan v g. Strasburge 16.09.1963), Protokolom № 7 (Podpisan v g. Strasburge 22.11.1984)) // SZ RF ot 08.01.2001, № 2, st. 163.
4. Mezhdunarodnyiy pakt «O grazhdanskih i politicheskikh pravah» ot 16.12.1966 // Byulleten Verhovnogo Suda RF. – 1994. – № 12.
5. Chechetin A.E. Obespechenie prav lichnosti pri provedenii operativno-rozyisknyih meropriyatiy SPb 2016 S. 232.

УДК 342.8

МОДЕЛЬ ЗАЩИТЫ СРЕДСТВАМИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА ДОСТОВЕРНОГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ НАРОДА ОТ ИСКАЖЕНИЯ

Кравченко О. А.

Ставропольский филиал Международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург»

Статья посвящена выявлению модели защиты средствами судебного процесса достоверного волеизъявления народа от искажения. Раскрыто содержание наиболее важных элементов этой модели, обоснована их необходимость с приведением зарубежных источников права. Предложена модель специальной судебной процедуры для рассмотрения дел об искажении волеизъявления народа, стержнем которой призван стать суд присяжных заседателей (общепризнанный независимый судебный орган), наделенный правами как по вынесению окончательного вердикта по делу, так и по решению наиболее важных вопросов, которые могут возникнуть в судебном процессе. В схеме созданной модели уделено основное внимание повышению инициативности и активности сторон, их роли в приобретении доказательств по делу, уходу от принципа субъективного усмотрения, главенствующего в российском судебном процессе, повышению его демократичности. Предлагаемые правила, являющиеся содержанием названной модели, направлены на такую реализацию, при которой их нарушение должно будет влечь негативные правовые последствия для стороны-нарушителя, а исполнение повлечет для сторон заданный правом предсказуемый алгоритм их поведения, выявляющий правовую определенность в судебном процессе по делам об искажении волеизъявления народа.

Ключевые слова: демократия, голосование, искажение волеизъявления народа, достоверность результатов выборов, модель, судебный процесс.

Ввиду того, что избирательные правонарушения, результатом которых является искажение волеизъявления народа при голосовании, обладают повышенной степенью общественной опасности, то для реализации механизма привлечения к ответственности лиц, совершивших такое искажение, а также для восстановления достоверного волеизъявления народа путем признания недействительными протоколов об итогах голосования или отмены результатов выборов, необходима специальная судебная процедура.

Идея специальной судебной процедуры для дел отдельных категорий реализована в судебных производствах зарубежных стран, где действуют многочисленные нормы и институты локального значения, то есть используемые при разбирательстве лишь определенных материально-правовых требований, есть даже дела, для которых специально изданными нормативными актами разработано особое судопроизводство [23, с. 101]. В южноамериканской модели конституционного контроля действует процедура ампаро, которая, по словам А. А. Клишас, «представляет собой одну из публичных процессуально-правовых гарантий, обеспечивающих надлежащий контроль за конституционностью и режимом законности» [13, с. 259]. В нашей стране также предлагается введение специальных судебных процедур. Так,

Т. В. Казина предлагает использовать суд присяжных заседателей не только по уголовным делам, что требует разработки соответствующих процедур [12, с. 23].

Действующая в настоящее время процедура рассмотрения дел о защите избирательных прав граждан не лишена недостатков, что позволило исследователям говорить о ее отсутствии. Так, Е. А. Лукьяновой отмечалось, что «для публично-правовых споров в России до сих пор еще не создана специальная процедура рассмотрения» [18, с. 11].

В настоящее время дела о признании итогов голосования и результатов выборов недействительными рассматриваются в порядке, установленном КАС РФ, однако процедура их рассмотрения осталась почти такой же, как и при действии утратившей 15 сентября 2015 года силу главы 26 ГПК РФ, по правилам которой до названной даты рассматривались дела такого рода.

Полагаю, что для судебного рассмотрения дел об искажении волеизъявления народа при голосовании необходим такой специальный судебный порядок, основной особенностью реализации которого, в отличие от ныне действующего, должен быть суд присяжных заседателей, обладающий полномочиями по принятию окончательных решений в такого рода делах. Введение суда присяжных заседателей по такой категории дел обусловлено его общепризнанной высокой степенью независимости по сравнению с другими видами судебных составов.

Другой особенностью предлагаемой судебной процедуры должны стать специальные правила доказывания, во-первых, исключающие или сводящие к минимуму субъективную роль суда при решении вопроса о поступлении доказательств в дело, во-вторых, закрепляющие активную роль суда как в установлении обстоятельств по делу в части определения достоверного волеизъявления народа при голосовании, так и в направленных на решение этой задачи поиске и получении доказательств. Данное положение будет призвано расширить диспозитивное начало в действиях участников процесса и лишит суд, действующей ранее в ГПК РФ (ст. ст. 69, 79), а теперь в КАС РФ (ст. 77 КАС РФ), его дискреционной прерогативы по собственному усмотрению как удовлетворять ходатайства о назначении судебных экспертиз, так и назначать экспертов, которая иногда может не отвечать задаче правильного рассмотрения дел.

Как суд присяжных заседателей, так и названные специальные правила доказывания должны применяться в совокупности при рассмотрении судами исследуемой категории дел, поскольку являются взаимозависимыми друг от друга категориями. Так, суд присяжных заседателей является гарантией того, что предлагаемые специальные правила доказывания будут реализованы в судебной практике, в свою очередь, реализация специальных правил доказывания создаст необходимые условия для правильного рассмотрения судом присяжных заседателей дел названной категории.

Предлагаемая модель рассмотрения дел об искажении волеизъявления народа предусматривает необходимость введения в закон правил, закрепляющих названные особенности для специальной правовой процедуры, состоящей в нижеследующем.

Суд присяжных по делам об искажении волеизъявления народа будет организован следующим образом.

При такой форме судебной процедуры будут действовать два судебных состава, каждый со своей компетенцией. В один судебный состав входит жюри, состоящее

из народных представителей, а второй состоит из профессионального судьи. При этом на присяжных заседателей возлагается решение вопросов факта, а именно вопроса о том, было ли искажение волеизъявления народа, а судья, в свою очередь, принимает письменное решение на основе вердикта, вынесенного присяжными заседателями, и его решение полностью зависит от вердикта народных представителей.

Как видно из предложенной модели осуществления правосудия, главнейшая роль при таком составе суда принадлежит присяжным заседателям и их участие в судебном разбирательстве будет состоять в том, чтобы решить вопрос о наличии либо отсутствии искажения волеизъявления народа, и этот вопрос должен быть отнесен к исключительной прерогативе народных представителей, а не профессионального суда.

Предлагается обеспечить каждого избирателя правом на рассмотрение дела об искажении волеизъявления народа судом присяжных, при этом ни один из фактов, установленных судом присяжных, не может быть пересмотрен вышестоящим судом. У вышестоящего суда не должно быть права отменить, аннулировать, признать недействительным ошибочный, по его мнению, вердикт суда присяжных. Такое правило будет способствовать стабильности судебных решений.

Представляется, что в случае внесения в закон названных предложений, возложение на суд обязанности определить волеизъявление народа, произошедшее при голосовании, в совокупности с непровержимостью фактов, установленных судом присяжных, создаст правовые условия, при которых избирательные комиссии будут не только обязаны представить доказательства состоявшегося волеизъявления народа при голосовании, но и вынуждены будут это делать. Ведь в случае не представления в суд присяжных таких доказательств принятие решения в пользу избирательной комиссии исключено, поскольку при принятии решения присяжные заседатели доверяют только прямым доказательствам и именно на их основе судят о фактической стороне дела, и не уйдут от ответа на вопрос о том, было ли искажено волеизъявление народа. В том случае, если суд присяжных установит искажение волеизъявления народа, он же должен разрешить заявленные требования, а именно сформулировать резолютивную часть решения в виде отмены и/или признания недействительными результатов выборов, отмены и/или признания недействительными итогов голосования. Такой подход по делам об искажении волеизъявления народа позволит в случае установления факта искажения волеизъявления народа, основываясь на «врожденном чувстве справедливости» (по А. Ф. Кони), оценить значение и существенность такого искажения, тем самым разрешить вопрос об отмене результатов выборов и/или итогов голосования, а также указать лицо, виновное в искажении волеизъявления народа.

В связи с этим, помимо возложения обязанности по доказыванию на избирательную комиссию, необходимо в законе предусмотреть правило о том, что непредоставление ею доказательств, вопреки этой обязанности, является основанием для вынесения решения суда об удовлетворении требований заявителя. В том случае, если суд при названных обстоятельствах вынесет решение не в пользу заявителя, то для вышестоящего суда необходимо предусмотреть правило, согласно которому такое нарушение должно влечь безусловную отмену решения нижестоящего суда.

Такие правила рассмотрения дела об искажении волеизъявления народа судом с участием присяжных заседателей сделают процесс действительно публичным, полностью исключат формальное рассмотрение дела без представления доказательств избирательными комиссиями (которые, по существу, находятся у них).

Количество присяжных заседателей должно быть определено числом не менее 12 человек, что более демократично, чем коллегии, состоящие из пяти, шести, семи человек. Именно в составе 12 человек коллегия присяжных, как показывают научные исследования, является наиболее оптимальной и эффективной, обеспечивает большую независимость суда, его народность, подлинную гласность, повышение авторитета и престижа суда [6, с. 118].

Присяжные заседатели выбираются методом жеребьевки из числа избирателей, включенных в оригинальные (с необходимыми отметками избирателей и членов участковых комиссий) списки для голосования, применявшиеся на последних выборах, по месту нахождения избирательной комиссии, действия которой оспариваются, за исключением лиц, имеющих юридическое образование и лиц, находящихся на государственной или муниципальной службе, являющихся работниками государственных или муниципальных организаций, учреждений, предприятий. Такое исключение соответствует сложившейся практике. Так, согласно федеральным законам США от исполнения обязанностей присяжного в федеральных судах освобождаются сотрудники полиции и пожарной охраны, а также общественные деятели [5, с. 9]. Список кандидатов в присяжные заседатели должен предоставляться в распоряжение заявителя по его просьбе.

Необходимость жеребьевки при формировании состава присяжных является общепризнанным фактом и, по словам И. Я. Фойницкого, «список служебный и состав присутствия должны формироваться так, чтобы на них не оказывала влияния никакая человеческая воля, чтобы они были свободны от всякого подозрения в пристрастии. Здесь уместен только жребий» [24, с. 380]. При жеребьевке необходимо обеспечить нахождение лиц, участвующих в деле, а также всех желающих присутствовать при таком отборе избирателей. Участвующий в деле заявитель вправе самостоятельно определить метод жеребьевки и при необходимости принимать в ней участие. Общественный контроль за процедурой отбора присяжных необходим для того, чтобы исключить формирование тенденциозной коллегии присяжных заседателей.

Предлагается следующий метод жеребьевки. Состав присяжных заседателей в числе 12 основных и 2 запасных определяется из 50 отобранных по жребию. В случае явки в судебное заседание менее 32 присяжных заседателей производится дополнительная жеребьевка. Так, при оспаривании одного или нескольких решений участковых избирательных комиссий определяется число присяжных заседателей от каждого списка для голосования по каждому избирательному участку путем деления необходимого числа присяжных на количество избирательных участков. Затем каждому избирателю, имеющемуся в списке для голосования, присваивается номер. Номера указываются на билетах и помещаются в урну, откуда вынимаются по одному заявителем до требуемого числа от каждого списка для голосования на каждом избирательном участке. Такой порядок допустим также при оспаривании результатов выборов по конкретному избирательному округу в пределах одного или нескольких субъектов Российской Федерации. В том случае, если оспариваются ре-

зультаты выборов по избирательному округу, являющемуся всей территорией Российской Федерации, методом жеребьевки (каждому субъекту Российской Федерации присваивается номер, проставляемый на билете, а билет помещается в урну и достается оттуда заявителем) определяется пять субъектов Российской Федерации, из них указанным методом жеребьевки определяются избирательные участки из списков для голосования которых, затем определяются присяжные заседатели. Для такого случая можно также увеличить состав основных присяжных заседателей, чтобы сделать его более представительным.

Кроме того, заявитель и заинтересованные лица должны иметь право произвести отвод присяжных без указания причины, то есть исключить любого присяжного, без дачи каких-либо объяснений. Количество отводов без указания причин должно составлять не менее десяти, для каждой из сторон, а может и более. Так, в случае, если отобранных по жребию присяжных заседателей больше необходимого числа, тогда отводы им заявляются в поочередном порядке каждой из сторон, до формирования необходимого состава коллегии присяжных заседателей, причем право последнего отвода присяжному заседателю принадлежит заявителю. При проведении процедуры отводов присяжных заседателей заявитель и заинтересованные лица вправе задавать им вопросы с целью выявления их заинтересованности и необъективности в исходе дела. Такой подход будет способствовать реализации права каждого на беспристрастный суд, а в данном случае на суд беспристрастных присяжных.

Обязанность по образованию коллегии присяжных заседателей по жребию возлагается на председательствующего в судебном заседании судью и заявителя. В том случае, если при опущении билетов в ящик или при их вынутии произошла ошибка, то председательствующий совместно с заявителем обязан ее исправить.

В том случае, если гражданина методом жеребьевки выбирают для рассмотрения дела об искажении волеизъявления народа в качестве присяжного заседателя, он не вправе отказаться от исполнения обязанностей присяжного заседателя. В связи с чем следует предусмотреть ответственность за невыполнение такой обязанности и, например, в США установлена административная ответственность за неявку по повестке в суд для выполнения обязанностей присяжного заседателя, которая рассматривается как неуважение к суду и подлежит наказанию в виде штрафа или тюремного заключения [5, с. 10].

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) содержит перечень лиц, которые могут быть освобождены от исполнения обязанностей присяжных заседателей. Согласно ч. 7 ст. 326 УПК РФ от исполнения обязанностей присяжных заседателей по их устному или письменному заявлению председательствующим судьей могут быть освобождены лица старше 60 лет; женщины, имеющие ребенка в возрасте до трех лет; лица, которые в силу религиозных убеждений считают для себя невозможным участие в осуществлении правосудия; лица, отвлечение которых от исполнения судебных обязанностей может нанести существенный вред общественным или государственным интересам; иные лица, имеющие уважительные причины для неучастия в судебном заседании. Приведенный перечень предлагается оставить и для целей рассмотрения названной категории дел.

Для возбуждения дела необходим повод, каковым является обращение в суд с заявлением об оспаривании протокола об итогах голосования на избирательном

участке, постановления избирательной комиссии о результатах выборов (далее – заявление об оспаривании голосования или результатов выборов).

Предлагается субъектами права на обращение в суд с заявлением об оспаривании голосования или результатов выборов считать совершеннолетних дееспособных граждан России. При этом в заявлении об оспаривании голосования или результатов выборов должно быть указано только на: 1) наличие оснований подсудности дела данному суду; 2) основания такого оспаривания, то есть указание на то, что оспариваемые избирательные акты искажают волеизъявление народа; 3) просьба, адресованная к суду, о признании недействительным протокола об итогах голосования на избирательном участке или постановления избирательной комиссии о результатах выборов, иными словами требование о предоставлении искомого средства правовой защиты.

Указание названных условий, в предлагаемой модели, в заявлении об оспаривании голосования или результатов выборов представляется достаточным для принятия дела об искажении волеизъявления народа к производству суда. Для принятия заявления к производству суда не имеет значения, считает или нет гражданин нарушенными свои права, нарушены или нет в действительности его права избирать. Гражданин вправе обращаться в суд за защитой нарушенных избирательных прав других избирателей в том случае, если такое нарушение повлекло искажение волеизъявления народа при нарушении порядка голосования, установлении его итогов и/или определении результатов выборов. Представляется, что искажение волеизъявления народа в любом виде, пусть даже при неучете или неправильном учете хотя бы одного голоса избирателя, влияет на результат выборов, а потому любой гражданин должен иметь возможность обратиться за восстановлением волеизъявления того избирателя, голос которого искажен. Значение имеет каждый голос избирателя, а потому таковой нельзя недооценивать.

Подход, при котором избиратель должен при обращении в суд доказать нарушение именно своих прав, является недопустимым. Преступления, искажающие волеизъявления народа, посягают на конституционный строй государства, создают условия для узурпации власти в государстве, а значит опасны не только для демократии, но и для государства и народа.

В связи с чем предлагается правило, согласно которому суд по своему усмотрению не может отказать в рассмотрении дел, отнесенных к его компетенции, в которых гражданином ставится вопрос об искажении волеизъявления народа. Такое правило будет гарантировать возможность судебной защиты избирательных прав граждан, а также судебную защиту волеизъявления народа от искажения.

Предлагается еще одно правило, направленное на гарантирование судебной защиты волеизъявления народа от искажения – установление пятилетнего срока для оспаривания итогов голосования и результатов выборов, который начинает течь со дня голосования и, по словам Е. И. Колюшина, «при наличии трехлетнего срока исковой давности судебного обжалования по гражданским делам для рассматриваемой категории дел установлен срок исковой давности менее года после окончания избирательной кампании (например, на федеральных выборах после опубликования результатов выборов избирательная кампания продолжается еще не менее двух месяцев). В итоге ослабляются гарантии судебной защиты избирательных прав граждан» [14, с. 108]. Пятилетний срок обжалования направлен также на то, чтобы изби-

рательные комиссии в течение этого срока не могли бы уничтожить избирательную документацию, которая может являться доказательством по делу.

Основные особенности предлагаемой модели процедуры рассмотрения дел об искажении волеизъявления народа по сравнению с другими следующие.

Предметом судебного рассмотрения является охрана волеизъявления народа, совершенного при голосовании. В связи с этим суд рассматривает спор, вытекающий из неправильного, недостоверного определения волеизъявления народа, а также иного искажения волеизъявления народа при голосовании, поскольку дела об искажении волеизъявления народа имеют публичный интерес, то начавшееся производство не может быть прекращено заявителем.

Возникает вопрос о том, в каком суде следует рассматривать названные дела.

Предложение о передаче дел по заявлениям о защите избирательных прав в ведение конституционных (уставных) судов теоретически, возможно, основано на каких-то аргументах [11, с. 13], но практически неактуально, прежде всего по причине отсутствия таковых судов в подавляющем большинстве субъектов РФ [14, с. 83].

Судебное производство по делам об искажении волеизъявления народа при голосовании, в виду того, что в них ставится вопрос о нарушении принципа народо-властия – основы нашего правового государства, решение которого будет носить явно конституционно-правовой характер, предлагается осуществлять в Конституционном Суде РФ (например в Германии споры, относящиеся к области конституционного права, рассматриваются Федеральным Конституционным Судом. Так, согласно абз. 3 § 50 Закона об административно-судебном процессе от 21 января 1960 года, если Федеральный административный суд определит спор как конституционно-правовой, то он передает соответствующее дело в Федеральный Конституционный суд), который к тому же обладает повышенными гарантиями независимости. В том же случае, когда этот суд в силу своей загруженности чрезмерным числом обращений посчитает невозможным рассмотреть дела такого рода самостоятельно, то следует наделить его правом передачи дела в любой суд общей юрисдикции, соответствующий уровню выборов. Так, Федеральный конституционный суд ФРГ при подготовке дела к судебному разбирательству довольно часто прибегает к помощи судов общей юрисдикции (§ 26, 27 Закона о Федеральном конституционном суде ФРГ) [21, с. 116]. Например, если оспариваются результаты выборов федерального уровня (выборы Президента РФ), то дело может быть передано в Верховный Суд РФ; в том случае, если оспариваются результаты выборов регионального уровня (выборы в Государственную Думу Ставропольского края), то дело передается в Ставропольский краевой суд; если же оспариваются результаты выборов в органы местного самоуправления, то дело передается в соответствующий районный суд по месту нахождения органа местного самоуправления.

Предлагается, что избиратель, желающий защитить волеизъявление народа, подает заявление об оспаривании результатов выборов в любую судебную инстанцию, суд любого уровня, который затем передает его по подсудности.

Судебная инстанция, в которую поступило соответствующее заявление, предоставляет время и указывает срок, в течение которого все заинтересованные лица, то есть иные избиратели, желающие оспорить соответствующие результаты выборов, могут присоединиться к поданному ранее заявлению и вместе соорганизоваться. Так, формируется групповой иск и каждый желающий может оспорить результаты

выборов в интересах всего народа, а, значит, и защитить народное волеизъявление в целом. Во многом сходное положение имеется в правиле 20 Правил гражданского производства штата Аляска, которое устанавливает правила допустимости присоединения к участию в судебном разбирательстве иных лиц. Согласно данному правилу любые лица могут присоединиться к участию в судебном разбирательстве в качестве соистцов по делу в том случае, когда они могут совместно доказать наличие у них права на присуждение в судебном порядке определенного возмещения в силу наличия правовых оснований для выдвижения данных требований к ответчику [1, с. 151]. Параграф 21 Закона о Федеральном конституционном суде Германии от 12 марта 1951 года допускает ведение процесса по требованию группы лиц [16, с. 266]. Как отмечает Г. О. Аболонин, «групповой иск (иск в защиту прав и имущественных интересов многочисленной группы лиц) – это иск, при предъявлении которого “представитель группы” может требовать судебной защиты прав и интересов всех других лиц, подвергшихся схожему причинению вреда со стороны одного и того же правонарушителя» [1, с. 25]. Использование такого правового средства, как групповой иск нивелирует аргумент государственных органов о лишении избирателей возможности по обжалованию итогов голосования и результатов выборов для предотвращения чрезмерной загрузки судов общей юрисдикции.

В мировой судебной практике наблюдаются схожие формы судебных процессов такого вида. Английский судебный процесс допускает так называемый представительский иск, суть которого заключена в следующем тезисе: если множество лиц имеет одинаковый интерес в деле, производство может быть начато и, поскольку суд не укажет иного, продолжено одним или более лицами или против одного или более лиц из числа участников группы, действующих как уполномоченные либо всей группы, либо группы без одного или некоторых ее членов [23, с. 153]. Правила гражданского судопроизводства Англии 1998 года [17, с. 234] содержат положения о процедуре рассмотрения в суде групповых исков. Американский гражданский процесс допускает групповые иски [4, с. 393].

Исходя из того, что искажение волеизъявления народа касается каждого избирателя и влияет на вес каждого голоса, то предлагаемое правило вполне допустимо еще и потому, что «массовые иски – это законное средство эффективной борьбы с зарвавшимися правонарушителями в особо крупных размерах – жизненно важно совершенствовать, развивать и адаптировать в соответствии с новыми вызовами времени, в противном случае само государство Российское рискует превратиться в самого крупного нарушителя прав своих граждан» [2, с. 367].

К производству по делам об искажении волеизъявления народа следует применить следующие особенности производства по делам, возникшим из публичных правоотношений: производство по данным делам является бесспорным, в отличие от гражданского производства, здесь имеет место неравноправное положение участников процесса: с одной стороны – граждане, не обладающие властными полномочиями, с другой – избирательные комиссии, являющиеся властными органами на которые возложена обязанность по доказыванию, основная функция суда – контрольная, а потому суд не связан основаниями, доводами заявленных требований.

Предлагается, что в день получения заявления об оспаривании итогов голосования и/или результатов выборов, суд незамедлительно обязан направить извещение о назначении судебного разбирательства и копию заявления заинтересованным лицам

– избирательным комиссиям телеграммой или факсом, SMS-сообщением, электронной почтой, которые немедленно после получения такого извещения, то есть в течение трех часов, не более, обязаны доставить в суд всю избирательную документацию по спорным избирательным участкам или избирательным округам, а именно: списки избирателей, бюллетени как использованные, так и не использованные при голосовании, документы, подтверждающие тираж и распределение бюллетеней по избирательным комиссиям, протоколы и постановления комиссии, реестры учета заявлений о голосовании вне помещения для голосования и сами эти заявления, а также распечатку сведений из системы ГАС «Выборы» по спорному вопросу. Непредоставление всех названных документов или предоставление за пределами трехчасового срока должно рассматриваться судом как невыполнение обязанностей по доказыванию и влечь удовлетворение требований заявителя в полном объеме без производства судебного разбирательства в упрощенном до минимума порядке, путем вынесения судебного постановления по типу судебного приказа.

Такой ускоренный порядок представления избирательной документации направлен на ее сохранение с целью исследования в судебном разбирательстве, на недопустимость уничтожения и/или подмены избирательной документации до судебного разбирательства, а также тем, что по такого рода делам необходимо в обязательном порядке исследовать все первоисточники или первичные избирательные документы, в которых отображается как явка избирателей, так и их волеизъявление. Кроме того, заявитель получит доступ к избирательной документации, имеющейся только в распоряжении избирательной комиссии, которая в противном случае была бы недоступна для заявителя и могла быть непредставлена в судебное заседание.

Предлагается, чтобы в течение двух дней со дня получения извещения о назначении судебного разбирательства заинтересованные лица обязаны были представить суду отзыв на заявление об искажении волеизъявления народа, непредоставление такого документа рассматривается как уклонение от обязанности по доказыванию, влекущее удовлетворение требований заявителя в упрощенном порядке. Сходное правило вынесения решения в упрощенном порядке имеется в правовой системе США (Правило 55 Федеральных правил гражданского процесса именуется «Заочное судебное решение» и решение принимается в пользу истца тогда, когда ответчик не оспорил предъявленный ему иск). Предоставление отзыва на заявление об искажении волеизъявления народа позволит заявителю ознакомиться с доводами и аргументами заинтересованных лиц до судебного разбирательства, ведь сами заинтересованные лица доводы и аргументы заявителя уже знают из заявления последнего. Представление заинтересованными лицами отзыва на заявление об искажении волеизъявления народа также свидетельствует о наличии спора.

Кроме того, вносится предложение о том, чтобы заинтересованные лица с отзывом на заявление об искажении волеизъявления народа должны были бы представить все доказательства, в обоснование своей позиции и/или указание на те доказательства, которые планируются ими для представления их суду, то есть заявителю предоставляется как список свидетелей, которых планируется вызвать в суд для дачи ими показаний, так и копии документов, которые они собираются представить, а в случае непредоставления таковых они утрачивают право на представление суду доказательств в дальнейшем. Знание доказательств, которые представлены или намерены представить заинтересованные лица, способствует реалистичной оценке

сведений о фактах по делу заявителем, последующее судебное разбирательство по делу для заявителя упрощается и становится более справедливым, поскольку владение доказательственной информацией способствует более лучшей подготовке заявителя как заведомо слабой стороны в споре. При этом, если заинтересованные лица планируют пригласить свидетеля, то ими должны быть названы его фамилия, имя, отчество, его местонахождение, место работы и жительства, а также указание на те обстоятельства, о которых свидетель может сообщить суду. В свою очередь, заявитель должен быть обеспечен правом на досудебный допрос такого свидетеля, а свидетель должен быть обязан явиться для его досудебного допроса заявителем. Аналогичное правило должно применяться и к эксперту, которого заинтересованные лица намерены вызвать в суд. Заявитель должен быть также обеспечен правом на направление запроса для получения необходимых сведений и документов в любые организации и учреждения, избирательные комиссии, которые обязаны предоставить требуемые сведения и документы.

Включение в закон предлагаемых правил объяснимо особым значением такого рода дел и наличием в них публичного интереса.

Предлагается срок рассмотрения дел об искажении волеизъявления народа определять в десять суток с момента поступления заявления в суд, а судебное разбирательство должно назначаться судом на дату, не превышающую семидневный срок с момента поступления заявления в суд. Скоротечность судебной процедуры необходима для быстрой защиты нарушенных прав граждан. Так, в Мексике, по словам А. А. Клишас, «в 1919 году, в соответствии с предписаниями статей 103 и 107 Политической конституции 1917 года, был принят Закон об ампаро. Новый Закон закреплял устный характер производства, осуществляемого в рамках процедуры ампаро, устанавливая, что доказательства сторон должны быть представлены и рассмотрены в течение одного судебного заседания» [13, с. 465].

Вносится предложение о том, что заявитель и заинтересованные лица должны быть обеспечены ничем не ограниченным полномочием по приглашению в суд как для дачи показаний, так и для дачи заключения любых экспертов, по собственному усмотрению.

Вступительная часть моделируемого судебного разбирательства начинается с сообщения судьи об имеющихся поводах и основаниях к рассмотрению дела об искажении волеизъявления народа при голосовании, его предмете, поступивших в суд доказательствах по делу и досудебных действиях суда и сторон по делу.

Судебное разбирательство по делам об искажении волеизъявления народа предлагается начинать с объяснения заявителя и заинтересованного лица, то есть избирательной комиссии или их представителей. Объяснениями по делу, представленным в суд заинтересованными лицами, оспаривается существо требований заявителя. В свою очередь, объяснениями по делу, представленными в суд заявителем, предлагается свое видение обстоятельств дела и версия произошедших событий. Цель объяснений состоит в том, чтобы раскрыть присяжным заседателям фактические обстоятельства дела и изложить содержание позиции по делу. В своих объяснениях заявитель излагает суть своего заявления и, если у него имеются доказательства, представляет их суду и ему не может быть отказано в приобщении к делу доказательств. Заинтересованное лицо высказывает свою позицию по делу и представляет доказательства в ее обоснование. Во время дачи объяснений стороны могут

высказывать свое отношение к доказательствам друг друга. Могут излагаться также и правовые нормы, на которых стороны основывают свои доводы, они также надеются правом задать вопросы другим участникам судопроизводства и заявлять ходатайства. Изложение позиции совместно с представлением суду доказательств ее подкрепляющих является наиболее доступной для восприятия формой и будет способствовать тому, чтобы присяжные заседатели приняли во внимание позиции сторон, а стороны донесли суду присяжных свою версию по делу. Неслучайно такой подход оправдал себя в древнегреческом праве. Так, в речах в судебном разбирательстве, проходящем в гелиэе, стороны нередко обращались к секретарю об оглашении какого-нибудь из приложенных к делу документов [25, с. 104].

Подход, при котором заявитель и заинтересованные лица представляют доказательства совместно со своими объяснениями, направлен на то, чтобы присяжным заседателям четко и полно изложить спорное дело с подкреплением словестных доводов конкретными доказательствами. При представлении доказательств одной из сторон, другая сторона вправе заявить протест, касающийся допустимости использования данного доказательства в суде.

После того, как стороны дали объяснения суду, они могут высказать свои позиции в опровержение позиций друг друга.

Затем предлагается продолжение судебного процесса допросом свидетелей. Сторона, вызвавшая свидетеля, задает ему вопросы первой и ведет его допрос, затем противоположная сторона задает вопросы свидетелю. При необходимости сторона, вызвавшая свидетеля, может повторно допросить его, это же право имеет и противоположная сторона. На этой же стадии происходит исследование других доказательств, а именно заключений экспертов, документов и др.

Вносится предложение о том, чтобы заявитель и заинтересованные лица могли заявить ходатайство об истребовании доказательств, которое подлежит разрешению присяжными заседателями.

В свою очередь, присяжные заседатели должны быть наделены правом задать вопросы как заявителю, так и заинтересованному лицу, а также свидетелям и экспертам. В США некоторые судьи разрешают присяжным задавать вопросы [4, с. 189]. Присяжные заседатели могут получить письменные объяснения по заявлению об искажении волеизъявления народа. Все доказательства исследуются судом также в присутствии присяжных заседателей.

Вносится предложение о том, чтобы присяжные заседатели обладали правом: участвовать в исследовании всех обстоятельств дела, в производстве всех судебных действий, в том числе задавать вопросы допрашиваемым лицам, осматривать вещественные доказательства, а также знакомиться с документами, в любой момент до вынесения вердикта просить председательствующего разъяснить им нормы материального и процессуального права, относящиеся к делу, содержание исследованных в суде документов, неясные понятия и дать ответы на другие вопросы, относящиеся к делу. В том случае, если в ходе совещания присяжные заседатели придут к выводу о необходимости получения дополнительных разъяснений председательствующего по возникшим в ходе обсуждения вопросам, то они могут вернуться из совещательной комнаты в судебное разбирательство и получить разъяснения профессионального судьи.

Такие права присяжным заседателям необходимы для полного и всестороннего выяснения всех фактических обстоятельств дела. Если брать действующий УПК РФ, то он запрещает присяжным заседателям активно себя вести в процессе, а именно самостоятельно задавать вопросы подсудимому, непосредственно знакомиться с доказательствами, что порождает значительные сложности для присяжных заседателей при принятии ими решений. На эти и другие обстоятельства, которые затрудняют принятие судом присяжных решений, обращает внимание в своей работе В. М. Быков [8, с. 41–45].

В связи с чем права присяжных заседателей должны быть такими, чтобы полностью позволяли им самим непосредственно исследовать все доказательства по делу и оценить их для принятия правильного решения. У присяжных заседателей также не должно возникнуть ощущение того, что от них в судебном процессе что-то скрывается. О вредных последствиях проведения судом в составе присяжных заседателей судебных действий без участия присяжных заседателей А. Ф. Кони говорил следующее: «Решители дела – присяжные заседатели, и у них может родиться всегда вредное для правосудного исхода дела подозрение, что от них что-то скрывают, о чем-то пред ними стараются умолчать... Это “что-то”, записанное там, в деле, лежащем на судебном столе, о чем не позволяют говорить свидетелю, несмотря на отобранную присягу показать правду, должно смущать совесть присяжных и вести их к произвольным догадкам, порождающим и произвольное решение» [15, с. 179].

Предлагается, чтобы вопрос о признании доказательств недопустимыми не мог быть рассмотрен в суде присяжных заседателей без их участия. Такое правило необходимо для того, чтобы суд в лице профессионального судьи не предрешил исход дела путем признания доказательств недопустимыми. Знание о фактических обстоятельствах дела, определение которых возложено на присяжных заседателей, вытекает из доказательств, а потому определение вопросов о том, имеет ли доказательство значение для дела, относится ли к установлению искомых фактов по делу и других вопросов, должно относиться только к ведению присяжных заседателей.

Признание доказательства недопустимым, это в том числе и его оценка с позиции достоверности, относимости, которая и является задачей, возложенной на присяжных заседателей. Здравый смысл подскажет судьям, что является достоверным, достаточным, относимым, поскольку в конечном итоге, что считать доказательством по конкретному делу должно являться прерогативой суда [9].

Вопрос же о допустимости доказательства на первый взгляд не может входить в компетенцию присяжных заседателей, поскольку теоретически присяжные уполномочены разрешать только вопросы факта, но не права, что относится к компетенции профессиональных юристов. Допустимость же – это соответствие порядка получения доказательства и самого доказательства действующему закону.

Вместе с тем по каждому делу, в котором решается вопрос о допустимости доказательства, выясняется существенность нарушения закона при получении доказательства. Ведь не любое нарушение закона влечет признание доказательства недопустимым, а только существенное. Вопрос о такой существенности является оценочным и его следует отнести к вопросам факта, в котором компетентны присяжные заседатели.

Подлежит ли, например, признанию недопустимым копия протокола об итогах голосования, в которой отсутствует надпись «Копия», которая должна быть в соот-

ветствии с законом, или помимо подписей на нем председателя и секретаря избирательной комиссии имеются подписи других членов комиссии, хотя закон говорит только об обязательных подписях председателя и секретаря избирательной комиссии. Здесь необходимо учитывать, что копия протокола об итогах голосования выдается только избирательными комиссиями, которые могут заведомо каких-либо указанных в законе реквизитов не проставить.

В данном случае было бы неправильным лишать заявителя доказательства в виде копии протокола об итогах голосования (зачастую единственного) путем признания его профессиональным судом недопустимым.

Вносится предложение, что для решения вопроса о признании доказательства недопустимым присяжные заседатели удаляются в совещательную комнату. До этого стороны могут представить суду обоснование своих позиций как о допустимости доказательства, то есть о том, существуют ли правовые предпосылки для включения его число доказательств по делу, так и об обратном. Может быть и так, что для правильного решения вопроса о признании доказательства недопустимым необходим допрос свидетелей для обоснования допустимости или недопустимости доказательства, на что стороны также имеют право.

В предлагаемой модели, после объяснений заявителя и заинтересованного лица, а также исследования представленных ими доказательств, суд присяжных переходит к прениям и репликам. Прения состоят из речей заявителя и заинтересованных лиц. В прениях процессуальные стороны убеждают жюри присяжных в правильности своей позиции и касаются тех вопросов, которые подлежат разрешению присяжными заседателями. В прениях стороны могут высказываться о доказательствах, имеющихся в деле, их значении для установления обстоятельств дела, аргументировать и опровергать представленные в дело доказательства. Иными словами, стороны представляют присяжным заседателям со ссылкой на доказательства краткую характеристику дела и свою версию позиции по делу. После состоявшихся прений стороны могут выступить с одной репликой по сказанному в речах. Право последней реплики принадлежит заявителю.

Предлагается, что по окончании представления всех доказательств и после сказанного в речах и произнесенных реплик, судья выдает присяжным письменную инструкцию, в которой изложены вопросы, подлежащие разрешению путем вынесения вердикта. Такая инструкция может включать в себя также ссылки на нормы закона, применимые по данному делу, заблаговременно представленные суду сторонами, по одной странице от каждой стороны. После названных процессуальных действий присяжные заседатели удаляются в совещательную комнату для вынесения вердикта по поставленным вопросам.

Необходимо отметить, что напутственного слова председательствующего по таким делам не должно быть, поскольку в нем он может проявить свое предвзятое отношение к делу. Правильно отмечал К. Миттермайер, что заключительное слово председательствующего оказывает значительное влияние на присяжных [20, с. 9].

В предлагаемой модели судебной процедуры совещанием присяжных заседателей руководит избранный ими старшина. Старшина присяжных заседателей будет председательствовать в ходе обсуждения и должен обеспечить возможность каждому присяжному выразить свое мнение по делу, позициям сторон, а также о достоверности и значении доказательств. Он же ставит на голосование имеющиеся во-

просы и ведет подсчет голосов. Голосование присяжных заседателей проводится открыто, в очередности алфавитного списка их фамилий и никто из них не вправе отказаться или воздержаться от голосования, старшина голосует последним. Необходимо закрепить правило о том, что присяжные заседатели в конце судебного разбирательства вправе брать в совещательную комнату любые доказательства (письменные, вещественные и другие) из дела и/или материалы, в которых зафиксированы сведения о фактах. Все присяжные заседатели должны принимать участие в голосовании по вопросу о вынесении вердикта суда присяжных по делу об искажении волеизъявления народа. Поскольку присяжные заседатели являются свидетелями факта, знающими людьми, то и факты должны ими всеми трактоваться одинаково, то есть вердикт присяжных заседателей должен выноситься только единогласно. Правильно отмечает И. Л. Петрухин, что стремление к единодушию предполагает добросовестную полемику, внимательное отношение к доводам каждого присяжного заседателя, а не конформизм и беспринципность [22]. Представляется, что неслучайно в древнем Новгороде характерной чертой вечевых собраний являлось то, что решения на них принимались не большинством голосов, а единогласно [26, с. 359].

При установлении единогласного кворума для принятия решения каждый присяжный заседатель вынужден будет высказаться по поводу вердикта, привести доводы в обоснование своей позиции, указать на подкрепляющие ее доказательства и не сможет уклониться от обоснования поданного им голоса. Единогласное решение присяжных заседателей требует диалога между ними, разумного взвешивания доводов сторон, объективной оценки представленных по делу доказательств, поиска правильного вердикта по делу. На это же обстоятельство обращает внимание В. В. Мельников, который заметил, что в процессе групповой дискуссии дополняющие друг друга разнообразные знания присяжных помогают им выработать согласованное коллективное решение по вопросам о фактической стороне, что способствует предупреждению необоснованных вердиктов [19, с. 26]. Тем самым граждане, реализуя именно таким образом свое право на участие в отправлении правосудия, облачают судебную власть в активную форму народного представительства.

Вердикт – это вынесенное коллегией присяжных заседателей решение об искажении или неискажении волеизъявления народа. Предлагается правило, согласно которому вердикт должен быть вынесен в отношении каждого оспариваемого итога голосования по каждому избирательному участку, а также по избирательному округу при оспаривании результатов выборов. Вердикт находит отражение в заполненном присяжными вопросном листе, отражающем результаты голосования и принятые решения. При этом присяжные не мотивируют своего решения и не объясняют причин, по которым они пришли к тому или иному решению, а также не несут ответственности за свой вердикт.

В предлагаемой модели судебной процедуры суд присяжных выносит вердикт в форме письменного вывода о том: 1) являются ли достоверными итоги голосования и/или результаты выборов; 2) имело ли место искажение волеизъявления народа; 3) если да, то сколько голосов подверглись искажению, влияет ли такое искажение на итоги голосования и результат выборов; 4) доказано ли, что официально учтенные результаты голосования и итоги выборов адекватно отражают волеизъявление народа; 5) доказано ли, что искажение волеизъявления народа допущено не избира-

тельной комиссией; 6) доказано ли отсутствие искажения волеизъявления народа; 7) подлежат ли отмене итоги голосования и/или результаты выборов.

Положительный ответ судом присяжных на третий вопрос подразумевает точное знание того, в каком размере произошло искажение волеизъявления народа. Суд после получения такого ответа должен своим решением внести измененные сведения в соответствующие избирательные документы. Отрицательный ответ судом присяжных на четвертый вопрос указывает на то обстоятельство, что заинтересованными лицами не доказано волеизъявление народа, отраженное в протоколах об итогах голосования и о результатах выборов, а потому суд обязан принять решение о признании их недействительными и обязать избирательные комиссии назначить новое голосование.

Должна быть предусмотрена возможность для присяжных заседателей вернуться в судебное разбирательство в следующих случаях: когда в процессе совещания они придут к необходимости получить дополнительные разъяснения председательствующего, а также когда у них возникнет сомнение по поводу фактических обстоятельств, имеющих значение для дела и для ответов на поставленные вопросы и требующее дополнительного исследования. Как только присяжные заседатели выносят вердикт, его сообщают судье. В судебном заседании старшина присяжных заседателей передает протокол с вердиктом судье, подлежащий оглашению судьей. После провозглашения вердикта коллегия присяжных заседателей распускается, а суд в составе председательствующего профессионального судьи постановляет решение в зависимости от вынесенного вердикта. Так, если вынесен вердикт об отсутствии искажения волеизъявления народа, решение судьи должно содержать указание только на этот вердикт и никакого другого обоснования не требует. В том же случае, если вынесен вердикт об искажении волеизъявления народа, то в решении судьи, помимо ссылки на вердикт, указываются нормы права в соответствии с вынесенным вердиктом и указывается, на кого возлагается обязанность по восстановлению нарушенного волеизъявления народа. Срок изготовления решения суда в окончательной форме составляет один день.

Представляется, что восстановление достоверного волеизъявления народа в виде устранения искажения одного голоса избирателя, если это установлено вердиктом присяжных заседателей, должно влечь единовременную государственную премию Российской Федерации для лица, проявившего заслуженное поведение, в размере 1000 (одна тысяча) рублей, поэтому в судебном решении, в случае вынесения вердикта об искажении волеизъявления народа и установления присяжными количества голосов, которые были искажены, суд должен указать на присуждение государственной премии заявителю в размере, соответствующем количеству искаженных голосов, помноженном на 1000 (одну тысячу) рублей.

В связи с чем предлагается правовой состав заслуженного поведения при восстановлении достоверного волеизъявления народа при голосовании. Так, лицо, выявившее искажение волеизъявления народа при голосовании, несет позитивную конституционно-правовую ответственность в виде поощрения. Объектом заслуженного поведения в этом случае будут являться общественные отношения, сложившиеся в сфере реализации власти народа в форме свободных выборов и референдума. Объективной стороной названного заслуженного поведения является совершение лицом поступка по выявлению искажения волеизъявления народа при голосовании,

что подтверждено вступившим в законную силу решением суда. Юридическим основанием применения поощрения является установление только объективных признаков заслуженного поведения. Субъектом заслуженного поведения является инициатор судебного разбирательства, в пользу которого состоялось решение суда.

Таким образом, суд обязан принять единое судебное решение по делу об искажении волеизъявления народа на основании вердикта суда присяжных, применив нормы права к выводам о фактах, сделанным судом присяжных. Иными словами, судья должен в соответствии с вердиктом составить решение, то есть подвести надлежащую статью закона под установленные факты искажения волеизъявления народа и определить в соответствии с нормой права поощрение заявителю. Составление полного текста судебного решения должно относиться к компетенции судьи.

Предлагается, что решения судов, в которых вердиктом суда присяжных не установлено искажение волеизъявления народа, не должны иметь юридическую силу преюдиции по отношению к другим делам об искажении волеизъявления народа.

В предлагаемой модели судебной процедуры должно иметься правило о том, что там, где обнаружено искажение волеизъявления народа, ко всем членам соответствующей избирательной комиссии должны быть применены меры защиты волеизъявления народа от искажения. Представляется, что в целях защиты достоверности волеизъявления народа в качестве меры защиты волеизъявления народа в избирательном праве следует установить штрафы. Так, отрицательный ответ судом присяжных на пятый вопрос о том, доказано ли, что искажение волеизъявления народа допущено не избирательной комиссией, должно влечь штраф, то есть материальное взыскание для каждого члена избирательной комиссии, проявившей недолжное поведение, в размере 1000 (одна тысяча) рублей за каждый искаженный голос избирателя. В связи с этим, в судебном решении в случае вынесения вердикта об искажении волеизъявления народа и установления присяжными количества голосов, которые были искажены, суд должен указать на взыскание в пользу государства с каждого члена избирательной комиссии денежной суммы в размере, соответствующем количеству искаженных голосов, помноженному на 1000 (одна тысяча) рублей. По словам Н. А. Бобровой, «более эффективных средств борьбы с грязными избирательными технологиями, чем наказание рублем, не существует» [7, с. 65].

В связи с чем предлагается правовой состав деликта члена избирательной комиссии, допустившего искажение волеизъявления народа при голосовании (избирательный деликт). Лицо, допустившее искажение волеизъявления народа при голосовании, несет конституционно-правовую ответственность в виде штрафа. Объектом избирательного деликта будут являться общественные отношения, сложившиеся при реализации конституционных принципов о том, что: высшим непосредственным выражением власти народа являются свободные выборы; носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ; Российская Федерация – Россия – есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления и другие. Объективной стороной избирательного деликта является недолжное поведение, то есть противоправное действие или бездействие, приведшее к искажению волеизъявления народа при голосовании, а также причинная связь между деянием и названным искажением, которая может в значительной мере, а то и полностью отсутствовать (подтверждается вступившим в законную силу решением суда). Субъектом из-

бирательного деликта являются члены участковой избирательной комиссии, принявшие решение по итогам голосования или определению результатов выборов, которое признано судом незаконным. Субъективная сторона избирательного проступка презюмируется.

Поощрение и штрафы призваны добиться такой защиты волеизъявления народа, при которой его искажение делается невозможным. Нарушения, влекущие искажение волеизъявления народа, совершаются, как правило, при осуществлении процедуры голосования, подведении итогов голосования и определении результатов выборов. Закон очень подробно освещает названные процедуры, однако мер наказания или наступления каких-либо неблагоприятных последствий за их неисполнение не имеется. По мнению Е. И. Колошина, «многие правила поведения и запреты не обеспечены мерами ответственности за их нарушения. Так, например, достаточно детально урегулированы порядок учета избирателей, составления их списков, порядок подсчета избирательных бюллетеней, порядок выдачи копий протоколов об итогах голосования и о результатах выборов, но ответственность за нарушение этих правил либо не установлена, либо неэффективна в силу невозможности реализации механизма привлечения к ответственности». Он же отмечает, что «развитие конституционного права обуславливает необходимость как расширения мер конституционно-правовой ответственности, так и тщательного регулирования процедур. В настоящее время не исчерпаны многие резервы конституционно-правовой ответственности. Целесообразно теоретически проработать и закрепить в законодательстве значительно больший спектр таких мер» [14, с. 57–59].

Учитывая то обстоятельство, что стадии, на которых в основном происходит искажение волеизъявления народа, а именно стадии голосования и подведения его итогов, определения результатов выборов, строго и очень подробно регламентированы законом, было бы правильным закрепить в законе правило, согласно которому поведение члена избирательной комиссии как нарушающее установленные законом положения, регламентирующие указанные стадии, так и являющееся действием (бездействием), которые законом не предусмотрены на данных стадиях, должно влечь ответственность для лиц, допустивших названное поведение. Иными словами, для стадий голосования, подведения его итогов, определения результатов выборов для избирательных комиссий и их членов должен быть законом закреплен принцип: «Что не разрешено, то запрещено». Каждый член избирательной комиссии должен знать закон и установленные им и дозволенные члену избирательной комиссии процедуры. В случае выхода за рамки этих процедур член избирательной комиссии подлежит ответственности, то есть он должен знать, что «совершаемое им деяние – если оно совершается без законного основания – является опасным в силу своей природы, каковым бы ни было его намерение» [10, с. 372].

Таким образом, искажение волеизъявления народа, если не доказано, что оно допущено не избирательной комиссией, является основанием для наложения на ее членов штрафа при наличии соответствующего вердикта присяжных заседателей, при погашении которого они несут солидарную ответственность. Те же члены избирательных комиссий, которые голосовали против решений избирательной комиссии признанных незаконными, освобождаются от уплаты указанных штрафов.

В данной статье предложена модель специальной судебной процедуры для рассмотрения дел об искажении волеизъявления народа, стержнем которой призван

стать суд присяжных заседателей (общепризнанный независимый судебный орган), наделенный правами как по вынесению окончательного вердикта по делу, так и по решению наиболее важных вопросов, которые могут возникнуть в судебном процессе. В схеме созданной модели уделено основное внимание повышению инициативности и активности сторон, их роли в приобретении доказательств по делу, уходу от принципа субъективного усмотрения, главенствующего в российском судебном процессе, повышению его демократичности. Предлагаемые правила, являющиеся содержанием названной модели, направлены на такую реализацию, при которой их нарушение должно будет влечь негативные правовые последствия для стороны-нарушителя, а исполнение повлечет для сторон заданный правом предсказуемый алгоритм их поведения, выявляющий правовую определенность в судебном процессе по делам об искажении волеизъявления народа.

Список литературы:

1. Аболонин Г. О. Гражданское процессуальное право США: монография / Г. О. Аболонин. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 432 с.
2. Аболонин Г. О. Массовые иски / Г. О. Аболонин. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – 416 с.
3. Административно-процессуальное право Германии. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 288 с.
4. Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск / У. Бернам. – М.: Новая юстиция, 2006. – 1216 с.
5. Бернам У. Суд присяжных заседателей / У. Бернам. – М.: Московский независимый институт международного права. – 128 с.
6. Боботов С. В., Чистяков Н. Ф. Суд присяжных: история и современность / С. В. Боботов, Н. Ф. Чистяков. – М.: Манускрипт, 1992. – 149 с.
7. Боброва Н. А. Причины легализации избирательных правонарушений в судебных решениях // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 62–66.
8. Бьков В. М. Проблемы суда с участием присяжных заседателей // Российская юстиция. – 2013. – № 7. – С. 41–45.
9. Гуцев В. Е., Александров А. С. Народное обвинение в уголовном суде. Нижний Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1998. http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/aleksandrov_1998/index.html (дата доступа – 13.06.2013).
10. Есаков Г. А. Mens rea в уголовном праве США: историко-правовое исследование / Г. А. Есаков. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 553 с.
11. Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / Отв. ред. А. А. Вешняков. – М., 2000. – 816 с.
12. Казина Т. В. Нужен ли российскому правосудию институт общественных заседателей? // Администратор суда. – 2012. – № 1. – С. 21–31.
13. Клишас А. А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / А. А. Клишас. – М.: Международные отношения, 2007. – 496 с.
14. Колюшин Е. И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений: монография. 2-е издание переработанное и дополненное / Е. И. Колюшин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 384 с.
15. Кони А. Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. / А. Ф. Кони. – М.: Юридическая литература, 1966. – 541 с.
16. Конституционный контроль в зарубежных странах. Отв. ред. В.В. Маклаков. – М.: Норма, 2007. – 655 с.
17. Кудрявцева Е. В. Гражданское судопроизводство Англии / Е. В. Кудрявцева. – М.: Издательский дом «Городец», 2008. – 320 с.
18. Лукьянова Е. А. Суд не может отменить результаты выборов не только потому, что просто не может... // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 7. – С. 12–13.
19. Мельник В. В. Значение суда присяжных для защиты от незаконного и необоснованного обвинения // Адвокат – № 11. – 1999. – С. 33–38.
20. Миттермайер К. Суд присяжных и его значение / К. Миттермайер. – Одесса, 1895. – 32 с.

21. Нуриев Г. Х. Европейская модель конституционного судопроизводства / Г. Х. Нуриев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 223 с.
22. Петрухин И. Л. Комментарий к гл. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный. – М.: Кодекс-Прспект, 2002 // СПС КонсультантПлюс.
23. Пучинский В. К. Гражданский процесс зарубежных стран. Под ред. В.В. Безбаха. – М.: Зерцало, 2008. – 506 с.
24. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. / И. Я. Фойницкий. – СПб.: Издательство «АЛЬФА», 1996. – 552 с.
25. Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб.: Издательство «АЛЬФА», издательство «РАВЕНА», 1995. – 846 с.
26. Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства / С. В. Юшков. – М., 1949. – 543 с.

O. A. Kravchenko. Security model means trial reliable the will of the people from distortion // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 95–114.

The Article focuses on the security model means trial reliable the will of the people from distortion. Disclosed the contents of the most important elements of this model, justified by the necessity to bringing foreign sources of law. The proposed model is a special judicial procedure for cases about the distortion of the will of the people, the core of which is intended to become the court of jurors (a widely recognized independent judicial body), endowed with rights as to render a final verdict on the case, addressing the most important issues that may arise in the trial. In the scheme of the created model is the main focus to improve the initiative and activity of the parties, their role in the acquisition of evidence in the case, the departure from the principle of subjective discretion that is dominant in the Russian judicial process, making it more democratic. The proposed rules, which are named content models that are aimed at that kind of realization in which their violation would have to entail negative legal consequences for the offending parties, and the execution will entail for the parties a predictable given the right algorithm of their behavior, identifying legal certainty in the judicial process in cases of distortion of the will of the people.

Key words: Democracy, voting, distortion of the will of the people, the validity of the election results, a model of the judicial process.

Spisok literaturyi:

1. Abolonin G. O. Grazhdanskoe protsessualnoe pravo SShA: monografiya. M.: Volters Kluver, 2010. 432 s.
2. Abolonin G. O. Massovyye iski. M.: Volters Kluver, 2011. 416 s.
3. Administrativno-protsessualnoe pravo Germanii. M.: Volters Kluver, 2007. 288 s.
4. Bernam U. Pravovaya sistema SShA. 3-y vyipusk. M.: Novaya yustitsiya, 2006. 1216 s.
5. Bernam U. Sud prisyazhnyih zasedateley. M.: Moskovskiy nezavisimyy institut mezhdunarodnogo prava. 128 s.
6. Bobotov S. V., Chistyakov N. F. Sud prisyazhnyih: istoriya i sovremennost. M.: Manuskript, 1992. 149 s.
7. Bobrova N. A. Prichinyi legalizatsii izbiratelnyih pravonarusheniy v sudebnyih resheniyah // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. 2015. # 5. 62-66 s.
8. Byikov V.M. Problemyi suda s uchastiem prisyazhnyih zasedateley // Rossiyskaya yustitsiya. 2013. # 7. 41-45 s.
9. Gushev V. E., Aleksandrov A. S. Narodnoe obvinenie v ugovnom sude. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy yuridicheskiy institut MVD RF, 1998. http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/aleksandrov_1998/index.html (data dostupa - 13.06.2013).
10. Esakov G. A. Mens rea v ugovnom prave SShA: istoriko-pravovoe issledovanie. SPb.: Izdatelstvo «Yuridicheskiy tsentr Press», 2003. 553 s.
11. Izbiratelnoe pravo i izbiratelnyiy protsess v resheniyah Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii / Otv. red. A. A. Veshnyakov. M., 2000. 816 s.
12. Kazina T. V. Nuzhen li rossiyskomu pravosudiyu institut obschestvennyih zasedateley? // Administrator suda, 2012, # 1. 21-31 s.
13. Klishas A. A. Konstitutsionnyy kontrol i konstitutsionnoe pravosudie zarubezhnyih stran. Sravnitelno-pravovoe issledovanie. M.: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 2007. 496 s.

14. Kolyushin E. I. Vyibory i izbiratelnoe pravo v zerkale sudebnykh resheniy: monografiya. 2-e izdanie pererabotannoe i dopolnennoe. M.: Norma: INFRA-M, 2012. 384 s.
15. Koni A. F. Sobranie sochineniy v vosmi tomah. T. 2. M.: Yuridicheskaya literatura, 1966. 541 s.
16. Konstitutsionnyy kontrol v zarubezhnykh stranah. Otv. red. V.V. Maklakov. M.: Norma, 2007. 655 s.
17. Kudryavtseva E. V. Grazhdanskoe sudoproizvodstvo Anglii. M.: Izdatelskiy dom «Gorodets», 2008. 320 s.
18. Lukyanova E. A. Sud ne mozhet otmenit rezultaty vyiborov ne tolko potomu, chto prosto ne mozhet... // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. 2009. № 7. 12–13 s.
19. Melnik V. V. Znachenie suda prisyazhnykh dlya zaschityi ot nezakonnogo i neobosnovannogo obvineniya // Advokat, # 11, 1999. 33-38 s.
20. Mittermayer K. Sud prisyazhnykh i ego znachenie. Odessa: 1895. 32 s.
21. Nuriev G. H. Evropeyskaya model konstitutsionnogo sudoproizvodstva. M.: Norma: INFRA-M, 2012. 223 s.
22. Petruhin I. L. Kommentariy k gl. 42 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: postateyniy. M.: Kodeks-Prospekt, 2002 // SPS KonsultantPlyus.
23. Puchinskiy V. K. Grazhdanskiy protsess zarubezhnykh stran. Pod red. V.V. Bezbaha. M.: Zertsalo, 2008. 506 s.
24. Foynitskiy I. Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. T. 1. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo «ALbFA», 1996. 552 s.
25. Cheltsov-Bebutov M. A. Kurs sovetskogo ugolovno-protsessualnogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovnogo protsessa v rabovladelcheskikh, feodalnykh i burzhuaznykh gosudarstvakh. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo «ALbFA», izdatelstvo «RAVENA», 1995. 846 s.
26. Yushkov S. V. Obschestvenno-politicheskiy stroy i pravo Kievskogo gosudarstva. M.: 1949. 543 s.

УДК 342. 922

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ИНЫХ ВИДОВ, СВЯЗАННЫХ С ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Каляшин А. В.

*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний
(ВЮИ ФСИН России)*

В статье проанализированы изменения в системе государственной службы Российской Федерации, связанные с заменой правоохранительной государственной службой иных видов. Рассмотрены федеральные законы, устанавливающие государственную службу иных видов. На основе изучения выделены виды федеральной государственной службы, которые объединены в одну группу используемым в законодательстве нововведенным термином «федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью». Для определения комплекса взглядов на формирование государственной службы иных видов, связанных с правоохранительной деятельностью, предложено подготовить концепцию развития законодательства о государственной службе Российской Федерации, а также меры по ее реализации.

Ключевые слова: система, виды, государственная служба, правоохранительные органы, правоохранительная деятельность, уголовно-исполнительная система, органы внутренних дел, федеральная противопожарная служба, таможенные органы, следственный комитет.

В различных областях государственного управления часть правовых явлений обладает системным характером. Не является исключением и организация системы государственной службы Российской Федерации. Особенность организации государственной службы заключается в ее системном построении. Виды государственной службы, входящие в систему, между собой логически взаимосвязаны и, исходя из своей специфики, взаимно дополняются. Свое место в системе государственной службы должна занять вновьявленная федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью. Сотрудники, проходящие федеральную государственную службу, связанную с правоохранительной деятельностью, непосредственно реализуют правоохранительную функцию государства, обеспечивают безопасность, законность и правопорядок, противодействуют преступности, защищают права и свободы человека и гражданина.

На современном этапе регулирования государственно-служебных отношений законодатель изменил систему государственной службы через исключение из нее правоохранительной службы как вида профессионально-служебной деятельности.

Новая редакция закона не допускает возможности юридического оформления в ближайшем будущем правоохранительной службы как одного из видов государственной службы. Вновь установленное правило поставило вопрос существования данной службы как единой совокупности и регулирования прохождения службы ее сотрудников единым нормативным правовым актом.

Федеральный законодатель по факту изъятия правоохранительной службы назвал следующие причины, послужившие основанием внесения изменений:

– применение определения правоохранительной службы как вида федеральной государственной службы только со дня вступления в силу федерального законодательного акта о ней;

– ведение работы над проектом федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации» около 10 лет, ее незавершение;

– отсутствие в национальном законодательстве определения понятия «правоохранительный орган», неустановление критериев и признаков, которым он должен соответствовать, перечисление государственных органов, которые являются правоохранительными;

– принятие во внимание зарубежного опыта, идущего по направлению создания актов по каждому виду правоохранительной службы, а не введения общих законов.¹

С позиции законодателя введение государственной службы иных видов вместо правоохранительной позволит «охватить» службу во всех федеральных государственных органах, которая с учетом специфики не может рассматриваться как государственная гражданская служба или военная служба, а в конечном итоге позволит придать системе государственной службы заверченный вид.

Несмотря на принятое решение об исключении правоохранительной службы, формальное юридическое дробление государственной службы на разные виды, по нашему мнению, правовая доктрина должна продолжить системное исследование федеральной государственной службы, предусмотренной в ведомствах, связанных с правоохранительной деятельностью и единством ее организационно-правовых основ. Достижение результата возможно через процесс формирования системы федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью, которая объединит профессионально-служебную деятельность в различных федеральных государственных органах правоохранительной направленности, а также законодательства, предусматривающего ее прохождение.

Сам по себе отказ от выделения государственной правоохранительной службы как одного из видов профессионально-служебной деятельности не исключает использования в юриспруденции таких категорий, как «правоохранительные органы» и «правоохранительная деятельность». При этом существующая совокупность правоохранительных органов, осуществляющих правоохранительную деятельность, направленную на выполнение правоохранительной функции государства, напрямую указывают на самостоятельное выделение в системе государственной службы ее вида, связанного с правоохраной.

В свою очередь, Федеральным законом [1] с 1 января 2016 года в систему государственной службы Российской Федерации, наряду с государственной гражданской и военной службой, как вид была включена государственная служба иных видов. Вместе с тем законодатель не закрепил норму-дефиницию «государственная служба иных видов», не определил их перечень и признаки.

Одновременно данным документом в отдельных законодательных актах вместо вида правоохранительной службы внесен термин «федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью». Для пояснения в ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 05.12.2005 № 154-ФЗ «О государственной службе россий-

¹ Разъяснение Комитета об исключении из системы государственной службы «правоохранительной службы» и включении в нее «государственной службы иных видов»: разъяснения Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 6 июля 2016 г. // <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71336310/>

ского казачества» [2] предусмотрено прохождение федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью, в соответствии с федеральным законодательством российским казачеством. В ст. 36.1. Федерального закона от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [3] использовано словосочетание «подразделения федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрена федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью».

Практическая значимость термина, объединяющего службу сотрудников в различных правоохранительных органах, также подтверждается его употреблением при консолидации ветеранов по признаку службы в органах, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрено прохождение федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью [4].

С. Е. Чаннов использование в законотворчестве понятия «государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью» объясняет объективно существующей необходимостью применения в правовых актах термина, объединяющего службу в правоохранительных органах [5, с. 64–71].

Важно отметить критику в российской науке и практическими работниками термина «государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью», в части словосочетания «правоохранительная деятельность». Обсуждение связано с тем, что в настоящее время значение рассматриваемой категории, вошедшей в международные документы, российское законодательство и юридическую науку, в законодательстве не поясняется, отсутствует легальное определение понятия данного термина, что может усложнить правоприменение.²

Для решения проблемы В. Н. Исаенко, исследовав вопросы, связанные с несовершенством правового обеспечения правоохранительной деятельности, предложил разработать и принять Федеральный закон «О правоохранительной деятельности». Автором высказано мнение об установлении в тексте закона определения понятий «правоохранительная деятельность» и «правоохранительные органы», закрепление цели, задач и направлений (видов) данной деятельности [6].

Существует опыт принятия закона о правоохранительной службе на постсоветском пространстве. В Законе Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV «О правоохранительной службе» правоохранительная служба определена как особый вид государственной службы на должностях правоохранительных органов (п. 6 ст. 1), а также установлено понятие и содержание термина «правоохранительный орган» (п. 7 ст. 1) [7].

Л. Ш. Музафурова проанализировав замену правоохранительной государственной службой иных видов, введение термина «федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью» предложила изменить формулировку законодательства, в части построения системы государственной службы. Мо-

² На проект Федерального закона № 685589-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О системе государственной службы Российской Федерации”» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части уточнения видов государственной службы Российской Федерации): заключение Комитета по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления от 19 марта 2015 № 108/3; по проекту Федерального закона № 685589-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О системе государственной службы Российской Федерации”» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части уточнения видов государственной службы Российской Федерации): заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ от 02 марта 2015 № 2.2-1/1006 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

лодой ученый видит логичным включение в систему государственной службы модернизированного вида профессионально-служебной деятельности – государственная служба иных видов, связанная с правоохранительной деятельностью [8, с. 823–825].

Согласно пункту 3 статьи 2 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ [9] государственная служба иных видов устанавливается федеральными законами, является видом федеральной государственной службы и не отнесена ни к гражданской, ни к военной службе.

Закрепив иные виды государственной службы, законодатель указал на их установление законодательными актами Российской Федерации в федеральных государственных органах в неопределенном количестве.

По мнению В. Ш. Шайхатдинова основным признаком государственной службы иных видов является прохождение сотрудниками федеральной государственной службы в государственном органе, связанном с правоохранительной деятельностью [10, с. 55–57].

В целях определения числа видов федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью, необходимо провести анализ законодательства. Кроме того, важно принимать во внимание признак «связь с правоохранительной деятельностью», наименование федерального государственного органа, находящиеся в его ведении вопросы, введенные должности и установление специальных званий и др.

Проведенный анализ позволил выделить следующие виды федеральной государственной службы, объединив их в одну группу, используемым в законодательстве единым термином «федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью»:

1. служба в органах внутренних дел Российской Федерации [11];
2. служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы [12];
3. служба в федеральной противопожарной службе [13];
4. служба в Следственном комитете Российской Федерации [14];
5. служба в таможенных органах [15].

Аналогичная правовая позиция причисления к видам федеральной государственной службы рассматриваемых разновидностей профессионально-служебной деятельности отражена в обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы сотрудниками органов внутренних дел, УИС, федеральной противопожарной службы, Следственного комитета Российской Федерации, таможенных органов [16].

Федеральную государственную службу, связанную с правоохранительной деятельностью, как вид федеральной государственной службы можно представить как профессиональную служебную деятельность граждан РФ на должностях, в федеральных государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина.

Федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью, предусматривается в федеральных государственных органах, в ведении которых находятся вопросы уголовного судопроизводства, внутренних дел, исполнения наказаний, таможенного дела и пожарной безопасности.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сформулировать следующие выводы.

Внесенные существенные изменения в систему государственной службы не завершили процесс придания ей законченного вида.

Введение в системе государственной службы обобщающей формулировки вида федеральной государственной службы «иные виды государственной службы» без сомнений соответствует реально сложившимся общественным отношениям.

Система государственной службы нуждается в дальнейшем совершенствовании, установлении нормы-дефиниции «иные виды государственной службы», с перечислением федеральных государственных органов и определением их основных признаков.

Формирование государственной службы иных видов, связанной с правоохранительной деятельностью, не возможно без определения ее концептуальных основ.

В связи с этим приоритетной задачей, по нашему мнению, должна стать разработка концепции развития законодательства о государственной службе Российской Федерации, а также предложений о мерах по ее реализации.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 262-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона “О таможенном регулировании в Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4388.
2. Федеральный закон от 05 декабря 2005 № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 50. Ст. 5245.
3. Федеральный закон от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
4. Приказ МВД России от 24 сентября 2015 г. № 933 «Вопросы привлечения пенсионеров к работе в системе МВД России» // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Чаннов С. Е. Государственная правоохранительная служба: быть или не быть? // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 64–71.
6. Исаенко В. Н. О совершенствовании законодательного обеспечения правоохранительной деятельности // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 9. – С. 162–166.
7. Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV «О правоохранительной службе» // http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30916594#pos=1;-193.
8. Музафарова Л. Ш. Служба в правоохранительных органах как вид государственной службы // Молодой ученый. – 2016. – №1. – С. 823–825. – URL <https://moluch.ru/archive/105/24831/> (дата обращения: 24.01.2018).
9. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
10. Шайхатдинов В. Ш. К вопросу о государственной службе иных видов // Бизнес, Менеджмент и Право. – 2016. – № 3–4. – С. 55–57.
11. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1), ст. 7020.
12. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316.
13. Федеральный закон от 23 мая 2016 года № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 22. Ст. 3089.
14. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
15. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3586.
16. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Kalyashin A. V. Organizational-legal aspects of the forming of civil service of other forms, connected with the law-enforcement activity // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – T. 3 (69). № 4. – P. 116–120.

In paper the changes in the system of civil service of the Russian Federation are analyzed, connected with the replacement by law-enforcement civil service of other forms. Federal laws are examined, which establish civil service of other forms. On the basis of study they are isolated from the forms of federal civil service, which are comprised into one group by the utilized in the legislation newly introduced term “federal civil service, connected with the law-enforcement activity”. For determining the complex of views on the forming of civil service of other forms, connected with the law-enforcement activity it is proposed to prepare the concept of the development of legislation about civil service of the Russian Federation, and also measures for its realization.

Keywords: system, forms, civil service, law-enforcement agencies, law-enforcement activity, criminal-executive system, the organs of internal affairs, federal fire-prevention service, customs organs, the Investigative Committee.

Spisok literaturyi:

1. Federalnyy zakon ot 13 iyulya 2015 g. № 262-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdelnyie zakonodatelnyie aktyi Rossiyskoy Federatsii v chasti utochneniya vidov gosudarstvennoy sluzhby i priznaniy utrativshey silu chasti 19 stati 323 Federalnogo zakona «O tamozhennom regulirovaniy v Rossiyskoy Federatsii» // Sobranie zakonodatelstva RF. 2015. № 29 (chast I). St. 4388.
2. Federalnyy zakon ot 05 dekabrya 2005 № 154-FZ «O gosudarstvennoy sluzhbe rossiyskogo kazachestva» // Sobranie zakonodatelstva RF. 2005. № 50. St. 5245.
3. Federalnyy zakon ot 08 yanvarya 1998 g. № 3-FZ «O narkoticheskikh sredstvakh i psihotropnykh veschestvakh» // Sobranie zakonodatelstva RF. 1998. № 2. St. 219.
4. Prikaz MVD Rossii ot 24 sentyabrya 2015 g. № 933 «Voprosy privlecheniya pensionerov k rabote v sisteme MVD Rossii» // Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus».
5. Channov S.E. Gosudarstvennaya pravoohranitel'naya sluzhba: byt ili ne byt? // Zhurnal rossiyskogo prava. 2016. № 11. S. 64–71.
6. Isaenko V. N. O sovershenstvovaniy zakonodatel'nogo obespecheniya pravoohranitel'noy deyatel'no-sti // Aktualnyie problemy rossiyskogo prava. 2015. № 9. S. 162 – 166.
7. Zakon Respubliki Kazahstan ot 6 yanvarya 2011 goda № 380-IV «O pravoohranitel'noy sluzhbe» // http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30916594#pos=1;-193.
8. Muzafarova L. Sh. Sluzhba v pravoohranitel'nykh organakh kak vid gosudarstvennoy sluzhby // Mo-lodoy ucheniy. – 2016. – №1. – S. 823–825. – URL <https://moluch.ru/archive/105/24831/> (data obrascheniya: 24.01.2018).
9. Federalnyy zakon ot 27 maya 2003 g. № 58-FZ «O sisteme gosudarstvennoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii» // Sobranie zakonodatelstva RF. 2003. № 22. St. 2063.
10. Shayhatdinov V. Sh. K voprosu o gosudarstvennoy sluzhbe inyykh vidov // Biznes, Menedzhment i Pravo. 2016. № 3–4. S. 55–57.
11. Federalnyy zakon ot 30 noyabrya 2011 g. № 342-FZ «O sluzhbe v organakh vnutrennih del Rossiyskoy Federatsii i vnesenii izmeneniy v otdelnyie zakonodatelnyie aktyi Rossiyskoy Federatsii» // Sobranie zakonodatelstva RF. 2011. № 49 (ch. 1), st. 7020.

УДК 341

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ГРАЖДАН
ПРИ УЩЕМЛЕНИИ ИХ ПРАВ В СМИ**

Никитина А. П., Запорожец С. А.

Юридический институт ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Статья посвящена проблеме ущемления чести и достоинства граждан, что все чаще стало практиковаться в современном мире. С увеличением частоты прецедентов появляется больше правовых вопросов о законности действий со стороны журналистов по отношению к гражданам страны.

Целью статьи является изучение вопроса: в чем состоит защита чести и достоинства граждан, при каких обстоятельствах возникает ущемления граждан журналистами.

В статье авторами рассматриваются вопросы защиты чести и достоинства, свободы, а также невмешательство в частную жизнь личности, которые являются важными для каждого человека и не должны быть прописаны лишь в нормах Конституции Российской Федерации. Проблеме защиты чести и достоинства человека и гражданина должно уделяться пристальное внимание.

Ключевые слова: достоинство, честь, клевета, критика, гражданин, журналист, обнародование, ущемление, защита, справедливость.

Долгое время наблюдается застой правовых вопросов по отношению к гражданам со стороны журналистов, связанный с постоянным поиском конфликтной и скандальной информации, которая наносит вред чести, достоинству и конфиденциальности граждан, попавших под их критику.

В нашей стране число споров об ущемлении чести и достоинства граждан с каждым годом возрастает, в последнее время случаи по поводу ущемления чести и достоинства граждан стали возникать из-за клеветы со стороны журналистов. Стоит для начала определиться с понятием «журналист». Итак, журналист – специалист, который собирает, анализирует, проверяет и представляет информацию о текущих событиях, направлениях, проблемах, а также о гражданах. Журналисты по всему миру платят высокую цену за свое желание сообщать правду обществу. Критика и клевета – постоянная компонента работы журналиста. Именно эта критика и клевета, как правило, вынуждает граждан обращаться в суд и добиваться справедливости, отстаивать свою честь и достоинство. Честь – объективная оценка личности, определяющая отношение общества к гражданину, это социальная оценка моральных и иных качеств личности обществом, окружающими людьми. Достоинство – это самооценка личности, осознание ею своих качеств, способностей, мировоззрения, выполненного долга и своего общественного значения.

Каждый гражданин Российской Федерации знает, что достоинство личности охраняется государством и ничто не должно препятствовать этому (согласно ст.21 и 23 Конституции Российской Федерации [1]). Ответственность за нарушение данных прав и свобод человека и гражданина предусмотрена ст.150–152 ГК РФ, ст.136 и 137 УК РФ. Журналисту не стоит забывать о профессиональном этикете, когда он

добывает информацию. Ведь в журналистике существуют обязанности, которые необходимо соблюдать и о которых, к сожалению, часто забывают.

Особенно актуальна так называемая «желтая пресса», которая в себя впитывает скандальные новости и подробности из личной жизни известных людей, начиная от хобби и заканчивая друзьями. За данными подробностями наблюдают, причем активно, журналисты. Когда удастся профессионалу добыть информацию для очередной сенсации, он незамедлительно спешит продать добытый материал в редакцию, тем самым обеспечив себя финансами.

Чаще всего возникают такие моменты, когда журналисты считают важным для себя обнародовать информацию, которая подорвет репутацию, о которых собирается данная информация. Встречаются такие моменты, когда журналисты используют криминальные методы, пробираются в дом к гражданам; с развитием современных технологий журналисты стали использовать подслушивающие устройства, жучки, что помогает им добыть информацию, весьма секретную. В наше время чаще стали возникать случаи, когда журналисты находят сенсации, обвинения должностное лицо в коррупции и воровстве, злоупотреблении служебными полномочиями. Подобное обнародование журналистом обходится для гражданина плачевно, поскольку восстановление своей репутации – сложный процесс. Для этого используют разнообразные способы: личная договоренность с журналистом и выкуп у него информацию; если обсуждаемого человека вина отсутствует, а журналист незаконно вторгся в его жизнь, возникает возможность добиться справедливости через суд (уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни устанавливает статья 137 Уголовного кодекса [3]). Согласно этой статье за незаконный сбор сведений о частной жизни лица, составляющих его семейную или личную тайну, без его согласия, распространение этих сведений в публично просматриваемом произведении, в СМИ или на публичном выступлении (также без его согласия) наказывается штрафом до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев либо не более трехсот шестидесяти часов обязательных работ, исправительными работами сроком до одного года либо принудительными работами на срок до двух лет.

Второй пункт этой статьи говорит о тех же деяниях, совершенных лицом с использованием служебного положения. При таких обстоятельствах наказание становится более строгим.

В третьем пункте рассказывается о незаконном распространении в средствах массовой информации, публично демонстрирующихся произведениях или телекоммуникационных сетях информации о личности несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, по уголовному делу либо информации о получении им какого-либо вреда в следствии совершения над ним преступления. Распространение такой информации карается штрафом от 150 тысяч рублей до 350 тысяч или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до шести лет [4].

Судебная практика по делам о защите чести и достоинства граждан Российской Федерации достаточно большая. Она освещалась в разнообразных юридических журналах. Самая распространенная претензия к журналистам – ущемление чести и

достоинства, ст.152 ГКРФ [2]. Данные претензии имеют следующий вид: иск о защите чести и достоинства, административное дело.

Произведенные расчеты судебной статистики свидетельствуют о том, что количество дел по ущемлению чести и достоинства, а также деловой репутации, рассматриваемых ежегодно как в арбитражных судах, так и в судах общей юрисдикции, споры о защите чести и достоинства граждан РФ, а также деловой репутации в сфере предпринимательской деятельности происходят постоянно. В среднем в год рассматривается 5000 дел в судах общей юрисдикции и 800 дел в арбитражных судах Российской Федерации.

В одном крупном городе на западе Российской Федерации проводилось судебное разбирательство по делу «о клевете» и «нарушении неприкосновенности частной жизни» в отношении журналиста новостного сайта [4]. Поводом для судебного процесса была статья о раскрытой краже. Е автор заявил, что после произошедшего события он был отстранен от работы и в последующем уволен.

В суд на журналиста подал, в порядке частного обвинения, преподаватель одного из центральных и крупных учебных заведений города. Гражданин утверждает, что работник СМИ оклеветал его, опубликовав недостоверные факты в своей статье, а также незаконно собирал сведения о его частной жизни без его согласия; его привело в возмущение, что журналист отослал запрос в областную прокуратуру и департамент государственных доходов о том, есть ли заграничные счета и будет ли производиться проверка на наличие коррупционной составляющей.

Потерпевший сообщил, что из его дома было украдено не яйцо Фаберже, как писал журналист, а банковская коллекционная монета, на которой изображено яйцо Фаберже; следующая неточность: было указано, что сворованы бриллианты и другие драгоценные камни на один миллион пятьсот тысяч долларов.

Автор статьи ссылается на приговор суда, но в приговоре была указана другая сумма на сто тысяч долларов, и это были золотые изделия, но никак не один миллион пятьсот тысяч долларов. Сама по себе указанная цифра вызвала большой ажиотаж.

Есть соответствующий закон о СМИ, где говорится, что нельзя публиковать информацию, которая создает социальную и сословную рознь. И вот название статьи и публикация повлекли такую сословную рознь. Потерпевший добавил, что в результате этого сообщения его честь, достоинство и деловая репутация были подвержены сомнению, дополнительно к этому журналист незаконно собирал сведения о частной жизни без его согласия, которая является неприкосновенной. Также истец сообщил суду, что оставляет за собой право в ходе уголовного процесса заявить гражданский иск по защите чести и деловой репутации. В ходе основного судебного процесса журналист заявил отвод судье, но вскоре отвод был отклонен другим судьей, вместе с тем представитель потерпевшего сообщил на судебном заседании, что если подсудимый опубликует, что в его статье были допущены неточности и даст опровержение в средствах массовой информации, то его доверитель будет готов пойти на примирение [4]. Журналист заявил в суде, что свою вину не признает и опирался на официальные данные, которые опубликованы в приговоре. Отмечает, что ни в коем случае не пытался оскорбить или подвергнуть сомнению репутацию преподавателя, а в публикации даже не было указано его анкетных данных. Журналист добавил, что, написав об этом ограблении, имел право

добывать информацию удобным для него способом, выполняя свою работу честно; было указано, что подсудимый пытался связаться с потерпевшим, чтобы пролить свет на все это, но наладить контакт не удалось. Насчет запросов в прокуратуру о наличии банковских счетов за границей запрос составлял не журналист, так как отсутствует его подпись.

В связи с предъявленными доказательствами суд постановил признать виновным, согласно статье 137 УК РФ [3] за незаконное соби́рание сведений о частной жизни лица, составляющих его семейную или личную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений. Наказывается штрафом до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до 18 месяцев, либо не более трехсот шестидесяти часов обязательных работ, исправительными работами сроком до одного года либо принудительными работами на срок до двух лет.

Рассмотрев ситуацию можно сделать вывод, что журналисты должны выполнять свою работу в рамках своей профессиональной этики и в рамках закона Российской Федерации.

С учетом вышизложенного специфичность данной профессии обязывает журналистов работать аккуратно и не выходить за рамки закона, а также не противоречить профессиональному кодексу. Когда журналист работает с информацией, он должен понимать, какую ценность она несет, не ущемляет ли она честь и достоинство личности. Защита чести и достоинства зафиксирована в законе и кодексах Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [Текст] (принята всенародным голосованием 12.12.1993), с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2016) [Текст] // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Текст] // Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
4. Щербович В. А. Правовые основы защиты чести и достоинства личности и военнослужащих // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – № 3. – С.122–125.

Nikitina A. P., Zaporozhets S. A. Legal bases of protection of honour and dignity of citizens when infringement of their rights in the media // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 121–125.

The article is that in the modern world, the infringement of the honor and dignity of citizens has become increasingly practiced. With the increase in the frequency of precedents, there are more legal questions about the legality of actions by journalists against citizens of the country.

The purpose of the article is to study the question of what is the protection of the honor and dignity of citizens, under what circumstances there is an infringement of citizens by journalists.

In the article the authors consider issues of protection of honor and dignity, freedom, as well as non-interference in the private life of the person, which are important for each person, and should not be spelled out only in the norms of the Constitution of the Russian Federation. The problem of protecting the honor and dignity of a person and a citizen should be paid close attention.

Key words: honor, intelligent, critic, citizen journalist, disclosure, infringement, protection, justice.

Spisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: [Tekst] (prinyata vsenarodnyim golosovaniem 12.12.1993), s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Sobranie zakonodatelstva RF, 04.08.2014, № 31, st. 4398.
2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (Chast1) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 13.07.2015, s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2016) [Tekst] // Sobranie zakonodatelstva RF, 05.12.1994, № 32, st. 3301.
3. Ugolovnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ [Tekst] // Sobranii zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii ot 17 iyunya 1996 g. № 25 st. 2954.
4. Scherbovich, V. A. Pravovyye osnovyyi zaschityi chesti i dostoinstva lichnosti i voennosluzhaschih // Vestnik Adyigeyskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2005. – № 3. – S.122–125.

УДК 34.096

К ВОПРОСУ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЭВТАНАЗИИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Поддубняк А. А., Бекирова Р. Ф.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Окончательное признание на современном этапе развития цивилизации жизни человека наивысшей ценностью как основной идеи гуманизма, а также анализ произведенных в области научно-технического прогресса достижений и открытий формирует абсолютно иные, не свойственные ранее существовавшему обществу, восприятия эвтаназии. Поскольку проблема применения на практике эвтаназии сегодня приобрела абсолютно иное звучание и значение, споры по поводу применения в медицинской практике эвтаназии и ее легализации формируют одну из наиболее востребованных для изучения тем. Изучив этимологию понятия «эвтаназия», этапы его исторического развития и восприятия, а также всесторонние аспекты и теории в области философии, медицины, юриспруденции по поводу возможности ее реализации, ознакомившись с опытом зарубежных стран, узаконивших ее, провели анализ и подвели итоги на предмет возможности и целесообразности легализации эвтаназии в Российской Федерации.

Ключевые слова: человеческая жизнь, ценность жизни, естественные и неотчуждаемые права, право на жизнь, право на смерть, эвтаназия, умерщвление, убийство из милосердия, «хорошая смерть», «облегченная смерть», законное убийство, убийство из сострадания, легализация эвтаназии.

Жизнь – это по своей сути уникальное явление. Все процессы жизнедеятельности человеческого организма носят естественный и порой до конца нераскрытый характер. Поэтому любые нарушения целостности человеческого организма, его жизнеспособности и борьбы с возникающими препятствиями для его полноценного функционирования приобретают особо значимую роль и порой требуют детального изучения, исследования и огласки. Эвтаназию, в свою очередь, как явление многоаспектное, можно назвать одной из наиболее «болевых точек» общественно-правового сознания населения. Связано это прежде всего с тем, что среди многочисленных проблем существуют те, которые, будучи изначально личными, так или иначе в связи со своей значимостью и проблематикой приобретают характер социальных и публичных. Окончательное признание на современном этапе развития цивилизации жизни человека наивысшей ценностью, что, в свою очередь, является главным показателем идеи гуманизма, а также анализ произведенных в области научно-технического прогресса достижений и открытий формирует абсолютно иные, не свойственные ранее существовавшим в обществе, взглядам мнения по поводу осуществления так называемого «ритуала эвтаназии». Проблема проведения эвтаназии приобрела существенно иное звучание и значение.

Значимость и ценность жизни любого человека как в отношении правовых, так и в отношении нравственных реалий мгновенно преобразует любую общественно-правовую проблему, которая, в свою очередь, затрагивает право на жизнь, проблему общечеловеческого и глобального характера. В свою очередь, видение и решение данного вопроса проявлялось самостоятельно в каждой исторической эпохе по

представлениям и ценностям общества того времени. Генезис исторических событий, взглядов, идей и мнений способствовал установлению видения данной проблемы для общества современного, с учетом сформировавшихся в нем ценностей и потребностей. Ввиду этого можем говорить о том, что современное общество особенно актуализировало данную проблему, тем самым придав ей статус глобальной, занимающей немаловажную роль в жизни современного общества и устоев его развития. Споры, возникающие по поводу применения в медицинской практике эвтаназии и ее легализации законодательством Российской Федерации, формируют одну из наиболее востребованных для изучения тем. Изучая данный вопрос, можно столкнуться с идеями, взглядами, позициями и предложениями множества ученых в области философии, медицины и юриспруденции. Исследование данной темы проводилось на протяжении длительного времени с учетом многовекового опыта правовых доктрин и современных идей о данной процедуре, прогнозируя тем самым пути ее последующего развития, а также раскрывая ее значимость в различных направлениях.

Рассматриваемый в данной статье вопрос можно смело назвать одним из наиболее спорных и по сей день так и неразрешенных. Рассматривается он как в сфере медико-деонтологической, так и религиозно-этической и юридической, в качестве проблемы современного общества, с учетом его взглядов и интересов. Таким образом, можно наблюдать, как разворачивается «драматическая борьба» ученых в сфере юриспруденции, философии, социологии, политологии, религиоведения и медицины [9, с. 5]. Основным направляющим фактором данного противостояния выступают правовые запреты и дозволения. Изучаемая в рамках данного вопроса тема находится на пересечении ряда различных общественных наук, что обуславливает необходимость при ее изучении применения системного подхода. Таким образом, возникает вопрос: в чем же заключается суть исследования эвтаназии? Рассматривать его необходимо не просто в качестве способа разрешения противоречий, но и как самостоятельное системное явление, которое представляет собой неотъемлемую часть общей системы отношений, возникающих в жизни любого индивида. О каких же противоречиях идет речь? Связаны они, прежде всего, с тем, что в обществе, где каждый человек является индивидуумом самостоятельным и независимым, всегда будет противостояние и противоречие общественных и личных интересов. Такие расхождения в действительности вызываются, как правило, причинами, которые возникают в связи с тем, что некоторые члены общества, не осознавая ценность человеческой жизни, право каждого на нее, противопоставляют частные интересы коллективным. Это, в свою очередь, влечет необходимость в их правовой регламентации.

Что касается этимологии понятия «эвтаназия», то буквально, в переводе с греческого языка, оно означает «хорошая, облегченная смерть» [3, с. 52]. В медицинской литературе зафиксировано научное понятие, которое толкуется как «умерщвление неизлечимо больных людей по их просьбе с целью прекращения страданий» либо более точное – «сознательное действие, приводящее к смерти безнадежно больного человека относительно быстрым и безболезненным путем с целью прекращения его мучительных страданий». В юриспруденции же данное понятие раскрывается следующим образом: «умышленные действия или бездействие медицинского работника, осуществляемые в соответствии с явно и недвусмысленно выраженной просьбой

информированного больного или его законного представителя с целью прекращения физических и психических страданий больного, находящегося в угрожающем жизни состоянии, в результате которых наступает его смерть». В данном понятии появляется статус «информированного больного», который употребляется в документах международно-правового характера и значения в сфере здравоохранения и подразумевает осведомленного о состоянии своего здоровья, диагнозе, прогнозе развития имеющегося заболевания, а также о возможных результатах и последствиях лечения и последствий отказа от него пациента.

Таким образом, умерщвление обреченного на смерть, то есть имеющего неизлечимое заболевание человека, предполагает сострадание окружающих его лиц на удовлетворение частного интереса лишаемого жизни лица, облегчая тем самым его участь [4, с. 34]. Но, как правило, такое, только поверхностное, на наш взгляд, мнение упускает из виду, что совершить данное действие – все равно, что нарушить «внутренний порядок», пизначально имеющийся во всех общественных отношениях. Каждое лицо, совершая то или иное преступление, является субъектом отношений, на гармоничное функционирование которого посягает совершенное им деяние. В независимости от того, какие изменения за собой влечет совершенное преступление во внешнем окружающим нас мире и как оно проявляется в нем, оно, так или иначе, подрывает основы разрушаемых общественных отношений изнутри. Именно поэтому столь особое значение любое цивилизованное государство и современное общество выделяет постоянной заботе и охране уже существующих и появляющихся вновь общественных отношений от преступных посягательств на них.

Говоря о проблематике применения человеком преждевременного способа прекращения жизни, необходимо раскрыть сам процесс формирования и становления феномена эвтаназии как такового. Рассматривая эвтаназию как социально-правовое явление, стоит отметить, что оно имеет довольно-таки глубокие исторические корни. Но, даже несмотря на это, лишь к концу 19 века она была выделена в качестве объекта всевозможных научных исследований, сформировавших ее в качестве самостоятельного научного направления, содержащего в себе комплекс различных общественных отношений. Так, в развитии формирования идей проведения эвтаназии в рамках истории учений о государстве и праве принято выделять три этапа с характерными для них индивидуальными традициями в отношении такой возможности ухода человека из жизни. Таким образом, выделяют три последовательных этапа развития политико-правовой мысли в отношении проведения эвтаназии. Для Древнего Мира эвтаназия рассматривалась как благо, поскольку человек в то время не представлял собой никакой самооценности. В период Средневековья проведение данной процедуры отвергалось по причине религиозных взглядов, не воспринимающих и, более того, запрещающих вмешиваться в судьбу человека. Третий и по сей день неоконченный этап Нового времени рассматривает эвтаназию как личный выбор каждого человека. Но все же проблематика данного вопроса на современном этапе его развития связана с неоднозначностью восприятия явления. Так, с одной стороны, принято считать, что никакого вреда обществу проведением эвтаназии не наносится, а ее криминализация во многих странах, которая присвоила ей характер латентного преступного деяния, нарушает конституционные права граждан на распоряжение своей собственной жизнью. С другой же стороны, эвтаназия рассматривается как убийство, независимо от условий и обстоятельств, способствовавших

преждевременному прекращению жизни человека и соответственно лицо, совершившее данное деяние, расцениваемое в таком случае как противоправное и уголовно-наказуемое, должно нести за его совершение уголовную ответственность.

Так, обращаясь к вопросу исследования вопроса применения эвтаназии, стоит выделить ряд определенных аспектов, придающих еще больше общественной и государственной значимости обозначенной и рассматриваемой нами проблеме: общественный, общеправовой, естественно-правовой и уголовно-правовой аспекты [7, с. 76]. Обращаясь к первому «общественному» аспекту, следует отметить, что речь идет об активном темпе развития современных научных технологий, к которому общественность, как бы это странно не звучало, не успевает сформировать адекватное отношение, а именно к постоянно изобретаемым и вводимым в современные реалии нововведениям. Не является исключением в этом случае и применение на практике эвтаназии, вопросы введения в качестве процедуры, незапрещенной законодательством Российской Федерации, требующей детального изучения специалистами различных сфер: юристов, медиков, социологов и культурологов. Со стороны общеправового аспекта речь идет о современном развитии высокого уровня медицины, который предполагает необходимость совершенствования правовой регламентации проблем, касающихся ухода человека из жизни, к которым относится непосредственно и эвтаназия. Что касается естественно-правового аспекта, то он предполагает включение в естественное неотчуждаемое право человека на жизнь, в том числе и право на смерть как полноценной реализации права на свободу в распоряжении своей жизнью. Говоря об уголовно-правовом аспекте, речь идет непосредственно о привлечении лица, совершившего преждевременное прекращение жизни обреченного на смерть человека с его же согласием, к уголовной ответственности за совершенное противоправное, недопустимое деяние в рамках действующего законодательства Российской Федерации. Таким образом, мы можем говорить о неразрывности, взаимосвязанности и взаимозависимости как медицинской науки в ее постоянном развитии, совершенствовании, так и юриспруденции, которая в законодательстве каждого государства устанавливает определенные ограничения и запреты для таких новшеств и открытий.

Стоит также при рассмотрении нашего вопроса упомянуть и о позициях биолого-медицинского, этического, религиозного и юридического характера. Так, например, при рассмотрении этической позиции выделяют ключевое понятие «хорошей смерти». Она, в свою очередь, раскрывает идею о том, что жизнь не должна принести страдания как психологического, так и физиологического характера всевозможными процедурами и терапиями, которые в виду неизлечимости имеющегося у больного заболевания приведут к летальному исходу и официальной констатации естественной смерти человека именно таким образом [5, с. 54]. Рассматривается с позиции нравственных и этических представлений и соображений проведение обреченному на смерть человеку эвтаназии как положительно, так и отрицательно. С одной стороны, доставление мучительных страданий во время длительного, болезненного и так или иначе безрезультативного лечения болеющему человеку и тем самым, как бы это грубо не звучало, «ожидания» естественной смерти, считается абсолютно негуманным и более чем неэтичным. С другой же стороны, считается, что именно ценность жизни каждого без исключения человека является «побуждающим» фактором борьбы за нее вопреки всем объективным законам медицины и

даже в самых безнадежных ситуациях. Прежде всего, врач обязан противостоять этому заболеванию всевозможными средствами и методами, максимально обезболивая боли умирающего, но никак не идти «на поводу» у отчаявшегося или находящегося в паническом безумии больного. Исключение, конечно, может составлять нахождение человека уже довольно длительное время в коме с полной и безвозвратной потерей сознания, несмотря на возможность бесконечного поддержания такого состояния благодаря специальным медицинским средствам и механизмам их применения. Более того, большинство ученых выразили мнение, что, допуская официально проведение эвтаназии, совершается огромная, с необратимыми последствиями ошибка, поскольку это станет определенным «психологическим тормозом» в поиске новых, более результативных диагностических средств и методов лечения людей с тяжелыми заболеваниями.

Таким образом, в основе всевозможных разносторонних позиций, идей и аспектов лежит право человека на жизнь, которое, будучи правом естественным и неотчуждаемым, актуализирует проблемы применения на практике любых средств, методов и процедур, посягающих, по сути, на полноценность функционирования человеческого организма вмешательствами извне. Лишь в контексте научно-теоретического анализа условий и обстоятельств, возникающего таким образом при умерщвлении пораженного болезнью человека, ограничений в его праве права на жизнь и свободное распоряжение ею, решается противоречивый вопрос о том, было ли это правомерным и уголовно ненаказуемым убийством из сострадания или нет [6, с. 38–40]. Возвращаясь к единственному по своей сути, самому главному праву человека на жизнь, важно отметить, что именно оно занимает одно из центральных мест в системе всех личных прав человека. Лишь это право, так или иначе, придает определенное качество человеческой жизни, делая ее полноценной и, позволяя таким образом реализовать иные, предоставляемые и охраняемые законом права, свободы и обязанности, которые утрачивают какое-либо значение и смысл при смерти человека. Считается, что право на жизнь является неотъемлемой основой существования общества и, исходя из этого, человеческая жизнь не может рассматриваться в качестве собственности, распоряжение каждой которой носит свободный характер и, более того, это относится и к праву распоряжения человека своим телом.

В свою очередь, регламентация абсолютной, бесспорной защиты жизни человека нашла свое место как на международном уровне, так и в рамках Российского законодательства. Так, в ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 года указано следующее: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни» [10]. Поскольку законодательство Российской Федерации всецело отражает основные принципы и нормы международного права, Конституцией РФ утверждена либерально-демократическая позиция о том, что «человек, его права и свободы – наивысшая ценность». На сегодняшний день есть ряд стран, в которых эвтаназия не просто не запрещена, она разрешена и таким образом не рассматривается в качестве преступного деяния. Более того, процедура эвтаназии предполагает наличие различных видов и способов ее проведения, среди которых выделяют добровольную и принудительную, активную и пассивную. В зависимости от того, соблюдены ли все условия и правила, учтены ли все факторы и обстоятельства проводимой процедуры, выделяют криминальную и легальную. Так, на сего-

дняшний день эвтаназия законодательно разрешена в Нидерландах, Бельгии, США, Швейцарии и Германии. Особым подходом к проведению эвтаназии выступает, в частности, Бельгия, где эвтаназия входит в стандартный пакет страховки пациента. Для реализации возможности ее проведения пациент дважды подает просьбу, в обязательном порядке нотариально удостоверенную, с последующим ее рассмотрением специальной комиссией. Она, в свою очередь, тщательно проверяет абсолютно все факты и обстоятельства, в случае положительного решения выдается специальное разрешение на проведение умерщвления в течение трех месяцев с момента его выдачи [8, с. 570]. В Российской Федерации в настоящее время квалифицируется данное деяние по ст. 105 УК РФ, то есть убийство – умышленное причинение смерти другому человеку. При квалификации деяния возможно лишь применение по п. «д» ч.1 ст.61 УК РФ смягчающего обстоятельства, то есть совершение убийства по мотиву сострадания [2].

На сегодняшний день все же существует идея легализации эвтаназии в России. Обоснование допустимости принятия такого закона возможно лишь на основании положения статьи Конституции РФ. Согласно ст. 2, 7, 15, 20, 21 и 41 Конституции РФ смертельно больной человек может относиться к категории граждан социально незащищенных, что, в свою очередь, может обеспечить ему определенную медицинскую помощь и обеспечить все необходимые для ее предоставления условия. В свою очередь, если больной все же желает отказаться от предоставляемого ему лечения или непосредственно просит о проведении ему эвтаназии, отказ в случае легализации эвтаназии будет рассматриваться как ожесточенное, сопровождаемое мучительными страданиями, отношение к обреченному, так или иначе, на смерть человеку. Это нарушение Конституционных положений и рассматриваться будет как применение согласно ст. 21 Конституции РФ к человеку насилия, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения [1].

Таким образом, изучив противоположные взгляды и позиции по поводу возможности применения на практике эвтаназии и легализации ее в Российской Федерации, можем подвести определенные итоги и выразить свое мнение. Выражая позицию, что на сегодняшний день уже имеется острая необходимость разрешения на законодательном уровне эвтаназии, обоснуем ее следующим образом:

- человек имеет абсолютное право на распоряжение своей собственной жизнью;
- наличие угрозы доведения до смерти больного человека путем повышения дозы сильных обезболивающих препаратов, что, по своей сути, уже будет считаться убийством по неосторожности и нарушением своих профессиональных обязанностей с особо тяжкими последствиями;
- эвтаназия как убийство из милосердия, поскольку не каждый выдерживает наблюдать за невыносимыми страданиями и мучениями обреченного на смерть близкого человека;
- в случае отсутствия законодательного разрешения проведения эвтаназии возникает огромная вероятность ее проведения иными, так называемыми «обходными» и скрытыми путями, которые, не имея никакой регламентации, нарушают всевозможные правила и запреты [9, с. 79].

Весьма убедительными аргументами, на наш взгляд, подтверждается невозможность легализации эвтаназии в России:

- прежде всего, эвтаназия бесспорно противоречит как всем религиозным убеждениям, так и моральным и этическим устоям современного общества;
- невозможность оценки больным, находящимся в полной отчаянии человеком состояния своего здоровья, возможности улучшения его состояния;
- отсутствие закрепления эвтаназии в отдельной норме закона и регламентации детализированной последовательности и правил ее проведения, а в случае наличия такой нормы – отсутствие механизма ее реализации и контроля за ее применением на практике соответствующими специализированными органами;
- отсутствие строгого контроля за проведением данной процедуры влечет за собой злоупотребление таким средством ускоренного прекращения жизни человека;
- высокая вероятность врачебной халатности, поскольку в случае ненадлежащим образом изученного состояния больного и наличия у него шанса на выздоровление, говорить о проведении эвтаназии как «хорошей, облегченной» смерти будет невозможно;
- легализация на территории Российской Федерации непременно активизирует коррупцию в соответствующей сфере и как результат этого – незаконные массовые заключения органов умерщвленных больных для трансплантации, что, очевидно, усложнит функционирование системы здравоохранения, а также повлечет падение уровня духовности и морали современного общества.

Подводя итоги, следует отметить, что право на жизнь, отличаясь весьма сложной конструкцией, способствует тому, что не все общественные отношения, которые определенным образом связаны с реализацией этого права, имеют надлежащую законодательную регламентацию. Так, разрешение всевозможных вопросов права должно основываться исключительно на принципах гуманизма с признанием человека и его права на жизнь наивысшей ценностью. Именно поэтому, ввиду активных обсуждений инициативы узаконения допустимости проведения эвтаназии, ее легализацию на территории Российской Федерации считаем недопустимой, невозможной. Узаконить эвтаназию – значит внести произвол в распоряжение человеческой жизнью, нарушить все устоявшиеся ценности и устои современного общества, подвергнуть его вымиранию с помощью применения на практике постоянно развивающихся исследований и технологий в области науки и медицины.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.12.2017)
3. Преступления против жизни / Бородин С. В. – М.: Юристъ, 2000. – 356 с.
4. Бородин С., Глушков В. Уголовно-правовые проблемы Эвтаназия // Советская юстиция. – № 9-10. – 1992. – С. 34.
5. Вульф С. Эвтаназия: не переходить границу // Человек. – М., 1993. – Вып. 5. – С. 54.
6. Дмитриев Ю. А. Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции // Государство и право. – 1999. – № 6. – С. 38–40.
7. Ивановский А. Я., Дубова Е. А. Эвтаназия: проблема, суждения, поиск альтернативы // Вестник Академии медицинских наук СССР. – 1984. – № 6. – С. 76.
8. Моисеева Е. Ю. Право на смерть. Перспективы легализации эвтаназии в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2015. – № 7. – 572 с.
9. Поддубняк А. А., Куртмамбетова С. Правовые и моральные аспекты эвтаназии в современном обществе / А. А. Поддубняк, С. Куртмамбетова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. – Т. 2. № 4 (68). – С. 76–81.
10. Файбишенко Ю. Пока не соткана вся пряжа / Ю. Файбишенко // Медицинская газета. – 1986. – 24 сентября. – С. 5.

11. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят резолюцией 2200 А (XXI) ГА ООН от 16 декабря 1966 года) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol

Poddubniak A., Bekirova R., To the question of the feasibility of the legalization of euthanasia in the territory of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 126–133.

The final recognition at the present stage of the development of civilization, human life as the highest value as the basic idea of humanism, as well as the analysis of achievements and discoveries made in the field of scientific and technical progress, forms completely different perception of euthanasia that were not familiar to the society that existed earlier. Since the sounding of problems in the use of euthanasia in practice, to date, has acquired a completely different sound and significance, the debate over the use of euthanasia in medical practice and its legalization, form one of the topics most in demand for study. Having studied the etymology of the concept of "euthanasia," the stages of its historical development and perception, as well as comprehensive aspects and theories in the field of philosophy, medicine, jurisprudence on the possibility of its implementation and familiarizing with the experience of foreign countries that legalized it, analyzed and summed up the possibility and the feasibility of legalizing euthanasia in the Russian Federation.

Keywords: human life, the value of life, natural and inalienable rights, the right to life, the right to die, euthanasia, killing, mercy killing, "good death", "lightened death", lawful murder, killing from compassion, legalization of euthanasia.

Spisok literaturey

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii" (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ).
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 06.07.2016)
3. Prestupleniya protiv zhizni / Borodin S.V. – M.: YUrist", 2000. - 356 c. (s.52)
4. Borodin S., Glushkov V. Ugolovno-pravovye problemy EHvtanaziya / Sovetskaya yusticiya. №9-10 1992 S. 34.
5. Vul'f S. EHvtanaziya: ne perekhodit' granicu // CHelovek. M., 1993. Vyp. 5. S. 54.
6. Dmitriev YU. A. Zashchita konstitucionnyh prav grazhdan v ugolovnoji konstitucionnoj yusticii // Gosudarstvo I pravo. 1999. №6. S. 38–40.
7. Ivanyushkin A. YA., Dubova E. A. EHvtanaziya: problema, suzheniya, poiskal'ternativy // Vestnik Akademii medicinskih nauk SSSR. 1984. №6. S. 76.
8. Moiseeva E. YU. Pravonasmert'. Perspektivy legalizacii ehvtanazii v Rossijskoj Federacii // Molodoj uchenyj. — 2015. — №7. — S. 569–572.
9. Poddubnyak A. A., Kurtmambetova S. Pravovye I moral'nye aspekty ehvtanazii v sovremennom obshchestve / A.A. Poddubnyak, S. Kurtmambetova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskienauki. – 2016. – Т. 2. № 4 (68). – S. 76–81.
10. Fajbishenko YU. Poka ne sotkanavsya pryazha / YU.Fajbishenko // Medicinskaya gazeta. – 1986. – 24 sentyabrya. – S. 5.
11. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih I politicheskikh pravah (Prinyat rezolyuciej 2200 A (XXI) GA OON ot 16 dekabrya 1966 goda) [EHlektronnyjresurs]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**

УДК 346.12

**ДОГОВОР ОБ УСЛОВИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВОБОДНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЕ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И
ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Буткевич О. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье на основе анализа нормативных правовых актов по созданию и функционированию свободной экономической зоны на территории Крыма и юридической литературы определен порядок заключения договора об условиях деятельности в свободной экономической зоне, исследован предмет этого договора и его особенности. Обращено внимание на то, что в юридической литературе существуют различные точки зрения относительно определения правовой природы договора на осуществление деятельности в свободной и особой экономической зоне, самые распространенные из них: гражданско-правовая, административная, комплексная и др.

Делается вывод, что договор об условиях деятельности в свободной экономической зоне на территории Крыма имеет смешанную правовую природу. Договор фиксирует положение относительно осуществления Участником предпринимательской деятельности. В договоре опосредуются имущественные отношения, удостоверяющие факт вложения инвестиций (обязательства Участника вложить инвестиции на территории свободной экономической зоны в определенных договором форме, объемах и срок и реализовать эти инвестиции путем осуществления определенной предпринимательской деятельности, предусмотренной в инвестиционном проекте). Кроме того, договор фиксирует и организационные моменты, особенности взаимодействия сторон.

Ограничение свободы договора преследует цель – защитить интересы государства, в концентрированном виде выражающего интересы общества. Следовательно, в указанных отношениях имеет место согласование частного и публичного интересов, подчинение автономии воли общественному порядку. Стороны, которые заключают договор, не являются юридически равными, но при заключении договора они находятся в равных условиях, поскольку в Примерном договоре уже указаны их права и обязанности, которые в одностороннем порядке не может изменять ни одна из сторон, а изменение условий договора и установления дополнительных условий осуществляется по взаимному согласию сторон.

Ключевые слова: договор об условиях деятельности в свободной экономической зоне, участник свободной экономической зоны, предмет договора, инвестиционный проект, правовая природа договора, специальный правовой режим предпринимательской деятельности

Одним из основных направлений инвестиционной политики страны является эффективное функционирование особых и свободных экономических зон с целью привлечения национальных и иностранных инвестиций в регионы, успешной реализации инвестиционных проектов в различных сферах и тем самым решения экономических и социальных проблем региона в частности и страны в целом. С этой целью была создана свободная экономическая зона на территории Крыма (далее – СЭЗ на территории Крыма) Федеральным Законом от 29.11.2014 № 377-ФЗ «О развитии

Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [10] (далее – ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма»). Указанная экономическая зона начала свое функционирование с 1 января 2015 г. Организационные, управленческие, экономические отношения, которые складываются в этой СЭЗ, имеют целый ряд особенностей по сравнению с отношениями, складывающимися в особых экономических зонах (далее – ОЭЗ). Такие особенности в первую очередь раскрываются путем исследования содержания специального правового режима предпринимательской деятельности в СЭЗ и правового статуса участников СЭЗ на территории Крыма.

В то же время исследование категории «специальный правовой режим предпринимательской деятельности» и «участник свободной экономической зоны» недостаточно для характеристики особенностей предпринимательской деятельности на территории экономической зоны, поскольку такая деятельность требует определенных форм ее осуществления.

Нормативными правовыми актами определяется правовая форма деятельности участников свободной экономической зоны. Субъекты предпринимательской деятельности, которые намерены реализовать инвестиционный проект в свободной экономической зоне, вступают в договорные отношения с соответствующим уполномоченным органом СЭЗ на территории Крыма и заключают договор об условиях деятельности в СЭЗ (далее – Договор в СЭЗ).

Необходимо обратить внимание, что соглашения о ведении деятельности в особых экономических зонах выступали предметом исследования многих ученых. Исследованию особенностей и выделению существенных условий такого соглашения, определению его правовой природы, выделению проблем прекращения соглашения посвящены работы В. К. Андреева [1], А. В. Гасумяновой [4], В. Н. Лисицы [5], К. С. Свинцовой [6], Л. В. Царевой [9] и др.

СЭЗ на территории Крыма обладает рядом особенностей, одна из которых заключается в том, что для субъектов предпринимательской деятельности, желающих осуществлять такую деятельность на территории СЭЗ и получить статус участника СЭЗ утверждена отдельная форма примерного договора, на основании которой они должны заключать договор с уполномоченным органом. Исходя из того что такой примерный договор в последней редакции был принят сравнительно недавно и в юридической литературе отсутствуют исследования посвященные определению правовой природы договора об условиях деятельности в СЭЗ на территории Крыма, выделение особенностей договора об условиях деятельности в СЭЗ на территории Крыма является крайне актуальным. Поэтому целью данной статьи является анализ нормативных правовых актов по регулированию порядка заключения договора об условиях деятельности в СЭЗ на территории Крыма, определению особенностей указанного договора и его правовой природы, выявлении проблемных аспектов правового регулирования договорных предпринимательских отношений в СЭЗ и предложения путей их решения.

Заключать договор об условиях деятельности в СЭЗ на территории Крыма и осуществлять деятельность в соответствии с ним предусмотрено ч.21 ст.13 ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма». Примерная форма такого договора утверждена Приказом Минэкономразвития России от 18.11.2015 N 859 (ред. от 19.05.2017) «Об

утверждении примерной формы договора об условиях деятельности в свободной экономической зоне» [12] (далее – Примерная форма).

Сторонами рассматриваемого договора являются Уполномоченный орган и Участник. В лице уполномоченного органа выступает высший исполнительный орган государственной власти Республики Крым или высшего исполнительного органа государственной власти города федерального значения Севастополя.

Участником по данному договору могут выступать в соответствии с законом юридические лица и индивидуальные предприниматели, ограничений по организационно-правовой форме коммерческих организаций законом не устанавливается. Законодательством запретов на регистрацию в качестве участников СЭЗ некоммерческих организаций и унитарных предприятий также не устанавливается. В то же время в Примерном договоре в преамбуле, когда речь идет об Участнике, указывается на то что должно быть указано наименование организации и кто от ее имени действует. Данную недоработку необходимо исправить, внося изменения в Примерный договор, чтобы из него было понятно что индивидуальные предприниматели тоже могут быть участниками СЭЗ и стороной такого договора.

Для того чтобы определить предмет Договора в СЭЗ, сначала необходимо обратить внимание на то, когда именно и на каком основании он заключается. Статья 13 ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» говорит о том, что решение о заключении Договора в СЭЗ принимается на основании заявления в письменной форме о заключении такого договора с приложением следующих документов:

- 1) копии учредительных документов (для юридических лиц);
- 2) копии свидетельства о государственной регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя;
- 3) копии свидетельства о постановке на учет в налоговом органе;
- 4) инвестиционной декларации по форме, утвержденной Приказом Минэкономразвития России от 18.11.2015 № 856 (ред. от 29.03.2017).

Уполномоченный орган на основании указанных документов принимает решение о заключении с заявителем договора об условиях деятельности в СЭЗ. Если инвестиционная декларация составлена на сумму свыше 100 миллионов рублей, то документы рассматриваются Экспертным Советом СЭЗ и на основании его решения Уполномоченный орган заключает договор. Таким образом, заключение указанного Договора является своеобразным утверждением инвестиционной декларации и разрешением государства на реализацию соответствующим субъектом предпринимательства инвестиционного проекта на территории СЭЗ.

Необходимо обратить внимание, что само заключение Договора в СЭЗ не является основанием для получения субъектом предпринимательской деятельности налоговых и иных льгот, предусмотренных действующим законодательством. Заключение такого договора является основанием для внесения такого субъекта в единый реестр участников свободной экономической зоны. А уже после внесения в указанный реестр предприниматель получает статус участника СЭЗ и имеет право на применение к нему специального правового режима предпринимательской деятельности при реализации инвестиционного проекта в соответствии с заключенным Договором в СЭЗ. Причем приобретение лицом статуса участника СЭЗ не совпадает с датой заключения договора, поскольку в день заключения договора, его копия

направляется в Минэкономики, которое в течение 3х дней со дня получения вносит запись в единый реестр участников СЭЗ.

Договор заключается на длительный срок, который определяется с учетом срока реализации инвестиционного проекта. Причем срок реализации инвестиционного проекта не может превышать срока, на который создано СЭЗ. Такой вывод можно сделать из анализа положений закона и Примерного договора. СЭЗ на территории Крыма и г. Севастополя создана сроком на 25 лет. Значит, на сегодняшний день, Договор в СЭЗ можно заключать до 31 декабря 2039 года. Минимальные сроки реализации инвестиционного проекта законодательством не устанавливаются, но считается, что они должны быть долгосрочными, поскольку предполагается неоднократное вложения капитала и определенные действия инвестора по реализации проекта.

Договор вступает в силу с момента его подписания и действует до конца срока реализации инвестиционного проекта, что указывается в соответствующем пункте договора.

Договор излагается в форме единого документа, подписанного сторонами и скрепленного печатями. Из анализа норм ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» следует, что неотъемлемой частью договора является инвестиционная декларация, хотя в примерном договоре это прямо не указывается и дается возможность сторонам самостоятельно определить перечень документов, которые прилагаются к договору.

Предмет договора в СЭЗ указывается в Разделе 1 пункте 1.1. Примерного договора путем указания на осуществление Участником предпринимательской и иной деятельности в свободной экономической зоне в соответствии с условиями настоящего Договора с применением особого режима осуществления предпринимательской и иной деятельности в свободной экономической зоне, а также таможенной процедуры свободной таможенной зоны.

Анализ дальнейших пунктов Раздела 1 Примерного договора позволяет сделать вывод о том, что предметом договора в СЭЗ является реализация Участником инвестиционного проекта, который подробно расписан в инвестиционной декларации, прилагаемой к заявлению о заключении договора и являющейся неотъемлемой частью договора.

В научной литературе существуют различные точки зрения относительно определения предмета договора, который заключается в экономических зонах.

В. Н. Лисица предметом договора в ОЭЗ называет промышленно-производственную, технико-внедренческую, туристско-рекреационную или портовую деятельность, которую обязан вести резидент ОЭЗ [5, с. 14].

А. В. Гасумянова рассматривает соглашение об осуществлении предпринимательской деятельности в ОЭЗ как комплексный договор, заключаемый на основе норм Федерального закона об ОЭЗ между резидентами ОЭЗ и органами управления ОЭЗ, устанавливающий взаимные обязательства в целях урегулирования общественных отношений, связанных с осуществлением промышленно-производственной, технико-внедренческой, туристско-рекреационной деятельности и деятельности в портовой ОЭЗ [4, с. 82].

О. Е. Симсон отмечает, что предметом такого договора является вложение инвестором капитала в экономику государства с одной стороны и разрешение в виде

утверждения инвестиционного проекта органом государственного управления на определенных условиях на определенный срок – с другой [7, с. 145].

Ю. Бек считает, что предметом договора являются действия сторон, направленные на реализацию инвестиционного проекта, то есть на осуществление инвестиций в экономической зоне [2, с. 237–238].

Полагаем, что особенности предмета договора об условиях деятельности в экономической зоне, зависят от того как законодатель того или иного государства закрепил его в нормативных правовых актах. Анализ норм ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» о порядке заключения договора и условий Примерного договора позволяет сделать вывод о том, что фактически предметом Договора в СЭЗ является разрешение Уполномоченного органа на реализацию инвестиционного проекта, поскольку решение о заключении договора принимается на основании рассмотрения инвестиционной декларации. Если такая декларация соответствует требованиям действующего законодательства, то принимается решение о заключении договора. Получается, что по такому договору Участник обязуется обеспечить реализацию инвестиционного проекта, предусматривающего, в первую очередь, вложения инвестиций по определенным этапам инвестирования в соответствующем виде, форме и объемах в объект инвестирования и реализовать их в соответствии с инвестиционным проектом.

Обязанности Уполномоченного органа слишком ограничены по отношению к Участнику СЭЗ. Примерный договор содержит только 3 обязанности Уполномоченного органа, которые напрямую не касаются выполнения договора и реализации инвестиционной декларации: направить подписанный договор Участнику, направить копию договора в Министерство экономического развития Российской Федерации для включения Участника в реестр участников СЭЗ, не препятствовать Участнику вести хозяйственную деятельность. При этом другими обязанностями, в соответствии с Примерным договором, Уполномоченный орган не наделяется.

Указанный момент вызывает много вопросов, поскольку, что касается прав Уполномоченного органа, а также прав и обязанностей Участника (которых намного больше, чем обязанностей у Уполномоченного органа), то они не ограничиваются Примерным договором, а также предусматриваются законодательством Российской Федерации.

Если проводить сравнительный анализ с типовым договором, на основании которого заключаются договора в особых экономических зонах России (Приказ Минэкономразвития России от 13.04.2012 № 209 «Об утверждении типовых форм соглашений об осуществлении промышленно-производственной, технико-внедренческой, туристско-рекреационной деятельности и деятельности в портовой особой экономической зоне» [11]), то видно что по данному договору уполномоченный орган, которым выступает Минэкономики имеет целый ряд обязанностей (одной из важных является заключение договора аренды земельного участка и обеспечение проведение экспертизы результатов инженерных изысканий и проектной документации, если это требуется действующим законодательством). Кроме того на Минэкономики возлагаются и другие обязанности, предусмотренные действующим законодательством.

В Договоре о СЭЗ о предоставлении в аренду земельного участка вообще не упоминается. Положение о возможности предоставления земельного участка,

который находится в государственной или муниципальной собственности, необходимого для реализации Договора в аренду без торгов закреплено ч.11 ст.17 ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма». Но кроме как установления возможности получить такой участок без проведения торгов, в обязанность передать такой участок Участнику никому не вменяется, т.е. заключив Договор в СЭЗ Участник должен самостоятельно обращаться к компетентным органам для заключения договора аренды.

Рассматривая особенности Договора в СЭЗ важно определить его правовую природу. В юридической литературе высказывались разные точки зрения относительно правовой природы договора, который заключается в особых экономических зонах, среди которых можно выделить следующие:

1) Гражданско-правовой договор. Данной точки зрения придерживаются В. Н. Лисица и Л. В. Царева. В то же время, придя к выводу о гражданско-правовой природе договора, Л. В. Царева относит его к разновидности гражданско-правовых договоров, непоименованных в Гражданском Кодексе Российской Федерации. В. Н. Лисица, не отрицая гражданско-правовой (предпринимательской) природы этого договора, признает его инвестиционным.

2) Административный договор. К. С. Свинцова считает, что договор о деятельности в ОЭЗ имея публично-правовую природу является административным договором поскольку регулирует специфические правоотношения, которые будучи по сути управленческими, имеют отдельные частноправовые черты [6, с.247].

3) Комплексный характер. А. В. Гасумянова считает, что соглашения о ведении предпринимательской деятельности в ОЭЗ, носят комплексный характер, поскольку обладают чертами, свойственными как договорам в гражданском праве, так и публично-правовым договорам [4, с.80].

4) Специальный режим. В. К. Андреев рассматривает соглашения о ведении предпринимательской деятельности в ОЭЗ не как обязательство, а как урегулированный законом специальный режим осуществления предпринимательской деятельности и характеризует его как решение Правительства о предоставлении резиденту права осуществлять предпринимательскую деятельность на особых более благоприятных условиях [1, с. 247].

Анализируя нормы ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» и Примерного договора, можно прийти к выводу о смешанной правовой природе такого договора.

Законодатель путем принятия ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» и Примерного договора формулирует обязательную для сторон структуру Договора в СЭЗ с целью обеспечения достижения целей создания СЭЗ, защиты действующего в стране хозяйственного правопорядка, а также защиты интересов граждан, в том числе работающих в СЭЗ. Правовые нормы, регулирующие хозяйственные отношения в СЭЗ, отражают общий экономический интерес общества.

Договор в СЭЗ заключается сторонами на основании Примерного договора, утвержденного Приказом Минэкономразвития России от 18.11.2015 N 859 (ред. от 19.05.2017) [12], который устанавливает все существенные условия соответствующего договора. Стороны могут по взаимному согласию предусмотреть определенные особенности, которые не противоречат нормам действующего законодательства и императивным нормам Примерного договора.

Регулирование рассматриваемых договорных отношений, осуществляется как императивными нормами, выражающими волю законодателя через утверждение формы Примерного договора, так и диспозитивными нормами, которые дают возможность сторонам по взаимному согласию установить выбранную модель поведения. Причем, в отличие от императивных норм, исключить действие которых можно только путем отказа от заключения договора, норма диспозитивная допускает признание договора заключенным вне зависимости от отношения сторон к этой норме, т. е. согласны они с ней или отступили от нее [3, с.89].

Договор в СЭЗ фиксирует положение относительно осуществления Участником предпринимательской деятельности. Этапы осуществления такой деятельности предусматриваются инвестиционным проектом, который зафиксирован в инвестиционной декларации, являющейся неотъемлемой частью договора. Отдельные показатели осуществления такой деятельности фиксируются в самом договоре, так в подпункте 1.2 Примерного договора указываются виды деятельности Участника, а в подпункте 1.3 результаты такой деятельности в виде объектов капитального строительства, созданного и модернизированного производства, в подпунктах 1.4 и 1.5. объем капитальных вложений и срок реализации инвестиционного проекта.

Договор в СЭЗ сочетает в себе имущественные и организационные элементы. Такой вывод можно сделать из анализа содержания Примерного договора. В нем опосредуются имущественные отношения, удостоверяющих факт вложения инвестиций (обязательства Участника вложить инвестиции на территории СЭЗ в определенных договором форме, объемах и срок, и реализовать эти инвестиции путем осуществления определенной предпринимательской деятельности, предусмотренной в инвестиционном проекте). Кроме того, договор в СЭЗ фиксирует и организационные моменты, об этом свидетельствуют Раздел 2 Примерного договора, расписывающий особенности взаимодействия сторон.

Субъект предпринимательской деятельности по собственной инициативе заключает Договор в СЭЗ. Он самостоятельно разрабатывает инвестиционный проект и подает инвестиционную декларацию со всем пакетом документов компетентному органу для заключения Договора в СЭЗ. Тем самым субъект по собственной инициативе “входит” в зону интенсивного императивного регулирования.

Для высшего исполнительного органа государственной власти Республики Крым или высшего исполнительного органа государственной власти города федерального значения Севастополя заключения договора в СЭЗ является обязанностью, которая устанавливается законом.

Действующим законодательством ограничивается свобода сторон по определению условий Договора в СЭЗ. Он заключается в соответствии с Примерным договором. Такой Примерный договор представляет собой нормативный акт, который устанавливает обязательные для сторон правила поведения. Он предусматривает все существенные условия договора, хотя дает возможность сторонам предусмотреть определенные особенности, которые не могут противоречить тем, что устанавливаются Примерным договором.

Учитывая вышесказанное, следует отметить, что отношения, которые опосредуются в Договоре в СЭЗ, имеют специфические черты. Поэтому вопрос о том, в какой степени возможно распространение принципа свободы договора на правовое регулирование этих отношений принципиально важно. Ответ на этот вопрос дает

Гражданский кодекс Российской Федерации, который предусматривает ограничения в установленных случаях свободного заключения договора, свободного выбора контрагента и свободного определения сторонами содержания договора.

Ограничение свободы Договора в СЭЗ преследует цель – защитить интересы государства, в концентрированном виде выражающего интересы общества. Следовательно, в указанных отношениях имеет место согласование частного и публичного интересов, подчинение автономии воли общественному порядку, требованиям общего блага. При этом здесь отсутствуют отношения «власть – подчинение», что характерно для административно-правовых отношений. Источником присутствующего в этих договорных отношениях определенного властного элемента является не уполномоченный орган, а требования общественного хозяйственного порядка, которые установлены в ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» и Примерном договоре. Стороны, которые заключают договор, не являются юридически равными, но при заключении Договора в СЭЗ они находятся в равных условиях, поскольку в Примерном договоре уже указаны их права и обязанности, которые в одностороннем порядке не может изменять ни одна из сторон, а изменение условий договора и установление дополнительных условий осуществляется по взаимному согласию сторон. Стороны в данном договоре объединяют свои интересы для достижения общей цели – реализации инвестиционного проекта. Они выступают равными партнерами по этому договору. Но при этом речь идет не о равенстве сторон друг к другу, а о равенстве подчинения сторон общественному экономическому (хозяйственному) порядку, что свойственно хозяйственным отношениям [8, с. 32].

Подводя итог относительно особенностей правового регулирования Договора в СЭЗ, следует сделать вывод, что указанный договор заключается в сфере хозяйствования, между уполномоченным государственным органом и субъектом предпринимательской деятельности, направлен на осуществление предпринимательской деятельности на территории СЭЗ. Этим договором опосредуются организационно-хозяйственные обязательства со значительным имущественным элементом. Указанный договор является долгосрочным. Учитывая то, что в договоре предусматривается не только внесения инвестиций, а реализация инвестиционного проекта, что связано с производственной деятельностью и строительством, данный договор можно отнести к инвестиционным договорам – договорам, которые заключаются между инвестором и иными участниками инвестиционной деятельности и направлены на реализацию любых видов и форм инвестиций с целью получения прибыли и(или) достижения социального эффекта.

Список литературы:

1. Андреев В. К. Предпринимательское законодательство России: научные очерки / В. К. Андреев. – М.: Статут; РАП, 2008. – 368 с.
2. Бек Ю. Договір (контракт) на реалізацію інвестиційного проекту у спеціальній (вільній) економічній зоні України // Проблеми державотворення і захисту прав людини в Україні. Матеріали ІХ регіональної науково-практичної конференції (13–14 лютого 2003 р.). – Львів, 2003. – С. 237–238.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения: Издание дополнительное, стереотипное (5-й завод) / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 2002. – 848 с.
4. Гасумянова А. В. Правовой режим предпринимательства в особых экономических зонах в Российской Федерации / А. В. Гасумянова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 144 с.

5. Лисица В. Н. Правовое регулирование соглашения о ведении деятельности в особых экономических зонах // Бухгалтер и закон. – 2009. – № 9(129). – С. 14–21.
6. Свинцова К. С. О природе соглашения об осуществлении деятельности в особой экономической зоне // Вестник Воронежского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 239–247.
7. Сімсон О. Е. Правові особливості договорів інвестиційного характеру: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О. Е. Сімсон. – Харків, 2001. – 208 с.
8. Хозяйственное право: Учебник / В. К. Мамутов, Г. Л. Знаменский, К. С. Хахулин и др.; Под ред. Мамутова В. К. – К.: Юринком Интер, 2002. – 912 с.
9. Царева Л. В. Правовое регулирование свободных экономических зон в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. Наук / Л. В. Царева. – Минск, 2003.
10. Федеральный Закон от 29.11.2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Приказ Минэкономразвития России от 13.04.2012 № 209 «Об утверждении типовых форм соглашений об осуществлении промышленно-производственной, технико-внедренческой, туристско-рекреационной деятельности и деятельности в портовой особой экономической зоне» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Приказ Минэкономразвития России от 18.11.2015 № 859 (ред. от 19.05.2017) «Об утверждении примерной формы договора об условиях деятельности в свободной экономической зоне» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Butkevich O. Contract on conditions of activity in the free economic zone in the territory of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol as a legal form of implementation of business activity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 134–143.

In the article, based on the analysis of normative legal acts on the creation and functioning of a free economic zone in the territory of the Crimea and legal literature, the procedure for concluding a contract on the conditions of activity in a free economic zone was determined, the subject of this treaty and its features were explored. Attention is drawn to the fact that in the legal literature there are various points of view regarding the definition of the legal nature of the contract for carrying out activities in the free and special economic zone, the most common of them: civil law, administrative, complex.

It is concluded that the contract on the conditions of activity in the free economic zone in the territory of the Crimea has a mixed legal nature. The contract fixes the provision regarding the implementation of the entrepreneurial activity by the Participant. The contract mediates the property relations that certify the fact of investing (the obligations of the Participant to invest in the territory of the free economic zone in the form, volumes and term determined by the contract, and to realize these investments through the implementation of certain entrepreneurial activities provided for in the investment project). In addition, the contract fixes both the organizational aspects and the specifics of the interaction of the parties.

Restriction of freedom of contract pursues the goal - to protect the interests of the state, in a concentrated form expressing the interests of society. Consequently, in these relations there is a coordination of private and public interests, subordination of the autonomy of the will to the public order. The parties that conclude the contract are not legally equal, but at the conclusion of the contract they are on an equal footing, since the Model Contract already indicates their rights and obligations, which unilaterally can not be changed by either party, but a change in the terms of the contract and establishment Additional conditions are implemented by mutual agreement of the parties.

Keywords: contract on the conditions of activity in the free economic zone, participant in the free economic zone, subject of the contract, investment project, legal nature of the contract, the special legal regime of business activity

Spisok literaturyi:

1. Andreev V. K. Predprinimatelskoe zakonodatelstvo Rossii: nauchnyie ocherki. M.: Statut; RAP, 2008. 368 s.
2. Bek Yu. Dogovir (kontrakt) na realizatsiyu investitsynogo proektu u spetsialny (vlnny) ekonomichny zonl Ukraini // Problemi derzhavotvorennya i zahistu prav lyudini v Ukraini. Materiali IX regionalnoyi naukovopraktychnoy konferentsiyi (13-14 lyutogo 2003 r.) Lviv, 2003. – S.237-238.
3. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. Dogovornoe pravo. Kniga pervaya: Obschie polozheniya: Izdanie dopolnitelnoe, stereotipnoe (5-y zavod). – M.: Statut, 2002. – 848 s.
4. Gasumyanova A.V. Pravovoy rezhim predprinimatelstva v osobnykh ekonomicheskikh zonah v Rossiyskoy Federatsii. SPb.: Izd-vo SPbGUEF, 2010. 144 s.
5. Lisitsa V.N. Pravovoe regulirovaniye soglasheniya o vedenii deyatelnoyi v osobnykh ekonomicheskikh zonah. // Buhgalter i zakon. 2009. №9(129) S.14–21.
6. Svintsova K.S. O prirode soglasheniya ob osushchestvlenii deyatelnoyi v osoboy ekonomicheskoy zone // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. №1. S.239-247.
7. Simson O.E. Pravovl osoblivostl dogovorlv investitsynogo harakteru: Dis... kand. yurid. nauk: 12.00.03. – H., 2001. –208 s.
8. Hozyaystvennoe pravo: Uchebnik / V.K. Mamutov, G.L. Znamenskiy, K.S. Hahulin i dr.; Pod red. Mamutova V.K. – K.: Yurinkom Inter, 2002. – 912 s.
9. Tsareva L. V. Pravovoe regulirovaniye svobodnykh ekonomicheskikh zon v Respublike Belarus : avto-ref. dis. ... kand. yurid. nauk. Minsk, 2003.
10. Federalnyy Zakon ot 29.11.2014 g. #377-FZ «O razvitii Kryimskogo federalnogo okruga i svobodnoy ekonomicheskoy zone na territoriyah Respubliki Kryim i goroda federalnogo znacheniya Sevastopolya» [Elektronnyy resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus».
11. Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 13.04.2012 N 209
«Ob utverzhdenii tipovykh form soglasheniy ob osushchestvlenii promyshlenno-proizvodstvennoy, tekhniko-vnedrencheskoy, turistsko-rekreatsionnoy deyatelnoyi i deyatelnoyi v portovoy osoboy ekonomicheskoy zone» [Elektronnyy resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus».
12. Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 18.11.2015 N 859 (red. ot 19.05.2017) «Ob utverzhdenii primernoy formy dogovora ob usloviyakh deyatelnoyi v svobodnoy ekonomicheskoy zone» [Elektronnyy resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus».

УДК 347

КОЛЛИЗИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ О ДИСЦИПЛИНАРНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ САМОРЕГУЛИРУЕМОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА НА СВОИХ ЧЛЕНОВ

Даутия Т. В.

ЧОУ ВО «Современная гуманитарная академия»

В статье проанализированы отдельные положения законодательства о применении саморегулируемой организацией в сфере строительства мер дисциплинарного воздействия в отношении своих членов, исследованы правовые предпосылки их применения, в результате чего выявлена коллизия правовых норм, выраженная в противоречивом указании на содержание и объем запрещения (ограничения), предусмотренного для члена саморегулируемой организации, в различном указании на субъектный состав лиц, к которым может быть применена одна и та же мера воздействия, а также в различном указании на механизм введения соответствующего ограничения для члена саморегулируемой организации. Устранение коллизии правовым норм предложено посредством внесения поправок в Градостроительный кодекс РФ.

Ключевые слова: член саморегулируемой организации, строительство, контроль, ограничение права, мера дисциплинарного воздействия.

Правоотношения между саморегулируемой организацией и ее членами обуславливают сущность саморегулирования в сфере строительства. Достижение одной из главных целей создания саморегулируемых организаций в сфере строительства является предупреждением причинения вреда жизни или здоровью физических лиц, имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, объектам культурного наследия вследствие недостатков работ, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства и выполняются членами саморегулируемых организаций. Осуществление контроля лишь тогда является действенным, когда он подкреплен правомочиями по привлечению проверяемых субъектов к ответственности.

Как справедливо отмечает Петров Д. А., «контроль является публичным средством воздействия на члена саморегулируемой организации, поскольку основан на его субординации, подчиненности самой организации» [1].

Челышев М. Ю. высказывал мнение о том, что контроль является неотъемлемым элементом института саморегулирования и выступает как одна из составных частей управления [2]. Предметом контроля, в первую очередь, выступает выполнение членами саморегулируемой организации возложенных на них обязательств.

Среди обязанностей членов саморегулируемой организации в сфере строительства, присущих именно данной категории субъектов, можно выделить:

-обязанность члена саморегулируемой организации соблюдать требование о членстве только в одной саморегулируемой организации соответствующего вида (проектная, инженерно-изыскательская, строительная);

- обязанность ежегодно уведомлять саморегулируемую организацию в сфере строительства о фактическом совокупном размере обязательств по договорам подряда, заключенным в течение отчетного года с использованием конкурентных способов заключения договора (до 01 марта года, следующего за отчетным), с приложением документов, подтверждающих фактический совокупный размер обязательств данного члена (ч. 4 ст. 55.8 Градостроительного кодекса РФ) [3];

- обязанность самостоятельно рассчитывать и при необходимости увеличивать размер своего взноса в компенсационный фонд обеспечения договорных обязательств, в порядке и сроки, предусмотренные ч. 5-8 ст. 55.8 Градостроительного кодекса РФ;

- обязанность по соблюдению требований законодательства РФ о градостроительной деятельности, о техническом регулировании, включая соблюдение требований, установленных в стандартах на процессы выполнения работ, утвержденных Национальным объединением саморегулируемых организаций (п. 1 ч. 2 ст. 55.13 Градостроительного кодекса РФ);

- члены саморегулируемой организации, по вине которых вследствие недостатков работ по инженерным изысканиям, по подготовке проектной документации, по осуществлению строительства, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства был причинен вред и произведена выплата из средств компенсационного фонда, повлекшая его снижение, а также иные члены саморегулируемой организации в случае снижения размера компенсационного фонда несут обязанности по внесению взноса в компенсационный фонд СРО в целях увеличения размера такого фонда в порядке и до минимального размера, который установлен Градостроительным кодексом РФ, в срок не более чем 3 месяца со дня осуществления выплаты из средств компенсационного фонда. Обязательство по внесению дополнительных взносов членами саморегулируемой организации предусмотрено также при отсутствии виновных действий членов – в случае снижения размера компенсационного фонда в результате обесценения финансовых активов;

- в случае применения в отношении члена саморегулируемой организации в качестве меры дисциплинарного воздействия приостановления права выполнять инженерные изыскания, проектирование, строительство – член саморегулируемой организации обязан исполнять данную меру ограничения своей деятельности, за исключением выполнения таких работ по договорам, заключенным до принятия решения о применении указанной меры дисциплинарного воздействия (ч. 2 ст. 55.15 Градостроительного кодекса РФ).

Остановимся подробнее на последнем выявленном обязательстве члена саморегулируемой организации в сфере строительства.

Действовавшая редакция ст. 55.15 Градостроительного кодекса РФ (до 01 июля 2017 года) предусматривала перечень мер дисциплинарного воздействия, которые могли быть приняты в отношении члена, а именно: вынесение члену предписания об устранении выявленных нарушений в установленные сроки; вынесение члену предупреждения; приостановление действия свидетельства о допуске к выполнению работ, оказывающих влияние на безопасность объектов капитального строительства, в отношении отдельных видов работ или всех, указанных в допуске; прекращение действия свидетельства о допуске к выполнению работ в целом или в отношении отдельных видов работ; исключение из членов. Действующая с 01 июля 2017

года редакция ст. 55.15 Градостроительного кодекса РФ [4] вообще не содержит указания на виды дисциплинарных мер воздействия, которые саморегулируемая организация вправе применять к своему члену. Такой перечень не содержится и в иных положениях Градостроительного кодекса РФ. Статья 55.15 Градостроительного кодекса РФ лишь упоминает приостановление права члена саморегулируемой организации выполнять работы. Полагаем, для разрешения данного вопроса следует обратиться к общим нормам Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [5].

Статья 10 указанного закона предусматривает право специализированного органа саморегулируемой организации (по рассмотрению дел о применении в отношении членов саморегулируемой организации мер дисциплинарного воздействия) в случаях, установленных саморегулируемой организацией, принять решение о применении таких мер дисциплинарного воздействия, как:

- вынесение предписания об устранении нарушений в указанный срок;
- вынесение предупреждения;
- наложение штрафа (штраф является одним из способов пополнения средств компенсационного фонда, поскольку в силу ч. 9 указанной статьи денежные средства, полученные саморегулируемой организацией в виде штрафа, подлежат зачислению в компенсационный фонд);
- рекомендация об исключении лица из членов саморегулируемой организации, подлежащая рассмотрению постоянно действующим коллегиальным органом управления саморегулируемой организации;
- иные установленные внутренними документами саморегулируемой организации меры.

Следовательно, к компетенции саморегулируемой организации в сфере строительства отнесены полномочия по установлению внутренними документами перечня дополнительных мер дисциплинарного воздействия, не предусмотренных ст. 10 Федерального закона «О саморегулируемых организациях», а также перечня оснований, по которым к члену могут быть применены подобные меры.

В новой редакции ст. 55.7 Градостроительного кодекса РФ с 01 июля 2017 года исключен закрытый перечень оснований, по которым член саморегулируемой организации может быть исключен (ранее предусматривалось 6 оснований для исключения), ссылаясь на право саморегулируемой организации в сфере строительства устанавливать такие основания в своих внутренних документах (актуальная редакция ч. 2 ст. 55.7 Градостроительного кодекса РФ).

Вышеизложенное свидетельствует о том, что правомочия саморегулируемой организации с 01 июля 2017 года существенно расширены посредством включения диспозитивных норм, саморегулируемым организациям в сфере строительства представлена большая свобода в принятии внутренних документов, регламентирующих деятельность ее членов.

Исходя из анализа положений ч. 6, ч. 8 ст. 55.8 Градостроительного кодекса РФ, мы приходим к выводу, что приостановление права члена саморегулируемой организации на выполнение работ в сфере строительства не относится к мере дисциплинарного воздействия, поскольку в вышеуказанных положениях идет речь о том, что член саморегулируемой организации в сфере строительства обязан самостоятельно рассчитывать и вносить дополнительный взнос в компенсационный фонд обеспече-

ния договорных обязательств при необходимости увеличения уровня ответственности члена по обязательствам, предусмотренным ч. 11 и ч. 13 Градостроительного кодекса РФ, однако неуплата дополнительного взноса влечет запрет на принятие таким членом участия в заключении новых договоров подряда с использованием конкурентных способов заключения договоров. Часть 7 статьи 55.8 Градостроительного кодекса РФ предусматривает обязанность члена при получении от саморегулируемой организации предписания о необходимости увеличения размера взноса в компенсационный фонд обеспечения договорных обязательств произвести соответствующую доплату в течение 5-ти дней. В части 8 указанной статьи предусмотрено, что ограничение права члена саморегулируемой организации выполнять инженерные изыскания, подготовку проектной документации, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт объектов капитального строительства по договорам подряда, заключенным с использованием конкурентных способов заключения договора, по иным основаниям, не предусмотренным настоящей статьей, не допускается. Следовательно, ограничение на заключение новых договоров, предусмотренное ч.ч. 6–8 ст. 55.8 Градостроительного кодекса РФ, во-первых, осуществляется без каких-либо решений саморегулируемой организации о применении в отношении такого члена меры дисциплинарного воздействия, а просто в силу факта превышения ранее заявленных размеров обязательств по планируемым к заключению договоров (исходя из стоимости работ по одному договору). Ограничение связано с тем, что в случае, если у члена саморегулируемой организации превышен размер ответственности по заключенному договору, размер внесенного им взноса в компенсационный фонд не покрывает его обязательств в случае их неисполнения, что увеличит финансовую нагрузку на остальных членов саморегулируемой организации. Таким образом, данное ограничение является не мерой дисциплинарного воздействия саморегулируемой организацией на своего члена, а ограничением его прав в силу прямого указания закона. Во-вторых, ограничение права заключения новых договоров не исключает возможности такого члена выполнять работы по уже заключенным договорам, или же в качестве субподрядчика, непосредственно не участвуя в заключении новых контрактов с использованием конкурентных способов заключения договоров. В-третьих, данное ограничение касается исключительно члена саморегулируемой организации выполнять инженерные изыскания, подготовку проектной документации, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт объектов капитального строительства по договорам подряда, заключенным с использованием конкурентных способов заключения договора, поскольку речь идет о несоответствии размера взноса в компенсационный фонд обеспечения исполнения обязательств по договорам, заключенным с использованием конкурентных способов заключения договора.

Также формулировка ч. 8 ст. 55.8 Градостроительного кодекса РФ не предполагает каких-либо исключений из установленного объема ограничений ввиду императивности данной нормы.

Анализ ч. 2 ст. 55.15 Градостроительного кодекса РФ, которая упоминает в качестве меры дисциплинарного воздействия приостановку права выполнения инженерных изысканий, проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства, свидетельствует о том, что указанная в ней мера воздействия на члена, во-первых, может быть применена в отношении любых членов саморегулируемой организации, а не только тех, кто заявил

намерение заключать договоры подряда с использованием конкурентных способов заключения договора. Во-вторых, данная статья прямо указывает на факт применения к члену данной меры как меры дисциплинарного воздействия, которая возможна только со стороны саморегулируемой организации и только в рамках осуществления контрольных мероприятий, о применении меры дисциплинарного воздействия должно быть соответствующее решение компетентного органа саморегулируемой организации. В-третьих, ограничение права выполнения вышеперечисленных работ, указанное в ч. 8 ст. 55.8 Градостроительного кодекса РФ, не тождественно ограничению права, предусмотренному ч. 6 той же статьи (ограничение права на заключение новых договоров с использованием конкурентных способов заключения договора нетождественно ограничению права выполнения работ в сфере строительства): ограничение права выполнения работ в сфере строительства по договорам подряда, заключенным с использованием конкурентных способов заключения договора (ч. 8 ст. 55.8 Градостроительного кодекса РФ), понятие более узкое, чем приостановление права выполнения работ в сфере строительства (ч. 2 ст. 55.15 Градостроительного кодекса РФ).

В связи с тем, что положения Градостроительного кодекса РФ как специального закона не содержат норм, закрепляющих виды мер дисциплинарной ответственности, которые саморегулируемая организация в сфере строительства вправе применить к своим членам, а также ввиду того, что ч. 4 ст. 10 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» вообще не предусматривает данное ограничение в качестве меры дисциплинарного воздействия, а также, несмотря на то, что в положениях ч. 2 ст. 55.15 Градостроительного кодекса не конкретизирован вид члена саморегулируемой организации (с указанием на заключение таким членом договоров подряда именно с использованием конкурентных способов), мы полагаем, что в ч. 6, ч. 8 ст. 55.8 Градостроительного кодекса РФ и в ч. 2 ст. 55.15 Градостроительного кодекса РФ речь идет об одном и том же юридическом факте, влекущем для члена саморегулируемой организации определенные негативные последствия как следствие неисполнения своих обязательств.

Все вышесказанное свидетельствует о коллизии правовых норм ввиду нарушения законодателем юридической техники и выражается в противоречивом указании на содержание и объем запрещения (ограничения), предусмотренного для члена саморегулируемой организации, в различном указании на субъектный состав лиц, к которым может быть применена одна и та же мера воздействия, а также в различном указании на механизм введения соответствующего ограничения для члена саморегулируемой организации, что, безусловно, приведет к неоднозначности в правоприменении положений ч. 6, ч. 8 ст. 55.8 и ч. 2 ст. 55.15 Градостроительного кодекса РФ.

Список литературы:

1. Петров Д. А. Контрольная функция саморегулируемых организаций: содержание и проблемы осуществления // Конкурентное право. – 2014. – №1. – С. 30–352.
2. Чельшев М. Ю. О некоторых тенденциях развития гражданско-правовой отрасли и динамике системы межотраслевых связей гражданского права // Российская юстиция. – 2008. – № 11. – С. 8.
3. Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 16.
4. Федеральный закон от 03.07.2016 № 372-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 04.07.2016, № 27 (часть II), ст. 4305
5. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О саморегулируемых организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2016) // «Собрание законодательства РФ», 03.12.2007, № 49, ст. 6076.

Dautiya T. V. Conflict of Laws on Non-Judicial Punishment of the Self-Regulating Organization in Construction on its Members // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 144–149.

The article analyzes some provisions of the legislation on the use of self-regulatory organization in the construction industry of disciplinary measures against its members, explored the legal prerequisites for their application resulting in a conflict of laws which is expressed in contradictory indication of the content and scope of the restriction of the right (prohibition) specified for the member of a self-regulatory organization for different subjective composition of persons to whom the same disciplinary measure can be applied and also different control for an appropriate restriction for the member of a self-regulatory organization. The conflict-resolution of laws proposed to be done through amendments to the Town Planning Code of the Russian Federation.

Key words: the member of self-regulating organizations, construction, control, restriction of the right, disciplinary measure.

Spisok literaturey:

1. Petrov D. A. Kontrol'naya funkciya samoreguliruemym organizacij: sodержanie i problemy osushchestvleniya // Konkurentnoe pravo.–2014.–№1.–С. 30–352.
2. Chelyshev M. YU. O nekotoryh tendencyah razvitiya grazhdansko-pravovoj otrasli i dinamike sistemy mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava // Rossijskaya yusticiya. – 2008. – № 11. – S. 8.
3. Gradostroitel'nyj kodeks RF ot 29.12.2004 N 190-FZ (red. ot 29.12.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2018) // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 03.01.2005, N 1 (chast' 1), st. 16.
4. Federal'nyj zakon ot 03.07.2016 N 372-FZ (red. ot 28.12.2016) «O vnesenii izmenenij v Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 04.07.2016, N 27 (chast' II), st. 4305.
5. Federal'nyj zakon ot 01.12.2007 N 315-FZ (red. ot 03.07.2016) «O samoreguliruemym organizacijah» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2016) // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 03.12.2007, N 49, st. 6076.

УДК 346.9

К ВОПРОСУ КОДИФИКАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Елькина Т. В., Дубко Е. Д.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье определены основные точки конфронтации и аргументы сторон, в том числе и иностранных ученых, проведен краткий обзор практики принятия подобного рода кодексов в странах СНГ и ближнего зарубежья. Указывается на то, что дискуссии среди ученых-юристов по поводу необходимости принятия в России Хозяйственного кодекса имели место в начале 90-х годов XX века и не утихают до сих пор. Представители школы хозяйственного права видят в принятии Хозяйственного кодекса путь к укреплению и росту отечественной экономики, цивилисты же, напротив, неустанно напоминают об угрозе раскола отечественной системы права вопреки устоявшимся канонам дуализма частного права.

Ключевые слова: хозяйственный кодекс, предпринимательский кодекс, коммерческий кодекс, торговый кодекс, дуализм частного права.

Тема кодификации предпринимательского законодательства в России до сих пор остается дискуссионной и часто обсуждаемой в научных кругах. Конфронтация цивилистов и хозяйственников по поводу целесообразности принятия в России Хозяйственного (как один из вариантов названия – Предпринимательского) кодекса берет свои начала еще в далеком 1994 году [1], накануне принятия Части первой ГК РФ. Вполне вероятно, что полемика по этому поводу имела место и ранее. Тем не менее научное осмысление данного вопроса не теряет своей актуальности и сейчас. Предметом исследования являются мнения ученых (как отечественных, так и зарубежных) о принятии в современной России Хозяйственного кодекса, а также краткий обзор практики принятия подобного рода нормативных актов в странах постсоветского пространства.

Среди всех стран, ранее входивших в состав СССР, только на Украине и в Казахстане на данный момент действуют законодательные кодифицированные акты, регулирующие материальные отношения общества в сфере хозяйственной деятельности – Хозяйственный кодекс Украины [2] и Предпринимательский кодекс Республики Казахстан [3]. Коммерческий кодекс Эстонии [4], на наш взгляд, имеет иную правовую природу и не может быть приведен в качестве примера кодифицированного акта, регулирующего хозяйственные отношения, так как его содержание охватывает по большей части положения о праве на информацию, регистрах и статистике.

В Армении до 1 января 1999 года действовал Закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [5], устанавливавший основы предпринимательской деятельности, права и обязанности предпринимателей, организационно-правовые категории, основы создания, деятельности предприятий и ее прекращения.

Однако впоследствии нормы данного закона были полностью инкорпорированы в ГК РА, а сам закон утратил силу.

Следует отметить, что тенденция к правовой «унификации» имеет место не только за рубежом, но и довольно часто находит свои проявления в отечественном правовом поле. Чего стоит одно упоминание об уже одобренной решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ «Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [6]. По мнению участников круглого стола, принятие единого ГПК РФ призвано устранить существующие в гражданском и арбитражном процессе противоречия, в том числе решить многие правовые коллизии. Думается, что вопрос о предстоящем объединении действующих ГПК РФ и АПК РФ возник в связи с упразднением ВАС РФ и передачей его функций ВС РФ в 2014 году.

Явление дуализма кодификации оценивается учеными-юристами неоднозначно. Так, представляется весьма конструктивной критика М. К. Сулейменова относительно принятия в Казахстане Предпринимательского кодекса. Еще за четыре года до вступления в силу вышеупомянутого акта, М. К. Сулейменов максимально лаконично выразил точку зрения подавляющего большинства казахстанских цивилистов о принятии Предпринимательского кодекса: «Принятие его потребует перестройки всей сложившейся системы регулирования экономических отношений, приведет к усложнению законодательства, дублированию норм и, в конечном счете, к развалу сложившейся и устоявшейся системы частного права» [7, с. 25].

Аналогичной точки зрения касательно дуализма кодификации придерживается и отечественный ученый В. А. Дозорцев. По его словам, «дуализм кодификации правового регулирования имущественных отношений в любом варианте на современном этапе был бы ошибкой. Сейчас ведущим является начало интеграции, обобщений, а не дифференциации. Процесс дифференциации правомерен в отношении отдельных институтов, а не законодательства в целом. Попытки дифференцировать правовые принципы, относящиеся к системе законодательства об имущественных отношениях в целом, противоречат объективным закономерностям и обречены на провал» [1, с. 121].

К слову, одним из аргументов в пользу принятия в России Хозяйственного кодекса сторонники хозяйственной школы видят благотворную практику принятия подобных актов в зарубежных странах. Данная линия четко прослеживается в трудах Белых В. С. и, на наш взгляд, нелишней будет следующая цитата: «Я считаю, что было бы хорошо, если был бы принят Кодекс о предпринимательстве (пусть и не предпринимательский кодекс). Такой кодекс принят в Чехии, Казахстане, на Украине и в других государствах, которые регулируют вопросы предпринимательства» [8, с. 7].

Что же по этому поводу думают ученые западноевропейских государств, во многих из которых и по сей день имеют юридическую силу принятые в эпоху Вильгельма II и Наполеона Бонапарта Германский торговый кодекс и Коммерческий кодекс Франции?

Доктор права, профессор Бременского университета Р. Книпер считает, что ни в коем случае не стоит смешивать западноевропейские законы, представляющие собой чистое частное право, с хозяйственными кодексами постсоветского типа, в ко-

торых сознательно смешивают частное и экономическое административное право [9, с. 35].

Р. Книпер акцентирует внимание на том, что в условиях существования наряду с гражданским кодексом различных законов, регулирующих типы хозяйственных обществ, законов о банкротстве, о конкуренции, о ценных бумагах, о публичном реестре и т. д., принятие нового хозяйственного кодекса приведет лишь к путанице [9, с. 37].

В то же время, В. А. Лаптев видит в кодификации предпринимательского законодательства тенденцию положительную и в своих доводах апеллирует к принятому 31 декабря 2014 г. ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», который содержит не только нормы-регуляторы, но также методы и принципы управления промышленностью. По мнению В. А. Лаптева, данные обстоятельства свидетельствуют о неизбежных процессах кодификации норм права, регулирующих предпринимательскую деятельность в России [10, с. 55]. Данной точке зрения корреспондирует содержание трудов В. В. Лаптева [11], И. В. Ершовой [12] и И. В. Дойникова [13]. В частности, И. В. Дойников находит в принятии Хозяйственного кодекса в России путь надлежащего обеспечения государственной стратегии экономической безопасности страны и обращает внимание, что современная концепция хозяйственного права (положенная в основу проекта Хозяйственного кодекса) способна прекратить цивилистический экспансионизм частного права, игнорирующий необходимость публично-правового регулирования экономики [13]. И. В. Ершова и вовсе выражает недоумение относительно отторжения властями идеи разработки Хозяйственного кодекса России, несмотря на очевидный, по ее мнению, вывод о необходимости регулирования комплексных по своей сути предпринимательских отношений комплексными законодательными актами. Также И. В. Ершова указывает на проявления фрагментарности и бессистемности в текущем развитии предпринимательского законодательства [12, с. 3].

Имеются основания полагать, что в сложившейся ситуации важно четко уяснить разграничение понятий «кодексы» и «кодифицированные законодательные акты».

В данном случае уместно пояснение А. С. Пиголкина: «Кодификация – это форма совершенствования законодательства по существу, и ее результатом является новый сводный законодательный акт стабильного содержания (кодекс, положение, устав и т. д.), заменяющий ранее действовавшие нормативные акты по данному вопросу. В частности, в России к кодифицированным актам относят, помимо кодексов, основы законодательства, а также сводные федеральные законы, объединяющие, как правило, более узкую группу правовых норм, но с четко определенным предметом регулирования» [14]. Следовательно, кодифицированный акт и кодекс – понятия нетождественные и соотносятся как целое и частное соответственно.

Таким образом, напрашивается вывод о нецелесообразности принятия Хозяйственного кодекса в текущих политико-правовых реалиях России по нескольким причинам. Во-первых, практику принятия в постсоветских государствах – Украине и Казахстане – подобного рода нормативных актов с трудом можно назвать положительной. Например нормы ХКУ и ГКУ, регулирующие ряд общественных отношений, нередко противоречат друг другу [7]. Во-вторых, обоснованным выглядит утверждение Дозорцева В. А. о том, что введение Хозяйственного кодекса сильно затруднило бы осуществление международного экономического сотрудничества.

Например, практически неизбежно возникновение проблем с применением норм хозяйственного права к иностранцам [1]. В-третьих, идея принятия Хозяйственного кодекса явно идет в разрез с современной тенденцией к «унификации» отечественного законодательства. Как отмечает Р. Книпер, правовая гарантия и стабильность права – большие ценности, которые легко могут пострадать в результате постоянных нововведений [9].

Список литературы

1. Дозорцев В. А. Один кодекс или два? (Нужен ли Хозяйственный кодекс наряду с Гражданским?) / В. А. Дозорцев // Правовые проблемы рыночной экономики в Российской Федерации. Труды. – М.: Изд-во Ин-та законодательства и сравн. Правоведения. – 1994. – № 57. – С. 115–143
2. Господарський кодекс України [Электронный ресурс] : Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2003, № 18, № 19-20, № 21-22, ст.144, ред. от 06.01.2018 – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/436-15>.
3. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V, ред. от 09.01.2018 – Режим доступа: <http://online.zakon.kz/>.
4. Коммерческий кодекс Эстонии [Электронный ресурс] : ред. от 01.09.1995 – Режим доступа: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13334866?leiaKehtiv>.
5. О предприятиях и предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] : Закон Республики Армения 14 марта 1992 года №НС-0510-1-ЗР-11, ред. от 09.06.1997 – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3030.
6. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/.
7. Сулейменов М. К. Хозяйственный (предпринимательский) кодекс: улучшение законодательной системы или ее развал? / М. К. Сулейменов // ЮРИСТ. – 2011. – № 7. – С. 22–30.
8. Белых В. С. Нужен ли кодекс о предпринимательстве? / Белых В. С. // Статус. – 2012. – № 5.1 (15). – С. 7.
9. Книпер Р. Скептические замечания по поводу необходимости разработки Хозяйственного кодекса / Р. Книпер // Российское право (77). – 2011. – № 6 – С. 34–37
10. Лаптев В. А. Источники регулирования предпринимательско-правовых отношений [Текст] : тенденции и пути совершенствования / В. А. Лаптев. // Государство и право. – 2016. – № 6. – С. 52–60.
11. Лаптев В. В. О некоторых проблемах предпринимательского (хозяйственного) права / В. В. Лаптев // Современные проблемы предпринимательского (хозяйственного) права. – М, 2011. – С. 6–16.
12. Ершова И. В. Предпринимательское право: равнодушный взгляд / И. В. Ершова // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». – 2012. – № 2. – С. 2–9.
13. Дойников И. В. О проекте предпринимательского (хозяйственного) кодекса / И. В. Дойников // Бизнес, менеджмент и право. – 2006. – № 3.
14. Систематизация законодательства в Российской Федерации / Абрамова А. И., Мицкевич А. В., Пиголкин А. С., Пилипенко А. Н. [и др.]; под ред.: А. С. Пиголкин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 382 с.

Elkina T., Dubko E. To the question of кодификации of enterprise legislation in Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 150–154.

The basic points of confrontation and arguments of parties are certain in the article, including foreign scientists, the brief review of practice of acceptance of similar sort of codes in countries the CIS and near foreignness is conducted. Specified on that discussions among scientists-lawyers concerning the necessity of acceptance for Russia of the Economic code took place at the beginning of 90th of XX of century and does not calm down until now. The representatives of school of economic right see in the acceptance of the Economic code a way to strengthening and height of domestic economy, specialist in civil law, opposite, tirelessly remind about the threat of dissidence of the domestic system of right despite withstand canons two fold division of private law.

Key words: economic code, enterprise code, commercial code, trade code, two fold division of private law.

Spisok literatury

1. Dozortsev V. A. Odin kodeks ili dva? (Nuzhen li Hozyaystvennyiy kodeks naryadu s Grazhdanskim?) / V. A. Dozortsev // Pravovyye problemy ryinochnoy ekonomiki v Rossiyskoy Federatsii. Trudy. – M.: Izd-vo Inta zakonodatelstva i sravn. Pravovedeniya. – 1994.–№ 57. – S. 115–143
2. Gospodarskiy kodeks UkraYini [Elektronnyiy resurs] : VIdomostI VerhovnoYi Radi UkraYini (VVR), 2003, № 18, № 19-20, № 21-22, st.144, red. ot 06.01.2018 – Rezhim dostupa: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/436-15>.
3. Predprinimatelskiy kodeks Respubliki Kazahstan [Elektronnyiy resurs] : Kodeks Respub-liku Kazahstan ot 29 oktyabrya 2015 goda № 375-V, red. ot 09.01.2018 – Rezhim dostupa: <http://online.zakon.kz/>.
4. Kommercheskiy kodeks Estonii [Elektronnyiy resurs] : red. ot 01.09.1995 – Rezhim dostupa: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13334866?leiaKehtiv>.
5. O predpriyatiyah i predprinimatelskoy deyatelnosti [Elektronnyiy resurs] : Zakon Respub-liku Armenii 14 marta 1992 goda №NS-0510-1-ZR-11, red. ot 09.06.1997 – Rezhim dostupa: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3030.
6. Kontseptsiya edinogo Grazhdanskogo protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federa-tsii[Elektronnyiy resurs] : odobrena resheniem Komiteta po grazhdanskomu, ugolovnomu, arbitrazhnomu i protsessualnomu zakonodatelstvu GD FS RF ot 08.12.2014 № 124(1) – Re-zhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/.
7. Suleymenov M. K. Hozyaystvennyiy (predprinimatelskiy) kodeks: uluchshenie zakonodatelnoy sistemy ili ee razval? / M. K. Suleymenov // YuRIST. – 2011. – №7. – S. 22–30.
8. Belyih V. S. Nuzhen li kodeks o predprinimatelstve? / Belyih V. S. // Status. – 2012. – №5.1 (15). – S. 7.
9. Kniper R. Skepticheskie zamechaniya po povodu neobhodimosti razrabotki Hozyaystvennogo kodeksa / Kniper R. // Rossiyskoe pravo (77) 2011. №6 – S. 34–37.
10. Laptev V. A. Istochniki regulirovaniya predprinimatelsko-pravovyih otnosheniy [Tekst] : tendentsii i puti sovershenstvovaniya / V. A. Laptev. // Gosudarstvo i pravo. – 2016. – № 6. – S. 52–60.
11. Laptev V. V. O nekotoryih problemah predprinimatelskogo (hozyaystvennogo) prava / V. V. Laptev // Sovremennyye problemy predprinimatelskogo (hozyaystvennogo) prava. – M, 2011. –S. 6–16.
12. Ershova I. V. Predprinimatelskoe pravo: neravnodushnyiy vzglyad / I. V. Ershova // Predprinimatelskoe pravo. Prilozhenie "Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom". – 2012. – № 2. – S. 2–9.
13. Doynikov I. V. O proekte predprinimatelskogo (hozyaystvennogo) kodeksa / I. V. Doynikov // Biznes, menedzhment i pravo. – 2006. – №3.
14. Sistematizatsiya zakonodatelstva v Rossiyskoy Federatsii / Abramova A. I., Mitskevich A. V., Pigolkin A. S., Pilipenko A. N. [i dr.]; pod red.: A. S. Pigolkin. – S.-Pb.: Yurid. tsentr Press, 2003. – 382 c.

УДК 347.7

СООТНОШЕНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ТАЙНЫ

Карая А. В., Дубко Е. Д.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье проанализированы признаки информации, которая относится к коммерческой тайне. Устанавливается, что коммерческая тайна как юридически значимый вид информации является объектом общественных отношений относительно ее использования и защиты, которые приобретаются в результате урегулирования правом характера правоотношений. Выделение коммерческой тайны как самостоятельного объекта прав субъектов хозяйственных правоотношений обусловлено как ее коммерческой значимостью, ценностью и участием в товарном обороте, так и необходимостью ее защиты. Исследованы доктринальные положения относительно определения понятий и признаков служебной и банковской тайн. Выявлено, что указанные виды являются самостоятельными правовыми категориями. Их разграничение является обоснованным, поскольку каждый из них защищает разные виды информации.

Ключевые слова: коммерческая тайна, служебная тайна, налоговая тайна, обладатель информации, режим коммерческой тайны.

Анализ данной тематики имеет существенное значение для повышения эффективности хозяйственного законодательства и развития науки предпринимательского права в виду практической потребности в регламентации определенной группы общественных отношений, которые возникают в связи с коммерческой тайной и не урегулированы нормами права. А с развитием предпринимательства в России и усилением экономической конкуренции на товарных рынках приведение законодательства в соответствие с рыночной экономикой, в которой функционирует институт коммерческой тайны, является необходимым условием.

Коммерческая тайна как юридически значимый вид информации является объектом общественных отношений, которые относительно ее использования и защиты возникают в результате урегулирования правом характера правоотношений. При этом выделение коммерческой тайны как самостоятельного объекта прав субъектов хозяйственных правоотношений обусловлено как ее коммерческой значимостью, ценностью и участием в товарном обороте, так и необходимостью ее защиты.

Для должного урегулирования коммерческой тайны на законодательном уровне целесообразно установить признаки информации, которая относится к коммерческой тайне, а также размежевать ее с другими видами информации.

Принимая во внимание то, что охраняемая правом коммерческая тайна не может существовать вне субъектов ведения хозяйства, а отношения, которые складываются в связи с коммерческой тайной, неразрывно связанные с

предпринимательской сферой, совокупность правовых норм, которые регулируют эти отношения, следует считать институтом предпринимательского права.

Институт коммерческой тайны субъекта предпринимательской деятельности – это совокупность правовых норм, которые регулируют отношения, возникающие в связи с коммерческой тайной хозяйствующих субъектов, в том числе отнесение информации к коммерческой тайне, определение режима ее конфиденциальности, порядка получения, хранения, использования коммерческой тайны другими лицами.

Субъект предпринимательской деятельности – обладатель коммерческой тайны – имеет, в частности, следующие правомочия:

1) устанавливать, изменять и отменять режим коммерческой тайны в соответствии с законом;

2) использовать коммерческую тайну в хозяйственной деятельности, передавать другим лицам на основании договоров, а также предоставлять разрешение на ее включение в хозяйственное обращение другими способами;

3) защищаться в установленном порядке от деяний (действий или бездействий) других лиц, которые нарушают установленный в соответствии с законодательством режим коммерческой тайны или создают угрозу нарушения такого режима.

Под режимом коммерческой тайны следует понимать систему правовых, организационных, технических и других мер, применяемых обладателем коммерческой тайны относительно обеспечения ограниченного доступа к соответствующей информации.

При регулировании отношений по определению и охране коммерческой тайны должен соблюдаться определенный баланс частных интересов хозяйствующих субъектов и публичных интересов. Исходя из этого, определяя перечень сведений, которые составляют эту тайну, субъекту следует учитывать как законодательные ограничения, так и собственные интересы.

Среди ученых-юристов нет единства мнений относительно признаков коммерческой тайны.

Некоторые ученые считают, что квалифицирующим признаком сведений, которые содержат коммерческую тайну, является возможность причинения материального вреда или моральных убытков предприятию [1, с. 12].

Н. О. Саниахметова считает, что необходимые критерии информации для отнесения ее к коммерческой тайне с целью ее защиты законодательством следующие: информация не известна общественности; владелец информации способен получать прибыль из этой информации; информация является полезной; владелец информации принимает меры для ее защиты [2, с. 209; 3, с. 971].

Ученые-специалисты в сфере интеллектуальной собственности называют среди характерных черт коммерческой тайны следующие:

1) коммерческая тайна не является государственной тайной, не охраняется авторским правом или правом на объекты промышленной собственности, которая делает ее достаточно уязвимой перед недобросовестным использованием;

2) недобросовестное использование коммерческой тайны может нанести непоправимый вред коммерческой деятельности предприятия;

3) коммерческая тайна не может относиться к негативной деятельности предприятия, которое может нанести существенный вред обществу [4, с. 40–41].

При таком понимании признаков коммерческой тайны смешиваются собственно ее признаки и, напротив, нехарактерные для нее черты, а также требования, которые предъявляются к ней. Так, то, что сведения не являются государственной тайной, не охраняются авторским правом или правом на объекты промышленной собственности, не характеризует собственно коммерческую тайну, поскольку отмеченная информация не относится к такой. Что же касается того, что коммерческая тайна не должна относиться к негативной деятельности и наносить вред интересам общества, то это не признаки, а требования, сформулированные законодателем.

Наибольшее количество признаков названо А. Шварцманом, по мнению которого для того, чтобы считаться такой, коммерческая тайна должна реально существовать и характеризоваться следующими основными как общеизвестными, так и дополнительными признаками: иметь необходимую степень защищенности и невозможности отгадывания (дешифровка) со стороны похитителей или нарушителей конфиденциальности; желательно иметь способность к воссозданию (передаче, продаже, тиражированию); не противоречить общепринятым нормам морали, гуманизма и права, а ее опубликование или засекречивание не должно нанести вреда обществу [5, с. 50].

Следует отметить, что вряд ли такие названные автором признаки как невозможность дешифровки или способность к воссозданию следует признавать обязательными признаками именно коммерческой тайны. Обозначение ряда дополнительных признаков не обязательно свойственны коммерческой тайне, они искусственно суживают это понятие [6, с. 36].

По мнению некоторых ученых, для коммерческой тайны характерно то, что она: реально или потенциально создает преимущества в конкурентной борьбе; из всей собственности предприятия, в том числе и имущественной, может быть наиболее ценной; со временем может терять свою стоимость, если не будет использована [7, с. 29]. Эти признаки не могут считаться характерными для коммерческой тайны, поскольку некоторые из них не являются обязательными (например, возможность терять свою стоимость), а другие свойственны не только коммерческой тайне, но и другим видам информации (например, создавать преимущества в конкурентной борьбе).

Исходя из легального определения коммерческой тайны в законодательстве России, коммерческой тайне свойственны такие признаки.

Первым признаком является то, что информация имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность для определенного лица вследствие ее неизвестности третьим лицам.

По мнению С. Е. Жилинского, это значит, что информация не только новая, оригинальная, но и имеет в настоящее время или может приобрести в будущем потребительскую стоимость, то есть является товаром, представляет интерес для субъектов коммерческой деятельности, может выступать в качестве предмета купли-продажи, обмена или другого обращения на рынке [8, с. 184].

В соответствии с этим признаком из числа сведений, которые могут составлять коммерческую тайну, исключаются те из них, которые не представляют никакого интереса для третьих лиц, которые не могут быть использованы ими для

достижения своих целей, которые бы никто не приобрел, если бы они были предложены к продаже.

Выделение этого признака в качестве характерного для коммерческой тайны иногда вызывает отрицание в литературе.

Например, Е. Гаврилов считает, что этот признак не может и не должен применяться как условие для предоставления правовой охраны. Ценность информации устанавливается лишь в ходе ее использования. К началу фактического использования ценность информации нельзя определить. Поэтому автор считает, что ценность информации не может быть условием предоставления правовой охраны [9, с. 29–30].

При этом отметим, что сам факт отнесения информации к коммерческой тайне уже подтверждает наличие такой ценности для ее обладателя.

Вторым признаком является то, что к информации, которая составляет коммерческую тайну, нет свободного доступа на законном основании.

Если соответствующая информация может быть получена законным образом любым заинтересованным лицом, она коммерческой тайной не признается.

Третьим признаком коммерческой тайны является принятие владельцем информации мер по охране ее секретности. К ним могут быть отнесены разнообразные меры технического, организационного и юридического характера, направленные на то, чтобы отграничить информацию от несанкционированного доступа третьих лиц.

В доктрине подчеркивается значение этого признака коммерческой тайны. По справедливому утверждению Г. Малышевой, если предприятие не предпринимает соответствующих мер для сохранения в тайне информации, которая является для него предметом коммерческой тайны, то в случае ее утечки (в результате, например, промышленного шпионажа) оно избавляется от возможности защиты своих прав с использованием специальных правоохранительных средств, другими словами – права на судебную защиту [10, с. 21].

Поиски как доктринального, так и законодательного определения коммерческой тайны не представляют особой сложности. Так, М. А. Егорова определяет коммерческую тайну как особый вид запретительного правового режима. Информация, составляющая коммерческую тайну, непременно обладает специфическим свойством – способностью к увеличению выгоды от коммерческой деятельности, в случае если такая информация скрыта. И наоборот, если подобного рода информация раскрыта, разглашена или неправомерно использована, ее владелец лишается возможности получить то, на что он мог рассчитывать при условии сохранения коммерческой тайны [11, с. 267]. Законодательное определение коммерческой тайны содержится в п. 1 ст. 3 ФЗ «О коммерческой тайне» и выглядит следующим образом: «Коммерческая тайна – режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду» [12].

С учетом вышеуказанных признаков можно провести разграничение коммерческой тайны от других, подобных ей, видов тайн, в частности, служебной и банковской тайны.

Безусловно, ограничение доступа к отдельным видам информации, будь то информация ограниченного служебного пользования, информация, представляющая государственную или же коммерческую тайну, – действенный способ обеспечения информационной безопасности в стране. Вопрос сравнительного анализа отдельных правовых режимов информации между собой приобретает сегодня особую актуальность ввиду несоответствия уровня развития отечественной нормативно-правовой базы динамично развивающимся отношениям в информационной среде. Для соотношения понятий коммерческой и служебной тайны мы предлагаем следующие критерии: определение в правовой доктрине и законодательная дефиниция; право на установление соответствующего режима; субъектный состав.

С определениями служебной тайны дела обстоят несколько иначе. На сегодняшний день не существует ни законодательного определения служебной тайны, ни специального нормативного правового акта, хотя бы в малой степени регламентирующего правоотношения, объектом которых является служебная тайна. Справедливым представляется мнение Г. Г. Камаловой о том, что отсутствие легального определенного законом понятия «служебная тайна» является пробелом в законе, а отсутствие вышеупомянутого закона – пробелом в праве [13]. Тем не менее проект специального закона о служебной тайне существует. Он был внесен несколькими депутатами ГД ФС РФ, среди которых В. В. Бобырев, А. Н. Волков, еще в 2004 году. Однако проект был отклонен ГД ФС РФ и снят с рассмотрения. Лишь в одном подзаконном акте дается весьма ограниченная, по мнению К. Е. Лукичева, норма-дефиниция «служебной тайны» [70]. Исходя из смысла п. 3 Перечня сведений конфиденциального характера, утвержденного Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера», служебная тайна – это служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами. Действительно, до принятия ФЗ «О коммерческой тайне» понятиям служебной и коммерческой тайны была посвящена ст. 139 ГК РФ. В п. 17 ст. 17 ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» ст. 139 ГК признается утратившей силу. Согласно Положению о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 1233, к служебной тайне относится несекретная информация, касающаяся деятельности организаций, ограничения на распространение которой диктуются служебной необходимостью.

Сам же К. Е. Лукичев предлагает следующее определение служебной тайны: «Это охраняемая законом конфиденциальная информация о деятельности государственных органов, доступ к которой ограничен в силу служебной необходимости, а также ставшая известной в государственных органах и органах местного самоуправления только на законном основании» [14].

В соответствии с ч. 1 ст. 4 ФЗ «О коммерческой тайне» право на отнесение информации к информации, составляющей коммерческую тайну, и на определение перечня и состава такой информации принадлежит обладателю информации. В п. 5 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» законодатель раскрывает понятие обладателя информации – это лицо,

самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам. Касательно права установления режима «служебной тайны» однозначной позиции законодателя нет.

Исходя из полного названия Положения, утвержденного Постановлением Правительства № 1233, можно сделать вывод, что только в рамках деятельности федеральных органов исполнительной власти возможно введение в отношении информации режима служебной тайны. Вопрос о правовом регулировании служебной тайны в органах государственной власти субъектов РФ и органах местного самоуправления остается неразрешенным из-за явного «пробела в законе».

Правом доступа к информации, отнесенной к коммерческой тайне, обладатель информации вправе наделить любое лицо – п. 3 ч. 2 ст. 6.1 ФЗ «О коммерческой тайне». В установленных законом случаях органы государственной власти и местного самоуправления имеют право получить доступ к коммерческой тайне без согласия обладателя информации.

К лицам, имеющим право на доступ к служебной тайне, К. Е. Лукичев относит всех служащих, которые работают в органах законодательной, исполнительной и судебной власти, а также в подведомственных им предприятиях, учреждениях и организациях. То есть граждане, осуществляющие профессиональную служебную деятельность на соответствующей должности и получающие денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта РФ или бюджета муниципального образования – ст. 10 ФЗ «О системе государственной службы в Российской Федерации».

Полагаем, что установление полноценного соотношения служебной и коммерческой тайны невозможно по причине практически полного отсутствия законодательной фиксации в отечественной системе права понятия «служебная тайна» и регламентации правоотношений, объектом которых является все та же информация ограниченного служебного пользования. При обращении к положениям абз. 2 ч. 2 ст. 102 НК РФ напрашивается вывод, что в контексте деятельности налоговых органов служебная тайна становится понятием более широким и включает в себя понятие коммерческой тайны: «К разглашению налоговой тайны относится, в частности, использование или передача другому лицу информации, составляющей коммерческую тайну...». Г. Г. Камалова полагает, что налоговая тайна – одна из разновидностей служебной тайны, наряду с таможенной тайной, тайной предварительного расследования и т. д. Таким образом, служебная и коммерческая тайна в рассматриваемой ситуации соотносятся как общее и частное соответственно. Имеются основания полагать, что вышеописанный случай скорее исключение, чем правило.

Однако следует согласиться с учеными, которые различают коммерческую и служебную тайну. Условием защиты коммерческой тайны является принятие всех необходимых мер для хранения ее конфиденциальности. Коммерческая ценность информации определяется на усмотрение ее владельца. Такую ценность могут представлять, в частности, знание, практический опыт специалистов, которые применяются в разных сферах предпринимательской деятельности: производстве, торговле, управлении фирмой, маркетинге и тому подобных. Законом или нормативным правовым актом могут быть установленные ограничения на

отнесение определенной информации к коммерческой тайне. Хранение же в тайне служебной информации не всегда связано с ее коммерческой ценностью для хозяйствующего субъекта, потому что она вообще может быть отсутствующей. Недопустимость разглашения служебной информации определяется в первую очередь нормами действующего законодательства [15, с. 503–504].

Список литературы:

1. Журик Ю. Понятие и виды недобросовестных действий в конкуренции / Ю. Журик // Предпринимательство, хозяйство и право. – 2000. – № 2. – С. 10–13.
2. Предпринимательское (хозяйственное) право в вопросах и ответах: учеб. пособие / под ред. Н. А. Саниахметовой. – 3-ое изд. – Харьков: Одиссей, 2003. – 608 с.
3. Саниахметова Н. А. Юридический справочник предпринимателя. – Изд. 6-ое, перераб. и доп. / Н. А. Саниахметова. – Харьков: Одиссей, 2004. – 1056 с.
4. Интеллектуальная собственность в Украине: правовые основы и практика. Т. 3. Промышленная собственность / под ред. А. Д. Святоцкого. – К.: Ін Юре, 1999. – 672 с.
5. Шварцман А. Прикладные вопросы защиты коммерческой тайны / А. Шварцман // Предпринимательство, хозяйство и право. – 1998. – № 10. – С. 50–52.
6. Сляднева А. О. Право субъекта хозяйствования на коммерческую тайну и его защита : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / Сляднева Анна Ованесовна. – Одесса, 2004. – 208 с.
7. Никифоров Г. К. Предпринимательство и правовая защита коммерческой тайны : учеб.-практ. пособие / Г. К. Никифоров, С. С. Никифоров. – К. : Олан, 2001. – 208 с.
8. Жилинский С. Э. Правовая основа предпринимательской деятельности (предпринимательское право): курс лекций / С. Э. Жилинский. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 672 с.
9. Гаврилов Э. К вопросу об охране коммерческой, служебной и личной тайны. Гражданско- правовые аспекты / Э. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2003. – № 5. – С. 28–34.
10. Малышева Г. Коммерческая тайна в зеркале закона / Г. Малышева // Право и экономика. – 1999. – № 10. – С. 20–24.
11. Егорова М. А. Коммерческое право: учебник для вузов / М. А. Егорова. М.: — «РАНХиГС при Президенте РФ», «Статут», 2013. – С. 267.
12. Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 32. – Ст. 3283.
13. Камалова Г. Г. О современном состоянии законодательства о служебной тайне / Г. Г. Камалова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 9 (46) сентябрь.
14. Лукичев К. Е. К вопросу об институте служебной тайны / К. Е. Лукичев // Право и безопасность. – 2009. – № 3 (32), Октябрь.
15. Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. – М.: Юристъ, 2004. – 1001 с.

Karaya A., Dubko E. Correlation of commercial and official secret // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 155–162.

The article analyzes the signs of information that relates to commercial secrecy. It is set that commercial secret as legally a meaningful type of information is the object of public relations in relation to her use and defence, which are acquired as a result of settlement of character of legal relationships a right. The selection of commercial secret of both independent object of rights for the subjects of economic legal relationships is conditioned as by her commercial meaningfulness, value and participating in circulation of goods and by the necessity of her defence. Doctrine positions are investigational in relation to determination of concepts and signs official and bank secrets. Educated, that the indicated kinds are independent legal categories. Their differentiation is reasonable, as each of them protects the different types of information.

Key words: commercial secret, official secret, tax secret, possessor of information, mode of commercial secret.

Spisok literatury

1. Zhurik Yu. Ponyatie i vidyi nedobrosovestnykh deystviy v konkurentsii / Yu. Zhurik // Predprinimatelstvo, hozyaystvo i pravo. – 2000. – № 2. – S. 10–13.
2. Predprinimatelskoe (hozyaystvennoe) pravo v voprosakh i otvetakh: ucheb. posobie / pod red. N. A. Saniahmetovoy. – 3-oe izd. – H. : Odissey, 2003. – 608 s.
3. Saniahmetova N. A. Yuridicheskiy spravochnik predprinimatelya. - Izd. 6-oe, pererab. i dop. / N. A. Saniahmetova. – H.: Odissey, 2004. – 1056 s.
4. Intellektualnaya sobstvennost v Ukraine: pravovyye osnovy i praktika. - T. 3. Promyshlennaya sobstvennost / pod red. A. D. Svyatotskogo. – K.: In Yure, 1999. – 672 s.
5. Shvartsman A. Prikladnyye voprosy zaschity kommercheskoy tayny / A. Shvartsman // Predprinimatelstvo, hozyaystvo i pravo. – 1998. – № 10. – S. 50–52.
6. Clyadneva A. O. Pravo sub'ekta hozyaystvovaniya na kommercheskuyu taynu i ego zaschita : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.04 / Slyadneva Anna Ovanesovna. – Odessa, 2004. – 208 s.
7. Nikiforov G. K. Predprinimatelstvo i pravovaya zaschita kommercheskoy tayny : ucheb.-prakt.posobie / G. K. Nikiforov, S. S. Nikiforov. – K. : Olan, 2001. – 208 s.
8. Zhilinskiy S. E. Pravovaya osnova predprinimatelskoy deyatelnosti (predprinimatelskoe pravo) : kurs lektsiy / S. E. Zhilinskiy. – M. : NORMA-INFRA-m, 1998. – 672 s.
9. Gavrilov E. K voprosu ob ohrane kommercheskoy, sluzhebnoy i lichnoy tayny. Grazhdansko- pravovyye aspekty / E. Gavrilov // Hozyaystvo i pravo. – 2003. – № 5. – S. 28–34.
10. Malyisheva G. Kommercheskaya tayna v zerkale zakona / G. Malyisheva // Pravo i ekonomika. – 1999. – № 10. – S. 20–24.
11. Egorova M. A. Kommercheskoe pravo: uchebnik dlya vuzov / M. A. Egorova. M.: — «RANHiGS pri Prezidente RF», «Statut», 2013. – S. 267.
12. Federalnyiy zakon «O kommercheskoy tayne» ot 29.07.2004 # 98-FZ (red. ot 12.03.2014) // Sobranie zakonodatelstva RF. – 2004, – № 32. – st. 3283.
13. Kamalova G. G. O sovremennom sostoyanii zakonodatelstva o sluzhebnoy tayne / G. G. Kamalova // Aktualnyye problemy rossiyskogo prava. – 2014. – № 9 (46) sentyabr.
14. Lukichev K. E. K voprosu ob institute sluzhebnoy tayny / K. E. Lukichev // Pravo i bezopasnost. – 2009. – № – 3 (32), Oktyabr.
15. Predprinimatelskoe pravo Rossiyskoy Federatsii / otv. red. E. P. Gubin, P. G. Lahno. – M.: Yurist', 2004. – 1001 s.

УДК 347.122

ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Лебедева Д. С., Яценко А. О.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Обозначена необходимость объективации категории «информация» и налаживания правовой базы для ее регулирования, рассмотрены существующие нормативно-правовые акты, регулирующие информацию: Гражданский Кодекс РФ, ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и др. Отмечена необходимость рассмотрения в качестве объекта гражданского права только той информации, которая является результатом человеческой деятельности. Поставлен проблемный вопрос об отнесении информации к объектам гражданского права, для ответа на данный вопрос проанализированы признаки объекта гражданского права, выведенные учеными-цивиристами. Рассмотрены такие признаки: дискретность, юридическая привязка, полезность, системность, возможность быть объектом правоотношений. На основании сопоставления этих признаков и признаков информации сделаны соответствующие выводы, свидетельствующие о необходимости признания информации объектом гражданского права.

Ключевые слова: гражданское право, объект гражданского права, правовое регулирование, информация, законодательство, дискретность, полезность, системность, юридическая привязка, гражданские правоотношения.

В наше время развитие технологий все больше набирает скорость. Ручной труд уже не так ценится, ведь гораздо проще и экономичнее роботизировать производства и оставить людям время для развития собственного интеллекта, получения новых знаний и умений.

С помощью технологий становится более доступным весь опыт человечества, облегчается изучение самых разнообразных искусств и приобретение новых навыков, ускоряется коммуникация между людьми независимо от их местонахождения. Люди получают равные возможности для творчества и образования, а удовлетворение духовных потребностей становится более легким – достаточно нескольких щелчков компьютерной мышкой, чтобы виртуально посетить музей, послушать концерт или почитать литературное произведение.

Все эти элементы в совокупности образуют огромный пласт разнообразных сведений об окружающем мире, называемый информацией. Сейчас именно она является тем ресурсом, который дает огромные преимущества в любой сфере жизнедеятельности общества.

Однако понятие «информация» отличается своей многозначностью и сложностью. Существует множество различных взглядов на определение информации, но точного и конкретного пока никому дать не удалось. В целом многие вещи могут по своей сущности являться определенной информацией – литература, музыка, документы. Даже право можно внести в это понятие – это тоже определенные сведения о правилах поведения, устанавливаемых государством для той или иной сферы.

Активное внедрение информационных технологий во все сферы, влияние информации на все общественные процессы – это требует объективации категории

«информация» и налаживания правового регулирования в данной сфере, именно поэтому тема статьи является актуальной на данный момент.

Объект гражданского права – это то, по поводу чего возникают гражданские правоотношения. В ГК РФ в ст. 128 четко прописаны эти объекты, но понятия «информация» там нет, то есть законодатель конкретно не дает определения информации как объекта гражданских прав. Информацию можно лишь косвенно связать с нематериальными благами, с результатами работ, услуг или интеллектуальной деятельности [1].

Эта связь является базовой – человеческий ген тоже будет являться информацией по своей сущности, как и многие другие природные явления, поэтому необходимо отметить, что нужно рассматривать только ту информацию, которая является результатом человеческой деятельности.

В настоящее время законодательство Российской Федерации, связанное с информацией, представлено целым блоком нормативно-правовых актов различного уровня и юридической силы, таких как международные договоры РФ, Конституция РФ, законы, подзаконные акты субъектов РФ, акты министерств и ведомств, общее количество которых насчитывает десятки тысяч. Прогрессивные для своего времени законы не только закрепили легальное определение базовых понятий информационного законодательства, но и ввели многие принципиальные нормы, которые регулируют оборот информационных ресурсов и защиты информации.

Значительный объем актов правового регулирования и наличие основных профильных нормативных актов, к сожалению, не означает совершенства действующего законодательства в данной сфере, а наоборот, действующее информационное законодательство, а вместе с ним и отечественная доктринальная база, определяют необходимость продолжения теоретических исследований и законотворческой работы, определения информации как объекта гражданского права.

В настоящий момент и законодательство, и наука не позволяют однозначно отграничивать информацию от других объектов права, определяя ее правовую природу, четко определить круг информационных правоотношений, однозначно определить субъектный состав и содержание информационных отношений и т. д.

Основным правовым базисом всего регулирования информационной сферы является № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Так, ст. 2 данного закона определяет информацию как сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления. Также дано и определение документа (документированной информации) – зафиксированной на материальном носителе информации с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать; информации о гражданах (персональные данные) – сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющих идентифицировать его как личность; конфиденциальной информации – документированной информации, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством РФ.

Здесь же, в ст. 5 и ст. 17, говорится, что «информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений» [2] и что «нарушение требований настоящего Федерального закона влечет за собой дисциплинарную, гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации» [3].

Как видно, ГК РФ не содержит общего определения информации как объекта гражданского права, что в значительной степени усложняет рассмотрение этой категории в частноправовом контексте, однако остальное законодательство определяет возможность участия информации в гражданских правоотношениях и защиты информации посредством гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, при анализе законодательства появляется проблемный вопрос – относится ли информация к объектам гражданского права?

Выше было дано понятие «объекта гражданского права», из которого можно сделать вывод, что объектом гражданского права является определенное благо. В целом, гражданские правоотношения связаны с появлением, изменением, переходом, прекращением определенных прав на данное благо.

Основываясь на трудах некоторых ученых, можно выделить несколько признаков объекта гражданского права.

Во-первых, это дискретность, «то есть обособленность или возможность обособления объекта от всех других, в том числе подобных, объектов» [5, с. 203]. Как таковая информация не базируется на каких-то пространственных границах, как вещи, но имеет форму внешнего выражения и физическую определенность. Информация всегда связана с каким-либо носителем – литературное произведение, видеоролик, звукозапись, веб-страница, документ – и именно по этому носителю можно определять ее фактические границы.

Следующий признак объекта гражданского права – принадлежность субъектам или юридическая привязка. Это означает «нормативно гарантированную возможность правового закрепления их за субъектами гражданского права» [6, с. 156]. Иначе говоря, это юридически закрепленные право собственности, обязательственные права и иные права, демонстрирующие связь субъектов и объектов гражданского права. Если рассматривать информацию со стороны этого признака, то она соответствует и ему. Информация в большей части является результатом умственной деятельности человека, представленной в статьях, музыке, телевизионных передачах, художественной литературе, секретах производства и пр., поэтому и регулируется гражданским законодательством. В рамках российского законодательства существуют такие способы закрепления прав, как патенты, авторское право, право на средства индивидуализации, ноу-хау и пр.

Третьим признаком является полезность. Гатин А. М. полагает, что «для гражданского права значение имеют лишь те вещи, которые обладают полезными свойствами, позволяющими их эксплуатировать и вступать по их поводу в правоотношения, вещи, способные удовлетворять какую-либо потребность человека» [4, с. 83.] Чтобы вести любую деятельность, человеку необходимо иметь сведения об ее осуществлении, о применении того или иного предмета, механизма и т. п, то есть необходимо владеть информацией. Таким образом, информация является тем объектом, который способен удовлетворить потребность человека в знаниях и умениях, то есть благом.

Четвертый признак – системность. Это означает, что все объекты гражданского права так или иначе взаимосвязаны и взаимодействуют. Таким образом, информация связана с перечисленными в ст. 128 и ст. 150 ГК объектами гражданского права – результатами интеллектуальной деятельности, работ и услуг, личной и семейной тайной, авторством и пр.

Говоря об информации, можно разделить ее на три основные группы: общедоступную информацию, информацию как результат интеллектуальной деятельности и информацию закрытую. Первый вид информации способен участвовать в гражданском обороте путем переработки или копирования – результаты такой деятельности будут иметь определенную коммерческую ценность. Закрытая информация в этом обороте почти не участвует, но является объектом защиты – такие сведения, как государственная тайна, персональные данные, коммерческая тайна защищаются законом, государством и собственником. Например, ч. 1 ст. 24 Конституции утверждает, что «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются». Информация как результат интеллектуальной деятельности как способна участвовать в гражданском обороте, так и является защищаемым объектом – автор может уступить исключительные права на произведение путем продажи и одновременно исключительное право на патент будет защищаться от незаконного использования другими лицами. Следовательно, можно утверждать, что информация будет являться таким объектом, по поводу которого возникают различные гражданские правоотношения.

На основании представленного выше анализа можно сделать следующие выводы. Информация является благом, имеющим определенный носитель, она способна участвовать в гражданском обороте и быть объектом гражданских правоотношений, иметь механизмы защиты от незаконного использования. В совокупности все эти признаки характеризуют информацию как объект гражданского права.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017), ст. 5
3. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017), ст. 17
4. Гражданское право / Гатин А. М. – М.: Издательство «Дашков и К», 2009. – 384 с.
5. Гражданское право. В 2 ч. / Под ред. Камышанского В. П., Коршунова Н. М., Иванова В. И. – М., 2012. – Ч. 1 – 543 с.; Ч. 2 – 751 с.
6. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / В. А. Лапач. – СПб.: Издательство «Юридический Центр ПРЕСС», 2002. – 544 с.

Lebedeva D. S., Jazenko A. O. Information as an object of civil law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 163–167.

The need for objectification of the "information" category and the establishment of a legal framework for its regulation is indicated, and the existing regulatory and legal acts that regulate information are considered - the Civil Code of the Russian Federation, the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection", etc. The need for consideration as an object civil law only the information that is the result of human activity. A problematic question was raised regarding the attribution of information to civil law objects, and the signs of a civil law object derived by civilian scientists were analyzed to answer this question. Considered such signs - discreteness, legal binding, utility, system, the opportunity to be the object of legal relations. On the basis of a comparison of these signs and signs of information, the relevant conclusions are drawn, indicating the need to recognize information as an object of civil law.

Keywords: civil law, civil law object, legal regulation, information, legislation, discretion, utility, systemic, legal binding, civil legal relations.

Spisok literaturyi

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (GK RF) [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Federalnyiy zakon ot 27.07.2006 N 149-FZ (red. ot 29.07.2017) "Ob informatsii, informatsionnyih tehnologiyah i o zaschite informatsii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2017), st. 5
3. Federalnyiy zakon ot 27.07.2006 N 149-FZ (red. ot 29.07.2017) "Ob informatsii, informatsionnyih tehnologiyah i o zaschite informatsii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2017), st. 17
4. Grazhdanskoe pravo. Gatin A. M. / Izdatelstvo «Dashkov i K», 2009. – 384 s.
5. Grazhdanskoe pravo. V 2 ch. Pod red. Kamyishanskogo V. P., Korshunova N. M., Ivanova V.I. M.: 2012. — Ch.1 – 543s.; Ch.2 – 751 s.
6. Sistema ob'ektov grazhdanskih prav: teoriya i sudebnaya praktika V. A. Lapach. / Izdatelstvo "Yuridicheskiy Tsentr PRESS", Sankt-Peterburg, 2002. – 544 s.

УДК 340

К ВОПРОСУ О СВОБОДЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА И ЕЕ ГРАНИЦАХ

Онищенко В. В., Хугаев Р. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье осуществлена попытка проанализировать один из важнейших принципов договорного права – принцип свободы договора на примере свободы трудового договора. Исследованы различные точки зрения по этому вопросу, приведены некоторые аспекты реализации этого принципа на практике. В работе проведен краткий анализ соотношения свободы договора в целом и свободы трудового договора, а также анализ разъяснений высших судебных органов по реализации принципа свободы договора в различных отраслях законодательства. Свобода трудового договора предполагает свободное участие в нем двух сторон – работника и работодателя, а также их взаимное согласованное волеизъявление. Однако не всегда законодательными актами установлены равные возможности каждой из сторон трудового договора для реализации их конституционных прав. Определен ряд проблем, связанных со свободой трудового договора, а также предложены некоторые возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: свобода договора, трудовое право, договорное право, принципы права, правовая норма.

Свобода договоров – важнейший принцип любого из договоров, важнейшая составляющая в договорном праве. Анализируя это понятие, мы представляем, что договор со времен римского права был наиболее распространенным источником обязательств, представляющим собой согласованное волеизъявление правоспособных лиц, достигнутое в форме, предписанной законом. Обязательным условием договора было участие в нем нескольких лиц, их взаимное согласованное волеизъявление. «В соглашениях договаривающихся сторон было признано важным обратить внимание больше на волю, чем на слова» («ДИГЕСТ» 50.16.219) [1, с. 299].

Сегодня под договором понимается соглашение двух или более лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ст. 420 ГК РФ). В трудовом праве применяется определение трудового договора, закрепленное в ст. 56 ТК РФ: «Соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию в интересах, под управлением и контролем работодателя, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя».

А что же понимается под свободой договора? Гражданский кодекс Российской Федерации в ст. 421 дает ответ и на этот вопрос, закрепляя возможности сторон договора заключить его и включить в него условия по своему усмотрению, кроме случаев, когда иное установлено законом или другими нормативными правовыми актами. Сторонам правоотношений гарантируется свобода договора, но в определенных пределах. То есть разрешено все, что прямо не запрещено законом. Однако ряд

исследователей считают эту презумпцию опровержимой, поскольку самим законодательством и, впоследствии, судами это правило ограничивается [2].

Высший арбитражный суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ) в Постановлении Пленума № 16 от 14.03.2014 «О свободе договора и ее пределах» разъяснил, что законодательная норма может содержать явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила (например, указано, что такое соглашение ничтожно, запрещено, не допускается и т.п.). Вместе с тем из целей законодательного регулирования может следовать, что содержащийся в императивной норме явно выраженный запрет на соглашение сторон может толковаться ограничительно. Суд может признать, что данный запрет не допускает установления таких условий, которые будут ущемлять охраняемые законом интересы той стороны, на защиту которой эта норма направлена. Также разъяснено, что при отсутствии в норме, регулирующей права и обязанности по договору, явно выраженного запрета установить иное, она является императивной, если, исходя из целей законодательного регулирования, это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т. д.), нарушения грубого баланса интересов сторон. Если норма содержит прямое указание на возможность предусмотреть иное соглашением сторон, суд может истолковать такое указание ограничительно, т. е. сделать вывод о том, что диспозитивность нормы ограничена определенными пределами. Если сторонами заключен договор, не предусмотренный законом (непоименованный), судам следует иметь в виду, что нормы об отдельных видах договоров могут быть применимы к такому договору по аналогии закона в случае сходства отношений и отсутствия их прямого урегулирования соглашением сторон. При этом применение императивных норм возможно в исключительных случаях, для защиты интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов или недопущения грубого нарушения баланса интересов. В случаях, когда договор содержал в себе условия, являющиеся явно обременительными для одного из контрагентов или существенным образом нарушающие баланс интересов сторон (несправедливые договорные условия), суд вправе применить к такому договору положения ст. 428 ГК РФ, изменив или расторгнув договор по требованию контрагента. Слабая сторона также вправе заявить о недопустимости применения несправедливых условий договора на основании ст. 10 ГК РФ или о ничтожности таких условий по ст. 169 ГК РФ.

При разрешении споров, возникающих из неясности условий договоров (когда невозможно установить действительную общую волю сторон), толкование должно осуществляться в пользу контрагента стороны, которая подготовила его проект или формулировку соответствующего условия. [3].

Таким образом, мы видим, что формально законодательством провозглашена свобода договора, однако эта свобода не является безграничной. Бремя же аргументации ограничения этой свободы лежит на том, кто собирает эту свободу ограничить – законодатель или суде.

Постановлением Пленума ВАС РФ № 9738/13 установлено, что «принцип свободы договора является фундаментальным частноправовым принципом, основополагающим началом для организации современного рыночного оборота, его ограничения могут быть допущены лишь в крайних случаях в целях защиты интересов и экономических ожиданий третьих лиц, слабой стороны договора (потребителей), основ правопорядка или нравственности или интересов общества в целом». Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении № 2-П от 28.01.2010 разъясняет: «Права владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свобо-

да предпринимательской деятельности и свобода договоров в силу ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». То есть Конституционный Суд Российской Федерации и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации устанавливают возможность ограничения свободы договора только в исключительных случаях, к которым относит защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства. Таким образом, мы видим, что стороны свободны в выборе условий договора, но при этом они должны соблюдать некие границы.

Проанализируем наличие свободы договора в трудовом праве, поскольку отрасль трудового права относится к договорному праву. Так, в ст. 2 ТК РФ закреплены (среди прочих) принцип свободы труда, включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности, а также принцип запрещения принудительного труда и дискриминации в сфере труда.

Т. В. Русских в работе «О свободе сторон трудового договора» [4], исследуя принцип свободы труда как возможности распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, считает, что этот принцип лежит в основе общественных отношений в важнейшей сфере жизнедеятельности общества – сфере наемного труда. А поскольку общественные отношения в сфере наемного труда регулируются с помощью трудового договора, можем считать этот принцип одним из тех, которые способствуют реализации свободы договора в трудовом праве. Однако считаем возможным согласиться с Т. В. Русских в том, что в современной науке трудового права вопрос о роли принципа свободы труда и о его содержании является дискуссионным.

Л. Ю. Бугров считает, что «свобода труда в юридическом аспекте есть ни что иное, как совокупность юридических форм, отражающих степень свободы в общественных отношениях по поводу труда. Она включает принципы, декларации, иные виды норм права; положения выраженные в результате правоприменительной деятельности; соответствующие таким нормам и положениям юридические отношения» [5, с. 15]. Так можно и нужно ли рассматривать свободу договора в трудовом праве через призму принципа свободы труда?

Мнения ученых, исследовавших эту проблематику, различны. По мнению А. М. Лушниковой и М. В. Лушниковой, принцип свободы труда не является «самодостаточным» и не может даже рассматриваться как основополагающее начало отрасли трудового права в целом [6, с. 521].

Однако, по мнению большинства авторов, межотраслевой принцип свободы труда в рамках трудового права реализуется через отраслевой принцип свободы трудового договора, который рассматривается как предоставленная лицу возможность распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также возможность отказаться как от заключения конкретного трудового договора, так и вообще от участия в трудовой деятельности [4; 7, с. 47].

Справедливо, на наш взгляд, некоторые исследователи принципа свободы трудового договора толкуют его сферу действия в «узком» и в «широком» аспектах. Некоторые из них считают, что свобода трудового договора должна распространяться только на работника как на более слабую сторону (в поддержку им выступает ст. 9 ТК РФ и вышеуказанные разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации), а другие,

наоборот, считают, что этот принцип должен быть равноценен как для работника, так и для работодателя в трудовых правоотношениях.

Р. З. Лившиц считает, что свобода трудового договора выражается в ряде правомочий работника и работодателя. «Для работника свобода заключения трудового договора означает полную возможность избрать себе место работы и род работы с учетом собственных интересов, знаний, стремлений. Для предприятия свобода заключения трудового договора означает возможность выбрать наиболее подходящего работника по деловым и квалификационным качествам» [8, с.49–50]. Считаем возможным согласиться с этим. Но возникает вопрос о границах этой свободы, можно ли считать разъяснения высших судов применимыми и к договорам, заключаемым в сфере трудового права?

Ч. 2 ст. 1 Трудового кодекса Российской Федерации предусмотрено, что основной задачей трудового законодательства является создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства. Что вкладывает законодатель в «оптимальное согласование интересов сторон трудовых отношений и интересов государства» и какие это необходимые правовые условия? Надо полагать, что, декларируя гарантированную свободу договора, в данном случае, в трудовом праве, фактически законодатель значительно ее ограничил.

Из формально закрепленных ограничений свободы трудового договора для работника являются случаи невозможности осуществления труда на некоторых видах работ, что, как правило, является следствием повышенной охраны жизни и здоровья граждан. Однако есть случаи, где в основе ограничения свободы реализации своих способностей к труду лежит социальный аспект, например, наличие судимости. Данный юридический факт играет роль при заключении трудового договора с педагогическими работниками, контракта с сотрудниками правоохранительных органов.

Для работодателя ограничение свободы трудового договора выражается в обязанности заключить его с определенным работником. Такая обязанность возникает в случае приема на работу инвалидов в счет установленной квоты, приглашенных в порядке перевода, выборным профсоюзным работником по окончании срока полномочий.

Также в контексте реализации принципа свободы трудового договора особое место занимает статья 84 Трудового кодекса Российской Федерации, закрепляющая основания прекращения трудового договора вследствие нарушения установленных Трудовым кодексом или иным федеральным законом правил заключения трудового договора. Соглашаясь с Э. Н. Бондаренко, все же отметим, что любое ограничение принципа свободы договора является, по своей сути, ограничением право- или дееспособности, в данном случае отраслевой и специальной трудовой.

Для всестороннего рассмотрения вопроса о свободе трудового договора и ее границах, полагаем, что следует проанализировать положения ст. 9 ТК РФ, которые закрепили правило о недопустимости условий трудового договора, а также коллективного договора и соглашения, которые ограничивают права или снижают уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами. Кроме того, установлено, что, если такие условия включены в договор (соглашение), то они не подлежат применению. Таким образом, на наш взгляд, законодатель существенно ограничил свободу трудового договора, хотя и в пользу работника (более слабой экономически стороны).

Однако у каждой из сторон трудового договора есть свой «интерес» в складывающихся между ними правоотношениях: работодатель как собственник средств производства (или его представитель) заинтересован в удовлетворении потребностей рынка, росте производительности труда, увеличении прибыли. Работника же интересует улучшение условий труда, повышение заработной платы, сокращение рабочего времени [4]. Следовательно, исключение работодателя из сферы принципа свободы трудового договора будет противоречить правовой природе понятия «договор».

Таким образом, принимая во внимание изложенное, приходим к выводу, что законодатель допускает свободное заключение трудового договора между работником и работодателем, однако этот договор не должен содержать в себе условий, ухудшающих или ограничивающих положение работника по сравнению с действующим трудовым законодательством. При этом должны быть реализованы принципы, гарантированные сторонам трудового договора Конституцией Российской Федерации и соблюдены интересы каждой из сторон такого договора. Если же по какой-либо причине в договор все же будут включены условия, противоречащие действующему трудовому законодательству, т. е. одна из сторон попытается лоббировать свой интерес в ущерб интересам другой стороны, то такие условия не будут применяться к правоотношениям, а если и будут, то будут признаны не подлежащими к применению в судебном порядке, поскольку суды могут ограничивать свободу договора в целях защиты «слабой стороны договора», которой, как правило, выступает работник. Выходит, следует говорить не о свободе трудового договора, а о свободе сторон трудового договора? Как справедливо отмечает Т. В. Русских в своей работе «О свободе сторон трудового договора», под свободой сторон трудового договора следует понимать принадлежащую работнику и работодателю и гарантированную им государством возможность в соответствии со своими интересами воздействовать на определение содержания, изменение и прекращение условий трудового договора [4]. При этом законодательно должны быть закреплены равные правомочия сторон трудового договора, чтобы избежать умаления такой свободы у одной из сторон договора.

Безусловно, проблематика нашего исследования требует более детального изучения вопросов, связанных с реализацией принципа свободы трудового договора. И, несмотря на немалое количество проведенных исследований по рассматриваемым в этой статье проблемам, все же остаются вопросы, требующие ответа, которые позволили бы наиболее логично и правильно толковать нормы законодательных актов, а следовательно, и правильно их применять.

Список литературы:

1. Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 1999. – 310 с.
2. Карапетов А. Г. «Свобода договора в практике арбитражных судов»: Доклад на I Кубанском юридическом форуме 14.04.2017г. г. Краснодар. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=PeCRylhwa5s>.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 «О свободе договора и ее пределах» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/32707.html> / КонсультантПлюс, 1997-2018.
4. Русских Т. В. О свободе трудового договора // Трудовое право, 2010, № 12. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.top-personal.ru/workinglaw.html?191>.

5. Бугров Л. Ю. Проблемы свободы труда в трудовом праве России / Л. Ю. Бугров. – Пермь: Издательство Пермского университета, 1992. – 236 с.
6. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: Учебник в 2 т. Т. 1. Сущность трудового права и его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. 2-е изд., перераб. и доп. / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – М.: Статут, 2009. – 879 с.
7. Лившиц Р. З. Свобода труда в СССР / Р. З. Лившиц // Социализм и личность. – М., 1979. – 56 с.
8. Иванов С. А., Лившиц Р. З. Личность в советском трудовом праве / С. А. Иванов, Р. З. Лившиц. – М., 1982. – 232 с.

Spisok literatury:

1. Rimskoye chastnoye pravo: Uchebnik / Pod red. prof. I.B. Novitskogo i prof. I. S. Pereterskogo. M.: Yuristsprudentsiya. 1999. – 310 s.
2. Karapetov A. G. «Svoboda dogovora v praktike arbitrazhnykh sudov»: Doklad na I Kubanskom yuridicheskom forume 14.04.2017 g. g. Krasnodar. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.youtube.com/watch?v=PeCRylhwa5s>.
3. Postanovleniye Plenuma VAS RF ot 14.03.2014 N 16 «O svobode dogovora i eye predelakh» [elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/32707.html> / KonsultantPlyus. 1997–2018.
4. Russkikh T. V. O svobode trudovogo dogovora // Trudovoye pravo. 2010. № 12. [elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.top-personal.ru/workinglaw.html?191>.
5. Bugrov L. Yu. Problemy svobody truda v trudovom prave Rossii. Perm. izdatelstvo Permskogo universiteta. 1992.–236 s.
6. Lushnikov A. M. Lushnikova M. V. Kurs trudovogo prava: Uchebnik v 2t. T.1. Sushchnost trudovogo prava i ego razvitiya. Trudovyye prava v sisteme prav cheloveka. Obshchaya chast. 2-e izd.. pererab. i dop. M.: Statut. 2009.–879s.
7. Livshits R. Z. Svoboda truda v SSSR // Sotsializm i lichnost. M.. 1979. – 56 s.
8. Ivanov S. A. Livshits R. Z. Lichnost v sovetskom trudovom prave. M.. 1982. – 232 s.

On the Problem of the Freedom of Labor Contract and Its Borders // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 168–173.

The article attempts to analyze one of the most important principles of contract law – the principle of freedom of contract on the example of freedom of employment contract. Various points of view on this issue have been explored, and various aspects of the implementation of this principle in practice have been presented in the article. The paper presents a brief analysis of the relationship of freedom of contract in General and freedom of employment contract, as well as the analysis of explanations of the higher judiciary on the implementation of the principle of freedom of contract in various fields of law. Freedom of employment contract involves the free participation of two parties – the employee and the employer, as well as their mutual agreed will. However, not always the legislation establishes equal opportunities for each of the parties to the employment contract to exercise their constitutional rights. A number of problems, connected with the freedom of the labor contract, have been determined, and some possible ways of their solution have been suggested.

Keywords: freedom of contract, labor law, contract law, principles of law, legal norm.

УДК 349.6

**К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО ОКРУГА СИМФЕРОПОЛЬ
«ГОРОДСКАЯ СРЕДА»**

Пасечник О. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются некоторые аспекты реализации приоритетного направления долгосрочного развития городского округа Симферополь «Городская среда». Автором проанализированы основы законодательного обеспечения стратегического планирования в Российской Федерации. Выявлены проблемы и характерные особенности системы документов стратегического планирования, которая была сформирована до принятия Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Исследована современная единая система документов стратегического планирования, взаимосвязанная с системой территориального и бюджетного планирования. Выделены основные требования, которые предъявляются к документам территориального планирования муниципальных образований Республики Крым. Проанализированы документы планирования развития муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Проведен анализ проекта Стратегии социально-экономического развития муниципального образования городской округ Симферополь. Обоснована приоритетность направления долгосрочного развития «Городская среда», выявлены его проблемы и предложены пути решения.

Ключевые слова: документы стратегического планирования, приоритетные направления долгосрочного развития, городской округ Симферополь, «Городская среда», федеральный уровень, региональный уровень, муниципальный уровень, законодательное обеспечение, территориальное планирование, устойчивое развитие.

Важным фактором, влияющим на развитие городских агломераций, является создание благоприятных институциональных условий (наличие законодательно-правовых и нормативных правовых актов, в том числе наличие утвержденных документов стратегического планирования, включая документы территориального планирования, а также генеральные планы и правила землепользования и застройки для каждого муниципального образования). Без базовых градостроительных документов невозможно развитие стратегически важных объектов транспортной и инженерной инфраструктуры.

На сегодняшний день в Российской Федерации формируется единая система документов стратегического планирования, взаимосвязанная с системой территориального и бюджетного планирования [1].

Следует отметить, что до принятия федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», система документов стратегического планирования регионального развития базировалась на ряде документов федерального, регионального и местного значения. Так, на федеральном уровне это были такие документы: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года; отраслевые документы стратегического планирования (порядка 60 документов); стратегии социально-экономического развития федеральных округов (макрорегионов), в том числе Стратегия развития Арк-

тической зоны РФ; Основные направления деятельности Правительства РФ; государственные программы РФ (40) и федеральные целевые программы (48) [1]. На региональном уровне к стратегическим документам относились: стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации (83 документа, утверждено 79); программы экономического и социального развития; целевые программы, реализуемые за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации [1]. В основе стратегического планирования муниципальных образований лежали: стратегии и концепции развития на долгосрочный период (приняты в 164 МО свыше 100 тыс. жителей); планы социально-экономического развития; прогнозы развития МО на среднесрочный период; муниципальные программы [1]. Однако следует отметить, что данная система документов планирования характеризовалась рядом проблем. Среди наиболее значимых хотелось бы выделить такие: отсутствие четкой систематизации совокупности документов стратегического планирования; иерархической структуры системы документов стратегического планирования, их типологии в зависимости от целевого назначения, а также характеристики вертикальных и горизонтальных связей; взаимоувязки документов стратегического планирования по срокам, этапам и показателям реализации; четких механизмов реализации документов стратегического планирования [1]. В результате единая система документов стратегического планирования, взаимоувязанная с системой территориального и бюджетного планирования, не была сформирована [1].

С целью решения данных проблем был принят федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который сформировал принципиально новую систему документов стратегического планирования в Российской Федерации. В рамках реализации федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» предлагается следующая система стратегического планирования. На федеральном уровне: Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации; Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации; стратегический прогноз Российской Федерации; прогнозы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный и долгосрочный периоды; бюджетный прогноз РФ на долгосрочный период; основные направления деятельности Правительства Российской Федерации; государственные программы Российской Федерации и федеральные целевые программы; отраслевые документы стратегического планирования; Стратегия пространственного развития Российской Федерации; стратегии социально-экономического развития макрорегионов; схемы территориального планирования Российской Федерации [1]. На региональном уровне: Стратегия социально-экономического развития субъекта РФ; прогнозы социально-экономического развития субъекта РФ на среднесрочный и долгосрочный периоды; бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период; План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ; государственные программы субъекта РФ; Схема территориального планирования субъекта РФ. На муниципальном уровне: стратегия социально-экономического развития муниципального образования; план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования; прогноз социально-экономического разви-

тия муниципального образования на среднесрочный или долгосрочный период; бюджетный прогноз муниципального образования на долгосрочный период; муниципальная программа.

Модель политики муниципального развития направлена прежде всего на стимулирование потенциала саморазвития муниципальных образований; обеспечение бюджетной самостоятельности регионов; укрепление конституционных основ федерализма и местного самоуправления, в том числе достижение оптимального уровня децентрализации для осуществления публичных полномочий; снятие инфраструктурных ограничений муниципального развития; укрепление межмуниципальной кооперации [1].

Государственная политика муниципального развития базируется на приоритетах социально-экономического развития муниципального образования.

Хотелось бы выделить основные требования, которые предъявляются к документам территориального планирования муниципальных образований Республики Крым:

- учет документов стратегического планирования РФ, субъекта РФ и муниципальных образований;
- учет государственных программ, ФЦП «Социально-экономическое развитие республики Крым и г. Севастополя до 2020 года»;
- учет схемы территориального планирования Республики Крым;
- учет схемы территориального планирования Российской Федерации применительно к территориям Республики Крым и г. Севастополя;
- соответствие приказам Минрегиона России: от 30.01.2012 № 19 «Об утверждении требований к описанию и отображению в документах территориального планирования объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения», от 02.04.2013 № 123 «Об утверждении технико-технологических требований к обеспечению взаимодействия ФГИС ТП с другими информационными системами», от 02.04.2013 № 127 «Об утверждении требований к структуре и форматам информации, составляющей информационный ресурс ФГИС ТП», постановлению Правительства Российской Федерации от 12.04.2012 № 289 «О ФГИС ТП»;
- учет современного этапа развития Республики Крым – интеграции в состав Российской Федерации в части инфраструктурного обеспечения, социально-экономического развития, нормативно-правовой базы;
- учет инвестиционных программ субъектов естественных монополий, предприятий коммунального комплекса [1].

Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что стратегия социально-экономического развития городского округа является основополагающим документом стратегического планирования. Стратегия социально-экономического развития содержит: оценку достигнутых целей социально-экономического развития; приоритеты, цели, задачи и направления социально-экономической политики; показатели достижения целей социально-экономического развития, сроки и этапы реализации стратегии; ожидаемые результаты реализации стратегии; оценку финансовых ресурсов, необходимых для реализации стратегии; информацию о государственных программах, утвержденных в целях реализации стратегии.

Наиболее перспективным с этой точки зрения можно считать проекты документов стратегического развития города Симферополя [3].

Институциональные условия развития городского округа Симферополь обеспечиваются федеральным, региональным и местным законодательством.

Планирование развития муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым на федеральном уровне обеспечивается Конституцией Российской Федерации [2], федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3] и осуществляется в рамках федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года [4]».

В основе планирования развития городского округа Симферополь на региональном уровне лежит Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года [5]. Основными инструментами реализации указанной Стратегии являются: план мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Крым; схема территориального планирования Республики Крым; государственные программы Республики Крым.

На муниципальном уровне осуществляет запланированное развитие городского округа Симферополь Администрация города Симферополя на базе муниципальных программ [6]. На 2018 год принято и реализуется 34 муниципальных программы.

Анализ приоритетных направлений долгосрочного развития городского округа Симферополь показал, что город рассматривается как единая система, включающая не только социально-экономическую сферу, но историко-культурную, экологическую, пространственную, градостроительную и иные сферы.

Стратегическая цель развития Симферополя – реализовать гуманистическую, ориентированную на достижение подлинного человеческого благополучия и повышение качества жизни модель долгосрочного развития, которая основывается на эколого-экономическом подходе и учитывает потребности будущих поколений. Стратегия социально-экономического развития направлена на обеспечение воспроизводства здорового и образованного населения, создание условий для самореализации личности и счастливой жизни текущих и будущих поколений симферопольцев [5].

В соответствии с целями и задачи долгосрочного развития городского округа Симферополь в увязке с приоритетами развития Российской Федерации и Республики Крым выделены приоритетные направления долгосрочного развития города. Наиболее значимым с точки зрения обеспечения устойчивого развития города, на наш взгляд, является направление долгосрочного развития «Городская среда» [5]. О значимости данного долгосрочного направления развития говорит и то факт, что в целях реализации миссии Стратегии важным аспектом развития станет проводимая градостроительная политика, направленная на реализацию эколого-экономического подхода, формирование человеко-ориентированной, гуманистической городской среды, безусловное сохранение историко-градостроительной среды и объектов культурного наследия.

Под направлением «Городская среда» понимается развитие планировочной и архитектурно-пространственной структуры города Симферополя. Основной целью данного долгосрочного направления развития является развитие среды обитания человека в городе, формирование пешеходного соразмерного человеку городского

пространства, реализация современных гуманистических и экологических градостроительных подходов.

На сегодняшний день развитие городского округа Симферополь в градостроительном плане не отвечает требованиям комплексного и устойчивого развития территорий. Развивается многоэтажная и точечная застройка, в результате происходит создание сверхплотных районов вне остановок скоростного общественного транспорта, а привычные общественные пространства и дворовые территории занимают парковочные места. В результате чего городская среда становится враждебной для человека.

С целью построения качественной городской среды вышесказанное направление ставит перед собой следующие задачи: 1) формирование города «человеческого масштаба» (соразмерного человеку); 2) трансформация Симферополя в город, удобный для пешеходов; 3) реализация подхода транзитно-ориентированного проектирования, развитие хабов общественного транспорта [5].

Мы остановимся на задаче, которая непосредственно влияет на градостроительное развитие городской агломерации – формирование города «человеческого масштаба» (соразмерного человеку).

Идеология города «человеческого масштаба» подразумевает под собой поэтапное (до 2030 года) создание городской среды, отвечающей самоощущению человека в городском пространстве.

С целью реализации данной идеологии постепенно будут вводиться правила зонирования городской территории, предполагающие поэтапное приоритетное строительство малоэтажных и среднеэтажных зданий в центральной части города с постепенным увеличением этажности в средней части города до 6–12 этажей и свыше 8 этажей на периферии в зависимости от характеристик грунтов и наличия в пешеходной доступности линий скоростного общественного транспорта (проект «Крымская чаша»). Также предусмотрен ряд других мер, среди которых хотелось бы выделить такие: реализация принципов равноэтажной застройки для центральной, средней и окраинной частей города; ограничение реализации проектов точечной и микрорайонной застройки, реализация принципов квартальной застройки; приоритетное ограничение многоэтажного и точечного строительства на архитектурных доминантах – холмах, горах, природных возвышенностях; уточнение градостроительных планов с целью создания соразмерной человеку «среды обитания»; формирование новых зеленых зон и общественных пространств; реновация дворового пространства в направлении создания по мере возможности дворов без автомобилей; расширение охранных визуальных зон достопримечательностей, борьба с визуальным «мусором»; проектирование и реализация новых малых архитектурных форм для горожан (умные остановки, легкие прозрачные павильоны); применение по мере возможности идей пешеходных карманов [5].

Однако, говоря о реализации данной задачи, хотелось бы выделить проблемы, которые на сегодняшний день существуют в данной сфере. Среди основных препятствий в сфере реализации приоритетного направления долгосрочного развития городского округа Симферополь «Городская среда» следует выделить такие: хаотичная, несбалансированная и точечная застройка, приводящая к деградации городского ландшафта и архитектурного облика; уменьшение количества свободных (не обремененных правами третьих лиц) публичных земель, пригодных для масштаб-

ной застройки; низкая инвестиционная активность; отсутствие законодательного обеспечения, необходимого для создания базовых стимулов развития агломерации.

Таким образом, из вышесказанного мы можем сделать следующий вывод. На сегодняшний день с целью повышения эффективности реализации приоритетного направления долгосрочного развития «Городская среда» необходимо ограничить реализацию проектов точечной застройки и перейти к использованию таких передовых процедур застройки территорий, как комплексное освоение территорий и развитие застроенных территорий. Однако следует уточнить, что переход к указанным формам комплексного и устойчивого развития территорий городского округа Симферополь возможен только при наличии необходимых законодательно-правовых и нормативных правовых актов, в том числе утвержденных документов стратегического планирования, включая документы территориального планирования, а также генеральные планы и правила землепользования и застройки. Как показывает практика, наличие данных законодательно-правовых и нормативных правовых актов является необходимым условием успешной реализации основных направлений долгосрочного развития городской агломерации.

Список литературы:

1. Концептуальные основы формирования системы документов стратегического и территориального // Официальный Портал Министерства экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/main>
2. Проект стратегии социально-экономического развития муниципального образования городской округ Симферополь // Официальный Портал Правительства Республики Крым. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://simf.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/370978.htm>.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
4. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Официальный Сайт компании «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/.
5. Постановление Правительства РФ от 11.08.2014 № 790 (ред. от 28.09.2017) «Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» // Официальный Сайт компании «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167146/.
6. Закон Республики Крым от 28 декабря 2016 «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» // Официальный Сайт Министерства экономического развития Республики Крым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/strategy/ZRK_O_strateg_SER.pdf.
7. Постановление Администрации города Симферополя Республики Крым от 09.03.2017 № 478 «О внесении изменений и дополнений в постановление Администрации города Симферополя Республики Крым от 08.07.2015 № 530» «Об утверждении Перечня муниципальных программ муниципального образования городской округ Симферополь» (с изменениями и дополнениями) // Официальный Сайт Администрации города Симферополь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://simadm.ru/media/uploads/userfiles/2017/05/04/>.

Pasechnyk O. S. To the issue of implementing the priority direction of the long-term development program "Urban Environment" of Simferopol city district // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 174–180.

The article considers some aspects of the implementation of the priority direction of the long-term development program "Urban Environment" for Simferopol city district. The author analyzes the principles of legislative provision of strategic planning in the Russian Federation. The problems and specific features of the system of strategic planning documents that was formed before the adoption of the Federal Law "On Strategic Planning in the Russian Federation" were identified. Current, unified system of documents for strategic plan-

ning, interrelated with the system of territorial and budget planning, was investigated. The main requirements that are presented to the documents of territorial planning of the municipal formations of the Republic of Crimea are highlighted. The document for planning the development of the municipal district of Simferopol city of the Republic of Crimea at the federal, regional and municipal levels is analyzed. The analysis of the project of the Strategy of social and economic development of the municipal formation of Simferopol city is carried out. The priority is given to the direction of long-term development of the "Urban Environment", its problems are identified and solutions are suggested.

Key words: strategic planning documents, priority directions of long-term development, Simferopol city district, "Urban Environment", federal level, regional level, municipal level, legislative provision, territorial planning, sustainable development.

Spisok literaturyi

1. Kontseptualnyie osnovyi formirovaniya sistemyi dokumentov strategicheskogo i territorialnogo // Ofitsialnyiy Portal Ministerstva Ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii. [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://economy.gov.ru/minec/main>
2. Proekt strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya munitsipalnogo obrazovaniya gorodskoy okrug Simferopol // Ofitsialnyiy Portal Pravitelstva Respubliki Kryim. [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://simf.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/370978.htm>.
3. «Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii» (prinyata vsenarodnyim golosovaniem 12.12.1993) // Sobranie zakonodatelstva RF. - 2014. - # 31. - St. 4398.
4. Federalnyiy zakon ot 28.06.2014 N 172-FZ (red. ot 30.10.2017) «O strategicheskome planirovanii v Rossiyskoy Federatsii» // Ofitsialnyiy Sayt kompanii «KonsultantPlyus». [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/.
5. Postanovlenie Pravitelstva RF ot 11.08.2014 N 790 (red. ot 28.09.2017) «Ob utverzhdenii federalnoy tselevoy programmy «Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Respubliki Kryim i g. Sevastopolya do 2020 goda» // Ofitsialnyiy Sayt kompanii «KonsultantPlyus». [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167146/.
6. Zakon Respubliki Kryim ot 28 dekabrya 2016 «O strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Kryim do 2030 goda» // Ofitsialnyiy Sayt Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Kryim [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: http://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/strategy/ZRK_O_strateg_SER.pdf.
7. Postanovlenie Administratsii goroda Simferopolya Respubliki Kryim ot 09.03.2017 #478 «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v postanovlenie Administratsii goroda Simferopolya Respubliki Kryim ot 08.07.2015 #530» «Ob utverzhdenii Perechnya munitsipalnyh programm munitsipalnogo obrazovaniya gorodskoy okrug Simferopol» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Ofitsialnyiy Sayt Administratsii goroda Simferopol. [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://simadm.ru/media/uploads/userfiles/2017/05/04/>.

УДК 342.951

**ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ**

Руденко А. В.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматривается вопрос, является ли обязательным проведение административного расследования при возбуждении дела об административном правонарушении по статьям 6.1.1, 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Данный вопрос был вызван отсутствием единообразия применения статьи 28.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях после внесения в нее изменений Федеральным законом № 326-ФЗ от 03.07.2016. Данные изменения повлекли противоречивую судебную практику, что, в свою очередь, привело к нарушению прав участников производства по делам об административных правонарушениях. В статье проводится анализ как решений судов различного уровня, вынесенных после вступления в силу данных изменений, так и нормативных правовых актов, их проектов и иных документов. Автор приходит к выводу, об отсутствии обязанности органа уполномоченного составлять протокол об административном правонарушении проводить административное расследование, вне зависимости от наличия процессуальной необходимости.

Ключевые слова: административный процесс, административная ответственность, административное расследование, подведомственность, судебная практика.

Административное расследование является важным этапом стадии возбуждения дела об административном правонарушении. Порядок возбуждения и проведения административного расследования регулируется статьей 28.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее – КоАП РФ). Часть первая указанной статьи устанавливает обстоятельства, при наличии которых допускается проведение административного расследования. К ним относится выявление административного правонарушения в областях, указанных в части 1 статьи 28.7 КоАП РФ, если осуществляется экспертиза или иные процессуальные действия, требующие значительных временных затрат. Таким образом, необходимость проведения административного расследования в указанных сферах отношений определялась исходя из срока, необходимого для проведения процессуальных действий, направленных на сбор доказательств по делу и выполнение иных целей стадии возбуждения дела об административном правонарушении. Правом принятия решения о проведении административного расследования в соответствии с частью 2 статьи 28.17 КоАП РФ обладают должностные лица, уполномоченные в соответствии со статьей 28.3 КоАП РФ составлять протокол об административном правонарушении, и прокурор. Как видно из указанных норм, принятие решения о проведении административного расследования является правом должностного лица.

Изменениями, внесенными в КоАП РФ Федеральным законом № 326-ФЗ от 03.07.2016 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”» [2], часть 1 статьи 28.7 КоАП РФ была допол-

нена еще одним основанием проведения административного расследования, которое законодатель сформулировал так: «... В случаях совершения административных правонарушений, предусмотренных статьями 6.1.1, 7.27 настоящего Кодекса».

Данная формулировка вызвала вопрос об обязательности проведения административного расследования в случае выявления признаков административных правонарушений, предусмотренных статьями 6.1.1. и 7.27 КоАП РФ, так как не содержит иных критериев его проведения, кроме выявления признаков указанных правонарушений.

Следует отметить, что административное расследование – это не только процессуальный механизм, позволяющий собрать и подготовить процессуальные документы и доказательства, необходимые для полного и объективного рассмотрения дела об административном правонарушении, без нарушения общего срока составления протокола об административном правонарушении. Это еще и самостоятельное основание, влияющее на определение суда, уполномоченного рассматривать дело об административном правонарушении. Так, абзац 2 части 3 статьи 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, которые указаны в частях 1–2 статьи 23.1 КоАП РФ, производство по которым осуществляется в форме административного расследования, рассматриваются судьями районных судов. В случае же непроведения административного расследования данные дела должны быть рассмотрены мировыми судьями (абзац 6 части 3 статьи 23.1 КоАП РФ).

Таким образом, вопрос об обязательности проведения административного расследования влияет на наличие или отсутствие альтернативной подсудности по делам, предусмотренным статьями 6.1.1. и 7.27 КоАП РФ. Рассмотрение дела и вынесение постановления по итогам его рассмотрения неправомочным судьей является основанием для отмены постановления и направления дела на рассмотрение по подведомственности.

На практике можно встретить кардинально противоположные подходы к обязанности проведения административного расследования по делам, предусмотренным статьями 6.1.1. и 7.27 КоАП РФ, а, следственно, и выбору суда, уполномоченного на рассмотрение данной категории дел.

В Решении по делу № 12-327/2016 от 26 ноября 2016 года, вынесенном судьей Белорецкого межрайонного суда Республики Башкортостан [3], указано, что «в соответствии с частью 1 статьи 28.7 КоАП РФ по делам об административном правонарушении, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ, проводится административное расследование. Как усматривается из материалов дела, Сафуановой Н. С. вменялось совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ. При этом, вопреки требованиям части 1 статьи 28.7 КоАП РФ, административное расследование по делу проведено не было. Таким образом, суд полагает, что по данному делу были допущены существенные нарушения процессуальных требований, предусмотренных КоАП РФ, что не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело. При этом частью 1 статьи 28.7 КоАП РФ предусмотрен обязательный характер проведения административного расследования по статье 6.1.1 КоАП РФ».

Эта позиция поддерживается и в Определении мирового судьи 259 судебного участка Химкинского судебного района Московской области по делу № 5-940/16 от 02 ноября 2016 года [4]: «В соответствии с частями 1, 2 статьи 28.7 КоАП РФ в слу-

чаях совершения административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ, проводится административное расследование. Решение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования принимается должностным лицом, уполномоченным в соответствии со статьей 28.3 настоящего Кодекса составлять протокол об административном правонарушении, в виде определения, а прокурором – в виде постановления немедленно после выявления факта совершения административного правонарушения.

Таким образом, во всех случаях при возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном статьей 6.1.1 КоАП РФ, проводится административное расследование и выносится определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования».

В Определении по делу 5-346/2016 от 02 сентября 2016 года «О возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела» [5] мировой судья по судебному участку № 1 Алданского района Республики Саха также указал, что в материалах административного дела отсутствуют сведения о том, что по делу было вынесено определение о проведении административного расследования, тогда как его проведение по данному делу является обязательным в соответствии со статьей 28.7 КоАП РФ, что послужило основанием возврата материалов дела об административном правонарушении, предусмотренном статьей 6.1.1 КоАП РФ в отношении Тихомирова В. А. в ОМВД РФ по Алданскому району Республики Саха (Якутия) для устранения выявленных нарушений.

Противоположная позиция содержится в Постановлении по делу об административном правонарушении мирового судьи судебного участка № 1 Ленинского судебного района г. Ульяновска, в котором лицо признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренном статьей 6.1.1 КоАП РФ, и ему назначено наказание в виде административного штрафа в размере 8000 (восемь тысяч) рублей [6]. Данный пример рассмотрения указанной категории дел мировыми судьями не является единичным, в Обобщении по итогам рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1. КоАП РФ, в период с августа 2016 года по январь 2017 года на судебные участки мировых судей г. Бузулука и Бузулукского района Оренбургской области поступило 116 протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1. КоАП РФ. 32 из них были рассмотрены по существу [7].

Эта же позиция высказана в Определении от 13 августа 2016 года о передаче дела № 5-500/2016 по подведомственности, вынесенном судьей Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан [8]. Как указывает судья, «по смыслу статьи 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных в части 1 статьи 7.27 КоАП РФ, рассматриваются мировыми судьями, а в случае проведения административного расследования по делам указанной категории – судьями районных судов... Из представленных материалов дела следует, что протокол об административном правонарушении составлен должностным лицом УУП ОП Управления МВД России непосредственно в день задержания лица, привлекаемого к административной ответственности, все приложенные к административному делу документы также составлены в тот день, следовательно, административного расследования по данному делу не проводилось. Определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении по нему административного рас-

следования составлено должностным лицом Управления МВД России непосредственно в день поступления данного административного дела в Стерлитамакский городской суд. При этом доказательства о проведении по делу административного расследования в материалах дела также отсутствуют. При указанных обстоятельствах дела, с учетом установленных статьей 23.1 КоАП РФ правил подведомственности, данный административный материал в отношении лица, привлекаемого к административной ответственности, по части 1 статьи 7.27 КоАП РФ подлежит рассмотрению мировым судьей».

Аналогичная позиция содержится в Определении от 15 мая 2017 года по делу № 5-626/2017, принятом судьей Октябрьского районного суда г. Белгорода [9], Определении судьи Мокшанского районного суда Пензенской области по делу №5-5/2017 от 20 февраля 2017 года [10].

Эта позиция поддерживается и некоторыми судами вышестоящих инстанций. Так, в Решении по делу №12-262-2017 от 3 апреля 2017 года Судья Верховного Суда Республики Башкортостан [11], отменяя постановление судьи Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 17 февраля 2017 года о признании лица виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ, и направляя дело на новое рассмотрение в мировой суд, указал, что «административное расследование в соответствии с частью 1 статьи 28.7 КоАП РФ проводится в случаях, когда после выявления административного правонарушения осуществляются процессуальные действия, требующие значительных временных затрат. В соответствии с частью 1 статьи 28.7 КоАП РФ и абзацем 3 подпункта «а» пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 г № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» административное расследование представляет собой комплекс требующих значительных временных затрат, процессуальных действий, направленных на выяснение всех обстоятельств административного правонарушения, их фиксирование, юридическую квалификацию и процессуальное оформление. Кроме того, проведение административного расследования должно состоять из реальных действий, направленных на получение необходимых сведений. Из смысла абз. 7 п. 3 указанного Постановления следует, что в случае, если административное расследование фактически не проводилось, дело подлежит рассмотрению мировым судьей».

Аналогичная позиция озвучена в Определении судьи Тушинского районного суда города Москвы по делу № 5 – 648 / 2017 17 апреля 2017 года [12].

Применение в качестве мотивировки решения абзаца 3 подпункта «а» пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 [13], закрепляющего положение о передаче дела на рассмотрение мировому судье, в случае формального осуществления административного расследования возможно только при условии признания необязательности проведения административного расследования, так как обратное означало бы передачу дела неуполномоченному на рассмотрение дела суду.

Позицию о необязательности административного расследования также поддерживает и Верховный Суд Российской Федерации [14].

Таким образом, можно говорить о двух основных позициях, сформировавшихся в судебной практике. В первом случае судебные органы трактуют предписание ча-

сти 1 статьи 28.7 КоАП РФ в «...случаях совершения административных правонарушений, предусмотренных статьями 6.1.1, 7.27 настоящего Кодекса» как обязанность проведения по указанным статьям административного расследования, что приводит к возвращению мировыми судьями таких материалов для устранения нарушений, то есть проведению административного расследования и направлению материалов районным судам для рассмотрения их по существу.

Вторая позиция чаще поддерживается районными судами. Указывая на отсутствие информации о проведении административного расследования или формальность его проведения, они передают указанные дела на рассмотрение мировым судьям, тем самым фактически утверждая позицию о необязательности административного расследования по статьям 6.1.1. и 7.27 КоАП РФ.

Такая ситуация приводит не только к затягиванию процесса по делу, но также может привести к истечению срока привлечения к административной ответственности, несмотря на его длительность. Что, в свою очередь, позволит лицу, совершившему административное правонарушение, избежать наказания.

Для разрешения ситуации стоит провести анализ проекта закона и иных документов, сопровождающих процесс принятия закона, чтобы установить смысл, закладываемый в принятую норму при ее разработке.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”» указано, что «законопроектом в статье 28.7 КоАП РФ предлагается предусмотреть возможность проведения административного расследования по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 6.1¹, 6.1², 7.27, 19.18¹, а также в случае, когда данные о лице, совершившем административное правонарушение, неизвестны» [15]. Субъект законодательной инициативы изначально закладывал в статью именно возможность проведения административного расследования по указанным статьям, а не его обязательность.

В Заключении Правового управления Государственной Думы по проекту Федерального закона № 953398-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”», внесенном Верховным Судом Российской Федерации (первое чтение), обращается внимание, что «административное расследование проводится в случаях, когда после выявления административного правонарушения в той или иной сфере осуществляются экспертиза или иные процессуальные действия, требующие значительных временных затрат. Дополнение статьи 28.7 КоАП РФ с указанием на проектируемые статьи не содержит критериев, по которым в данном случае должно проводиться административное расследование. Следует отметить, что такой подход противоречит предназначению административного расследования. С учетом изложенного полагаем, что дополнительные проектируемыми статьями 5.35¹, 6.1¹, 6.1², 7.27, 19.18¹ КоАП РФ статей 4.5 и 28.7 КоАП РФ только в силу декриминализации противоправных действий не пред-

ставляется объективно обоснованным» [16]. Правовое управление обоснованно ставит под сомнение даже необходимость проведения административного расследования лишь в силу декриминализации деяния, и, тем более, в данном случае не может идти речь об обязательности проведения административного расследования независимо от наличия процессуальной необходимости.

В Заключении по проекту Федерального закона № 953398-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”» (второе чтение) также отмечалось: «Предусмотреть проведение административного расследования (статья 28.7 КоАП РФ) в случае совершения административных правонарушений, предусмотренных проектируемыми статьями 5.35¹, 6.1¹ КоАП РФ. Учитывая характер правонарушений, срок давности для которых составляет два года, и основания для административного расследования, включение в статьи 4.5 и 28.7 КоАП РФ новых составов административных правонарушений только в силу декриминализации противоправных действий не представляется объективно обоснованным» [17].

Таким образом, можно прийти к выводу, что сложившаяся ситуация является причиной нарушения правил юридической техники в части ясности и недвусмысленности нормативного предписания. Ни Верховный Суд Российской Федерации как субъект законодательной инициативы, ни депутаты Государственной Думы не ставили вопрос об обязательности административного расследования по указанным статьям.

Предусмотренное частью 1 статьи 28.7 КоАП РФ предписание «а также в случаях совершения административных правонарушений, предусмотренных статьями 6.1.1, 7.27 настоящего Кодекса, проводится административное расследование» должно трактоваться как возможность принятия должностным лицом, уполномоченным в соответствии со статьей 28.3 КоАП РФ составлять протокол об административном правонарушении, решения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования. На данный момент принятие такого решения не ограничивается какими-либо формальными критериями, то есть решение о проведении административного расследования уполномоченное должностное лицо в праве принимать исходя из собственного убеждения. Так как проведение административного расследования по данным статьям не является обязательным, то в полной мере может применяться предписание пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (с изменениями и дополнениями).

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // «Российская газета» от 31 декабря 2001 г. – № 256.
2. Федеральный закон № 326-ФЗ от 03.07.2016 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"» // «Собрание законодательства РФ», 04.07.2016, № 27 (часть II), ст. 4259

3. Решение Белорецкого межрайонного суда Республики Башкортостан по делу № 12-327/2016 от 26 ноября 2016 года // РосПравосудие. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-beloreckij-gorodskoj-sud-respublika-bashkortostan-s/act-537048495/>
4. Определение мирового судьи 259 судебного участка Химкинского судебного района Московской области по делу № 5-940/16 от 02 ноября 2016 года // РосПравосудие. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-sudebnij-uchastok-259-mirovogo-sudii-ximkinskogo-sudebnogo-rajona-moskovskoj-oblasti-s/act-231881072/>
5. Определение мирового судьи судебного участка № 1 Алданского района Республики Саха по делу 5-346/2016 от 02 сентября 2016 года // РосПравосудие. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-aldanskij-sudebnij-uchastok-1-s/act-231255349/>
6. Постановление мировой судьи судебного участка №1 Ленинского судебного района г. Ульяновска по делу 5-566/2017 от 02 августа 2017 года // РосПравосудие. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-sudebnij-uchastok-1-leninskogo-rajona-g-ulyanovska-s/act-239002886/>
7. Обобщение по итогам рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1. КоАП РФ // Судебный участок № 1 Мирового судьи города Бузулука Оренбургской области [Режим доступа] <https://buz1.kodms.ru/press/obobshenie-po-st611-koap-rf-obobshenie/>
8. Определение судьи Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан по делу № 5-500/2016 от 13 августа 2016 // Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/aQ12Ds5cU8QX/>
9. Определение судьи Октябрьского районного суда г. Белгорода по делу № 5-626/2017 от 15 мая 2017 года // Право.РУ. [Режим доступа] <http://docs.pravo.ru/document/view/95502485/>
10. Определение судьи Мокшанского районного суда Пензенской области по делу №5-5/2017 от 20 февраля 2017 года // РосПравосудие. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-mokshanskij-rajonnyj-sud-penzenskaya-oblast-s/act-553815401/>
11. Решение Верховного Суда Республики Башкортостан по делу №12-262-2017 от 3 апреля 2017 года // РосПравосудие. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-bashkortostan-respublika-bashkortostan-s/act-555059636/>
12. Определение судьи Тушинского районного суда города Москвы по делу № 5 – 648 / 2017 17 апреля 2017 года // Официальный портал Судов общей юрисдикции города Москвы. Режим доступа: www.mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/cases/.../a3aad4d2-9b36-4801-9523-e2afed89f4af
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (с изменениями и дополнениями) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, июнь 2005 г. – № 6.
14. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2017 г. № 44-АД17-9 // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=505000#0>
15. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”» // Система обеспечения законодательной деятельности. Режим доступа: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/953398-6>
16. Заключение по проекту федерального закона № 953398-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”», внесенному Верховным Судом Российской Федерации // Система обеспечения законодательной деятельности. Режим доступа: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/953398-6>
17. Заключение по проекту федерального закона № 953398-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”» (второе чтение) // Система обеспечения законодательной деятельности. Режим доступа: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/953398-6>

Rudenko A. V. Necessity of administrative investigation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 181–189.

Whether in article the question is considered conducting administrative investigation at initiation of proceedings about an administrative offense under articles 6.1.1, 7.27 of the Russian Federation Code of Administrative Offences is obligatory. The matter was raised by lack of uniformity of application of article 28.7 of the Russian Federation Code of Administrative Offences, after entering of changes into it the Federal law No. 326-FZ of 03.07.2016. These changes entailed contradictory court practice that in turn led to violation of the rights of participants of production on cases of administrative offenses. In article the analysis as the decisions of the courts of various level passed after entry into force of these changes, and regulations, their projects and other documents is carried out. The author comes to a conclusion, about lack of an obligation of authorized body to make the protocol on an administrative offense to make administrative investigation, regardless of existence procedural need.

Keywords: administrative process, administrative responsibility, administrative investigation, jurisdiction, jurisprudence

Spisok literaturi:

1. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyaх ot 30 dekabrya 2001 g. N 195-FZ // "Rossiyskoy gazete" ot 31 dekabrya 2001 g. N 256
2. Federalnyy zakon # 326-FZ ot 03.07.2016 «O vnesenii izmeneniy v otdelnyie zakonodatelnyie akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem Federalnogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovaniy i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti» // "Sobranie zakonodatelstva RF", 04.07.2016, N 27 (chast II), st. 4259
3. Reshenii Beloretskogo mezhrayonnogo suda Respubliki Bashkortostan po delu # 12-327/2016 ot 26 noyabrya 2016 goda // RosPravosudie [Rezhim dostupa] <https://rospravosudie.com/court-beloreckij-gorodskoj-sud-respublika-bashkortostan-s/act-537048495/>
4. Opredelenie mirovogo sudi 259 sudebnogo uchastka Himkinskogo sudebnogo rayona Moskovskoy oblasti po delu # 5-940/16 ot 02 noyabrya 2016 goda // RosPravosudie [Rezhim dostupa] <https://rospravosudie.com/court-sudebnij-uchastok-259-mirovogo-sudi-ximkinskogo-sudebnogo-rajona-moskovskoy-oblasti-s/act-231881072/>
5. Opredelenie mirovogo sudi sudebnogo uchastka № 1 Aldanskogo rayona Respubliki Saha po delu 5-346/2016 ot 02 sentyabrya 2016 goda // RosPravosudie [Rezhim dostupa] <https://rospravosudie.com/court-aldanskij-sudebnij-uchastok-1-s/act-231255349/>
6. Postanovlenii mirovoy sudya sudebnogo uchastka #1 Leninskogo sudebnogo rayona g. Ulyanovska po delu 5-566/2017 ot 02 avgusta 2017 goda // RosPravosudie [Rezhim dostupa] <https://rospravosudie.com/court-sudebnij-uchastok-1-leninskogo-rajona-g-ulyanovska-s/act-239002886/>
7. Obobshchenie po itogam rassmotreniya del ob administrativnykh pravonarusheniyaх, predusmotrennykh st. 6.1.1. KoAP RF // Sudebnyy uchastok #1 Mirovogo sudi goroda Buzuluka Orenburgskoy oblasti [Rezhim dostupa] <https://buz1.kodms.ru/press/obobshenie-po-st611-koap-rf-obobshenie/>
8. Opredelenie sudi Sterlitamakskogo gorodskogo suda Respubliki Bashkortostan po delu # 5-500/2016 ot 13 avgusta 2016 // Sudebnyie i normativnyie aktyi RF [Rezhim dostupa] <http://sudact.ru/regular/doc/aQ12Ds5cU8QX/>
9. Opredelenii sudi Oktyabrskogo rayonnogo suda g. Belgoroda po delu № 5-626/2017 ot 15 maya 2017 goda // Pravo.RU [Rezhim dostupa] <http://docs.pravo.ru/document/view/95502485/>
10. Opredelenie sudi Mokshanskogo rayonnogo suda Penzenskoy oblasti po delu №5-5/2017 ot 20 fevralya 2017 goda // RosPravosudie [Rezhim dostupa] <https://rospravosudie.com/court-mokshanskij-rajonnyj-sud-penzenskaya-oblast-s/act-553815401/>
11. Reshenii Verhovnogo Suda Respubliki Bashkortostan po delu #12-262-2017 ot 3 aprelya 201 goda // RosPravosudie [Rezhim dostupa] <https://rospravosudie.com/court-verxovnyj-sud-respubliki-bashkortostan-respublika-bashkortostan-s/act-555059636/>
12. Opredelenie sudi Tushinskogo rayonnogo suda goroda Moskvyi po delu # 5 – 648 / 2017 17 aprelya 2017 goda // Ofitsialnyy portal Sudov obschey yurisdiktsii goroda Moskvyi [Rezhim dostupa] www.mosgorsud.ru/rs/tushinskij/cases/.../a3aad4d2-9b36-4801-9523-e2afed89f4af

13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24 marta 2005 g. N 5 "O nekotoryih voprosah, voznikayuschih u sudov pri primenении Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnyih pravonarusheniyah" (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Byulletene Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, iyun 2005 g., N 6
14. Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 2 iyunya 2017 g. N 44-AD17-9 // SPS KonsultantPlyus [Rezhim dostupa] <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=505000#0>
15. Poyasnitelnaya zapiska k proektu federalnogo zakona «O vnesenii izmeneniy v otdelnyie zakonodatelnyie aktyi Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem Federalnogo zakona «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessualnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovaniy i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti» // Sistema obespecheniya zakonodatelnoy deyatel'nosti [Rezhim dostupa] <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/953398-6>
16. Zaklyuchenie po proektu federalnogo zakona # 953398-6 «O vnesenii izmeneniy v otdelnyie zakonodatelnyie aktyi Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem Federalnogo zakona «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessualnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovaniy i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti», vnesennomu Verhovnyim Sudom Rossiyskoy Federatsii // Sistema obespecheniya zakonodatelnoy deyatel'nosti [Rezhim dostupa] <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/953398-6>

Zaklyuchenie po proektu federalnogo zakona № 953398-6 «O vnesenii izmeneniy v otdelnyie zakonodatelnyie aktyi Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem Federalnogo zakona «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessualnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovaniy i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti» (vtoroe chtenie) // [Rezhim dostupa] Sistema obespecheniya zakonodatelnoy deyatel'nosti <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/953398-6>

УДК 349.41

ПРАВОВЫЕ ПРИЗНАКИ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

Рышкова Л. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье анализируются юридически значимые признаки землеустройства в современном земельном праве. Определена роль землеустройства как правового института в системе земельного права. Автор приходит к выводу, что землеустройство необходимо рассматривать как целостную систему, а не простую совокупность правовых норм. Исследуются правовые позиции ученых по данному вопросу. Определено, что понятие землеустройства нельзя сводить исключительно к землеустроительному процессу. Сделан вывод о публично-правовом характере данного явления. Одновременно проанализированы случаи, когда землеустройство следует рассматривать как способ обеспечения частных правовых интересов.

Ключевые слова: землеустройство, землеустроительный процесс, юридический аспект землеустройства, публичный интерес, частный интерес, правовой институт, публично-правовые аспекты землеустройства, частно-правовые аспекты землеустройства, федеральный уровень, региональный уровень, муниципальный уровень.

Землеустройство всегда играло важную роль в земельном правопорядке страны. Не потеряло оно своей актуальности и на современном этапе как для обеспечения реализации интересов государства, субъектов федерации, муниципальных образований в порядке реализации документов территориального планирования, так и для отдельных физических и юридических лиц в качестве гарантии обеспечения их прав на землю. Подтверждением этому может служить распоряжение Правительства РФ № 2236-р «О Повышении качества государственных услуг в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [1].

Землеустройство как система мер по реализации земельного, экологического, градостроительного законодательства состоит из трех взаимосвязанных аспектов: юридического, экономического и технического. На протяжении довольно долгого периода времени превалировала точка зрения некоторых ученых, согласно которой землеустройство рассматривалось в первую очередь как экономическое, а потом уже социально-правовое явление. Она сводилась к тому, что реальную природу землеустройства определяет экономический характер общественных отношений по распределению и перераспределению земли. Землеустройство считалось зависимым от объективно действующих экономических законов (закон стоимости, пропорционального развития, экономического времени). Вместе с тем еще в 1914 году О. А. Хауке настаивал на единстве двух аспектов землеустройства: правового и экономического [2, с. 16].

Для выполнения поставленных задач землеустройство объективно требует правового регулирования. Нельзя не согласиться с утверждением некоторых ученых о землеустройстве как регуляторе земельных отношений, о чем в своей монографии «Землеустроительный процесс в СССР» указывал П. Д. Сахаров, подчеркивая, что землеустройство не может выступать регулятором земельных отношений, поскольку

ку само является разновидностью земельных отношений [3, с. 7]. Позднее это мнение было поддержано авторами «Общей теории советского земельного права [4, с. 235]. Отношения в сфере землеустройства, урегулированные нормами земельного права, получают правовую форму и становятся правовыми отношениями, которым свойственно не только экономическое, но и юридическое содержание.

Вместе с тем проведение земельных преобразований как составляющей экономических реформ, появление и расширение конкуренции, перераспределение государственной собственности на землю, возникновение многосубъектности форм собственности на землю создает ситуацию, когда землеустройство следует рассматривать как комплексную категорию.

Эта категория характеризуется и своей правовой природой, вопрос которой целесообразно исследовать. Юридический аспект землеустройства состоит в правовом обосновании тех экономических и технических действий, которые входят в состав землеустроительных действий на последующих этапах [5, с. 121]. Таким образом, задачей правового обеспечения землеустройства является конкретизация правового содержания экономических и технических действий, которые фактически реализуются.

Действующий Земельный кодекс РФ определяет землеустройство как отдельные мероприятия по «изучению состояния земель; планированию и организации рационального использования земель и их охраны; описанию местоположения и (или) установлению на местности границ объектов землеустройства; организации рационального использования гражданами и юридическими лицами земельных участков для осуществления сельскохозяйственного производства, а также по организации территорий, используемых общинами коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ст.68) [6].

Приведенное определение землеустройства продублировано в ФЗ «О землеустройстве», касается лишь его социально-экономического аспекта и не характеризует всю сущность этого явления [7]. Аналогичным определением природного характера является определение растительного мира в ст. 3 Закона Республики Крым «О растительном мире» от 10 декабря 2014 года № 50-ЗРК/2014, а также леса в ст. 5 Лесного кодекса РФ [8; 9]. Но, как уже упоминалось, землеустройство – это сложное и многогранное явление. Поэтому подходы к нему должны быть более совершенными. С этой точки зрения следует отметить, что в предыдущей редакции Земельного кодекса понятие землеустройства было более совершенным. Так, в ст. 112 Земельного кодекса РФ в редакции 1993 года землеустройство определялось как система мероприятий, направленных на осуществление земельного законодательства, решений Советов народных депутатов по организации использования и охраны земель, создание благоприятной экологической среды и улучшение природных ландшафтов [10]. В приведенном определении землеустройства, во-первых, речь идет не о простой совокупности социально-экономических и экологических мер, а об их системе; во-вторых, меры в сфере землеустройства направлены на реализацию положений земельного законодательства, а не на регулирование земельных отношений; в-третьих – закрепление экологического аспекта в самом определении землеустройства, его цели – организация рационального использования земель во всех отраслях народного хозяйства, создание условий поддержания устойчивых ландшафтов и охраны земель. В этом смысле еще более совершенным является опреде-

ление землеустройства в «Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о земле» 1990 г. и действовавшем ранее Земельном кодексе РСФСР [11; 12]. Преимущество заключается в том, что в этих актах понятие явления землеустройства закрепляется, во-первых, как система мер, во-вторых, мер, направленных на осуществление решений государственных органов в сфере использования земель.

Землеустройство должно представлять из себя не простую совокупность мероприятий, указанных в Земельном кодексе РФ и ФЗ «О землеустройстве», а целостную структурированную систему, характеризующуюся объединением и согласованием мероприятий, их целостностью, объединенных единым назначением – обеспечение рационального использования и охраны земель, создание благоприятной экологической среды и улучшение природных ландшафтов [13, с. 109].

Как известно, система права представляет собой совокупность действующих норм права, ей свойственны как единство и согласованность, так и дифференциация на относительно самостоятельные структурные образования (нормы, институты, отрасли права и др.). Система земельного права рассматривается как научно обоснованное последовательное размещение однородных институтов и норм, объединенных в институты в зависимости от содержания, функций, целевого назначения и способов их реализации, что зависит от характера и особенностей общественных земельных отношений, которые ими регулируются [14, с. 42]. Будучи однородным по своему характеру и содержанию, предмет правового регулирования любой отрасли права имеет внутри этого единства определенные различия, которые вытекают из субъективного состава, оснований возникновения и др., которые входят в этот предмет правового регулирования [15, с. 94]. Отсюда признание единства земельных отношений и единства норм земельного права, которые их регулируют, определяют деление этих норм на отдельные группы. Дифференциация правовых норм на отдельные части или группы в зависимости от охвата своими нормами разных сторон земельных отношений в середине земельного права происходит путем группирования норм в правовые институты. Значит, особенности и характерные черты правового института определяются своеобразием урегулированных им общественных отношений. Правовой институт является первичным самостоятельным структурным подразделением отрасли права и представляет собой совокупность органически взаимосвязанных между собой правовых норм, которые сложились внутри и входят в совокупность норм соответствующей отрасли права, регулируют типовые общественные отношения с необходимой детализацией. Правовые нормы создают отрасль права не непосредственно, а путем объединения в правовые институты. Правовой институт представляет из себя систему взаимосвязанных правовых норм, которые регулируют определенную группу (вид) общественных отношений.

По мнению специалистов общей теории права, правовой институт характеризуется системой признаков: 1) является логично замкнутой, самостоятельной совокупностью норм, которые взаимосвязаны и создают единую систему; 2) регулирует определенный вид общественных отношений или определенную сторону их группы, то есть являются однородными по своему содержанию; 3) функционирует автономно, то есть имеет возможность осуществлять регулирование общественных отношений независимо от других институтов права [16, с. 258–259].

Таким образом, если исходить из изложенных положений общей теории права, то правовые нормы, регулирующие группу однородных отношений, возникающих

по поводу рациональной организации территории административно-территориальных образований и субъектов хозяйствования в условиях проведения земельной реформы и размежевания земель, можно рассматривать как самостоятельный институт земельного права, который сформировался в рамках земельного законодательства, характеризуется всеми признаками правового института земельного права, направленного на регулирование определенного круга однородных общественных отношений, возникающих в сфере рациональной организации территории административно-территориальных образований и субъектов хозяйствования, формирования новых и упорядочения существующих земельных участков или их частей и установления их границ. Указанному кругу общественных отношений свойственна единая правовая природа в виде определенной юридической регламентации внутри земельного права. Также для института землеустройства характерно и автономное функционирование, основанное на единстве правовых предписаний. При этом говорить о его окончательном формировании еще рано.

Необходимо отметить, что правовые предписания института землеустройства регламентируют преимущественно публичные интересы. Путем проведения землеустройства проводится государственная земельная политика. В современных условиях проведения земельной реформы задачами землеустройства должны обеспечивать единство общества, отдельных коллективов и граждан при приоритете общественных интересов.

Категория «публичный (общественный) интерес», которая активно используется в юриспруденции, в том числе при анализе землеустройства, имеет государственно-правовое значение. Впервые в правовой литературе она была глубоко исследована Ю. А. Тихомировым. Он определил публичный интерес как признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит гарантией ее существования и развития [16, с. 55].

Публичные интересы всегда находят свое выражение в правовых нормах в результате осознания их государством, чем обеспечивается их охрана. Таким образом, публичные интересы являются общественными интересами, признанными государством и урегулированные правом. Публичные интересы включают в себя лишь те потребности, от которых зависит существование и развитие общества. Государство должно ограничивать свое вмешательство сферой публичных интересов [17, с. 92].

Таким образом, «публичность» означает направленность деятельности государства на благополучие общества. Землеустройство – это сфера деятельности, которая должна удовлетворять прежде всего публичные интересы. Это связано с тем, что предписания землеустройства касаются такого важного и уникального объекта, как земля. Конституцией РФ она признана основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ст. 9) [18]. Как известно, земля выполняет разные функции, что накладывает соответствующий отпечаток на характер тех интересов, которые должно обеспечивать землеустройство. Нормативные правовые акты должны обеспечивать признание публичных интересов, их реализацию и защиту. ФЗ «О землеустройстве» содержит положения об учете не только государственных и общественных, но и частных интересов при осуществлении землеустройства. О нормативном правовом аспекте землеустройства можно говорить, например, когда речь идет о добрососедстве. Частно-правовой аспект землеустройства имеет место и при заключении договора между заказчиком и исполнителем

договора о разработке проекта землеустройства по отведению земельного участка [19]. Частные интересы – интересы отдельного гражданина (физического лица), семьи, группы граждан, организации (если последняя создана при участии непосредственно или опосредовано физических лиц и не зависит от сферы публичной – государственной или коммунальной формы собственности) [20, с. 1; 17, с. 2]. Однако частно-правовые отношения отдельных землепользователей или землевладельцев, направленные на удовлетворение их частных интересов, также выражают интересы всех путем установления правил этих отношений, что создает общественный интерес. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи публично-правовых и частно-правовых аспектов землеустройства. Интерес отдельного лица в определенной мере отражает интересы социальных групп, общества в целом, хотя прежде всего направляет сознание общества на самого себя [17, с. 24].

Учитывая изложенное, землеустройством следует считать систему правовых норм, направленных на регулирование общественных отношений в сфере управления использованием и охраной земель и осуществления комплекса соответствующих действий по возникновению и прекращению права собственности и права пользования ими, обеспечения рационального, устойчивого, экологически сбалансированного их использования и охраны и имеют своей целью обеспечение гарантий прав на землю. Речь идет в том числе о действиях, касающихся организации территории административно-территориальных образований, рационального использования и охраны земельных участков, формирования новых и упорядочивания существующих или частей последних и установления их границ с целью обеспечения рационального, экологически сбалансированного использования и охраны земель, создания благоприятной экологической среды и улучшения природных ландшафтов. Таким образом, все перечисленные общественные отношения можно классифицировать в зависимости от их непосредственной направленности на отношения: в сфере рационального использования и охраны земель – разработка федеральных программ и программ субъектов федерации использования и охраны земель, составление специальных карт и информационных систем состояния земель и их использования, схем землеустройства, составление проектов землеустройства, обеспечивающих эколого-экономическое обоснование севооборотов и упорядочивания угодий, разработка технико-экономических обоснований использования и охраны земель населенных пунктов, иной документации по землеустройству, связанной с использованием и охраной земель, осуществление авторского надзора за использованием и охраной земель, разработка проектов землеустройства по организации установления границ особо охраняемых территорий и объектов.

При рассмотрении этого вопроса следует остановиться на подобных землеустройству категориях. Термин «пространственно-территориальное упорядочение объектов природы» используется в науке как сборное понятие. По мнению Ю. А. Вовка, пространственно-территориальное упорядочение как функция государственного управления объектами природы включает в себя землеустройство, планирование населенных пунктов и лесоустройство, в определенной степени сюда также можно отнести, по его мнению, действия по индивидуализации (геометризации) участков недр и акватории [21, с. 113].

К высказанной точке зрения необходимо добавить несколько уточнений. В науке лесного права определенное время лесоустройство рассматривалось как си-

стема государственных мер по благоустройству земельной территории, входящей в состав государственного лесного фонда, целью которой является наиболее рациональное использование этой территории в интересах всего народного хозяйства в целом и лесного в том числе [22, с. 10]. Г. Н. Полянская считает, что лесоустройство понятие более широкое, чем организация территории [23, с. 292]. Ныне лесоустройство рассматривается как система государственных мер, направленных на обеспечение эффективной охраны и защиты, рациональное использование, повышение продуктивности лесов и их восстановление, оценку лесных ресурсов, а также повышение культуры ведения лесного хозяйства. О. И. Крассов считает, что земле- и лесоустройству свойственны общие принципы [24, с. 54, 88].

Важной научной проблемой остается и сам землеустроительный процесс, категория, которая сегодня не является общепринятой. В работах некоторых ученых в свое время была сделана попытка дать характеристику указанному явлению как одной из разновидностей земельного процесса [25]. Наиболее фундаментальным исследованием природы землеустроительного процесса является монография П. Д. Сахарова «Землеустроительный процесс в СССР» [3]. Ученый рассматривал землеустроительный процесс как систему урегулированных правовыми нормами последовательно осуществляемых землеустроительно-процессуальных действий и возникающих в их сфере землеустроительно-процессуальных отношений, которые направлены на выявление и обеспечение реализации прав и обязанностей субъектов землеустроительных отношений в соответствии с нормами земельного права [3, с. 25].

То есть, по мнению специалиста, землеустроительный процесс состоит из двух элементов: землеустроительно-процессуальной деятельности и землеустроительно-процессуальных отношений, которые находятся в неразрывной взаимосвязи друг с другом. Землеустроительно-процессуальная деятельность влечет возникновение, развитие, изменение или прекращение землеустроительно-процессуальных отношений, которые представляют из себя урегулированные нормами права отношения между землеустроительными исполнительно-распорядительными органами и другими органами и лицами, которые складываются в процессе выполнения землеустроительными и исполнительно-распорядительными органами конкретных землеустроительных действий и направлены на обеспечение реализации прав и обязанностей участников материальных землеустроительных правоотношений в соответствии с нормами земельного права [3, с. 18–19].

По мнению П. Д. Сахарова, которое позже поддержали Н. И. Краснов и И. А. Иконицкая, землеустройство регулируется двумя группами норм: первая из них опосредует земельные отношения по рациональной организации земельных ресурсов, а вторая – землеустроительно-процессуальную деятельность и землеустроительно-процессуальные отношения, возникающие при осуществлении этой деятельности [25, с. 118]. Ученый справедливо отмечает, что землеустроительно-процессуальные отношения возникают и развиваются в связи с землеустроительными отношениями и являются средством, обеспечивающим надлежащую реализацию прав и обязанностей субъектов материальных землеустроительных отношений [6, с. 21]. Следовательно, землеустроительно-процессуальные отношения играют служебную роль относительно землеустроительных правоотношений, их возникновение и прекращение всегда связано с возникновением и прекращением последних. В

свою очередь, нормы землеустроительного права могут быть реализованы надлежащим образом лишь путем соответствующих землеустроительно-процессуальных норм. Анализируя явление землеустроительного процесса, сравнивая его с землеустройством, можно сделать вывод, что явление землеустройства шире, чем землеустроительный процесс, который, по мнению П. Д. Сахарова, играет вспомогательную роль производной составляющей землеустройства по реализации материальных норм землеустройства [6, с. 22]. Как справедливо отмечали Н. И. Краснов и И. А. Иконицкая, без процессуальных норм вообще отсутствуют гарантии реализации материальных норм в полном соответствии с их содержанием, что подчеркивает значение процессуальных норм как устанавливающих определенный порядок деятельности соответствующих государственных органов, предприятий, учреждений, организаций и граждан, их права и обязанности [25, с. 111]. Отсюда можно сделать вывод, что землеустройство предусматривает наличие норм материального права, а землеустроительный процесс, в свою очередь, обеспечивает реализацию этих норм, гарантирует их правильную реализацию. Таким образом, эти два явления не идентичны, но взаимозависимые и взаимообусловленные, преследуют единую цель – организацию рационального использования и охраны земель.

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

– правовые предписания, регулирующие общественные отношения в сфере землеустройства, отвечают всем признакам самостоятельного института земельного права, формирование которого активно осуществляется в современных условиях. Правовые предписания института землеустройства регламентируют преимущественно сферу публичных интересов, однако в определенных случаях можно говорить и о частно-правовых аспектах землеустройства;

– всесторонне обоснованное понятие землеустройства в современных условиях реформирования земельных отношений выводится из анализа места правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере землеустройства, в системе права. В связи с чем землеустройство следует рассматривать как систему правовых норм, направленных на регулирование общественных отношений в сфере управления использованием и охраной земель и осуществления комплекса соответствующих действий по возникновению и прекращению права собственности и права пользования землей, обеспечения рационального, устойчивого, экологически сбалансированного использования и охраны земель, и имеют своей целью обеспечение гарантий прав на землю. Речь идет в том числе о действиях, касающихся организации территории муниципальных образований, рационального использования и охраны земельных участков, формирования новых и упорядочения существующих земельных участков или их частей и установления их границ с целью обеспечения рационального, экологически сбалансированного использования и охраны земель, создания благоприятной экологической среды и улучшения природных ландшафтов;

– явление землеустройства по своему содержанию более широкое, чем землеустроительный процесс. Правовые нормы последнего обеспечивают реализацию материальных норм, гарантируют их правильную реализацию.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ № 2236-р «О повышении качества государственных услуг в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» //Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 50 (ч. 6). – ст. 7088.
2. Хауке О. А. Очерки землеустроительного права. Вып. 1. / О. А.Хауке. – М.: Типо-Литография «Ю. Венерь преемн. О. Фалк», 1914. – 56 с.
3. Сахаров П. Д. Землеустроительный процесс в СССР /П. Д. Сахаров. – М.: Юрид. лит., 1968. – 158 с.
4. Общая теория советского земельного права / Под ред. Г. А. Аксененка, И. А.Иконицкой, Н. И. Краснова. – М.: Наука, 1983. – 359 с.
5. Земельное право: учебник / под ред. Ю. Г. Жарикова, В. Х. Улюкаева. – М.: Былина, 2000. – 388 с.
6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28 сен. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 окт. 2001 г.: ввод Федер. законом Рос. Федерации от 25 окт. 2001 г. № 137-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147
7. О землеустройстве: Федеральный закон от 18 июня 2001 № 78-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 26. – Ст. 2582.
8. О растительном мире: закон Республики Крым от 10 декабря 2014 года № 50 ЗРК/2014 // Государственный Совет Республики Крым [Официальный сайт]. Режим доступа: http://rk.gov.ru/file/50_ZRK_2014_o_rastitelnom_mire.pdf
9. Лесной кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 дек. 2006 №200-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5278
10. Земельный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 25 апр. 1991 г.: постановление Верховного Совета РСФСР 25 апр. 1991 г. № 1103-1 (ред. от 24.12.1993) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>
11. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле: закон ВС СССР 28.фев.1990 №1252-1// Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=807&rnd=235642.1783726396&dst=100067&fld=134#0> (дата обращения 12.07.16)
12. Земельный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 1 декабря 1970 г.: закон РСФСР от 1 июля 1970 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1970. – № 28. – Ст. 581.
13. Земельное право: учебник / Под ред. Ю. Г. Жарикова. – М.: «Кронус», 2001. – 424 с.
14. Аграрное, земельное и экологическое право России. Общие части учебных курсов: Учеб. пособие / Под ред. Н. И. Краснова – М.: «Проспект», 2001. – 400 с.
15. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник / Л. А.Морозова. – М.: «Эксмо», 2008. – 480 с.
16. Тихомиров Ю. А. Публичное право: Учебник для юрид. факультетов и вузов / Ю. А.Тихомиров. – М.: БЕК, 1995. – 484 с.
17. Кряжков А. В. Публичный интерес: понятие, виды и защита / А. В.Кряжков// Государство и право. – 1999. – С. 91–99.
18. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г.)//Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4.– ст. 445.
19. Положение о государственной экспертизе землеустроительной документации [Текст]: постановление Правительства РФ от 4 апр. 2002 г. № 214 // Собрание законодательства РФ.– 2002. – № 15. – Ст. 1432
20. Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории /А. Г. Здравомыслов.– Л.: Изд-во Ленинг. ун-та, 1964. – 74 с.
21. Вовк Ю. А. Советское природно-ресурсное право и правовая охрана окружающей среды. Общая часть / Ю. А. Вовк. – Харьков: Вища школа, 1986. – 160 с.
22. Березовская Э. Б. Правовой режим лесов: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.06. – Л., 1959. – 179 с.
23. Полянская Г. Н. Право государственной собственности на леса в СССР / Г.Н. Полянская. – М.: Госюриздат, 1959. – 407 с.
24. Крассов О. И. Правовой режим земель государственного лесного фонда / О. И. Крассов. – М.: Наука, 1985. – 224 с.
25. Краснов Н. И., Иконицкая И. А. Процессуальные вопросы советского земельного права / Н. И. Краснов, И. А. Иконицкая. – М.: Наука, 1975. – 151 с.

Rishkova L. V. Legal signs of land management // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 190–199.

The article analyzes legally significant signs of land management in modern land law. The role of land management as a legal institution in the system of land law is defined. The author comes to the conclusion that land management should be identified as an integral system, rather than a simple sum of legal norms. The legal positions of scientists on this issue are investigated. It is determined that the concept of land management can not be reduced solely to the land management process. A conclusion is made about the public nature of this phenomenon. Simultaneously, cases were analyzed when land management should be viewed as a means of securing private-law interests.

Keywords: land management, land management process, legal aspect of land management, public interest, private interest, legal institution, public-legal aspects of land management, private-legal aspects of land management federal level, regional level, municipal level.

Spisok literatury:

1. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF № 2236-р «О Povyshenii kachestva gosudarstvennyh uslug v sfere gosudarstvennogo kadastravogo u cheta nedvizhimogo imushchestva i gosudarstvennoj registracii prav na nedvizhimoe imushchestvo i sdelok s nim» [Tekst]//Sobranie zakonodatel'stva RF.—2012.— N 50 (ch. 6).— st. 7088.
2. Hauke O. A. Ocherki zemleustroitel'nogo prava. Vyp. 1. [Tekst]/O.A.Hauke. – M.: Tipo-Litografiya «YU. Vener" preemn. O. Falk"», 1914. – 56 s.
3. Saharov P. D. Zemleustroitel'nyj process v SSSR. [Tekst]/P.D. Saharov. – M.: YUrid. lit., 1968. – 158 s.
4. Obshchaya teoriya sovetskogo zemel'nogo prava [Tekst]/ Pod red. G.A. Aksenenka, I.A.Ikonickoj, N.I. Krasnova. – M.: Nauka, 1983. – 359 s.
5. Zemel'noe pravo [Tekst]: Uchebnik / pod red. YU.G. ZHarikova, V.H. Ulyukaeva. – M.: Bylina, 2000. – 388 s.
6. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25 oktyabrya 2001 g. № 136-FZ: prinyat Gos. Dumoj Fe-der. Sobr. Ros. Federacii 28 sen. 2001 g.: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 10 okt. 2001 g.: vvod Feder. zakonom Ros. Federacii ot 25 okt. 2001 g. № 137-FZ [Tekst]// Sobr. zakono-datel'stva Rossijskoj Federacii. – 2001. — № 44.– st. 4147
7. O zemleustrojstve [Tekst]: Federal'nyj zakon ot 18 iyun 2001 N 78-FZ// Sobranie zakonodatel'stva RF.– 2001.– N 26.– st. 2582.
8. O rastitel'nom mire [EHlektronnyj resurs]: zakon Respubliki Krym ot 10 dekabrya 2014 goda №50 ZRK/2014//Gosudarstvennyj Sovet Respubliki Krym [Ofic. sajt]. Rezhim dostupa: URL: http://rk.gov.ru/file/50_ZRK_2014_o_rastitelnom_mire.pdf
9. Lesnoj kodeks Rossijskoj Federacii [Tekst]: Federal'nyj zakon ot 4 dek. 2006 №200-FZ//Sobranie zakonodatel'stva RF.–2006.– N 50.– st. 5278
10. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Sovetskoy Federativnoj Socialisticheskoy Respubliki ot 25 apr. 1991 g. [EHlektronnyj resurs]: postanovlenie Verhovnogo Soveta RSFSR 25 apr. 1991 g. №1103-1 (red. ot 24.12.1993)// Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus». Rezhim dostupa: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>
11. Osnovy zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznyh respublik o zemle [EHlektronnyj resurs]: zakon VS SSSR 28.fev.1990 №1252-1// Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus». Rezhim dostupa: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=807&md=235642.1783726396&dst=100067&fld=134#0> (data obrashcheniya 12.07.16)
12. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Sovetskoy Federativnoj Socialisticheskoy Respubliki ot 1 dekabrya 1970 g. [Tekst]: zakon RSFSR ot 1 iyulya 1970 g.// Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. –1970. –№ 28.– st. 581.
13. Zemel'noe pravo: uchebnik [Tekst]/ Pod red. YU. G. ZHarikova. – M.: «Kronus», 2001. – 424 s.
14. Agrarnoe, zemel'noe i ehkologicheskoe pravo Rossii. Obshchie chasti uchebnyh kursov [Tekst]: Ucheb. posobie / Pod red. N. I.Krasnova – M: «Prospekt», 2001. – 400 s.
15. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik [Tekst] / L. A.Morozova. – M.: «EHkmo», 2008. – 480 s.
16. Tihomirov YU. A. Publichnoe pravo [Tekst]: Uchebnik dlya yurid. fakul'tetov i vuzov / YU. A.Tihomirov. – M.: BEK, 1995. – 484 s.
17. Kryazhkov A. V. Publichnyj interes: ponyatie, vidy i zashchita [Tekst]/ A.V.Kryazhkov// Gosudarstvo i pravo. – 1999. – S. 91–99.

18. Konstituciya Rossijskoj Federacii [Tekst]: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30 dek. 2008 g.)//Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2009. – № 4.– st. 445.
19. Polozhenie o gosudarstvennoj ehkspertize zemleustroitel'noj dokumentacii [Tekst]: postanovle-nie Pravitel'stva RF ot 4 apr. 2002 g. № 214 // Sobranie zakonodatel'stva RF.–2002.– N 15.– st. 1432
20. Zdravomyslov A. G. Problema interesa v sociologicheskoy teorii. [Tekst]/A.G. Zdravomyslov.– L.: Izd-vo Lening. un-ta, 1964. – 74 s.
21. Vovk YU. A. Sovetskoe prirodno-resursovoe pravo i pravovaya ohrana okruzhayushchej sredy. Obshchaya chast'. [Tekst]/ YU. A. Vovk. – Har'kov: Vishcha shkola, 1986. – 160 s.
22. Berezovskaya EH. B. Pravovoj rezhim lesov: Dis... kand. yurid. nauk: 12.00.06. – L., 1959. – 179 s.
23. Polyanskaya G. N. Pravo gosudarstvennoj sobstvennosti na lesa v SSSR. [Tekst]/ G.N. Polyanskaya. – M.: Gosyurizdat, 1959. – 407 s.
24. Krassov O. I. Pravovoj rezhim zemel' gosudarstvennogo lesnogo fonda. [Tekst]/ O.I. Krassov. – M.: Nauka, 1985. – 224 s.
25. Krasnov N. I., Ikonickaya I. A. Processual'nye voprosy sovetskogo zemel'nogo prava. [Tekst]/ N. I. Krasnov, I. A. Ikonickaya. – M.: Nauka, 1975. – 151 s.

УДК 349.325: 331.31

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА РАБОТНИКОВ НА УСТАНОВЛЕНИЕ НЕПОЛНОГО РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ

Сонин О. Е.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье анализируются как ранее действующие, так и сохраняющие юридическую силу положения трудового законодательства, устанавливающие право работников на обязательное установление для них неполного рабочего времени. В результате проведенного анализа законодательных положений, практики их применения судами, а также накопленного в юридической науке понимания рассматриваемой проблемы делается вывод, что действующая редакция части второй ст. 93 ТК РФ устанавливает положения, не соответствующие потребностям общественных отношений, на которые она распространяется. Законодательное решение, которым право определения конкретных условий труда работника, наделенного правом на установление неполного рабочего времени, предоставлено работодателю, по сути делает невозможным достижение цели, обусловившей установление рассматриваемого в статье права работника. В связи с этим автором предлагаются варианты совершенствования ст. 93 ТК РФ.

Ключевые слова: рабочее время, неполное рабочее время, режим рабочего времени и времени отдыха.

Правовое регулирование отношений, возникающих между работниками и работодателями по поводу установления неполного рабочего времени, находится в постоянном развитии. Каждая последующая кодификация трудового законодательства ведет к установлению все более и более развернутых нормативных положений, распространяющихся на названные отношения, которые (положения), очевидно, должны обеспечить полное соответствие правового регулятора потребностям общественных отношений, на которые он распространяется.

Вместе с тем содержание законодательных положений, как и сама по себе необходимость в их периодическом корректировании, дает основание утверждать, что законодателю до настоящего времени не удалось в полной мере выполнить стоящие перед ним задачи, а значит он нуждается в поддержке со стороны науки трудового права, которая должна взять на себя задачу определения способов эффективного урегулирования отношений, возникающих в связи с установлением неполного рабочего времени.

Изложенное, на наш взгляд, свидетельствует об актуальности поставленной в рамках настоящей статьи задачи проанализировать порядок установления неполного рабочего времени и определить направления его совершенствования.

Впервые нормативные положения, которыми предусматривалась возможность достижения между работником и работодателем соглашения об установлении неполного рабочего времени как при заключении трудового договора, так и впоследствии, были закреплены в ст. 23 Основ законодательства Союза ССР и союзных

республик о труде [1]. Аналогичные по содержанию правила были включены и в первоначальную редакцию ст. 49 КЗоТ РСФСР [2].

Однако уже 29.09.1987 ст. 49 КЗоТ РСФСР была изложена в новой редакции, которая предусматривала, что установление неполного рабочего времени по общему правилу является возможным и осуществляется по соглашению сторон трудового договора, а в предусмотренных вторым предложением части первой ст. 49 КЗоТ РСФСР случаях установление неполного рабочего времени является необходимым и работодатель несет обязанность удовлетворить «просьбу» перечисленных в названном законодательном положении категорий работников.

С незначительными изменениями, внесенными Законом РФ от 25.09.1992 [4] и ФЗ от 30.14.1999 [5], ст. 49 КЗоТ РСФСР признавала названные два способа установления неполного рабочего времени по инициативе работников до момента утраты силы Кодексом законов о труде в связи с принятием Трудового кодекса РФ [6].

Ст. 93 ТК РФ в первоначальной редакции сохранила в основном сложившийся ранее подход, а значит – оставила незавершенным правовое регулирование порядка установления неполного рабочего времени по инициативе работника.

В связи с этим в литературе справедливо обращалось внимание на то, что «государством регламентируется только обязанность работодателя установить неполное рабочее время определенным категориям работников... Между тем законодатель оставил открытым вопрос: как быть в тех случаях, когда работодатель не договорился с вышеупомянутым работником о продолжительности неполного рабочего времени, стороны не нашли компромиссного решения этого вопроса, в то время как по закону работодатель обязан установить по просьбе этого работника неполное рабочее время» [7, с. 400]. Действительно, законодатель был обязан разрешить поставленный в цитированном положении вопрос, указать, является ли в таких случаях необходимым достижение «компромиссного решения этого вопроса» либо работодатель обязан выполнить просьбу работника в том виде, в котором она заявлена.

В принципе, проявляя объективность к законодателю, необходимо признать, что его вина в сохранении данного пробела в правовом регулировании практически отсутствует: его существование зачастую игнорировалось и высшими судебными органами, и учеными – специалистами в области трудового права.

Как правило, в литературе положения части первой ст. 49 КЗоТ РСФСР и ст. 93 ТК РФ лишь пересказывались, не подвергаясь достаточному анализу. В связи с этим в учебной литературе отмечалось, что «для некоторых категорий работников работодатель обязан, по их просьбе, установить неполное рабочее время. Так, в соответствии со ст. 93 ТК неполное рабочее время в обязательном порядке устанавливается по просьбе: беременной женщины; одного из родителей (опекуна, попечителя), имеющего ребенка в возрасте до 14 лет (ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет), а также лица, осуществляющего уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением, выданным в установленном порядке» [8, с. 228–229].

Авторы изданий научно-практической направленности порядку установления неполного рабочего времени уделяли больше внимания, однако сосредоточивались преимущественно на процедурных вопросах, отмечая, что для установления неполного рабочего времени требуется обращение работника к работодателю с соответствующим письменным заявлением, а также издание работодателем приказа об

установлении неполного рабочего времени и заключение дополнительного соглашения к трудовому договору [9, с. 255; 10, с. 201–202].

Даже Пленум Верховного суда РФ при принятии постановления «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» также ограничился указанием на то, что «согласно статье 93 ТК РФ неполный рабочий день (смена) или неполная рабочая неделя устанавливается беременным женщинам, одному из родителей (опекуну, попечителю), имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет), лицу, осуществляющему уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением. Предоставление такой продолжительности рабочего времени осуществляется на основании заявления указанных лиц и является обязанностью работодателя» [11, п. 13].

В такой ситуации правоприменительные органы в отсутствие однозначного решения в законе вопроса о том, каким образом должны решаться вопросы об объеме и виде неполного рабочего времени, устанавливаемого по требованию работника, и будучи лишены поддержки как науки, так и высших судебных инстанций, по-разному разрешали споры по искам работников о защите права на установление неполного рабочего времени.

В большинстве случаев считалось очевидным, что право работника заявить требование об установлении неполного рабочего времени при отсутствии каких-либо (закрепленных текстуально или логически либо вытекающих из контекста) правил определения объема устанавливаемого неполного рабочего времени и срока, на который устанавливается неполное рабочее время, включает в себя право работника на свое усмотрение решить названные вопросы, а работодатель, удовлетворяя требование работника об установлении неполного рабочего времени, обязан установить для работника также и определенные последним срок работы в таких условиях, а также продолжительность рабочего дня (и/или рабочей недели).

В отдельных же случаях суды, установив, что требование об установлении неполного рабочего времени, заявленное работником, имеющим право на установление неполного рабочего времени, не было удовлетворено работодателем (путем издания соответствующего приказа и составления дополнительного соглашения к трудовому договору), отказывали в удовлетворении требований работника, поскольку «в силу ст. 72 ТК РФ изменение определенных сторонами условий трудового договора, в том числе перевод на другую работу, допускается только по соглашению сторон трудового договора, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом. Соглашение об изменении определенных сторонами условий трудового договора заключается в письменной форме...» [12].

На наш взгляд, сторонники последней из названных позиций не учитывают, во-первых, что закрепленному вторым предложением части первой ст. 93 ТК РФ праву работника на установление неполного рабочего времени корреспондировала обязанность работодателя такое неполное рабочее время установить, а во-вторых, упомянутое положение ст. 93 ТК РФ как раз и являлось предусмотренным Трудовым кодексом исключением из общего правила ст. 72 ТК РФ о том, что изменение определенных сторонами условий трудового договора как правило допускается только по соглашению сторон. Таким образом, в сфере действия первоначальной редакции части первой ст. 93 ТК РФ исключалось применение общего правила ст. 72 ТК РФ,

и неполное рабочее время должно было устанавливаться без учета мнения работодателя в порядке исполнения последним возложенной на него юридической обязанности.

Таким образом, нередко работники сталкивались с ситуацией, при которой закрепление в законе их права, которому корреспондирует текстуально прямо закрепленная в том же законодательном положении обязанность, недостаточно ввиду того, что, закрепив обязанность работодателя установить для соответствующих категорий работников неполное рабочее время, законодатель оставил прямо нерешенными следующие вопросы: каким образом должен определяться объем устанавливаемого для работника неполного рабочего времени; может ли быть реализовано работником право на работу на условиях неполного рабочего времени при противоправном уклонении работодателя от издания соответствующего приказа.

К сожалению, применявшийся как правило и описанный выше подход к определению объема права работника на установление неполного рабочего времени как включающего в себя возможность непосредственно заявить соответствующее требование, определить срок, на который устанавливается неполное рабочее время, а также неполную продолжительность рабочего дня (и/или рабочей недели), не был с достаточной четкостью отражен ни в обобщениях судебной практики, ни в науке трудового права.

Более того, именно в науке трудового права этот подход не был принят безоговорочно, а возражения против него формулировались таким образом, что сложно было понять, идет при этом речь о предложениях по применению закона либо по его совершенствованию.

Так, по мнению А. М. Лушниковой и М. В. Лушниковой, «по-видимому, для таких случаев необходимо определиться с границами неполного рабочего времени. Подобное правило, но в отношении минимальной границы, содержалось в подзаконном нормативном акте "Положение о порядке и условиях применения труда женщин, имеющих детей и работающих неполное рабочее время", утвержденном ГКТ СССР и Секретариатом ВЦСПС от 29 апреля 1980 г., где указывалось на возможность сочетания режимов неполного рабочего дня и неполной рабочей недели. В Положении определялось, что продолжительность неполного рабочего дня, как правило, не должна быть менее 4 часов и рабочей недели – не менее 20–24 часов соответственно при 5- и 6-дневной неделе» [7, с. 400].

В принципе, с таким предложением можно было бы согласиться, при условии его квалификации как предложения по совершенствованию положений ст. 93 ТК РФ. Закрепление его в нормативном правовом акте низшей юридической силы означало бы, на наш взгляд, ограничение пределов усмотрения работника, которого первоначальная редакция второго предложения части первой ст. 93 ТК РФ не ограничивала в праве самостоятельно определять объем неполного рабочего времени, об установлении которого работником заявлено требование.

В случае закрепления предложенных названными выше авторами положений в ст. 93 ТК РФ возможным было бы достижение определенного разумного баланса между разнонаправленными интересами работника, который нуждается в установлении неполного рабочего времени для достижения названных в законе целей, и работодателя, который при установлении для работника неполного рабочего времени вынужден предпринимать дополнительные меры для организации производства.

К сожалению, законодателем было избрано другое направление совершенствования порядка установления неполного рабочего времени по требованию работника. Федеральным законом от 18.06.2017 [13] в ст. 93 ТК РФ были внесены значительные изменения.

Помимо прочего, ст. 93 ТК РФ была дополнена второй частью следующего содержания: «Работодатель обязан устанавливать неполное рабочее время по просьбе беременной женщины, одного из родителей (опекуна, попечителя), имеющего ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет), а также лица, осуществляющего уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. При этом неполное рабочее время устанавливается на удобный для работника срок, но не более чем на период наличия обстоятельств, явившихся основанием для обязательного установления неполного рабочего времени, а режим рабочего времени и времени отдыха, включая продолжительность ежедневной работы (смены), время начала и окончания работы, время перерывов в работе, устанавливается в соответствии с пожеланиями работника с учетом условий производства (работы) у данного работодателя» [13].

Не исключено, что указание на то, что неполное рабочее время, право на установление которого по-прежнему признается за отдельными категориями работников, «устанавливается в соответствии с пожеланиями работника с учетом условий производства (работы) у данного работодателя» [13], было обусловлено стремлением законодателя обеспечить соответствие национального законодательства требованиям Конвенции Международной организации труда Конвенции о работе на условиях неполного рабочего времени (Конвенции № 175) [14]. Однако необходимо иметь в виду, что положения п. 1 ст. 9 Конвенции о том, что «принимаются меры, облегчающие доступ к производительной и свободно избранной работе на условиях неполного рабочего времени, *отвечающей интересам как предпринимателей, так и трудящихся*, при условии обеспечения предусмотренной в вышеприведенных статьях 4–7 правовой охраны» [14] (курсив наш. – *Авт.*), не должны интерпретироваться и соответственно – имплементироваться в национальное законодательство – таким образом, что возможность реализации права работников по существу ставится в зависимость от усмотрения работодателя.

Об этом свидетельствует не только подпункт «а» п. 2 ст. 9 названной Конвенции, согласно которому реализация цитированных положений пункта 1 ст. 9 Конвенции предполагает «пересмотр законодательства, способного воспрепятствовать работе на условиях неполного рабочего времени или даже согласия на нее, или вызвать негативное отношение к ней» [14]. К такому выводу нас подталкивает и практика применения судами положений ст. 93 ТК в редакции ФЗ от 18.06.2017 г., которая начинает складываться в настоящее время.

Так, в одном из судебных решений указывается на то, что «в силу ч. 2 ст. 93 ТК РФ работодатель обязан устанавливать неполное рабочее время по просьбе беременной женщины, одного из родителей (опекуна, попечителя), имеющего ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет)... При этом неполное рабочее время устанавливается на удобный для работника срок, но не более чем на период наличия обстоятельств, явившихся основанием для обя-

зательного установления неполного рабочего времени, а режим рабочего времени и времени отдыха, включая продолжительность ежедневной работы (смены), время начала и окончания работы, время перерывов в работе, устанавливается в соответствии с пожеланиями работника с учетом условий производства (работы) у данного работодателя. Таким образом, указанные положения ч. 2 ст. 93 ТК РФ не свидетельствуют о том, что условия неполного рабочего времени определяются исключительно по желанию работника и произвольно, но и с учетом иных обстоятельств, связанных с условиями работы» [15].

Судебный акт, содержащий цитированное выше положение, постановлен в полном соответствии с буквой ст. 93 ТК РФ. Вместе с тем он предельно ясно свидетельствует о результатах внесения ФЗ от 18.06.2017 изменений в ст. 93 ТК РФ, которые (результаты) оказались диаметрально противоположным ставившимся законодателем целям. В конечном счете законодатель содержание права работника на установление неполного рабочего времени свел к правовой возможности для работника обратиться к работодателю с заявлением.

На работодателя при этом возлагается лишь обязанность установить для работника неполное рабочее время, однако он – взвешивая свои и работника интересы – фактически наделен правом самостоятельно определять условия труда такого работника (решать вопрос о виде и объеме устанавливаемого для работника неполного рабочего времени), а работник по этому поводу может высказывать лишь свои пожелания. Следовательно, правомерными будут действия работодателя, который, получив просьбу работника установить неполное рабочее время (неполный рабочий день с продолжительностью ежедневной работы при пятидневной рабочей недели 4 часа), учтет условия производства и установит для такого работника неполное рабочее время в виде неполной рабочей недели с тремя рабочими днями и продолжительностью ежедневной работы восемь часов либо в виде неполного рабочего дня с продолжительностью ежедневной работы 7 часов 30 минут при пятидневной рабочей недели.

По существу, действующая редакция ст. 93 ТК РФ ухудшила положение работников до такой степени, что не только перестала быть исключением из правила ст. 72 ТК РФ, закрепляющей возможность изменения согласованных в трудовом договоре условий труда не по соглашению сторон, а работником самостоятельно, но и стала исключением из этого правила, наделяющим правом самостоятельного изменения согласованных трудовым договором условий труда уже работодателя.

Сделанный здесь вывод можно попытаться опровергнуть доводами о том, что далеко не все работодатели имеют склонность к злоупотреблению своими правами, и что в большинстве случаев рассмотрение требований работников об установлении неполного рабочего времени не будет сопровождаться полным игнорированием мнения работника о приемлемом для него режиме работы на условиях неполного рабочего времени.

Такие доводы, на наш взгляд, не могут быть признаны состоятельными. Во-первых, законодательное положение не может быть признано эффективным и обоснованным, когда оно создает безусловные предпосылки для не массового, а лишь эпизодического нарушения прав участников общественных отношений, на которые оно распространяется. Во-вторых, с учетом целевого характера права на установление неполного рабочего времени (имеющего целью, например, обеспечить возмож-

ность ухода работником за больным членом семьи) социально ориентированный законодатель должен избежать как конфликта интересов работника и работодателя, так и лишения в работника возможности достичь цели, социальная значимость которой обусловила предоставление ему того или иного права.

Полагаем очевидным, что никто, кроме работника, не может решить вопрос о том, какая продолжительность ежедневной работы может позволить ему эффективно осуществлять уход за больным членом семьи, а также что никакие интересы производства не могут стать основанием для лишения работника такой возможности. Вопрос здесь состоит не в том, что медицинское заключение, в принципе, может определить необходимую продолжительность и состав мероприятий, которые необходимы для ухода за больным членом семьи, а в том, что при определении объема своего рабочего времени работник, который заявляет требование об установлении неполного рабочего времени, учитывает не только время, необходимое ему непосредственно для ухода за больным членом семьи, но и время, которое необходимо ему для восстановления способности к труду. Между тем, последний вопрос может быть решен исключительно самим работником в том числе с учетом факторов, который носят сугубо субъективный характер.

В конечном счете законодатель мог прийти к выводу о том, что в таком случае воле работника предоставляется излишняя автономность и это нарушает баланс интересов сторон трудового договора. Но придя к этому выводу, законодатель имел возможность вообще отказаться от наделения работников правом требовать установления неполного рабочего времени.

На этот случай можно было предусмотреть, например, что работники, которые в силу временного действия обстоятельств личного характера не могут работать на условиях установленной для них продолжительности рабочего времени, могут заявить требование о предоставлении им на время существования таких причин отпуска без сохранения заработной платы либо расторгнуть трудовой договор по своей инициативе. Возможно, такое решение не было бы с точки зрения работников справедливым и не учитывало их потребности. Однако это решение означало бы установление четкого и однозначного регулирования трудовых отношений.

Поскольку законодатель оказался не готов пойти по такому пути, он, на наш взгляд, должен признать принятое им решение неэффективным. Эффективное правовое регулирование отношений рабочего времени при условии, что законодатель не готов отказаться от признания за отдельными категориями работников права требовать установления для них неполного рабочего времени, на наш взгляд, могло бы быть обеспечено в следующем случае.

Из второй части ст. 93 ТК РФ следует исключить слова «а режим рабочего времени и времени отдыха, включая продолжительность ежедневной работы (смены), время начала и окончания работы, время перерывов в работе, устанавливается в соответствии с пожеланиями работника с учетом условий производства (работы) у данного работодателя». Вместо них должно быть прямо предусмотрено право работника в предусмотренных частью второй ст. 93 ТК РФ случаях самостоятельно определять режим рабочего времени и времени отдыха с возложением на работодателя соответствующих обязанностей.

Исключенными из части второй ст. 93 ТК РФ словами в целях обеспечения дополнительной конкретности нормативных положений может быть дополнена часть

первая ст. 93 ТК РФ, что подчеркнет договорный характер предусмотренного ею права на установление неполного рабочего времени и вытекающих из этого условий труда работника.

При этом с целью решения предусмотренной ст. 1 ТК РФ задачи достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений в ст. 93 ТК РФ могли бы быть включены предусмотренные ранее действовавшим Положением о порядке и условиях применения труда женщин, имеющих детей и работающих неполное рабочее время правила о том, что продолжительность неполного рабочего дня, как правило, не должна быть менее 4 часов и рабочей недели – не менее 20–24 часов соответственно при 5- и 6-дневной неделе, как это ранее предлагалось А. М. Лушниковым и М. В. Лушниковой [7, с. 400]. Установление таких правил, с одной стороны, даст возможность работникам в большинстве достичь цели, в которых им предоставлено право требовать установления неполного рабочего времени, а с другой – исключит возможные злоупотребления работодателями своим правом решать вопросы режима работы и отдыха работников, как это предусмотрено действующей редакцией части второй ст. 93 ТК РФ.

Список литературы:

1. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. Утв. Законом СССР от 15.07.1970 // Ведомости ВС СССР. – 1970. – № 29. – Ст. 265.
2. Кодекс законов о труде РСФСР. Утв. ВС РСФСР 09.12.1971 // Ведомости ВС РСФСР. – 1971. – № 50. – Ст. 1007.
3. О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР : Указ Президиума ВС РСФСР от 29.09.1987 // Ведомости ВС РСФСР. – 1987. – № 40. – Ст. 1410.
4. О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР: Закон РФ от 25.09.1992 № 3543-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 41. – Ст. 2254.
5. О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде Российской Федерации : Федеральный закон от 30.04.1999 № 84-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2210.
6. Трудовой кодекс РФ. Принят Государственной Думой 21.12.2001 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (часть 1). – Ст. 3.
7. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – М.: Статут, 2009. – 1151 с.
8. Трудовое право России. Учебник / Ответственные редакторы: заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Ю. П. Орловский и доктор юридических наук А. Ф. Нуртдинова — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2008. – 608 с.
9. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / Э. Н. Бондаренко, К. Н. Гусов, М. Л. Захаров / Под ред. К. Н. Гусова, Э. Г. Тучковой. – М.: Проспект, 2018. – 1008 с.
10. Гусов К. Н., Циндяйкина Е. П., Цыпкина И. С. Особенности трудового договора с отдельными категориями работников : научно-практическое пособие / К. Н. Гусов, Е. П. Циндяйкина, И. С. Цыпкина / Под ред. К. Н. Гусова. – М.: Проспект, 2018. – 240 с.

11. О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 //Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 4. – С. 3–10.

12. Решение Советского районного суда г. Красноярск по делу № 2-13744/2017 от 26.10.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-krasnojarska-krasnojarskij-kraj-s/act-560523839/> (Дата обращения 01.12.2017).

13. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.06.2017 № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 25. – Ст. 3594.

14. Конвенция Международной организации труда Конвенции о работе на условиях неполного рабочего времени (Конвенции N 175) от 24.06.1994 : Ратифицирована Федеральным законом от 02.03.2016 № 36-ФЗ «О ратификации Конвенции о работе на условиях неполного рабочего времени (Конвенции № 175)» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 10. – Ст. 1310.

15. Решение Октябрьского районного суда г. Иваново по делу № 12-234/2017 от 14.11.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://oktyabrsky-iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42447131&delo_id=1502001&new=0&text_number=1&case_id=40191505 (Дата обращения 21.12.2017).

Sonin O. Problems of realization of the right of workers to establish part-time work // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – P. 200–209.

The article analyzes the provisions of labor legislation (both previously valid and legally effective) that establish the right of employees to compulsorily establish part-time work for them. As a result of the analysis of the above legislative provisions, the practice of their application by courts, as well as the understanding of the problems of legal regulation of labor relations accumulated in the legal science, it is concluded that the current version of part two of Art. 93 of the LC RF establishes provisions that do not correspond to the needs of the social relations to which it applies. Legislative decision by which the right to establish specific working conditions for an employee with the right to establish part-time work is granted to the employer, in fact makes it impossible to achieve the goal that determined the establishment of the employee's right considered in the article. In this connection, the author suggests options for improving art. 93 of the LC RF.

Keywords: working time, part time, working time and rest time.

Spisok literatury

1. Osnovny zakonodatel'stva Soyuza SSR isoyuznyh respublik o trude. Utv. Zakonom SSSR ot 15.07.1970 // Vedomosti VS SSSR. – 1970. – N 29. – St. 265.

2. Kodeks zakonov o trude RSFSR. Utv. VS RSFSR 09.12.1971 // Vedomosti VS RSFSR. – 1971. – N 50. – St. 1007.

3. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Kodeks zakonov o trude RSFSR : Ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 29.09.1987 // Vedomosti VS RSFSR. – 1987. – N 40. – St. 1410.

4. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Kodeks zakonov o trude RSFSR: Zakon RF ot 25.09.1992 N 3543-1 // Vedomosti SND RF i VS RF. – 1992. – N 41. – St. 2254.

5. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Kodeks zakonov o trude Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 30.04.1999 N 84-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1999. – N 18. – St. 2210.

6. Trudovoj kodeks RF. Prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 21.12.2001 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2002. – № 1 (chast' 1). – St. 3.

7. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Kurstrudovogoprava: Uchebnik: V 2 t. T. 2. Kollektivnoe trudovoe pravo. Individual'noe trudovoe pravo. Processual'noetrudovoepravo / A. M. Lushnikov, M. V. Lushnikova. – M.: Statut, 2009. – 1151 s.

8. Trudovoe pravo Rossii / Uchebnik. Otvetstvennyeredactory: zasluzhennyjdeyatel' naukiRossijskojFederacii, doktor yuridicheskikh nauk, professor YU.P. Orlovskijdoktoryuridicheskikh nauk A.F. Nurtdinova — M.: Yuridicheskaya firma «KONTRAKT», «INFRA-M», 2008. — 608 s.

9. Kommentarij k Trudovomu kodeksu Rossijskoj Federacii / EH. N. Bondarenko, K. N. Gusov, M. L. Zaharov / Pod red. K. N. Gusova, EH. G. Tuchkovej. – M. :Prospekt, 2018. – 1008 s.

10. Gusov K. N., Cindyajkina E. P., Cypkina I. S. Osobnostitrudovogodogovora s otdel'nymi kategoriyami rabotnikov : nauchno-prakticheskoeoposobie / K. N. Gusov, E. P. Cindyajkina, I. S. Cypkina / Pod red. K. N. Gusova. – M. :Prospekt, 2018. – 240 s.

11. O primenenii zakonodatel'stva, reguliruyushchego trud zhenshchin, lic s semejnymiobyazannostyami inesoovershennoletnih :postanovleniePlenumaVerhovnogoSuda RF ot 28.01.2014 N 1 // Byulleten' VerhovnogoSuda RF. – 2014. – N 4. – S. 3-10.

12. Reshenie Sovetskogo rajonnogo suda g. Krasnoyarska podelu № 2-13744/2017 ot 26.10.2017. [EHlektronnyjresurs]. – Rezhimdostupa : <https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-krasnoyarska-krasnoyarskij-kraj-s/act-560523839/> (Data obrashcheniya 01.12.2017).

13. O vneseniiizmenenij v TrudovojkodeksRossijskojFederacii :Federal'nyjzakonot 18.06.2017 N 125-FZ // Sobraniezakonodatel'stva RF. – 2017. – N 25. – St. 3594.

14. Konvenciya Mezhdunarodnoj organizacii truda Konvencii o rabote na usloviyah nepolnogo rabocheho vremeni (Konvencii N 175) ot 24.06.1994 :RatificirovanaFederal'nyjzakonomot 02.03.2016 N 36-FZ "O ratifikaciiKonvencii o rabotenausloviyahnepolnogorabochehovremeni (Konvencii N 175)" // Sobraniezakonodatel'stva RF. – 2016. – N 10. – St. 1310.

15. Reshenie Oktyabr'skogo rajonnogo suda g. Ivanovo podelu № 12-234/2017 ot 14.11.2017. [EHlektronnyjresurs]. – Rezhim dostupa : https://oktyabrsky-iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42447131&delo_id=1502001&new=0&text_number=1&case_id=40191505 (Data obrashcheniya 21.12.2017).

УДК 34:656.073"20"

**ОРГАНИЗАЦИЯ СОВТОРГФЛОТОМ ПОГРУЗОЧНО-
РАЗГРУЗОЧНЫХ РАБОТ В 20–30 ГГ. ХХ В.**

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Настоящее исследование посвящено одной небезынттересной теме, связанной с организацией процесса погрузочно-разгрузочных работ на морском транспорте Советским торговым флотом. Автор исследует положительный опыт руководства Совторгфлотом погрузочными работами на примере создания собственных артелей грузчиков, проведения механизации процесса погрузки-разгрузки в портах, приобретения погрузочного инвентаря для ускорения работ в порту, созыва специальной конференции грузчиков и др. В работе изучается вопрос о том, какие производственные отношения, возникающие в ходе проведения погрузочных работ, требовали урегулирования с помощью правовых норм. Отмечены существовавшие пробелы в законодательстве. Кроме того, в статье раскрываются причины неисполнения директив Совторгфлота на местах и последствия, к которым это привело.

Ключевые слова: погрузочно-разгрузочные работы, Совторгфлот, перевозка грузов, грузчик.

В морских портах обрабатывается около 60 % всех внешнеторговых грузов РФ. За последние пятнадцать лет грузооборот российских морских портов увеличился практически в 4 раза. По итогам 2017 г. он вырос по сравнению с показателем предыдущего года на 9 % и достиг, согласно статистике Ассоциации морских торговых портов, 787 млн т. [1]. Такие статистические данные, однозначно, не могут не радовать многих специалистов. Однако не стоит забывать, что с увеличением грузооборота возрастает и потребность в осуществлении вспомогательных операций, например, по приему и передаче грузов. Уместно обратиться к имеющемуся богатому опыту нашей страны в данной сфере для изучения истории становления процесса организации погрузочно-разгрузочных работ и его правового регулирования.

Историография указанной проблемы представлена работами таких авторов, как Змерзлый Б. В., Конталев В. А., Маковский А. Л., Кокин А. С., Воронков А. В., Клементьев Ю. В., Невзоров А. С., Морозов С. Ю., Гуженко Т. Б., Филиппов Ю. Д. [2–10] и др.

Организация погрузочно-разгрузочных работ в портах имеет огромное значение в деятельности торгового флота, внешней и внутренней торговли, всей экономики страны. В период до 1917 г. основные вопросы, связанные с погрузочно-разгрузочными работами, централизованно не регулировались, а возлагались в основном на заинтересованные стороны – владельцев грузов, судов, купцов, грузчиков и т. д. Администрация порта в этом вопросе чаще занимала роль арбитра, к непосредственному его регулированию обратилась лишь в начале ХХ в., да и то частично [2, с. 417–430]. Несмотря на начавшийся процесс механизации погрузочно-разгрузочных работ, основной рабочей силой оставались грузчики. Вызвано это было многотипностью торговых судов, что осложняло применение стандартизированных средств погрузки и разгрузки (краны, лебедки, элеваторные ленты и т. д.), относительно незначительный вес в общей работе портов таких механизмов, в том

числе из-за их разрушения в годы гражданской войны, непригодность многих портов к их использованию и т. д.

Безусловно, все это создавало колоссальные трудности для осуществления морских перевозок, погрузки и выгрузки товаров в частности. Выходом из этой непростой ситуации была передача всех обязанностей по приему и передаче грузов одной организации в лице ее доверенных лиц. Однако существовавшая в указанный период государственная монополия не давала возможность выбирать учреждение, которое возьмет на себя все вспомогательные операции для осуществления морских перевозок.

С целью централизации деятельности в области морской торговли 18 июля 1924 г. постановлением Совета труда и обороны был утвержден учредительный договор между Народным комиссариатом путей сообщения (далее – НКПС) и Народным комиссариатом внешней торговли об образовании Советского торгового флота (далее – Совторгфлот, СТФ). Согласно приказу по Совторгфлоту от 28 августа 1926 г. в Москве, 25 августа, состоялось учредительное собрание акционеров общества Совторгфлот. На нем был заслушан доклад временного правления о его деятельности, а также состоялись выборы должностных лиц общества. Членами совета выбраны Фрункин, Хлопьянкин, Именитов, Брон, Шлейхер, Медведев (от Наркомторга) и Серебряков, Матвеев, Сергеев, Борущ, Дмитриев, Ермаков (от НКПС). В качестве членов правления избраны Иванов, Герман, Розенталя и Юров. В качестве членов Ревизионной комиссии Яворский, Сергеев, Кунин, Глушков и кандидатов к ним Петухов и Вишнепольский. На заседании правления 27 августа председателем избран Иванов Алексей Николаевич. Заведование коммерческим отделом возложено на члена правления Розенталя Э. Заведование счетно-финансовым отделом на члена правления Германа П. Э. Заведование техническим отделом – на члена правления Юрова Я. Я. [11, л. 59].

С этого времени Совторгфлот начал постепенно брать на себя все вопросы, связанные с торговыми и пассажирскими перевозками морским транспортом, в том числе и регулиацию погрузочно-разгрузочных работ, однако сразу подчинить себе различные объединения грузчиков было делом непростым, да и устранение посредников требовало времени.

Так, согласно общим положениям коллективного договора, заключенного между Ялтинским отделением профессионального союза транспортных рабочих местного транспорта (Местран) в лице уполномоченного по ялтинскому району т. Степаненко К.Ф. с одной стороны, и с другой стороны ялтинским отделением крымского смешанного акционерного общества производства погрузочно-разгрузочных работ «Крымпогрузка», данный акт распространялся на всех постоянных и временных рабочих, служащих и административно-механический персонал. Договор заключался на 1 год – с 1 января 1929 по 1 января 1930 г. Устанавливался в нем и порядок разрешения конфликтов. Для чего создавалась расценочно-конфликтная комиссия (РКК), которая вела свою работу на основании положения об РКК. Она состояла из 2 представителей рабочей части и 2 представителей от администрации. Если же сторонам не удавалось договориться, то требовалось следовать ст. 168 и 175 КЗОТ.

Договор также предусматривал такие положения: «3. Условия найма и увольнения»; «4. Оплата труда»; «5. Рабочее время и отдых»; «6. Гарантии и компенсации»; «7. Охрана труда»; «8. Дополнительные условия» [12, л. 1–8].

В Инструкции по выработке новых норм выработки и новых сдельных расценок по погрузочно-разгрузочной операции, которая была разработана Черноморской главной конторой Совторгфлота в 1929 г., делается важная оговорка относительно заключаемых коллективных договоров на грузчиков. Здесь следует различать два основных момента. Первый – это правовая часть договора, поднимающая общие положения, условия найма и увольнения, охраны труда, дополнительные условия и пр., второй – это оплата труда, сводящаяся в основном к установлению норм выработки и сдельных расценок. В отношении первого момента, а именно правовой части колдоговоров, Главная контора настаивала на том, чтобы были заключены одноименные колдоговоры с аналогичными правовыми условиями с каждым отдельным республиканским или областным отделом союза Местрана с тем, чтобы в пределах одной республики или области действовали бы одинаковые правовые условия для всех портов, входящих в данную республику или область. Такой порядок был бы целесообразнее и удобней как для Союза, так и Совторгфлота.

Что касается второго момента, а именно установления правильных норм выработки отдельных расценок, то необходимо было нормы и расценки разработать на местах и ввести их в действие в установленном трудовым законодательством порядке независимо от правовой части колдоговоров. Также предлагалось в коллективных договорах с артелями грузчиков внести пункт, «который твердо устанавливал бы порядок, что нормы выработки и сдельные расценки разрабатываются администрацией Совторгфлота и утверждаются в РКИ и со дня утверждения вступают в законную силу». Агентствам следовало начать работу по этому вопросу с четкой ориентировкой на местные условия, чтобы к началу подписания новых договоров внести в них необходимые изменения [13, л. 12].

Можно также упомянуть о том, что в Крыму действовала и такая организация, как экспедиционно-транспортная погрузочно-разгрузочная артель инвалидов «Красный экспедитор». Заключая с этими организациями соответствующие договоры, Совторгфлот уже в скором времени решил создавать собственные артели грузчиков с единым пакетом необходимых документов.

На расширенном заседании правления Совторгфлота 15–23 декабря 1929 г. особое внимание было уделено вопросу «О механизации погрузочно-разгрузочных работ», по которому было решено: «План механизации погрузочно-разгрузочных работ по гл. конторам утвердить в сумме 1294 т. с. с ассигнованием 910 т. с. из средств Совторгфлота и 384 т. с. за счет превентивных сумм Госстраха. Разработать план механизации на 1930 г.» [13, л. 20]. Следует сразу указать, что механизация погрузочно-разгрузочных работ, при всей очевидности ускорения и удешевления данного процесса, безусловно, решала еще одну важную проблему – уменьшение зависимости от артелей грузчиков, в том числе и потому, что управляющие кранами, лебедками и прочими механизмами уже числились за портом.

По результатам 1929 г. было обращено внимание на положительный опыт производства Совторгфлотом погрузочно-разгрузочных операций в Черноморских портах хозяйственным способом путем организации своих артелей грузчиков. Такая форма обслуживания грузовых операций больше соответствовала интересам эксплуатации флота (чем при производстве этих же операций через посреднические организации) и давала ряд определенных достижений, а именно: уменьшение про-

стоев судов, улучшение условий эксплуатации, уплотнение работы судов, устранение текучести состава грузчиков, уплотнение рабочего дня грузчиков.

Улучшение условий эксплуатации подтверждалось следующими цифрами: нормы погрузки-выгрузки на 1 люк за 8-часовой рабочий день за второе полугодие 1929 г., по сравнению с первым полугодием, увеличились по Евпатории по сборным грузам на 25 %, а по массовым мешковым – на 20 %. По Анапе на 6,5 %, по Сочи на 7 %, по Гудаутам на 2,5 %, по Батуму на 12 % по сборным грузам и 15,4 % – по массовым [13, л. 20]. При этом отмечались и большие простои судов из-за медленной доставки груза со складов. Признавались неудовлетворительными, особенно в закрытых портах, нормы погрузки-выгрузки на люк в судах срочной линии. Также подчеркивалось, что 1929 г. в области изменения расценок этих работ и их реформирования стал только подготовительным [13, л. 20 об.].

Анализ практики 1929 г. по заключению колдоговоров по каждому порту в отдельности показал, что это привело к слишком большому разнообразию и неравенству правовых условий коллективных договоров.

Так, к примеру, можно привести Тарифное соглашение, заключенное между Ялтинским отделением профессионального союза транспортных рабочих (Местного транспорта) «Местран» в лице уполномоченного Крымотдела по ялтинскому району Степаненко с одной стороны и морагентов Совторгфлота в Ялте в лице Коростелева с другой стороны. Оно вступило в силу с 1 января 1930 г. и было рассчитано до 15 апреля 1930 г. В соглашении были изложены вопросы производства и заработной платы; расчет ставок на выгрузку и погрузку; расчет ставок на навалочные и свалочные работы на молу; расчет работ по навалке и свалке – Союзхлеб, Крымсоюз [13, л. 95–98]. И такие договоры заключались в каждом порту.

Исходя из этого было принято решение в 1930 г. заключать колдоговоры в областном и республиканском масштабах. Для выполнения этого решения заседание правления постановило: считать необходимым в 1929 г. взять все погрузочно-разгрузочные работы во всех без исключения Черноморских и Азовских портах в руки Совторгфлота (договоры заключались обычно в конце года); разработать в течение января конкретные мероприятия по уменьшению до минимума всех видов простоев, имеющих место при разгрузке судов, в особенности срочных линий.

На основании учетных данных по выполнению норм погрузки-выгрузки, введенных в действие циркуляром ЧГК от 12 июля № 05/55, Черноморской главной конторе Совторгфлота не позже 1 февраля следовало отменить нормы погрузки и выгрузки судов, объявленные в тарифе № 3, изданном в 1927 г. Следовало опубликовать повышенные нормы с учетом следующего: для грузовых судов – в непрерывной работе в 3 смены, для срочных судов – максимального уплотнения работ на время стоянки в портах по расписанию, обязав нормальное выполнение грузовых операций в положенное для этого время.

Учитывая, что основной причиной простоя во время грузовых операций были отоски и отвозки грузов к складам и от складов к пароходам, при заказе механических приспособлений на 1930 г. в первую очередь следовало обеспечить возможность непрерывной и регулярной подвозки грузов к судам и от судов. В этом вопросе также отмечалось, что в 1929 г. ЧГК не наладила правильного использования имеющихся в ее распоряжении конвейеров-транспортёров.

Устанавливалось, что в 1930 г. следовало ввести во всех портах твердое положение, в силу которого все грузовые суда производили бы грузовые операции в 3 смены, без особого для каждого случая распоряжения и по одинаковой оплате работ во все смены и дни [13, л. 21]. Для обеспечения работы в 3 смены разрешалось нанять дополнительно грузчиков в портах Поти, Новороссийска, Одессы, Батуми, Феодосии, Туапсе. По тем портам, где причалы были недостаточно освещены для нормального проведения ночных работ, ЧГК следовало предоставить в правление до 1 января 1930 г. подробные сведения о том, в каких портах и какое дополнительное освещение требуется для этой цели.

Правление Совторгфлота также поручило ЧГК тщательно проработать вопросы об установлении единообразной для всех портов структуры артелей грузчиков, приняв в основу распорядок, установленный в Новороссийском порту; производить установление колдоговоров по районам, а не по отдельным портам и установление месячного учета рабочего времени грузчиков. В этом направлении принимались и меры обеспечения грузчиков спецодеждой.

Признавалось необходимым в отношении погрузочно-разгрузочных работ взять курс на заключение генеральных местных договоров с клиентурой по твердым ставкам. Следовало установить и единый сбор за погрузку и выгрузку в малом каботаже по грузам, перевозимым по срочным линиям; предусматривалось возможным включение погрузочно-разгрузочного сбора в каботаже в общую тарифную ставку по перевозке грузов, что предполагалось реализовать не позже 1931 г. [13, л. 21 об.].

Правление также отметило, что нормы выработки по погрузочно-разгрузочным работам, по неполным сведениям за 1929 г., в южных портах в абсолютном выражении повысились по сравнению с 1928 г. Однако за то же время нормы погрузки советских судов в Гамбурге повысились на 20 %, а по выгрузке – на 72 %. В Лондоне по погрузке на 50 %, а по выгрузке на 210 % и превышают нормы погрузки и выгрузки в советских портах почти в 2 раза, достигая в Лондоне 700 т. в 8-часовой рабочий день на судно.

ЧГК была подтверждена необходимость создания стивадорных артелей, а также полного проведения директивы правления о привлечении экипажей судов к подготовительным работам по погрузке и выгрузке с тем, чтобы последнее было отмечено не только в правилах внутреннего распорядка, но и в новых колдоговорах на 1930 г.

Черноморскому пароходству также ставилось задание по снижению себестоимости погрузочно-разгрузочных работ за счет уплотнения работы, рационализации, имея в виду норму снижения себестоимости не менее как на 25 %, а также увеличение до 20 % нормы погрузки и выгрузки на 1 судно за 1930 г. Конторам на местах следовало обратить внимание на усиление труддисциплины среди грузчиков, особенно в части прихода и ухода на работу, что должно быть предметом постоянной бдительности и работы конторы [13, л. 22]. Как видно из смысла приведенного документа, задачи ставились весьма непростые, однако при их решении деятельность портов получила бы значительный динамичный толчок.

Для проведения всех этих решений в жизнь нужно было соблюсти ранее установленные правила, т. е. узаконить все вышеначертанное соответствующим решением, хотя бы формально согласованным с представителями рабочих отрасли. Формой этого шага должна была стать специальная производственная конференция

грузчиков для перезаключения колдоговоров с Совторгфлотом в Новороссийске (предыдущая была в Севастополе). В ней планировалось участие представителей грузчиков из портов Ростова, Мариуполя, Новороссийска и Поти по три человека, Феодосии, Батума по два, Таганрога, Бердянска, Ейска, Керчи, Одессы, Николаева, Херсона, Ялты, Севастополя, Туапсе, Адлера, Сочи, Гагры, Сухуми по одному.

От союзных организаций – 8 чел., от общества «Совторгфлота»: правление – 2, главный член конторы – 2, гл. Азербайджанской конторы – 1, Мариупольского порта – 1, Батумского порта – 1, Поти – 1, Феодосии – 1, Новороссийска – 2, Сухуми – 1 [13, л. 25].

Правление общества Совторгфлот предложило следующее соглашение. ЦК профсоюза транспортных рабочих Местрана и правление акционерного общества Совторгфлот устанавливают условия проведения сдельных работ, порядка установления гарантийного заработка, проведения непрерывки, установления размеров начисления на все виды рабочих грузчиков и других подобных рабочих, производящих погрузочно-разгрузочные работы, по всем главным конторам Совторгфлота, которые целиком и полностью включаются в местные коллективные договоры.

Согласно соглашению должен был устанавливаться такой порядок заключения местных колдоговоров: а) Черноморская главная контора СТФ заключает несколько коллективных договоров на весь Черноморский бассейн, один – с всеукраинским комитетом ПСТР на грузчиков, занятых на работах в путевых пунктах Крыма (за исключением Керчи), второй – с Северо-Кавказским крайотделом ПСТР на грузчиков, занятых на работах в Черноморских портах Северного Кавказа и третий с Грузией на грузчиков, занятых на работах в Черноморских портах пунктах Закавказья; б) Азовская главная контора СТФ заключает 1 колдоговор с правлением Северо-Кавказского крайотдела ПСТР на грузчиков, работающих в портовых пунктах Азовского бассейна, включая Керчь и т. д. Основной целью такого подхода, и Совторгфлот этого не скрывал, было повышение норм выработки [13, л. 29–31].

В новом проекте коллективного договора уже было забито повышение производительности труда и также увеличение гарантированной зарплаты с учетом уменьшения погрузочно-разгрузочных работ (себестоимости) на 25 %. Такой договор заключался, как и ранее, на 1 год. Сохранялись конфликтные комиссии [13, л. 41–45].

Однако еще до начала производственной конференции был издан приказ № 253 по Черноморской Главной Конторе СТФ от 14 февраля 1930 г. Им, во изменение норм нагрузки и выгрузки для срочных судов в кавказских портах, объявленных циркуляром от 12 июля 1929 г. за № 5/тр./55, были установлены новые нормы погрузки и выгрузки для всех портов Черного моря, подлежащие безусловному выполнению при обслуживании срочных судов, впредь до произведения механизации погрузочных работ по плану, намеченному на 1930 г.

Таблица № 1. Норма работы на 1 час чистой работы на 1 люк [13, л. 47].

Наименование порта по группам	Род груза		Примечание
	Катно-бочковой и мешковой груз от 4 до 6 пудов при отправлениях не менее ½ ва-	Сборные генеральные грузы /мелочь	

	гона		
Закрытые группа «А» Одесса–Поти	20 т.	15 т.	Под одним часом чистой работы подразумевается время нормальной стоянки после момента отшвартовки, за исключением 25 мин., затраченных на открытие и закрытие люков, поднятие и спуск сходен и подготовку к выгрузке
Группа «Б» Новороссийск, Туапсе, Батум, Николаев, Херсон	15 т.	12 т.	
Группа «В» Севастополь, Ялта, Феодосия	15 т.	10 т.	
Рейдовые. Группа «Г» Сухум	15 т.	12 т.	
Группа «Д» Очаков, Евпатория, Алушта, Судак, Ана- па, Геленджик, Джубга, Сочи, Адлер, Пиленково, Гагры, Гадауты, Очемчиры, Н. Афон	12 т.	9 т.	

Кроме того, перед открытием конференции Черноморская главная контора подвела некоторые итоги по организации погрузочно-разгрузочных работ, выводы по которым разослали агентствам Совторгфлота 2 марта 1930 г. В циркуляре указывалось, что, рассмотрев выполнение норм погрузки и выгрузки на судах Совторгфлота ЧГК от 24.12. пр. г. за № 2059, главная контора обнаружила «совершенно недостаточное их выполнение». Так, на основании произведенной проверки только лишь января месяца, части агентств пришлось констатировать, что агентствами недостаточно организованы погрузочно-разгрузочные работы, по ряду агентств «имеется на лицо расхлябанность в производстве операций, недооценка необходимости максимальнейшего сокращения сроков стоянки судов под выгрузкой и нагрузкой, недопустимо халатное отношение в вопросе аккуратной информации отправочными агентствами – агентствам назначения о времени выхода судна...».

Кроме того, выяснилось, что некоторыми агентствами еще в недостаточной степени уяснена необходимость обязательно проводить круглосуточную работу. Так, к примеру, совершенно беспричинно не производилась круглосуточная работа по парходам «Балаклава» 5-7/1 в Одессе и «Эльбрус» 17/1 в Новороссийске [13, л. 48]. Оказалось, что Новороссийск, Гагры, Гадауты и Одесса непроизводительно задерживают парходы под выгрузкой. Первые три по причине принятия выгруженного груза, а последние – из-за отсутствия своевременно затребованного порожняка вагонов.

В рейдовых портах (Гагры, Гадауты, Очемчиры, Сухум), как правило, не только не проводились круглосуточные работы вследствие недостатка рабочих, но и при дневной работе на грузовых судах проводились в порядке очередности с «привлечением только одной руки». Это обстоятельство указывает на то, что рейдовые порты директиву Совторгфлота об обеспечении интенсивности и непрерывности про-

изводства грузовых операций не выполнили, но и пошли значительно назад в темпах производства работ. Ухудшала ситуацию и нераспорядительность местного производства [13, л. 49].

На начавшейся 3 марта 1930 г. конференции грузчиков портов Черного и Азовского морей представители руководства Совторгфлота указывали, что именно дороговизна стоимости перевалочных работ и задержка судов под погрузкой заставили общество поставить вопрос о принятии на себя во всех портах погрузочно-разгрузочных работ для производства их хозяйственным способом. В 1929 г. Совторгфлотом были приняты погрузочно-разгрузочные работы во всех Закавказских, Северо-Кавказских и Крымских портах Черного и Азовского морей. Не взяты лишь работы по украинским портам, в которых погрузочно-разгрузочные работы планировалось принять в начале 1930 г. Для их производства имелось следующее число штатных грузчиков: в Евпатории – 70, Николаеве – 25, Херсоне – 35, Севастополе – 120, Ялте – 125, Феодосии – 400, Анапе – 20, Новороссийске – 800, Туапсе – 80, Сочи – 37, Адлере – 15, Гаграх – 40, Гудаутах – 40, Сухуми – 200, Очемчиры – 40, Поти – 450, Батуми – 420. Однако этого не всегда хватало, а потому помимо штатного количества привлекалось до 50 % и больше временной рабочей силы.

Так как Совторгфлот на ходу принимал работу от бывших паевых товариществ, то к нему по наследству перешли и все условия оплаты труда грузчиков. Всего насчитывалось по этим пунктам 17 коллективных договоров с различными условиями оплаты. Средняя зарплата одного грузчика в 1929 г. была в Анапе – 50 р. 50 коп., самая высокая в Туапсе – 129 р. 10 коп. [13, л. 104-105]. Кроме того, в 1929 г. на пополнение инвентаря и механизацию Совторгфлотом истрачено 200000 руб. Для Батума закуплено 25 ручных тележек для замены ношения грузов на плечах на дальние расстояния. В Херсоне установлена дорожка от причала и пущена тачка. Для Сухума приобретен фортон и установлена лебедка для выгрузки грузов. В Анапе проложена декольвика. Для Очемчиры установлена лебедка для выгрузки грузов. Для Туапсе, Сухума и Гадауты приобретено 35 новых грузовых вагонеток. Приобретено 4 транспортера типа «Штера», которые работали в Поти и Одессе. Приобретено 2 автокрана и ряд других приспособлений и инвентаря по всем портам. В Новороссийск переброшены 3 портовых крана, что дало увеличение скорости прохождения грузов от борта парохода до платформы на 50 %. Помимо инвентаря приобретены следующие плавучие средства: для Анапы – две моторные магуны, по 10 тонн, одна магуна 8 тонн, грузовая и одна фелюга для перевозки пассажиров. Для Сухума – 2 магуны на 40 тонн, на одной поставлен мотор. В Сухуми установлена 1 фелюга. Планом на 1930 г. было намечено полное удовлетворение рейдовых агентств моторными магунами. Кроме этого, была запроектирована механизация по перемещению магун на берег, что должно было облегчить работу грузчиков и удешевить стоимость переработки груза.

Всего на 1930 г. Совторгфлотом было запроектировано 1300000 зол. руб. на приобретение механизмов за границей и 700000 рублей на приобретение механизмов на отечественных заводах. Для всех портов планировалось приобрести электрические тележки и моторные тележки для перевозки грузов; в Новороссийске – еще 4 порталных крана для каботажа и генгрузов; в Одессе – установить угольные перегружатели [13, л. 106].

Однако кроме планов и обещаний со стороны правления Совторгфлота, на конференции прозвучало и много критики со стороны обычных грузчиков относительно планов по увеличению норм выработки. Так, к примеру, делегат Голопанов (Феодосия) указывал, что в феодосийском порту не проведена вовсе механизация, хотя улучшены приспособления (тачки и др.) для переброски тяжеловесов [13, л. 109]. Договориться в первый день с грузчиками не вышло, а потому конференция продолжилась 4 марта. В этот день опять прозвучало много критики с мест, в основном по организации работы и ее механизации, по судам и их фрахту и т. д. [13, л. 110]. Выяснилось, что спецодежда грузчикам выдается очень плохо, чаще всего с задержкой. Представитель из Очемчир довел до сведения присутствовавших, что механизация в этом порту была проведена лишь на словах. Весьма остро стоял вопрос во всех портах о плохом снабжении продуктами.

В результате пришлось документально зафиксировать, что «при обсуждении на производственной конференции грузчиков портов Черного и Азовского морей основных вопросов коллективных договоров на грузчиков на 1930–1931 г. не было достигнуто согласованного решения по целому ряду вопросов между представителями союзных организаций и «Совторгфлот»...». Тем не менее руководство Совторгфлота распорядилось о том, что коллективные договоры следует заключать между: а) Всеукраинским комитетом союза и управляющим районом на грузчиков Черноморских портов украинского района; б) Всеукраинским комитетом союза и управляющим Азовским бассейном на грузчиков Мариупольского и Бердянского портов; в) Крымским облотделом и управляющим крымским районом на грузчиков крымских портов побережья Черного моря; г) центральным правлением союза Грузии и управляющим Закавказским районом на грузчиков закавказских портов; д) Северо-Кавказским крайотделом союза и управляющим Северо-Кавказским районом на грузчиков портов Черноморского побережья Северо-Кавказского края; е) Северо-Кавказским крайотделом Союза и управляющим Азовским бассейном на грузчиков всех портов Азовского моря, включая Керчь, за исключением Мариуполя и Бердянска.

В развитие решений конференции о взаимных обязательствах сторон по выполнению промфинплана предлагалось такие обязательства включить в первом разделе колдоговоров: «Администрация Совторгфлота, профорганизации и рабочие обязуются принимать все зависящие от них меры к выполнению хозяйственного плана и контрольных цифр по производительности труда на 25 %, по удешевлению себестоимости погрузочных работ на 15 %, по повышению зарплаты на 9 %» [12, л. 70]. Грузчики, работающие в портах, со своей стороны должны были поднять производительность труда не ниже размеров, предусмотренных хозяйственным планом.

Повышение производительности труда грузчиков и уменьшение себестоимости работ должно было идти за счет: а) уплотнения рабочего дня грузчиков; б) правильной организации и рационализации погрузочно-разгрузочных работ; в) инвентаризации и механизации их; г) прямого поднятия производительности труда грузчиков. В то же время с момента перезаключения коллективных договоров на месте по отдельным портам следовало приступить к пересмотру существующих в данное время норм выработки и сдельных расценок работы. Указывалось, что нормы выработки должны вырабатываться для целых законченных операций (вагон-пакгауз, вагон-строп, строп-трюм парохода и т. д.) в зависимости от рода упаковки и груза, стре-

мясь в то же время к возможному сокращению числа поименованных групп грузов, сокращения номенклатуры.

Предписывалось, что нормы выработки разрабатываются в отдельности для каждого пункта производства работ с учетом: а) проведения организационных и технических мероприятий, влияющих на увеличение выработки; б) необходимости корректирования устаревших и явно ошибочных норм; в) проведенных рационализаторских мероприятий, способствующих улучшению процессов работы; г) данных хронометражных наблюдений и технического нормирования работ (статистические данные за прошлое время); д) включения в норму всех моментов, осложняющих работу (подъем, дальность носки, укладки в высоту и т. п.), не выделяя их отдельно [13, л. 71].

Устанавливалось, что нормы выработки и сдельные расценки разрабатываются администрацией порта и не менее чем за 7 дней до рассмотрения их в РКК вручаются Месткому или Портовому управлению для предварительной проработки и одновременно вывешиваются на видных местах для ознакомления с ними рабочих. По истечении указанного 7-дневного срока нормы выработки и сдельные расценки рассматривались и утверждались РКК, вступая в силу со дня их утверждения в РКК или в конфликтном органе. Утвержденные РКК нормы выработки и сдельные расценки закреплялись сроком на 1 год.

При этом досрочный пересмотр нормы выработки и сдельных расценок, в течение срока их действия, допускается в случаях: а) изменения технического оборудования или изменения организационных методов производства работ, влияющих на производительность труда грузчиков; б) в случае обнаружения союзом или администрацией явной ошибочности установленной нормы. Кроме того, во всех рейдовых портах и на каботаже, за исключением Сухумского, Таганрогского и Евпаторийского портов, вводилась месячная оплата труда грузчиков с установлением премии за выполнение нормы выработки на люк, за своевременный отпуск судов по расписанию, за бережное отношение с грузами и плавучими средствами.

Размер тарифных ставок закреплялся на уровне 1929 г. с увеличением на вышеуказанном основании на 9 % с момента заключения договора. Для грузчиков рейдовых портов и каботажа установили месячный отчет рабочего времени с тем, что в правилах внутреннего распорядка или в графиках устанавливалось расписание начала и конца работ грузчика в пределах общей продолжительности 192 раб. ч. в месяц. Это делалось для обеспечения нормального ежедневного отдыха, а также и еженедельного, на основании постановления СНК СССР от 24 сентября 1929 г. и последующих постановлений и распоряжений правительственных органов. На прочих работах действовал 8-часовой рабочий день в соответствии с КЗОТ [12, л. 72].

В каждом Моррагенстве Совторгфлот закреплял постоянный кадр грузчиков (т. е. точное количество). Для всех портов, кроме рейдовых и каботажных, установили месячную и полумесячную гарантию заработка грузчикам. Оплата простоев грузчикам в тех портах, где это наблюдалось, до перезаключения колдоговоров могла быть сохранена и дальнейшее время при условии, что: а) оплата простоев может производиться из расчета не выше почасовой тарифной ставки; б) в случае уплаты грузчикам разницы по гарантии выплаченные им суммы за простой включаются в общую сумму гарантии. В остальных портах простой грузчиков не оплачивались.

Спецодежда для грузчиков устанавливалась колдоговором применительно к местным климатическим и производственным особенностям, не выходя в этом за пределы общей себестоимости спецодежды, причитающейся на основе норм Народного Комиссариата Труда (НКТ) [13, л. 73].

Исходя из новых условий, Совторгфлот стал закреплять новые расценки на погрузочно-разгрузочные работы и новый подход в заключении коллективных договоров. Так, к примеру, согласно протоколу совещания по вопросу перезаключения колдоговора с Совторгфлотом на погрузочно-разгрузочные работы от 3 мая 1930 г. и по тарифу нормы и оплаты, установленные по Севастополю, были приняты за основу по Ялтинскому порту, а именно: 1) для выгрузки с парохода на мол склад или обратно с проносом до 25 сажень установили норму выработки 5108 кг. Оплата за тонну предусматривалась 1 р. 26 коп.; навалка на подводы в процессе работы с пароходом отдельно не оплачивалась; 2) на парусно-моторные суда – те же расценки; 3) навалка или свалка с подвод – 46 коп. за 1 т.; 4) работа угля или бункеровка – 1 р. 35 коп. за 1 т. Перевеска в процессе работ оплачивалась 50 %, или 23 к. за тонну. Сверх установленных 25 сажень проноса была установлена оплата за новый этап из расчета 6 р. 22 к. за 1000 и за первые 10 сажень переноса; за последующий каждый сажень 4 % за 30 сажень. В эти ставки входили различного рода тарно-упаковочные грузы до полутонны, за исключением катно-бочковых независимо от веса.

Остальные грузы тяжеловесные и громоздкие, к примеру рояль или пианино, оплачивались по соглашению. Наборка рассыпных грузов, за исключением угля, оплачивалась по 6 р. 22 коп. с парохода или парусно-моторных судов и 90 % со складов [13, л. 59].

Следующим этапом согласно решениям конференции стало подписание региональных коллективных договоров [13, л. 60–69]. Так, к примеру, был подписан колдоговор в пределах КрАССР Крымского отдела Профессионального союза транспортных рабочих (Местного транспорта) с правлением акционерного общества Совторгфлот. Данный документ, кроме прочего, предусматривал положение о спецодежде, выдаваемой грузчикам. Так, всем грузчикам, кроме спецодежды, следовало выдавать в необходимых случаях предохранительные приспособления (наспинники, крючки, плечевые подушки и т. д.). Сами грузчики разделялись в этом вопросе на следующие категории: стивадоры, машинисты, лебедчики и «виоломаинальщики»; стивадоры-полежалыщики; грузчики портовые и пристанские; грузчики, работающие в специальных складах (для хранения мяса, рыбы, соли); грузчики, работающие по погрузке и выгрузке кислот; грузчики-железники; швачки и подсобные работницы при погрузочно-разгрузочных работах; фурманы; приказчики амбарные, кладовщики, заведующие складами, постоянно исполняющие обязанности кладовщиков; отборщики-разборщики, сортировщики, укладчики, укупорщики, прессовщики, пробовщики и визировщики; мешочницы; складские рабочие [13, л. 81–94].

С заключением новых коллективных договоров далеко еще не все вопросы, регулирующие осуществление погрузочно-разгрузочных работ, были разрешены, а сам этот процесс затянулся и на последующие годы. Так, согласно приказу № 2138 по управлению советского торгового флота Черного моря от 3 октября 1930 г., во изменение приказа по бывшей Черноморской главной конторе от 24 декабря 1929 г., были введены новые суточные люковые нормы по нагрузке и выгрузке грузовых

самоходных и несамоходных судов. Эти нормы были обязательны к выполнению как минимум и не подлежали никакому снижению. Приказом отдельно устанавливались нормы для самоходных судов (при работе судовыми лебедками и кранами) и несамоходных судов (баржи) [13, л. 161]. Тем не менее правлению Совторгфлота 7 октября 1930 г. пришлось констатировать, что работы по выработке новых норм выработки на условиях конференции и т. д. «саботируются на местах портами» [13, л. 155].

Тем не менее созыв и проведение производственной конференции грузчиков имел весомое значение для установления размеров начисления на все виды работ для грузчиков, выработки условий проведения сдельных работ, создания квалификационной шкалы грузчиков и др.

Подведем итоги нашего небольшого исследования. В дело организации погрузочно-разгрузочных работ Совторгфлот в 20–30 гг. XX в. внес свой продуктивный вклад. Была начата механизация погрузочно-разгрузочных работ, выделялись немалые средства на закупку погрузочного инвентаря. Кроме того, отдельной задачей была разработка коллективных договоров на грузчиков, которые бы предусматривали одинаковые правовые условия для всех портов, входящих в отдельную область. Совторгфлотом были созданы собственные артели грузчиков, успешно функционировавшие. Помимо этого, была организована и проведена специальная производственная конференция грузчиков, главной целью которой стало перезаключение колдоговоров с Совторгфлотом, которые бы регулировали вопросы оплаты труда грузчиков. Однако многие из директив Совторгфлота не выполнялись в портах, нормы погрузки-выгрузки не соответствовали заявленному, круглосуточные работы не практиковались. Во многом это происходило из-за наличия местного управления в торговых портах, которому было позволено руководить работой порта, в том числе и погрузочно-разгрузочными работами.

Список литературы:

1. Обзор грузооборота морских портов России. Итоги 2017 года // Официальный сайт редакции журнала «РЖД-Партнер». – URL: <http://www.rzd-partner.ru/wate-transport/reviews/obzor-gruzooborota-morskikh-portov-rossii-itogi-2017-goda/> (дата обращения: 01.03.2018)
2. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
3. Конталев В. А. Морской торговый флот СССР (в период 1946–1985 гг.: историко-технический аспект развития): дис. на соискание учен. степени д.техн. н. : спец. 07.00.10 «История науки и техники» / В. А. Конталев; Дальневосточная государственная морская академия им. Адмирала Г. И. Невельского. – Владивосток, 2000. – 296 с.
4. Маковский А. Л. Правовое регулирование морских перевозок грузов / А. Л. Маковский. – М., 1961. – 314 с.
5. Кокин А. С. Международная морская перевозка: право и практика / А. С. Кокин. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 584 с.
6. Воронков А. В., Клементьев Ю. В. Советский морской торговый флот / А. В. Воронков, Ю. В. Клементьев. – М.: Транспорт, 1972. – 105 с.
7. Русские биржи. Вып. 4: Свод торговых обычаев и правил русских бирж / Невзоров А. С., и. д. э.-орд. проф. – Юрьев. – Тип. К. Матисена, 1900. – 588 с.
8. Морозов С. Ю. Транспортное право. Учебное пособие (рекомендовано УМО по юриспруденции) / С. Ю. Морозов. – М.: Юрайт, 2014. – 27,8 п. л.
9. Гуженко Т. Б. Организация морских пакетных перевозок / Т. Б. Гуженко. – М.: Морской транспорт, 1960. – 43 с.
10. Филиппов Ю. Д. История русского торгового флота во второй половине XIX в. / Ю. Д. Филиппов. – СПб.: Изд-во Мин. финансов, 1908. – 63 с.

11. Государственный архив республики Крым (ГАРК), ф. Р-1619, оп. 1, д. 6. Годовой отчет городского бюро ялтинского морского агенства Совторгфлота за 1925 г. 1925 г. 104 л.
12. ГАРК, ф. Р-1619, оп. 1, д. 17. Материалы по ликвидации Ялтинского отделения Крымского смешанного акционерного общества производства погрузочно-разгрузочных работ «Крымпогрузка» и передаче всех погрузочно-разгрузочных работ, гужперевозок и местной экспедиции Ялтинскому морскому агенству Совторгфлота. 30.04.1928 – 14.09.1930. 29 л.
13. ГАРК. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 18. Приказы и циркуляры Черноморской главной конторы Совторгфлота. Протокол производственной конференции грузчиков портов Черного и Азовского морей и докладная записка о погрузочно-разгрузочных работах за сентябрь-октябрь 1930 г. 15.09.1929-27.10.1930. 180 л.

Klimenko K. P. Organization by the Soviet merchant fleet of loading and unloading works in 20–30-th of the XX c. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. –P. 210–222.

This study is devoted to one interesting topic related to the organization of the process of loading-unloading operations on maritime transport by the Soviet Merchant Fleet. The author examines the positive experience of Soviet Merchant Fleet management of loading operations on the example of creating their own movers' artels, mechanization of the process of loading and unloading in ports, the acquisition of loading equipment to accelerate work in the port, convening a special conference of loaders, etc. The paper examines the question of what industrial relations arising in the course of loading operations, required the regulation by means of legal norms. The existing gaps in the legislation are noted. In addition, the paper reveals the reasons for the failure to comply with the Soviet Merchant Fleet directives in the field and the consequences that this has led to.

Key words: loading-unloading operation, Soviet merchant fleet, freight transportation, loader.

Spisok literatury:

1. Zmerzlyj B. V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v konce XVIII – nachale HKH v. / B.V. Zmerzlyj. – Simferopol': CHP «PredpriyatieFeniks», 2014. – 512 s.
2. Kontalev V. A. Morskoj torgovyjflot SSSR (v period 1946–1985 gg.: istoriko-tehnicheskija spektrozraznitsy): dis. Na soiskanie uchen. stepeni d. tekhn. n. : spec. 07.00.10 «Istoriya nauki I tekhniki» / V. A. Kontalev; Dal'nevostostochnaya gosudarstvennaya morskaya akademiya. Admirala G. I. Nevel'skogo. – Vladivostok, 2000. – 296 s.
3. Makovskij A. L. Pravovoe regulirovanie morskikh perevozok gruzov. – M., 1961. – 314 s.
4. A. S. Kokin. Mezhdunarodnaya morskaya perevozka: pravoipraktika / A.S. Kokin. – M.: VoltersKluver, 2007. – 584 s.
5. Voronkov A. B., Klement'ev YU. V. Sovetskij morskoy torgovyj flot. – M.: Transport, 1972. – 105 s.
6. Russkie birzhi. Vyp. 4: Svod torgovykh obychaev I pravi russkikh birzh / Nevzorov A.S., i. d. eh.-ord. prof. – YUr'ev. – Tip. K. Mattisena, 1900. – 588 s.
7. Morozov S. YU. Transportnoe pravo. Uchebnoe posobie (rekomentovano UMO poyurisprudencii). – M.: YUrajt, 2014. – 27,8 p.l.
8. Guzhenko T. B. Organizaciya morskikh paketnykh perevozok. – M.: Morskoy transport, 1960. – 43 s.
9. Filippov YU. D. Istoriya russkogo torgovogo flota vo vtoroj polovine XIX v. – SPb.: Izd-vo Min. finansov, 1908. – 63 s.
10. GARK. F. R-1619. Op. 1. D. 6. Godovoj otchet gorodskogo byuro yaltinskogo morskogo agenstva Sovtorgflotaza 1925 g. 1925 g. 104 l.
11. GARK. F. R-1619. Op. 1. D. 17. Materialy po likvidacii Yaltinskogo otdeleniya Krymskogo smeshannogo akcionernogo obshchestva proizvodstva pogruchno-razgruzochnyh rabot «Krympogruzka» I peredache vseh pogruchno-razgruzochnyh rabot, guzhperevozokimestnojehkspedicii Yaltinskomu morskому агенству Sovtorgflota. 30.04.1928 – 14.09.1930. 29 l.
12. GARK, F. R-1619. Op. 1. D. 18. Prikazyicirkulyary Chernomorskoj glavnoj kontory Sovtorgflota. Protokol proizvodstvennoj konferencii gruzchikov portov Chernogo I Azovskogo morej I dokladnaya zapiska o pogruchno-razgruzochnyh rabotah za sentyabr'-oktyabr' 1930 g. 15.09.1929-27.10.1930. 180 l.

СРОЧНО В НОМЕР

УДК 343.14

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Биляев В. А.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Рассмотрены вопросы обеспечения гарантий законности при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на обнаружение и фиксацию сведений, имеющих доказательственное значение в уголовном судопроизводстве. Автор акцентирует внимание на взаимосвязанных правовых проблемах использования потенциала оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве России. Исследовано понятие организации и тактики оперативно-розыскной деятельности, сведения о которых законодательством отнесены к сведениям, содержащим государственную тайну. Данное понятие сопоставляется с понятием познавательных действий (операций), направленных на получение и фиксацию доказательств – результатов оперативно-розыскной деятельности (оперативно-розыскных мероприятий). В результате автор приходит к выводу, что нормативно-закрепленные цели и общий порядок познавательных операций, включаемые в понятие оперативно-розыскного мероприятия, не могут содержать сведений, составляющих государственную тайну. Анализируются международные стандарты и практика Европейского суда по правам человека, на основании чего делается вывод об отнесении исключительно законов к числу источников правового регулирования оперативно-розыскных действий по обнаружению и закреплению доказательств. Формулируются предложения о законодательном закреплении порядка осуществления оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, законность, доказывание, собрание доказательств, оперативно-розыскное мероприятие, познавательные действия.

Введение

Специалистам в сфере правоохранительной деятельности хорошо известно, что наиболее «сложные» с точки зрения раскрытия и расследования преступления, как правило, втайне подготавливаются и совершаются. Основным комплексным средством, позволяющим эффективно выявлять, раскрывать и расследовать большинство неочевидных преступлений, является оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД). Государство как основной гарант обеспечения безопасности граждан и одновременно системообразующий субъект противодействия преступности постоянно совершенствует необходимый для такого противодействия арсенал мер и средств. Цель научных исследований – создание необходимых для этого правовых условий путем разработки концептуальных законодательных решений.

Различные вопросы теории, законодательства и практики, связанные с использованием потенциала и результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном

процессе, постоянно пребывают в сфере научного внимания в России и за рубежом. Данной проблематике посвящены, в частности, труды А. С. Александрова, Ю. В. Астафьева, Е. А. Доли, В. Н. Зайковского, Н. Г. Муратовой, Б. Г. Розовского, В. А. Семенцова, Н. А. Погорецкого, В. Б. Рушайло, С. А. Шейфера, В. И. Шиканова, И. Р. Шинкаренко и многих других ученых.

Уголовно-процессуальный закон не содержит специальных норм, регламентирующих порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам, устанавливая лишь общий запрет на их использование в случаях, если такие результаты не отвечают требованиям, предъявляемым в УПК РФ к доказательствам (ст. 89 УПК РФ). Вместе с тем сам закон не содержит перечня соответствующих требований, устанавливая лишь общие правила оценки доказательств, в соответствии с которыми каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные по делу доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела (ст. 88 УПК РФ). К недопустимым закон относит доказательства, полученные с нарушением требований УПК (ст. 75 УПК), что, с правовой позиции, не позволяет рассматривать результаты оперативно-розыскной деятельности, т. е. сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Концептуальная неразрешенность правовой проблемы использования результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании и как ее прямое следствие – отсутствие должной законодательной регламентации условий и порядка их получения ставят вопрос о законности самой правоприменительной практики в данном направлении, не имеющей под собой достаточной правовой основы.

Очевидно, что главная проблема, порождающая такое правовое состояние, также находится в правовом поле. По мнению автора, она заключается в неоправданном исключении оперативно-розыскной деятельности как наиболее эффективного средства обнаружения и закрепления доказательств из сферы правовых уголовно-процессуальных отношений.

Таким образом, целью настоящей статьи является анализ наиболее оптимального и естественного пути совершенствования правовой основы ОРД в уголовном процессе, который видится автору в закреплении процессуального статуса оперативно-розыскной деятельности.

Основной текст

Познание имеет информационную природу, так как в своей основе отражает информационную направленность действий субъекта познающего, выражающуюся в стремлении получения информации. Информационно-познавательный процесс собирания, проверки и оценки доказательств довольно сложен и многогранен. Данный процесс, объединяющий одновременно поисковую и аналитическую составляющие, цикличен в своем динамическом выражении, а его элементы, являющиеся элементами доказывания, неразрывно взаимосвязаны между собой в ходе осуществления правоприменительной практики. Если же рассматривать процесс доказывания в теоретическом и абстрактно-правовом разрезе, то необходимо выделить его основной первичный элемент, которым является собирание доказательств.

Собирание доказательств является процессом деятельным. Это означает одновременное наличие субъекта и целенаправленных познавательных действий, кото-

рые данный субъект осуществляет. В уголовно-процессуальной науке существуют различные взгляды на сущность и содержание деятельности, заключающейся в собирании доказательств. При этом автор поддерживает ту позицию, в соответствии с которой собирание доказательств является процессом двухступенчатым, предусматривающим действия по поиску и обнаружению, а также фиксации сведений, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Закон не содержит указаний на единый исчерпывающий перечень действий, с помощью которых осуществляется собирание доказательств. В то же время статья 86 УПК РФ закрепляет положение, в соответствии с которым собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий.

Уголовно-процессуальный закон содержит отдельные нормы, позволяющие рассматривать результаты ОРД в качестве уголовно-процессуальных доказательств. Это, в частности, статья 89 УПК РФ. Данная норма является по своему характеру запретительной, так как в соответствии с ней установлен лишь общий запрет на использование результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании в случаях, если такие результаты не отвечают требованиям, предъявляемым в УПК РФ к доказательствам. Какие-либо дополнительные положения, регламентирующие вопросы, связанные с получением и использованием доказательств-результатов ОРД дальнейшего закрепление в УПК РФ не получили.

В статье 1 УПК РФ, закрепляющей приоритет общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в уголовном судопроизводстве, сформулирован предельно однозначный постулат о том, что порядок уголовно-процессуальной деятельности, обязательный для его субъектов, установлен в УПК.

Принцип законности в уголовном судопроизводстве, являясь требованием нормативного характера, обязывает субъектов, в лице государственных органов и должностных лиц, деятельность которых связана с осуществлением доказывания по уголовным делам, неукоснительно и точно выполнять нормы – предписания Конституции РФ и действующего уголовно-процессуального законодательства. Случаи нарушений и необоснованного ограничения прав и свобод человека в процессе осуществления уголовного судопроизводства являются прямым следствием несоблюдения принципа законности.

Соблюдение принципа законности в уголовном судопроизводстве означает допустимость только тех действий соответствующих субъектов, которые прямо предусмотрены в законе и порядок осуществления которых также регламентирован законом. Исходя из этого, а также требований ст. 1 УПК РФ, деятельность государственных органов и должностных лиц по обнаружению и фиксации доказательств должна регламентироваться исключительно уголовно-процессуальным законом. Порядок обнаружения и закрепления результатов оперативно-розыскной деятельности, которые действующий уголовно-процессуальный закон все же относит к категории доказательств, не может являться исключением из этого требования.

Как уже отмечалось, УПК РФ не содержит норм, регулирующих вопросы, связанные с деятельностью по обнаружению и фиксации доказательств – результатов

ОРД. По нашему мнению, данная проблема, имеющая комплексный правовой характер, включает следующие взаимосвязанные составляющие.

Во-первых: субъекты оперативно-розыскной деятельности в соответствии со ст. 85 УПК РФ не являются субъектами, уполномоченными собирать доказательства. Хотя фактически, если вопрос касается сбора, т. е. получения и фиксации (закрепления) доказательств – результатов ОРД, то именно субъекты ОРД исключительно таковыми и являются.

Во-вторых: в уголовно-процессуальном законе не предусмотрен порядок осуществления познавательных действий (операций), направленных на получение и фиксацию доказательств – результатов ОРД. Следует при этом также отметить, что такой порядок не регламентирован и в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», которым закреплен лишь перечень оперативно-розыскных мероприятий, правовые основания и условия их проведения, а также порядок санкционирования тех из них, которые затрагивают область основополагающих конституционных прав человека.

Доказательствами – результатами ОРД являются добытые в процессе оперативно-розыскных мероприятий материалы, содержащие сведения, относящиеся к предмету доказывания по уголовному делу. Их получение осуществляется путем алгоритмизированных познавательных действий (операций), отражающих ход проведения ОРМ. Применительно к отдельно взятому ОРМ – речь идет о комбинации действий, состоящей из последовательного применения чувственно-опытных и логических методов (способов) познания. По своей эмпирической природе действия, направленные на получение и закрепление материалов – результатов ОРД, не отличаются от своего «законного» процессуального аналога – следственных действий. Но в отличие от ОРМ, порядок осуществления познавательных следственных действий предусмотрен уголовно-процессуальным законом, в котором закреплен необходимый для правомерного правоприменения набор понятий, раскрывающих основания, цели и нормативный порядок действий субъекта доказывания. Неприменение аналогичного подхода в сфере нормативного правового регулирования ОРД выглядит нелогичным и неоправданным.

В-третьих: признавая результаты ОРД доказательствами, уголовно-процессуальный закон не относит их к отдельному виду источников доказательств, в числе предусмотренных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Исходя же из анализа данной нормы, сложно отнести их и к какой-либо из групп перечисленных в законе источников.

Рассмотрим обозначенные проблемные вопросы более детально.

Уголовно-процессуальный закон наделяет полномочиями и правами по сбору доказательств лиц из числа участников уголовного судопроизводства как со стороны обвинения, так и со стороны защиты (ст. 86 УПК РФ). Принято считать, что соответствующие субъекты, исходя из их процессуального статуса, полномочий и прав в уголовном судопроизводстве, подразделяются на следующие группы:

1) субъекты, на которых возложена обязанность или бремя доказывания (следователь, дознаватель, прокурор);

2) субъекты, наделенные правом участвовать в собирании доказательств (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, защитник и др.);

3) суд как особый самостоятельный и независимый участник уголовного судопроизводства, который не обязан, по общему правилу, заниматься собиранием доказательств [1, с. 104].

Однако к дополнительной, прямо не предусмотренной в главе 11 УПК, фактической группе субъектов, осуществляющих собирание доказательств, относятся субъекты ОРД – должностные лица органов, наделенных в соответствии с законом правом осуществление ОРД.

Так, к числу субъектов, для которых собирание доказательств является основной комплексной задачей в силу закрепленной законом обязанности, относятся следователь и дознаватель. Указанные субъекты в ходе предварительного расследования и в порядке, установленном в УПК РФ, уполномочены давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий и производстве отдельных следственных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38; п. 1–1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ). В данном случае процессуальные действия, направленные на собирание доказательств, всего лишь иницируются следователем (дознавателем). Непосредственным субъектом выполнения соответствующих познавательных действий будет являться орган дознания, наделенный в соответствии с законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности (п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ). Таким образом, закон возлагает прямую обязанность собирания доказательств на должностных лиц оперативных подразделений при выполнении ими в порядке, предусмотренном УПК РФ, письменных поручений следователя (дознавателя), наделяя их при этом соответствующими полномочиями.

Проблема регламентации уголовно-процессуальным законом порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), иными словами, осуществления познавательных действий (операций), направленных на получение и фиксацию доказательств – результатов ОРД, на самом деле является составляющей более «глобальной» правовой проблемы – регламентации ОРД на законодательном уровне. Данную проблему следует рассмотреть подробнее.

Как уже отмечалось, ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепляет лишь перечень оперативно-розыскных мероприятий, правовые основания и условия для их проведения, а также порядок судебного санкционирования отдельных мероприятий. В соответствии со ст. 4 указанного закона организация и тактика проведения ОРМ определяется ведомственными нормативными правовыми актами в системе органов, которые осуществляют ОРД. Кроме того, в соответствии со ст. 12 того же закона сведения, в частности, о результатах оперативно-розыскной деятельности, а также сведения об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну. Данные сведения могут быть раскритикованы на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД.

Из вышесказанного следует, что закон прямо относит к государственной тайне как сведения об организации и тактике осуществления ОРМ, так и о результатах ОРД, которые, по своему существу, являются результатами таких ОРМ. Но если закон (в данном случае уголовно-процессуальный) раскрывает понятие результатов ОРД (ОРМ) как сведений, полученных в соответствии с анализируемым ФЗ о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления и лицах, причастных к преступной деятельности (п. 36-1 ст. 5 УПК РФ), то понятие органи-

зации и тактики ОРД в законе не раскрыто. При этом возникает закономерный вопрос: как соотнести в теоретическом плане организационно-тактическую составляющую отдельно взятого оперативно-розыскного мероприятия, которая, со всей очевидностью, имеет отношение к характеристике его деятельно-познавательной сущности с понятием процесса собирания доказательств? В данном случае мы естественно рассматриваем доказательства – результаты ОРД, процесс собирания которых, не отличающийся в гносеологическом плане от процесса собирания других доказательств, предусматривает определенную совокупность познавательных действий.

Для ответа на этот и другие вопросы необходимо рассмотреть сложившееся в науке общетеоретическое представление об организации и тактике ОРД.

Указанная комплексная категория охватывает два взаимосвязанных в практике ОРД понятия – организации ОРД и тактики ОРД.

По мнению А. Ю. Шумилова, организацией оперативно-розыскных мероприятий является регулируемая нормами оперативно-розыскного законодательства разновидность управленческой деятельности, заключающейся в планировании и осуществлении конкретных ОРМ, а также реализации решений, принимаемых в связи с их проведением [2, с. 38].

В. О. Лукашов рассматривает организацию ОРД как целенаправленную деятельность руководителей органов, осуществляющих ОРД по созданию оптимальных условий функционирования соответствующих подразделений, организации взаимодействия между ними, направлении их усилий на успешное выполнение задач по борьбе с преступностью на основе научно-обоснованных управленческих решений, обеспечивающих комплексное использование необходимых сил, средств и методов в ходе повседневной оперативно-розыскной работы [3, с. 6].

В содержание организации ОРД, как правило, включают этапы информационно-аналитического обеспечения, принятия управленческих решений, планирования мероприятий, организацию взаимодействия, координацию и контроль в процессе проведения ОРД.

Как видим, организация ОРД (ОРМ) является управленческой категорией, которая прямо не связана с характеристикой познавательной деятельности по обнаружению и фиксации доказательств – результатов ОРД, хотя от эффективности организации ОРД зависит полнота собранных по делу доказательств.

Понятие тактики ОРД имеет три основных значения:

1) комплекс, система приемов и методов, с помощью которых осуществляются оперативно-розыскные мероприятия;

2) способ действий, линия поведения субъектов осуществляющих ОРМ в той или иной ситуации [4, с. 19];

3) система научных рекомендаций, направленная на решение задач ОРД.

Из общего представления о тактике ОРД следует, что понятие тактики накладывает на познавательную операцию, которой по своему существу является оперативно-розыскное мероприятие, необходимый применительно к особенностям той или иной конкретно-практической ситуации элемент ее детализации. Само же по себе абстрактно-теоретическое описание отдельно взятого оперативно-розыскного мероприятия не содержит в себе каких-либо оперативно-розыскных тактических характеристик. В данном случае вполне применима аналогия между описанием в уголов-

но-процессуальном законе понятия следственного действия, включающего основания, цели, общий порядок проведения познавательных и удостоверительных операций, и тактическими приемами осуществления таких действий, которые составляют предмет криминалистической тактики.

Таким образом, со всей очевидностью нельзя поставить знак равенства между понятием организации и тактики ОРД и описанием целей и порядка познавательных действий (операций) в ходе ОРД, раскрывающих понятие оперативно-розыскного мероприятия. Данные понятия существуют в совершенно разных теоретических «плоскостях».

Такой вывод, в свою очередь, позволяет снять определенную предубежденность и в вопросе сведений, составляющих государственную тайну. Нормативно закрепленные цели и общий порядок познавательных операций, включаемые в понятие оперативно-розыскного мероприятия, не могут содержать таких сведений, а поэтому их надлежит закрепить в уголовно-процессуальном и оперативно-розыском законах.

Необходимость полноценного обеспечения законности в процессе правоприменительной деятельности является весомым аргументом в пользу отнесения исключительно законов к числу источников правового регулирования оперативно-розыскных действий по обнаружению и закреплению доказательств. Ведь исключительно законодательные акты позволяют в полном смысле оценить законность или незаконность таких действий, в отличие, к примеру, от «закрытых» ведомственных инструкций, содержащих сведения, отнесенные (часто необоснованно) к государственной тайне.

Автор поддерживает ту точку зрения, согласно которой полноценная законодательная регламентация деятельности оперативных подразделений должна не только заполнить пробелы в законодательстве, но и устранить основания для манипуляций относительно (не)законности оперативно-розыскной деятельности и нарушений в данной сфере [5, с. 94].

Вопрос отнесения уголовно-процессуальным законом результатов ОРД к источникам доказательств следует также рассматривать в контексте решения проанализированной выше проблемы, заключающейся в необходимости создания полноценной правовой основы для той условной составляющей оперативно-розыскной деятельности, которая связана с процессом формирования уголовно-процессуальных доказательств.

Рассматриваемая проблема требует также разрешения с позиции согласованности отечественного законодательства с международно-правовыми стандартами, основанными на принципе верховенства права.

Международные договоры, участником которых является Российская Федерация, а также общепризнанные принципы нормы международного права составляют неотъемлемую составляющую правовой системы нашего государства. Исходя из положений Конституции РФ, правила международного договора имеют приоритет перед национальным законодательством (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

В соответствии со ст. 19 Конституции РФ права и свободы человека, закрепленные в Конституции и международных договорах, участником которых является Россия, определяют, в частности, смысл и содержание законов РФ, являясь, по существу, целевым ориентиром в деятельности органов законодательной власти.

Конституции РФ содержит целый ряд положений в сфере защиты основополагающих прав и свобод человека, гарантирующих законность и защиту граждан от необоснованного ограничения прав в процессе уголовного судопроизводства. Так, часть 2 статьи 50 Конституции гласит: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Статья 25 Основного закона закрепляет неприкосновенность жилища: «Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения»; статья 23 Конституции гарантирует право неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, ограничение которых допускается на основании решения суда. Указанные положения закреплены в конституционных нормах прямого действия, составляющих правовую основу уголовного судопроизводства. Исходя из этого деятельность уполномоченных субъектов по обнаружению и закреплению уголовно-процессуальных доказательств, которая связана с необходимостью временного ограничения основополагающих конституционных прав, должна иметь полноценное законодательное регулирование.

Ратифицировав Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней (далее – Конвенция), Россия признала обязательную юрисдикцию Европейского суда по правам человека в отношении толкования и применения положений Конвенции в случаях нарушения ее положений [6].

Ставшая частью правовой системы Российской Федерации, Конвенция изложена в форме международного соглашения, в соответствии с которым государства, являющиеся ее участниками, обязываются соблюдать положения данного документа. Главным субъектом международного контроля за соблюдением положений Конвенции является Европейский суд по правам человека.

Статья 8 Конвенции закрепляет право каждого «... на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции». В соответствии с указанной нормой любое вмешательство органов власти в осуществление этого право должно быть предусмотрено законом. Такое вмешательство также должно быть обосновано, в частности, необходимостью защиты интересов национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения преступлений или защиты прав и свобод граждан [7].

Наиболее эффективные меры оперативно-розыскной деятельности, позволяющие получить качественные с точки зрения их своевременности и полноты доказательства преступной деятельности, связаны с необходимостью временного ограничения конституционных прав граждан. Европейский суд по правам человека занимает вполне понятную и последовательную позицию в вопросе правового регулирования таких оперативно-розыскных мероприятий.

Так, исследователи практики Европейского суда по правам человека Урсула Килкэли и Е. А. Чефранова отмечают, что любые ограничения прав, которые защищены ч. 1 ст. 8 Конвенции допустимы исключительно в соответствии с законом. Меры, к которым следует относить рассматриваемые нами меры оперативно-розыскного характера, должны считаться соответствующими положениям Конвенцией, если они принимаются в соответствии с законом, при этом закон должен быть достаточно точным. Такие действия «окажутся спорными, если они проводятся не

на основе законодательного акта, а вместо этого регулируются административной практикой или другими обязывающими указаниями... По мнению Суда, любые меры по наблюдению за индивидами должны отвечать жестким условиям и процедурам, предусмотренным самим законодательством» [8].

При этом упоминаемые исследователи приводят ряд примеров из практики Европейского суда по правам человека, в частности, дело Мелоуна против Соединенного Королевства и дело Хана против Соединенного Королевства.

В первом случае Суд рассматривал законность оснований для прослушивания телефонных переговоров. На момент проведения соответствующих мероприятий порядок осуществления таких действий уполномоченными лицами не имел нормативного законодательного закрепления и регулировался административной практикой, подробности которой не публиковались и которая могла изменяться в любое время. Учитывая отсутствие должной регламентации проводимых мероприятий законом, Суд признал это нарушением ст. 8 Конвенции. В итоге Суд решил, что в данном случае «не были достаточно точно определены рамки, в которых компетентные органы могут вести секретное прослушивание, и методы, которыми они могут пользоваться при установлении прослушивания телефонных разговоров» [8].

Во втором случае Суд признал несоответствующим закону в смысле ст. 8 Конвенции использование властями скрытого подслушивающего устройства. Такое решение стало следствием объективного отсутствия законодательной регламентации проводимых мероприятий, учитывая, что при использовании таких устройств сотрудники, осуществляющие сбор доказательств, руководствовались специальной ведомственной инструкцией, которая «не была одобрена законодательно и не была опубликована» [8].

Заключение

Законодательное закрепление процессуального статуса оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве России обусловлено требованиями норм национального и международного права и связано с необходимостью обеспечения полноценных гарантий законности использования доказательств, полученных в результате ОРД. Исключительно закон, в котором должен быть описан нормативных порядок действий уполномоченных в уголовном процессе должностных лиц, позволит оценить законность таких действий.

В уголовно-процессуальном законе должны содержаться нормы, регламентирующие порядок деятельности государственных органов и должностных лиц по обнаружению и фиксации доказательств в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Для этого требуется дополнить УПК РФ рядом норм, закрепляющих:

- 1) общее понятие оперативно-розыскного мероприятия в уголовном процессе как процессуального действия, направленного на обнаружение и закрепление (фиксацию) сведений, относящихся к предмету доказывания;
- 2) правовой статус субъектов ОРД в уголовном процессе, уполномоченных в соответствии с законом осуществлять ОРМ с целью обнаружения и фиксации доказательств;
- 3) перечень оперативно-розыскных мероприятий с раскрытием понятия каждого из них, включая описание целей и порядка осуществления познавательных операций и закрепления их результатов;

4) порядок предоставления следователю (дознавателю) соответствующих материалов – результатов ОРД и порядок проверки содержащихся в них сведений.

Реализация предложенного подхода требует исследования ряда других связанных с поднятыми вопросами проблем, которые автор планирует рассмотреть в последующих публикациях.

Список литературы:

1. Основы теории доказательств в уголовном процессе России : учеб. пособие // Е. А. Артамонова, О. В. Фирсов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2016. – 240 с.
2. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность как разновидность юридической деятельности / А. Ю. Шумилов. – М.: АБС, 1997.
3. Лукашов А. В. Сущность и задачи организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / А. В. Лукашов. – Омск, 1982.
4. Алексеев А. И., Синилов Г. К. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности ОВД / А. И. Алексеев, Г. К. Синилов. – М., 1973.
5. Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебник для юридических вузов / Под ред. В. Б. Рущайло. Изд. 3-е, стереотипное. – СПб.: Издательство «Лань», 2001. – 720 с.
6. Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». – Режим доступа: <https://giod.consultant.ru/documents/1105034> (Дата обращения: 05.01.2017).
7. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Европейская_конвенция_о_защите_прав_человека_и_основных_свобод#Статья_5_–_Право_на_свободу_и_личную_неприкосновенность (Дата обращения: 05.01.2017).
8. Килкэли У., Чефранова Е. А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 8. Право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции. Прецеденты и комментарии. – Режим доступа: <http://www.romanovaa.ru/lekcia> (Дата обращения: 05.01.2017).

Bilyev Vladimir Alexandrvich. About the necessity of the legislative fixing of judicial status of operatively-search activity for the criminal trial of Russia (legal aspect) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. –Р. 225–235.

Questions of providing guarantees of legality at implementation of the investigation and search operations directed to detection and fixing of the data having evidentiary value in criminal legal proceedings are considered. The author focuses attention on the interconnected legal problems of use of potential of operational search activity in criminal legal proceedings of Russia. The author analyzes a concept of the organization and tactics of operational search activity, data on which are carried by the legislation to the data containing the state secret. Compares this concept with a concept of informative actions (operations) directed to receiving and fixing of proofs results of operational search activity (investigation and search operations). As a result the author comes to a conclusion to a conclusion that the standard fixed purposes and the general order of informative operations included in a concept of an operational search action don't may contain the data which are the state secret. The international standards and practice of the European Court of Human Rights on the basis of which a conclusion about reference only of laws to number of sources of legal regulation of operational search actions for detection and fixing of proofs is formulated are analyzed. Formulates proposals for the transposition procedure of operatively-search actions in criminal proceedings.

Keywords: operational search activity, legality, proof, collecting of proofs, operational search action, informative actions.

Spisok literatury:

1. Osnovyi teorii dokazatelstv v ugolovnom protsesse Rossii : ucheb. posobie // E. A. Artamonova, O. V. Firsov. – 4-e izd., ispr. I dop. – M.: Norma : INFRA-M, 2016. – 240 s.
2. Shumilov A.Yu. Operativno-rozysknaya deyatelnost kak raznovidnost yuridicheskoy deyatelnosti. – M.: ABS, 1997.
3. Lukashov A. V. Suschnost i zadachi organizatsii operativno-rozysknoy deyatelnosti organov vnutrennih del. – Omsk, 1982.
4. Alekseev A. I., Sinilov G. K. Aktualnyie problemy teorii operativno-rozysknoy deyatelnosti OVD. – M., 1973.
5. Osnovyi operativno-rozysknoy deyatelnosti: Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov / Pod red. V. B. Rushaylo. Izd. 3-e, stereotipnoe. – SPb.: Izdatelstvo «Lan», 2001. – 720s.
6. Federalnyiy zakon «O ratifikatsii Konventsii o zaschite prav cheloveka i osnovnyih svobod i Protokolov k ney». [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa: <https://giod.consultant.ru/documents/1105034> (Data obrascheniya - 05.01.2017).
7. Evropeyskaya konventsiya o zaschite prav cheloveka i osnovnyih svobod. [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa: https://ru.wikisource.org/wiki/Evropeyskaya_konventsiya_o_zaschite_prav_cheloveka_i_osnovnyih_svobod#Statya_5_-_Pravo_na_svobodu_i_lichnyu_neprikosnovennost (Data obrascheniya - 05.01.2017).
8. Ursula Kilkeli, E. A. Chefranova. Evropeyskaya konventsiya o zaschite prav cheloveka i osnovnyih svobod. Statya 8. Pravo na uvazhenie chastnoy i semeynoy zhizni, zhlischa i korrespondentsii. Pretsedenty i kommentarii. [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.romanovaa.ru/lekcia> (Data obrascheniya - 05.01.2017).

НАШИ АВТОРЫ

Аблаева Д. С.	студентка юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Адельсеитова А. Б.	к. ю. н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Беляев В. А.	д. ю. н., доц., профессор к-ры уголовно-процессуального права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
Бекирова Р. Ф.	студентка юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Ботвин И. В.	к. ю. н., доц. к-ры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России
Благодатная Е. Ю.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Буткевич О. В.	к. ю. н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Волошин И. А.	ст. преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Гарчева Л. П.	д. и. н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Даутия Т. В.	ЧОУ ВО «Современная гуманитарная академия
Дубко Е. Д.	бакалавр, направление подготовки «юриспруденция»
Евсикова Е. В.	к. ю. н., старший преподаватель к-ры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
Елькин С. В.	к. ю. н., доц., заведующий к-рой предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Елькина Т. В.	т. преподаватель к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Запорожец С. А.	к. полит. н., заместитель директора Юридического института ФГАУ ВО «Севастопольский государственный университет».
Змерзлый Б. В.	д. и. н., д. ю. н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Пасечник О. С.	к. ю. н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Поддубняк А. А.	к. ю. н., старший преподаватель к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернад-

	ского»
Каляшин А. В.	к. ю. н., доц. к-ры управления и административно-правовых дисциплин юридического ф-та Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний (ВЮИ ФСИН России)
Каракин А. М.	полковник полиции, начальник УУР УМВД России по г. Севастополю, адъюнкт к-ры оперативно-дозыскной деятельности Санкт-Петербургско университета МВД Российской Федерации.
Карая А. В.	преподаватель к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Кравченко О. А.	к. ю. н., доц., адвокат Международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург»
Клименко Е. П.	ассистент к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Лебедева Д. С.	студентка 2 курса Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
Любинецкий А. Н.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Никитина А. П.	заведующий к-рой «Морское и таможенное право» Юридического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Онищенко В. В.	ст. преподаватель к-ры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Пасечник О. С.	к. ю. н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Поддубняк А. А.	к. ю. н., доц. к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Рышкова Л. В.	к. ю. н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Руденко А. В.	к. ю. н., доц., заведующий к-рой административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
Сорокин Г. А.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Сонин О. Е.	к. ю. н., доцент кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Феттаева С. Ф.	студентка 3 курса бакалавриата юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Хургаев Р. Г.	студентка 4 курса бакалавриата юридического ф-та

	<i>Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
<i>Шармоянц А. Н.</i>	<i>к. ю. н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
<i>Яценко А. О.</i>	<i>к. ю. н., заведующая к-рой гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

<i>Адельсеитова А. Б., Аблаева Д. С.</i> К вопросу об ограничении прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного и военного режимов.....	3
<i>Благодатная Е. Ю.</i> Реорганизация деятельности и внутренней структуры В/О Совфрахт в 1933–1937 гг.....	9
<i>Гарчева Л. П.</i> Сравнительное правоведение: от теории к практике.....	15
<i>Змерзлый Б. В.</i> Соотношение тарифов и фрахтов в деятельности советского торгового флота.....	23
<i>Любинецкий А. Н.</i> Становление правового урегулирования вопросов аренды и эксплуатации территорий морских портов в СССР.....	29
<i>Сорокин Г. А.</i> Приведение законодательства СССР в соответствие с Йорк-Антверпенскими правилами 1924 г.....	40
<i>Шармоянц А. Н.</i> Особенности правового регулирования лоцманской службы в двадцатые годы XX века в СССР.....	52

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Ботвин И. В.</i> Преступность лиц без постоянного источника дохода: региональные особенности.....	57
<i>Волошин И. А., Феттаева С. Ф.</i> Особенности квалификации убийства матерью новорожденного ребенка.....	67
<i>Евсикова Е. В.</i> «Зацепинг», «спайсы» и «Синий кит» – глобальные угрозы современной молодежи в контексте усовершенствования административно-правовых и уголовно-правовых основ борьбы с ними.....	72
<i>Карякин А. М.</i> Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий при решении задач по розыску лиц, без вести пропавших.....	88
<i>Кравченко О. А.</i> Модель защиты средствами судебного процесса достоверного волеизъявления народа от искажения.....	95
<i>Каляшин А. В.</i> Организационно-правовые аспекты формирования государственной службы иных видов, связанных с правоохранительной деятельностью.....	115

Никитина А. П., Запорожец С. А.	
Правовые основы защиты чести и достоинства граждан при ущемлении их прав в СМИ.....	121
Поддубняк А. А., Бекирова Р. Ф.	
К вопросу целесообразности легализации эвтаназии на территории Российской Федерации	126

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Буткевич О. В.	
Договор об условиях деятельности в свободной экономической зоне на территории Республики Крым и города Севастополя как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности.....	134
Даутия Т. В.	
Коллизия правовых норм о дисциплинарном воздействии саморегулируемой организацией в сфере строительства на своих членов.....	144
Елькина Т. В., Дубко Е. Д.	
К вопросу о кодификации предпринимательского законодательства России	150
Карая А. В., Дубко Е. Д.	
Соотношение коммерческой и служебной тайны.....	155
Лебедева Д. С., Яценко А. О.	
Информация как объект гражданского права	163
Онищенко В. В., Хугаев Р. В.	
К вопросу о свободе трудового договора и ее границах.....	168
Пасечник О. С.	
К вопросу реализации приоритетного направления долгосрочного развития городского округа Симферополь «Городская среда»	174
Руденко А. В.	
Об обязанности проведения административного расследования.....	181
Рышкова Л. В.	
Правовые признаки землеустройства	190
Сонин О. Е.	
Проблемы реализации права работников на установление неполного рабочего времени	200
Клименко Е. П.	
Организация Совторгфлотом погрузочно-разгрузочных работы в 20–30-х гг. XX в	210

СРОЧНО В НОМЕР

Биляев В. А.	
О необходимости законодательного закрепления процессуального статуса оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве России (правовой аспект).....	223